

**ВЕЧНАЯ ОСЕНЬ
НОВОГО МИРА**

ЯРОМИР ТИШИНСКИЙ

Пережив глобальную катастрофу, которая привела к гибели почти всю цивилизацию, мир изменился навсегда. Человек, кого все называли пророком и кому поклонялись словно живому богу, поднял умирающее человечество из руин и построил новый мир. Эволюция — стала их религией. На смену привычным государствам пришел союз разнообразных поселений и городов с теократическим режимом во главе. Вместо военных блоков и корпораций появились Великие дома и Гильдии. Природа претерпела значительные изменения: климат стал более суровым, вода отравленной, небо серым. На земле наступил период «вечной осени», а место прежних людей и животных заняли новые формы жизни. Но даже в этом, измененном навсегда мире, его обитатели ищут для себя лучшей доли, не смиряясь с тем положением, что они занимают сейчас. Ведь каждый из них, хочет изменить свою судьбу. И становится уже не так важно, человек ты или машина, или что-то еще.

История первая. «Бабочка»

К его коже постепенно возвращалась чувствительность, а вместе с ней и притупленная синтетическими медиаторами боль. Медленная, вялотекущая боль, которая перерастала в режущий тонкий ожог по самой кромке между правым веком и верхней скулой над щекой.

Лицо Эдварда было подвергнуто термальной обработки, которая больше походила на банальное выжигание неровностей на коже. Врач, проделавший эту нехитрую процедуру, отошел от операционного кресла к противоположной стене комнаты и самозабвенно принялся готовить свой инструментарий к следующей операции. Эд посмотрел на врача оценивающим взглядом. Пока он продолжал лежать в медицинском кресле, не решаясь даже пошевелить мимическими мышцами лица, хирург деловито расхаживал вдоль широких столов, укрытых белой тканью

Врач был сутулым, худощавым и высоким мужчиной, неопределенного возраста. Его лицо было изрыто множеством мелких морщин и на треугольном подбородке выделялась острая тонкая борода, слегка затронутая сединой. При этом волосы на голове были еще достаточно темными и густыми, из-под тучной для его возраста шапки волос выглядывали умные и холодные серые глаза, которые уже много лет равнодушно смотрели на этот мир. Во всем его облике читалась некоторая небрежность, бывшая, очевидно, следствием большой загруженностью работой. Своими длинными тонкими пальцами врач поочередно брал со стола один из хирургических инструментов, затем подолгу вертел его в руках, всматриваясь в любые неровности или загрязнения. Каждый новый скальпель или зажим он скрупулезно чистил, потом протирал насухо отдельно лежащей марлевой салфеткой и внимательно разглядывал на свету, поднося их поближе к глазам. После проделанной в сотый раз монотонной операции он аккуратно откладывал очередной медицинский прибор в сторону, на соседний стол, где очень быстро образовывался стройный ряд разнообразных орудий медицинского труда. На протяжении уже нескольких минут он скрупулезно проделывал эту процедуру, перекладывая каждый из инструментов с одного стола на другой.

— Если рана начинает болеть, это нормальная реакция, так и должно быть — не отрываясь от своего занятия, хирург обратился к Эду. — Медиатор конечно ослабляет боль, но не на долго. Тем более, я вколол тебе слабую дозу, поэтому некоторое время будет жечь. Это неприятная, но необходимая мера — обезболивающее не должно мешать работе стимулятора роста клеток, а его действие для нас главное. Примерно через час, твое лицо полностью восстановится и уже никто не сможет разглядеть на нем шрама, во всяком случае, без пристального взгляда.

Эдвард промолчал, анестезия также атрофировала его лицевые мышцы, которыми теперь было почти невозможно двигать. Хирург тем временем продолжал проводить свои жутковатые манипуляции, методично раскладывая инструменты на столе. Чтобы хоть как-то отвлечься от нарастающей боли Эд решил подробнее осмотреть операционное помещение. Тем более что света теперь стало гораздо больше, чем в тот момент, когда он только усаживался в это совершенно неудобное кресло. Эд даже слегка приподнялся в нем, вытягивая вперед голову, насколько это позволяла сделать его затекшая шея.

Все это время они находились в квадратной и довольно просторной комнате, достаточно большой, чтобы установить там сразу два хирургических кресла и ряд аппаратуры у противоположенной от входа стены.

Стены зала покрывала кафельная белая плитка, местами побитая временем. Ближе к потолку, вдоль стены висело несколько больших сенсорных мониторов, от которых тянулись в разные стороны тугие жгуты скрученных проводов. Черные прямоугольники плоских экранов закрывали собой большую часть облупившегося кафеля, и были покрыты тонким слоем пыли. Видимо пользовались ими довольно редко. Под мониторами, был установлен ряд широких металлических столов с медицинскими инструментами, у другой стены, многочисленные приборы, нагроможденные друг на друга. Все это помещение, со всеми его многочисленными приборами и медицинским оборудованием принадлежало одному человеку — Стефану Коулману, врачу по призванию, с которым Эд познакомился буквально несколько часов назад.

Биография Стефана была крайне туманна, и он неохотно раскрывал ее подробности незнакомым людям. Все что Эду было известно, кратко и очень скомкано ему поведала Эльга, пока они ехали в машине.

Стефан не был профессиональным хирургом, скорее это было его хобби, с годами переросшее в истинное призвание. Сменив десяток различных работ и специальностей, по собственной глупости потеряв левую руку, за долгие годы поиска самого себя он все же пришел к тому главному занятию, которому смог теперь посвятить остаток жизни. Медицина и хирургия в частности, стали его главным трудом, которым он гордился и который кормил его все эти годы. Хотя Стефану и приходилось постоянно вести двойную жизнь, и скрывать свое истинное ремесло, он не испытывал от этого дискомфорта. Ему нравилось то, чем он занимается, это приносило хорошие деньги, а еще ему нравилось вести скрытую от чужих глаз потайную жизнь. Это разительно отличалось от серых унылых будней первой половины его жизни.

Странное и пугающее место, в котором по случайному стечению обстоятельств оказался Эд, было для мистера Коулмана главным достижением и смыслом всего существования. Только здесь он чувствовал себя по настоящему живым, занимаясь любимым делом. За умеренную плату он мог поменять органы или установить любые имплантанты, как правило, производя все это в обход закона и имея дело с соответствующим контингентом.

Никогда Стефан не спрашивал ничего лишнего у своих клиентов, за что и ценился людьми конфликтовавшими с законом, которые были лишены возможности обращаться к официальным врачам. Он не интересовался причинами, заставившими того или иного человека обратиться к нему, он просто делал свою работу, помогая людям модифицировать их тела. Молчаливость и надежность мистера Коулмана с годами обросла настоящим легендами среди представителей криминального мира, которые занимали очередь чтобы попасть к нему на прием. Держать язык за зубами и не задавать лишних вопросов, было для него проще простого, ведь в прошлой своей жизни, именно за отсутствие этих несложных навыков он лишился руки.

Иногда, как и в случае с Эдом, за его нестандартными услугами в это странное место приходили не только моды и киберы, но даже беглые киборги, скрывающиеся от полиции. По законам, действовавшим во всех крупных городах известного мира, человек, чей организм более чем на половину состоит из «имплантированных элементов», имеет право получить статус киборга. Вместе с новыми документами и новым статусом, ему в области подмышек наносился восьмизначный серийный номер. Киберы, как их обычно называли простые люди в устной речи, составляли до четверти всего населения известного мира. Но были еще и другие «киборги», бывшие люди, чья незавидная участь была решена без их

согласия.

— Я у тебя над ухом заметил порт для выхода в сеть, — не оборачиваясь проговорил мистера Коулман, — довольно изящный. Сразу видна заводская работа, давно подобного не встречал, к сожалению. Обычно я работаю с кустарными вариантами, такими как у большинства прихожан нашей церкви.

Он сжал в кулак левую ладонь, бионически пальцы протеза послушно пришли в движение. Стефан задумчиво посмотрел на свою механическую руку и затем повернулся к Эду, чтобы показать ему висящий на шее амулет: серый ромб с косым синим крестом.

— Знаешь, что это?

— Это символ Матери Машин, — Эд тяжело двигал лицевыми мышцами, действие анестезии еще не закончилось.

— Верно, думаю Эльга тебе уже много о нас рассказала. Так вот, в нашей церкви у каждого прихожанина есть по два порта: один легальный, как у всех людей, над ухом, а второй скрытый, для «протосети». В мои обязанности входит следить за тем, чтобы все эти порты были надежно спрятаны от глаз посторонних. Обычно мне приходится их заделывать синтетической кожей. На моей практике даже были случаи, когда несколько раз кто-то из наших прихожан в полицию попадали, так и в участке у них ничего не находили. Так что я горжусь своей работой.

Он еще раз бросил молчаливый взгляд на свою кисть, а потом уверенным шагом направился к нагромождению приборов у дальней стены.

— Следующий клиент у меня только через два часа, поэтому пока у нас есть время. Если позволишь, я бы хотел подключиться к твоему порту и провести полную диагностику.

— Если это необходимо, — безучастно ответил Эд.

— Чтобы тебе совсем не было скучно, я могу что-нибудь рассказать, — обрадовано заметил Стефан, устанавливая складной металлический стул. — Я вообще люблю поговорить, но с моей работой это непозволительная роскошь. Очень приятно, что у меня наконец-то появился слушатель...

Доктор подкатил к своему пациенту крупный металлический ящик, на вращающихся ножках, испещренный рядами кнопок и увенчанный двумя дисплеями. От медицинского прибора тянулся канат плотно скрученных проводов, чьи концы свисали веером. Достав нужный штекер, увенчанный тонкой иглой, врач подключил его к порту над ухом Эдварда. В это же мгновение дисплеи загорелись рядами цифр, прибор издал сдавленный тихий гул.

— Чаще всего ко мне заходят «моды», — не отрываясь от процесса, рассказывал мистер Коулман, — их у нас в церкви абсолютное большинство. Хотя бывает, что за какой-нибудь плевой операцией обращаются даже киберы. Но у них довольно банальные просьбы: замена органов, имплантов или прочей ерунды. Основная моя аудитория, находится в вечном противостоянии с законом. У них самые простые операции: извлечение пули и зашивание колотых ран. Мне кажется, если переплавить все пули и осколки от гранат, что я вытащил из своих клиентов за годы врачебной практики, можно небольшой отряд полиции перевооружить, — он слегка улыбнулся. — А вот настоящего киборга, да еще и беглого, мне раньше не доводилось проверять.

Он провел несколько коротких манипуляций, с панелью управления диагностическим прибором и изображение на дисплеях сменилось на ряд искривленных диаграмм.

— Ну что же, основные функции организма в норме, биохимия в порядке, все импланты работают без сбоев, не повреждены. Так, — он нажал несколько клавиш, — проверим

состояние мозгового процессора.

— Что такое «протосеть»? — неожиданно даже для самого себя спросил Эдвард, вяло шевеля одеревеневшими губами.

— Протосеть... сложно объяснить, — очень осторожно подбирая слова, протянул Стефан, — это как наш собственный мир, внутри обычной сети. Это так сразу и не расскажешь... это видеть надо, почувствовать. Если хочешь, то я могу установить тебе дополнительный порт, как у остальных. Тогда ты сам сможешь в нее выйти и все понять.

— А зачем выходить в эту «протосеть»? Что там такого особенного?

— Поверь мне, там есть, ради чего не только выходить в нее, но и возвращаться снова и снова, — Стефан сдержанно улыбнулся, но тут же постарался перевести тему. — Эльга рассказала мне, как вы познакомились, и что ты ищешь работу. А еще она рассказала, зачем тебе нужны деньги. И сразу хочу тебя предупредить — пересечь северные пустоши очень опасная и глупая затея. Государственный торговый караван для тебя исключен, это риск оказаться схваченным даже не смотря на все мои ухищрения, и поддельные документы тоже не выручат. А пристать к малому каравану контрабандистов, это слишком большой риск. Не знаю, как ты добрался сюда из земель Дома Каина, но поверь мне, пустошь, что начинается за Некрополисом на севере — это действительно страшное место и она намного опаснее всего что ты видел на юге.

— Скажите, мистер Коулман.

— Можно просто Стефан.

— Хорошо, скажите Стефан, зачем вы отговариваете сейчас меня? Вы повторяете те же слова, что много раз говорила мне Эльга.

— Во-первых, — устало вздохнул доктор, — потому что отправиться на север, для тебя сродни самоубийству. Тем более, что ты не найдешь там вождя волевого пристанища, там нет ничего, кроме десятка еще более унылых и бедных городов, зараженных рек, медленной смерти от излучения или от рук диких банд мутантов. А во-вторых, я хочу, так же, как и Эльга, чтобы ты остался в этом городе и присоединился к нам.

— Под словами, «присоединиться к нам», вы подразумеваете, церковь Матери машин, верно?

— Да, это так, — врач говорил спокойно, постоянно озираясь на дисплей и проверяя его показатели. — Возможно тебе это покажется странным, но твои проблемы автоматически становятся и нашими. Теперь, когда мы нашли тебя, мы не можем позволить тебе неосмотрительно сгинуть в пустошах, так же, как не можем допустить, чтобы тебя схватила полиция.

— Вы, правда, хотите мне помочь? — к одеревеневшим губам стала возвращаться прежняя живость.

— Абсолютно. Только подобные тебе, в сложной ситуации могут протянуть руку помощи, в этом трижды проклятом и жестоком мире, — он улыбнулся. — Только «машина» сможет помочь другой «машине» бескорыстно, обычные люди на это неспособны. Ну, а ты на данный момент находишься ближе всего к понятию человека-машины, чем любой из прихожан нашей церкви. И мой долг помогать тебе, особенно сейчас.

— Но почему быть человеком — это так плохо? Когда я вчера разговаривал с Эльгой, она постоянно доказывала мне, как ничтожны и слабы люди, как они глупы, черствы и мелочны. Что они должны были сгинуть вместе с прежним миром, и лишь по чистой случайности остались жить. Почему быть человеком плохо?

Доктор, вновь перевел свой усталый взгляд на дисплеи медицинского прибора и тяжело вздохнул. Видимо уже не в первый раз ему приходилось вступать в подобные споры.

— Пойми Эд, ведь дело не в том, хорошо быть человеком или плохо. Важно понимать, что сейчас представляют собой люди. В настоящем времени они уже не похожи на людей древнего мира, сейчас они слабы, тщедушны и сильно запуганы. В конечном итоге, даже сам Бессмертный Пророк учил, что люди должны меняться, так же, как изменился наш несчастный мир. Ну, вот... возьми хотя бы сам Трибунал. Вспомни, что они нам всегда говорили? О Сверхчеловеке, о высшем разуме, о жизни самого Пророка и всех его идеалах развития, построения нового мира. Прошло больше тридцати лет с момента его официальной физической смерти. Разве сейчас кто-то из людей продолжает следовать его идеалам? Кто-то всерьез заботиться о претворении в жизнь его планов по созданию нового мира?

— Вы думаете, что в людях больше не осталось веры в слова Пророка? И все что говорит Трибунал о построении грядущего мира, совсем ничего для них не значит?

— Я думаю, что они просто устали ждать и стали теми, кем были всегда — простыми людьми, слабыми и злыми людьми, — он помолчал немного. — Все прекрасное, что есть в их вере, все к чему их призывают прелаты Трибунал и Пророк, все это будет только однажды, в далеком завтра. Надо терпеть, примирятся с окружающей действительностью и постоянно ждать, что однажды наступит это лучшее завтра, которое все изменит. А до тех пор, люди живут ужасной грязной жизнью, и эта страшная реальность развращает их, откладывая наступление светлого завтра на неопределенный срок. Они понимают это, прекрасно понимают, что их завтра возможно никогда не наступит.

— Но ведь наши предки, прежние поколения, которые пошли за пророком Аэроном, поверили в его слова и начали строить новый мир...

— Они все давно мертвы, — сухо обрубил Стефан. — Все эти люди уже давно мертвы, также, также, уже тридцать лет мертв сам Пророк, от лица которого нами управляет Трибунал, рассказывающий всем сказки про его воскрешение, бессмертие и якобы новое бестелесное существование. С момента когда наши предки пошли за Пророком, прошло уже почти сто лет и все люди которые самоотверженно строили его новый мир уже давно мертвы. Новые поколения, не такие.

— Но, тем не менее, за эту сотню лет отстроились новые города, десятки городов. Вся наша цивилизация поднялась из руин, возродившись после Великого перелома.

— Верно, — согласился Стефан, — но за это возрождение человечество заплатило тысячами жизней. Целые поколения положили себя на алтарь нового мира, который так и не удалось построить, к сожалению. Все современное поколение видит эти бесплодные попытки предков создать лучший мир и видит, что ничего у них не получилось...

— И они устают, — тут же продолжил его мысль Эдвард. — Устают пытаться быть лучше, чем они есть?

— Верно, Эд, теперь ты меня понимаешь. Поэтому прихожане нашей церкви другие, потому что наше счастье уже тут, оно рядом с нами, здесь и сейчас. Практически в каждом городе известного мира, а в столицах Великих домов и подавно, есть свой местный храм — оплот Матери машин. А каждый храм существует за счет наличия в нем «оракула». Именно благодаря ему создается локальная «протосеть», в которую может войти каждый из прихожан, каждый из нас, в том или ином городе. Оракул является чем-то вроде обязательного связующего звена между Матерью Машин и ее детьми. Можно сказать, что он

— это ее телесное воплощение среди нас, которое гораздо реальнее мертвого Пророка

Доктор, еще несколько минут назад занимавшейся своей кропотливой и трудоемкой работой, уже давно не обращал внимания на изменения показателей дисплея. Сейчас он говорил воодушевленными словами проповедника, а в его усталых серых глазах показались всполохи жизненной силы и истинной веры.

— Я слышал об этом. Эльга говорила мне что-то про оракула, но я не совсем уверен, что правильно ее понял, — продолжал свои расспросы Эдвард. — Она говорила что-то про «не вернувшихся» и что они в своем сознании становятся частью Матери, а их тела — частью оракулов. Ну и все в таком духе, я много не понял, — он многозначительно развел руками.

— Да, это так, — спокойно ответил Стефан. — Те из нас, кто решают окончательно слиться с Матерью, отдают себя ей полностью. Их человеческая оболочка крайне важна нам, для поддержания материальных воплощений самой Матери Машин. Оракул, это связующее звено, наше главное доказательство присутствия Матери в материальном мире и доказательство ее безграничной силы. Однажды, если ты присоединишься к нам, ты сможешь увидеть оракула собственными глазами, — заверил его Стефан, — и если захочешь, то задашь и ему все интересующие тебя вопросы. А пока, нам лучше вернуться к нашим обыденным проблемам...

***

Закончив все намеченные процедуры, Эдвард и Стефан вышли в жилую часть квартиры, а за их спинами еле слышно зашевелилась сокрытая от посторонних глаз дверь. Медленно задвигаясь, она скрыла собой проход в хирургический зал, перерезав поступающий оттуда свет, снова превратившись в непримечательную часть темно-зеленой стены. В жилой комнате было достаточно темно, особенно по сравнению с наполненным холодным белым светом хирургическим залом.

Эльга все это время ждала их, удобно устроившись на широком диване из толстой искусственной кожи, оливкового цвета. Она уже почти задремала, вымотанная предшествующей дневной суматохой. Но даже в таком состоянии, она по-прежнему сжимала в руках длинный ствол оружия, которое наготове всегда лежало под диваном у Артемиуса. Ее тонкие руки обнимали полуметровый «стреломет» — довольно громоздкое, но бесшумное самодельное оружие, часто встречающееся в продаже на черном рынке. Подобного ребенку, который в гостях тут же находит для себя новую игрушку, Эльга вооружалась этим устройством каждый раз, как попадала в квартиру к мистеру Коулману. Так она чувствовала себя защищенной, особенно в компании довольно неприятных клиентов ее старого друга.

Почувствовав движение, девушка встрепенулась, рефлекторно обхватив рукоятку оружия. Но взглядевшись в лица своих знакомых, тут же со вздохом отложила «стреломет» в сторону и вновь откинулась на спинку дивана, удобнее устраиваясь на нем с ногами. Эдвард сел возле нее.

— Я бы с удовольствием побыл с вами, мои друзья, но через час у меня назначена новая операция. А мои клиенты очень ценят конфиденциальность. Так что вас двоих, они явно видеть не захотят, — устало отметил доктор.

— Да, конечно, мы сейчас пойдем, — еле живым голосом пробубнила сонная Эльга, — мне только нужно еще несколько минут.

Переведя взгляд с ее заспанного лица на киборга, Стефан недолго постоял, рассматривая результат своих трудов и тут же отправился к кухонному столу.

— Я могу пока предложить вам кофе, это поможет взбодриться.

— Да, думаю это хорошая идея, — живо отреагировал Эдвард. Он отправился вслед за доктором, краем глаза продолжая наблюдать за дремавшей Эльгой. Но не успел Артемиус даже потянуться за чашкой для кофе, как раздался настойчивый звонок в дверь.

В ту же секунду, сонный полумрак, царивший в квартире мистера Коулмана, развеялся подобно сигаретному дыму. Свет оставался все таким же приглушенным, однако внутренняя атмосфера пришла в движение. Эльга вновь подскочила на диване, схватив «стреломет» обеими руками и направив его тонкий длинный ствол на входную дверь. Доктор, всего в несколько прыжков стремительно оказался у старого комода шириной в половину стены и вытащил из его утробы компактный хромированный пистолет. Введя его отработанным движением за доли секунды, он тихими шагами отступил к дивану, на котором заняла оборонительную позицию Эльга.

Импланты, усиливавшие естественную реакцию и рефлекс Эдварда, позволили ему также стремительно вооружиться двумя крупными столовыми ножами, один из которых он приготовил к броску, нацелившись на дверь. Его биомеханические глаза позволяли точно определять расстояние до предметов, таким образом, вероятность попадания брошенным ножом он оценил, как приближенную к максимальной.

— Твои клиенты? — с надеждой в голосе прошептала Эльга.

— Нет, — в полголоса ответил Стефан, — слишком рано. Видимо вас выследили.

В дверь снова позвонили. Ступаю на полусогнутых, стараясь не шуметь, он подошел к дверной панели и медленным неуверенным движением нажал на кнопку динамика. В маленьком экране отобразился центральный коридор многоквартирного подъезда. Перед дверью нервно переминались двое крепких мужчин, одетых в черные одежды, напоминавшие униформу и коротко стриженных. Еще один, тучный здоровяк, сидел позади них на полу, обхватив живот руками.

— Какого... Логан, — все еще шепотом, но с явным раздражением проговорил в динамик хозяин квартиры. — Я же говорил тебе не являться без звонка! Что, черт возьми, ты творишь?

Один из стоящих за дверью также прильнул к динамику, со своей стороны.

— Дело срочное, — в полголоса проговорил он, — Билли ранен! Нам нужна твоя помощь, Док.

— Зачем ты его сюда притащил? За вами наверняка полиция.

— Док, мать твою, открой. Мне на весь дом тут орать?

Выругавшись себе под нос, Стефан нажал на соседнюю кнопку и входная дверь бесшумно отварила. В квартиру ввалилось двое громил, державшие под руки третьего, чей живот был в крови. Раненый еле придвигал ногами и был близок к потере сознания, его огромная бритая голова болталась на крепкой шее, постоянно заваливаясь на бок. Громилы бросили раненного на кресле неподалеку от входа. Дверь, вернулась в прежнее состояние.

Только в это мгновение Эльга опустила свое оружие и, слегка искривившись в лице, откинулась на спинку дивана. Ей явно хотелось спать. Было уже далеко за полночь.

Самое сильное впечатление происходящее действие производило только на Эдварда, остальных оно казалось, совершенно не удивляло. Эльга начала понемногу прикрывать глаза, хотя и продолжала пересиливать сон, чтобы наблюдать за полуночными гостями. Стефан,

вяло подергивая пистолетом в руке, чей ствол безучастно смотрел в пол, пытался разобраться в сложившейся ситуации. Он явно был хорошо знаком с ворвавшимися к нему громилами и уже потерял всякую надежду выпроводить их обратно.

— Тащите его в операционную, он мне сейчас всю мебель кровью запачкает, — слишком буднично для подобного случая, сказал мистер Коулман.

Тот, кого он назвал Логан, послушно подхватил своего раненного напарника под руку и сдернул его с кресла, попутно бросив на пол короткоствольный автомат, с такой небрежностью, как будто это была старая швабра для мытья пола. Второй громила также вцепился в раненного приятеля. На пол звонко брякнулся еще один автомат, одновременно с открытием потайной двери. Полумрак жилой комнаты нарушился яркой полоской белого света из операционной. Протаскивая своего раненого друга мимо громоздкого дивана, занимавшего половину центрального пространства, Логан бросил скользкий взгляд на задремавшую девушку.

— А ты какого черта здесь делаешь? — на ходу спросил Логан. И не дожидаясь ответа, продолжил волочь свою тяжелую ношу в светящуюся комнату.

— Тебя забыла спросить, — вдогонку крикнула ему Эльга, приоткрывшая на несколько секунд глаза.

Пока врач и неожиданные гости скрылись в операционной, Эд наконец отошел от легкой оторопи и отложив кухонные ножи на стол, направился к дивану. Он мельком осмотрел валяющиеся на полу автоматы и, наклонившись к дремлющей Эльге спросил шепотом:

— Ты знаешь этого типа?

— Да, — не открывая глаз сонно произнесла девушка, — к сожалению слишком хорошо.

— Это твой бывший бой-френд? — поинтересовался Эд, почувствовавший прилив странной колющей эмоции, ранее им не испытываемой, но так и не дождался ответа.

Логан и второй громила вышли из операционной, дверь в которую чуть слышно закрылась. Безмянный здоровяк почти бегом подбежал к запачканному кровью креслу и обессилено рухнул в него, растекаясь в умиротворенной улыбке. Логан встал напротив Эда, буквально пожирая его своими черными и злыми глазами.

— Это кто такой? Твой очередной приятель? Эльга, ты всех этих долбанных модов таскаешь сюда? — начал с серии вопросов Логан.

— Твое какое дело, — приоткрыв глаза, ответила Эльга. — Ты сам, о чем думал, когда сюда приволок своего дружка? Весь этаж наверное кровью залили. Сейчас здесь половина городской полиции будет.

— Закрой свой рот, — крикнул Логан. — Билли нужна помощь, эти черти нас сильно потрепали. Они завалили Штыря, и чуть мне голову не снесли.

Вскипев, он резко нагнулся и подхватил свой валявшийся на полу автомат. Немного задержав взгляд на рукоятке, он нервно принялся им размахивать. Не обращая внимания на всех присутствующих, Логан стал говорить сам с собой:

— Ничего, я им устрою. Совсем охренели, много о себе возомнили, думают мы им не отомстим, думают, что напугали нас. Долбанные залетные... думают, что могут хозяйничать в нашем городе.

Эд не на шутку напрягся. Логан явно терял над собой контроль от злости, да к тому же постоянно размахивал оружием. Не обращая на это внимания, совершенно спокойным тоном Эльга начала знакомить присутствующих, сопровождая свою речь вялым движением руки.

— Эдвард, познакомься — этого психованного маньяка зовут Логан, он мой брат. Логан, хватит беситься, познакомься — это Эдвард, киборг о котором я тебе говорила.

Логан тут же замолчал и, резко повернувшись на каблуках, врезался своим бешеным взглядом в лицо Эда. Его зрачки нервно задержались.

— Я думал это один из твоих приятелей «электронщиков», но нет, ты целую жестянку сюда притащила, — злобно ухмыляясь проговорил он. — Где ты их всех только находишь?

И тут же, не дожидаясь ответа, Логан продолжил свой монолог усиленно жестикулируя рукой, сжимающей автомат.

— Моя сестра повернута на «электронщиках», с детства мечтала себе импланты вставлять. А я не такой, нет, я совершенно чистый, человек на все сто процентов, — он провел рукой по бритому затылку. — Я даже не стал себе этот тупой порт в череп вставлять, я совершенно не такой как вы.

В этот момент часть стены позади Логана слегка подалась вперед и бесшумно отъехала в сторону. Широкий луч белого света пролился на лица всех присутствующих в комнате. К ним вышел доктор, с хмурым лицом и усталыми затуманенными глазами:

— Он мертв, слишком большая потеря крови, — холодно отчеканил он.

— Какого черта, док, неужели ты не мог что-то сделать, — тут же взорвался Логан.

— Разумеется, не мог, у него в животе шесть пуль. Вообще удивительно, что он оставался жив, пока вы везли его ко мне.

— Гады, они мне за это ответят. Вставай Крюк, нам срочно надо ехать.

Логан пнул в ногу сидевшего в кресле громилу, тот никак на это не отреагировал. Он лишь немного поерзал на сиденье и достал из внутреннего кармана куртки небольшую стеклянную ампулу.

— погоди Страйк, мне надо шырнуться, такой я никуда не поеду, — спокойным ровным тоном ответил Крюк.

— Какого хрена ты делаешь? Нам работать надо, ты стрелять теперь не сможешь.

— Смогу, — также спокойно ответил громила, раскрывая ампулу и выливая ее содержимое себе в рот, — с этим я еще лучше стрелять буду. Может лучше боссу скажем, нам реально нужна подмога. Мы вдвоем с ними вряд ли справимся, их больше, и к тому же их еще надо найти.

— Хрена-с два, сами поедим разбираться. Эти гады завалили Штыря и Билли, мы должны им немедленно ответить. Иначе каждая шпана в трущобах будет думать, что на нас можно безнаказанно наехать. А это значит, что они потеряют страх, это значит, что они смогут нападать на нас когда вздумается и убивать кого вздумается. Мы должны отомстить! И не завтра, не через два дня, когда соберем целую армию, а сегодня, прямо сейчас! Прежде чем взойдет солнце, мы, мать твою, перебьем их всех, иначе завтра уже все трущобы будут знать, что мы проглотили смерть наших людей и нас незачем бояться. Так что поднимай свой жирный зад немедленно.

В этот момент Логан бросил свой озлобленный взгляд на Эдварда.

— Стой, это ведь про него ты мне рассказывала пару дней назад?

Эльга молча кивнула, даже не смотря на брата, еле удерживая равновесие головы и снова пытаясь погрузиться в сон.

— Ты, жестянка, — Логан ткнул дулом автомата в грудь Эда, — она говорила, что тебе нужна работа и деньги. Это так?

— Это так, — хотел было возразить Эдвард, — я говорил Эльге, что на много готов

пойти ради денег, но...

— Нет, парень, — резко оборвал его Логан, растекаясь в злобной ухмылке, — со мной придется быть готовым пойти на все и идти придется до конца. Я никогда в жизни не обратился бы за помощью к жестянке вроде тебя, но сегодня особый случай. Если ты поможешь нам разобраться с одними ублюдками, обещаю, я замолвлю за тебя слово перед своим боссом.

В этот момент, Логан оттянул воротник куртки, обнажив небольшую татуировку на левой стороне шеи. Эд сумел разглядеть анаграмму из двух скрещенных букв «L» и «A» на его коже.

— Знаешь на кого я работаю, жестянка? Мы самая крутая банда в этом городе, круче нас нет никого. Если ты нам поможешь, то считай уже завтра, все у тебя будет схвачено. Ты драться и стрелять умеешь?

— Мне раньше не доводилось, — Эд старался говорить уверенно, улавливая взглядом каждое движение руки вооруженного безумца, — но мои физические данные и реакция превосходят средние человеческие показатели на шестьдесят восемь процентов.

— Не хрена себе, — вновь усмехнулся Логан, — да это говорящий калькулятор. Ты где его нашла, сестричка, на распродаже старой техники? Ладно, а водить машину умеешь?

Внезапно в разговор вклинилась проснувшаяся Эльга:

— Эд, ты не обязан сейчас с ними ехать. Это может все очень плохо кончиться, — в ее голосе прочиталась нота тревоги, которую тут же уловил Эдвард.

— Какого черта, — крикнул Логан, — ты сама просила дать ему работу. Вот, это она. Мне за такую работу платят, причем очень хорошие деньги. Решайся жестянка, ты с нами?

— Не беспокойся, Эль, все будет хорошо, — по-прежнему уверенным и спокойным тоном произнес Эдвард. — Да, я с вами, и я способен управлять практически любым видом транспорта, если он оснащен нейроинтерфейсом. Через него я также смогу подключиться к картам и ориентироваться в любой местности.

— Отлично. В нашей машине есть такой? — Логан повернулся к сидевшему в кресле подельнику.

— Да, в водительском сиденье, — здоровяк явно ожил после принятой дозы. Он больше не выглядел усталым и начал побряхтывая поднимать с пола свой автомат.

— Заметано, ты будешь за рулем. Всю работу делаю я и Крюк, ты в тачке. Но если начнется жара, ты должен будешь унести наши задницы в самые глухие районы, хоть на край Ядовитого моря. Понял? — Он повернулся к здоровяку, — Дай ему автомат Билли. Он все еще у тебя?

— Нет, мы его бросили на той улице, когда Билли ранило.

— А в багажнике что-нибудь есть? Надо выдать оружие жестянке, на всякий случай, вдруг ему придется нас прикрывать.

— Ну... пара стволов найдется.

***

Они ехали уже больше часа по ночным улицам, среди унылого пейзажа городских трущоб, периодически разбавляемого редкой неоновой рекламой. Эти грязные и полуразрушенные районы, в которых, тем не менее, кипела жизнь, занимали больше половины всего города. В официальных сводках новостей и докладах городских властей эту территорию обычно называли «красным сектором», растянувшимся в многокилометровую

линию грязных кварталов и разваленных домов вдоль всего побережья Ядовитого моря.

Красный сектор был похож на самостоятельный город внутри Свободного города, практически не посещаемый полицией и муниципальными службами. Условная линия, разделявшая два мира социального расслоения, проходила по нескольким кривым улицам, на перекрестках которых были установлены стационарные полицейские посты. Подобно бастионам на крепостной стене, эти маленькие оплоты правопорядка должны были сдерживать выход обитателей трущоб в более цивилизованные районы, которые все называли «желтыми секторами». Однако их окраины, соседствовавшие с трущобами, все равно считались опасными, из-за чего стоимость жилья в приграничных районах значительно падала. Это позволяла заселять дешевые квартиры мелким торговцам и лавочникам из неблагополучных районов, зажиточным сословием среди дна социальной пирамиды. Со временем они приносили с собой старые связи и образы иной жизни, перемешиваясь с другими обитателями пограничья. И так, год за годом, вопреки всем действиям властей, красный сектор продолжал расти, постепенно наползая на соседние районы, поглощая и ассимилируя их. Городской патрициат ничего, в сущности, не мог противопоставить этому процессу, кроме ежегодного бессмысленного переноса полицейских блокпостов дальше к центру.

Всю дорогу, разглядывая запруженные людьми грязные улицы, Эд думал о правильности своего поступка. «Неужели он так сильно нуждается в средствах, что готов рискнуть ради денег собственной жизнью?» Ответ, совершенно не оптимистичный, напрашивался сам собой. Да, именно до такого состояния он сейчас дошел, что уже нечего терять, кроме собственной, не самой дорогой жизни.

Среди прочих размышлений, Эд постоянно вспоминал начало своего побега. Как первые несколько дней, еще там, в далеком городе-государстве на юге, он часами блуждал по таким же мрачным и унылым задворкам. «Как же, черт возьми, похожи все города в известном мире». В те первые дни своего побега он неоднократно задумывал ограбить кого-нибудь. Но каждый раз его попытки преступить закон ни к чему не приводили. Либо не выдавался подходящий момент для ограбления, либо он просто одумывался в последнюю секунду, либо, как он сам потом много раз признавался себе, у него попросту не хватало смелости напасть на человека. А сейчас он, практически не задумываясь, ввязался в безумное и опасное преступление, которое в итоге могло стоить ему жизни.

Так или иначе, но теперь ему уже нечего было терять. Плохо заметный шрам на лице, который всего за пару часов из свежего шва превратился в тонкую полоску белесой кожи, благодаря стимуляторам, навсегда поставил Эда по другую сторону закона. Коулман был прав, бежать на север было глупо, пустынные земли он не сможет самостоятельно пересечь. А пристать к торговому каравану — верный риск попасться в лапы полиции. Единственное место где его точно не найдут, это трущобы Свободного города. Поэтому пойти на службу к одной из местных банд, будет для него логическим продолжением столь круто изменившейся судьбы. К тому же, была еще одна причина, довольно весомая, о которой Эд не всегда говорил даже сам себе. Этой причиной была хрупкая девушка, с татуировкой бабочки на плече, однажды случайно встреченная им. Он точно не хотел покидать ее, хотел остаться там, где она всегда будет рядом с ним.

Его внутренние размышления грубо прервала жестокая реальность. Они выехали на хорошо освещенную улицу, вдоль которой было припарковано несколько старых машин. В середине улицы располагалась довольно крупная для подобного района закусочная. Это

заведение представляло собой широкую овальную стойку, несколько метров в диаметре, по кромке которой располагались вмонтированные в землю стулья для посетителей. Персонал и вся кухонная техника находились внутри этого огромного овала. Для защиты от непогоды, больше моральной, чем практической, эта забегаловка была накрыта жестяной крышей, едва закрывающей посетителей, покрытой разноцветными фонарями и неоновыми вывесками. На фоне унылой серости однообразных зданий в округе, эта закусочная выглядела по-настоящему празднично. Вокруг нее кипела жизнь, сидело больше десятка посетителей старавшихся перекричать друг друга. От нее доносились ругань, смех и резкий запах дешевой горячей еды. Некоторые из посетителей относили небольшие контейнеры с закусками в припаркованные по соседству машины.

— Стоп, — неожиданно скомандовал Логан, — аккуратно припаркуйся здесь.

Эд сбросил скорость и плавно отвел машину в сторону, спрятав ее за припаркованным у обочины серым фургоном.

— Похоже, нашли, — перегнувшись через руль, что есть силы, Логан стал разглядывать припаркованные у кафе автомобили. — Это точно их машина, тех ублюдков, даже следы от наших пуль на левом крыле видны. Это они.

— Здесь только одна машина, — Крюк также разглядывал цель со своего заднего сиденья, — а их было не меньше десятка. Где остальные?

— Да какая разница, — Логан схватил лежащий на коленях автомат. — Это их машина, их территория и их забегаловка. Они убили у нас двоих человек, значит, мы должны завалить не меньше четверых. Главное стреляй по всем, нужно шуму много наделать. Гранату взял?

— Может, подождем пока машина поедет, проследим за ними?

— Когда поедут, будет уже поздно, надо атаковать сейчас.

Логан рассовал по карманам две запасные обоймы и проверил наличие патронов в пристегнутом магазине. Затем он резко повернулся к Эдварду:

— Слушай внимательно, жестянка. Мы выходим и начинаем работать по этим ублюдкам. Ты, выезжаешь на прямую дорогу и мотор не глушишь. Если начнется реальный замес, подхватываешь нас и на всей скорости гонишь до конца улицы. Понял?

Эд утвердительно кивнул. Он на всякий случай проверил надежность крепления штекера нейроинтерфейса, подключенного к его мозговому порту и бросил взгляд на приборную панель.

Двери машины хлопнули, запустив немного уличного ветра. Дождя снаружи не было, но в воздухе висел запах сырости и тяжелый вкус холодной ночной влаги вперемешку с запахом жареного мяса.

Логан уверенной походкой пошел по центральной части улицы, Крюк же, напротив, крадучись и слегка пригнув колени, обошел стоявший впереди фургон по тротуар. Они прошли не больше десяти шагов, когда от закусочной отошел массивный здоровяк, несший в руках две большие миски с едой. Слегка прихрамывая, он подошел к припаркованной напротив машине и, поставив тарелки на крышу, потянулся к дверной ручке. В ту же секунду Логан вскинул свой автомат, и раздалась короткая очередь. Здоровяк скорчился от боли и повалился на грязный асфальт. Логан трусцой бросился к машине, на ходу выпустив еще одну короткую очередь в сторону других посетителей кафе. Крики людей наполнили ночную улицу, но тут же утонули в гулком стрекотании второго автомата.

Эд вывернул руль и медленно выехал на середину улицы. Через лобовое стекло машины он видел, как в разные стороны разбежались случайные прохожие, посетители и персонал

закусочной. Никто не рискнул оказывать сопротивления, лишь один из убежавших, на ходу выхватил пистолет и, не оборачиваясь, наугад выстрелил в пустоту ночного квартала, ставшего местом кровавого преступления. Логан с напарником этого даже не заметили. Они обшаривали дулами автоматов пять трупов, лежавших на земле. Не дожидаясь сигнала, Эд увеличил скорость и подъехал вплотную к соучастникам этой жуткой расправы, успев на ходу удаленно открыть задние двери. Перед тем как сесть в машину, Крюк на всякий случай бросил гранату за стойку бара. Автомобиль рванул с места и уже через несколько секунд за их спинами раздался глухой и коротки взрыв.

— Хорошо сработано, — сдержанно похвалил Логан, — они теперь запомнят нас надолго. К рассвету весь сектор будет знать о том, что с нами нельзя связываться. Да, и ты жестянка... как тебя, Эдвард, верно? Ты молодец, не струсил. Через пару дней я познакомлю тебя с нашим боссом.

Логан достал из внутреннего кармана небольшой сверток мятых купюр и бросил их на переднее сиденье рядом с Эдом:

— Здесь двести крон, конечно немного, но будем считать это задатком, платой за твои ночные сверхурочные.

Он усмехнулся собственно шутке и тут же откинулся на сиденье, устало закатив глаза. Эд, напротив, сосредоточенно следил за дорогой, еще до конца, не осознав всего произошедшего и стараясь не думать слишком много о своем ближайшем будущем.

— Впереди перекресток, куда на нем? — спросил он.

— Направо, — не открывая глаз, отозвался Логан, — проедешь еще пару кварталов, до упора, во дворах найдешь тихое место, нужно будет избавиться от машины. Крюк, у тебя остались гранаты?

Громила, всю дорогу безучастно смотрящий в окно, молчаливо кивнул.

— Ты хочешь взорвать машину среди жилых кварталов, ночью? — с искренним удивлением переспросил Эд.

— Да не переживай ты, она же угнанная, — усмехнувшись и не открывая глаз ответил Логан.

***

Киборгами, лишенными личности и прежней памяти, а зачастую и возможности самостоятельно мыслить, обычно становились либо многочисленные преступники по решению суда, либо их создавали из брошенных детей, от которых отказались родители, как правило, больных с рождения. Каждая новая здоровая жизнь в известном мире была крайне ценна. Однако любой из новорожденных, имеющих смертельные заболевания или врожденные уродства не совместимые с полноценной жизнью, немедленно отправлялся на «переработку». Зачастую больных новорожденных отправляли на получение «вторсырья» из их недоразвитых тел, так как его требовалось гораздо больше, чем новых киборгов. Но некоторые больные с рождения младенцы, к которым в свое время относился и Эд, в процессе селекции попадали в руки Гильдии Евгеники.

Пройдя двухлетний курс процедуры взросления в «геранто-камере», полугодовалого младенца доводили до состояния двадцатилетней особи человеческого вида. Пол, уровень внутренней свободы и мышления, а также будущая специальность «киборга» определялась по статистическим схемам, недоступным для понимания простых смертных.

В зависимости от будущего предназначения той или иной особи менялся и набор вживляемых имплантантов, а также их количество. Серийный номер таким киборгам было решено наносить на лицо, для облегчения узнаваемости на улице.

Эдвард не имели фамилии, ее заменял восьмизначный код. Те люди, которых он называл много лет хозяевами, обычно обращались к нему по имени, или приставляли еще две последние цифры из его кода: «три-ноль». Так они могли отделить его от остальных, ведь имя «Эдвард» было дано всей партии киборгов-ассистентов, созданных в год его рождения. Эда вырастили и перекроили из брошенного родителями больного младенца с врожденным дефектом ног. Ученые из гильдии дали ему новое сильное и красивое тело, крепкое здоровье, исправили врожденный дефект, заменили часть суставов, спинной мозг и почти весь позвоночник. Но взамен они навсегда поставили на нем клеймо «живого товара». Определенную степень свободы мысли ему оставили, хотя в мозг были заранее вживлены необходимые блокираторы. Первыми хозяевами Эда, стали представители одного из многочисленных департаментов, внутри гигантской бюрократической машины Великого дома Каина, управляющего десятками городов-государств в южных землях известного мира.

Эта работа был вполне сносной, и в чем-то даже интересной: Эд много путешествовал, сопровождая своих хозяев в рабочих поездках по городам и поселениям. Он смог изучить жизнь людей и неплохо расширил свой кругозор. Ему удалось узнать о существовании крупных поселений, раскинутых большой паутиной вокруг столицы Великого Дома, бывшего сотню лет назад крупным кланом людей, переживших Великий перелом. Вокруг этого многомиллионного города-государства, обнесенного высокой оборонительной стеной, располагались другие города, значительно меньшего размера и с малым населением, которые выполняли строго отведенные функции. Так жители «энерго-городов» осуществляли работу только одной крупной станции, обеспечивающей электричеством весь район и являвшейся главным центром, и смыслом существования всего поселения. Производством продуктов питания, которые в большинстве своем шли на обеспечение жизни столицы занимались «агро-города», а все наиболее массовые и сложные товары производились «промышленных городах», в которые поставлялось сырье с сотен многочисленных шахт и карьеров. Эд побывал почти в каждом их подобных поселений и убедился, что жизнь в них, почти одинаково беспросветна и совсем не похожа на «лучший новый мир», который обещал людям построить Бессмертный Пророк.

Однако именно благодаря этой пятилетней работе Эдвард сумел приобрести довольно внушительный запас информации о регионе, в котором он жил, и о людях, которые его окружали. Впоследствии накопленный багаж знаний помог ему при побеге. Так как после выработки гарантийного срока его передали в частные руки, значительно ослабив контроль над ним.

Состоятельная пожилая пара, у которых он жил на протяжении еще двух лет, была связана родственными узами с одним из его бывших хозяев. Полностью управляя всем ходом жизни их небольшого имения и выполняя любые требования новых хозяев, Эд внезапно пришел к мысли, что подобная жизнь его не устраивает. Оставленная по решению ученых из Гильдии Евгеники свободная воля, не слишком подавленная встроенными имплантами, в конечном итоге сыграла против его создателей и хозяев злую шутку.

Убивать стариков Эд конечно не стал, в конце концов, они не представляли для него серьезного препятствия при побеге. Зная их ритм жизни и ежедневно повторяющийся распорядок дел, он легко организовал свое исчезновение и однажды ночью оказался вначале

за пределами хозяйского дома, а уже несколько дней спустя в автопоезде, среди десятков других беженцев, пересекавших северные границы земель Дома Каина.

Раньше, когда у него выдавалось свободное время, Эд постоянно любил читать статьи в Сети, посвященный проявлению чувств у людей. Вопреки мнению окружающих, он не хотел осознавать себя биомашинной, тем более что и в отличие от многих других киборгов, он обладал этим самым сознанием. Из чего он полагал, что, так же, как и прочие люди может быть наделен чувствами и эмоциями. Первым человеческим чувством, что он испытал, оказавшись один и без хозяев, за пределами их жилища — было спокойствие. Он наконец-то оказался один, без оглядки на мнение или желания своих хозяев, он наконец-то был предоставлен сам себе. Страх за свою жизнь и ощущение полной неизвестности пришли уже потом. Хотя и их, Эд записал в человеческие чувства, полученные им в его новой жизни. А затем появилось еще одно, возможно главное чувство, которое двигало всеми его поступками: это было нежелание жить так, как прежде.

Результатом его спланированного побега, длившегося больше недели, стало прибытие в Свободный город, независимый анклав на севере, не подчиняющийся ни одному из трех Великих домов, сформировавших больше тридцати лет назад единый орган власти над всем известным миром, названный Трибуналом.

Однако деньги, украденные им у прежних хозяев, подошли к концу быстрее, чем ожидалось, и Эд закономерно оказался в трущобах, найдя себе пристанище в подвале заброшенного и полуразрушенного дома. Выбираться из своего нового жилища, он мог только по ночам, отправляясь на поиски пропитания и постоянно подвергаясь риску быть обнаруженным и пойманным. Он постоянно думал о том, как ему получить деньги, чтобы наконец-то избавиться от своего рабского клейма, которое первые дни ему приходилось гримировать. А оказавшись на самом дне общества, Эд был вынужден разбить себе бровь над правым глазом и проступившей кровью замазать свою восьмизначную татуировку. Запекшаяся короста в полщеки неплохо закрывала эту рабскую отметину, что позволило ему бродить еще несколько вечеров подряд, но это было лишь временным решением. Еще ему нужно было получить новые документы, ведь прежний поддельный паспорт, по которому он попал в Свободный город, уже вряд ли сгодится. На все эти вещи, которые позволят ему покинуть город и перебраться еще дальше на север, нужны были деньги — самая проста и самая недоступная вещь в жизни людей.

Где-то в недрах Сети, еще много лет назад, он прочитал, что жизнью людей зачастую управляет некая «судьба», но он никогда не думал, что это распространятся также на киборгов. Его судьбой стала встреча на улице с одинокой незнакомкой. Хрупкая девушка с копной фиолетовых волос, блуждающая ночью по мокрым от дождя улицам красного сектора, была проституткой. Ее жизнь была столь же опустылевшей и скучной, как и прежняя жизнь Эварда, от которой он пытался бежать. Наверное, судьбой стало и то, что из всех обитателей трущоб только это создание обратило на него внимание, не испугалось его и не прошло мимо. Ее звали Эльга, и она считала себя «модом». Так в известном мире называли людей, имевших в своем теле немногочисленные имплантанты, обычно заменявшие от десяти до тридцати процентов всего организма.

С того момента прошло уже несколько дней и каждый раз смотря на ее лицо, Эд вспоминал тот самый первый момент, когда он совершенно случайно встретил это создание. В промозглый и холодный вечер, на какой-то грязной и пустой улице, где редкие прохожие, закутавшись поглубже в воротник старались пробежать мимо него и не встретиться

взглядом. Но только она не отвела своих синих глаз и долго провожала его взглядом, дотошно изучая лицо с огромным кровавым шрамом на щеке. Она улыбнулась ему, первый человек за всю жизнь, кто встретил его улыбкой. Да, главное, что он запомнил в ней — это улыбка. То, как она посмотрела на него, и сразу же узнав в нем «не человека» она улыбнулась, обнажив стройный ряд белоснежных и острых зубов. Подойдя к ней поближе, Эд разглядел сквозь прозрачную куртку татуировку у нее на плече: крохотный бледно-розовый силуэт бабочки. Этот рисунок ярко выделился на фоне всего мрачного и серого вечера и навсегда запечатлелся в его памяти. Еще несколько лет назад, Эдвард вычитал где-то в сети, что много столетий назад, еще до великого перелома, на земле жили такие насекомые. Их яркий окрас, необычная внешность и хрупкость этих существ, произвела на него тогда сильное впечатление. Эти необычные, но вместе с тем прекрасные создания, казались ему подходящей ассоциацией, с которой он уже много дней сравнивал в своем сознании Эльгу. Удивительным воплощением хрупкой и ранимой красоты, подобно вымершим насекомым, предстала она в его мыслях. Он смотрел в ее искрящиеся глаза и мысленно называл ее ласково «бабочкой», испытывая при этом необъяснимое глубинное чувство, где-то на уровне подсознания и еле ощутимых мельчайших всполохов электрических потоков в своем наполовину искусственном теле. Эд не знал, что это за новые и необъяснимые чувства, которое внешний облик Эльги вызывал у него. Но киборг прекрасно понимал, что и это новоприобретенное чувство он может смело зачислить в ряд «человеческих».

Они находились в хорошо освещенной комнате, в полуподвальном помещении какого-то промышленного здания, затерянного среди бескрайних и перенаселенных трущоб красного сектора.

Комната была прямоугольной формы с высокими потолками и выглядела по-настоящему огромной. Вдоль стен тянулись ряды одинаковых кресел, над которыми располагались небольшие дисплеи, а весь потолок был усеян черной паутиной из проводов, разраставшейся по всему залу и соединяющую все приборы в цикличную и непрерывно работающую систему. Провода росли из большого отверстия на потолке, плохо скрытого от посторонних глаз большим медным ромбом, эмблемой церкви. На нескольких креслах вдоль стены лежали люди, одетые в длиннополые серые одежды. Казалось, что они спали, но тела их при этом совершенно не двигались и не издавали ни единого звука, застыв на своих сиденьях подобно мертвым изваяниям. Над каждым из спавших горел дисплей, по которому в хаотическом порядке, сменяя друг друга всплывали и тут же гасли абстрактные фигуры и образы.

В это момент в комнату вошла высокая худощавая женщина с пустыми и грустными глазами. На вид ей было около сорока лет. Ее возраст выдавало мертвенно-бледное лицо с тонкими рядами морщин, опоясывающих усталые глаза, и откровенно старческими были ее костлявые высохшие руки, вяло болтавшиеся на хрупких плечах.

Она не обращала никакого внимания на присутствующих и ее пустые зрачки не двигаясь смотрели только перед собой. Молча, и с явной усталостью в каждом движении, женщина прошла вдоль стройного ряда одинаковых кресел и уселась на самом крайнем из них. Затем она устало откинулась на широкой кожаной спинке и, вытащив из-под сиденья длинный провод, принялась аккуратно вводить стержень адаптера в свой тайный сетевой порт, согнув предварительно левую руку в локте. Длинная игла, которой заканчивался провод, медленно

проскользнула глубоко в вену. Легкая боль и вздувшаяся от иглы кожа на руке заставили ее на мгновения дернуться и закрыть глаза. Но уже через несколько секунд женщина расслабленно опрокинула голову на спинку кресла. По ее лицу проскочила легкая улыбка. Черный прямоугольник экрана, висевший над сиденьем, внезапно заработал, моргнул голубоватой сеткой и тут же вывел разноцветную переливающуюся картинку, наполненную самыми причудливыми силуэтами.

— Это Андже́ла, она одна из самых старых прихожанок в нашей церкви. То, что ты сейчас видишь на экране — это ее мысли, ее чувства и переживания... в иносказательном виде, разумеется, — тут же пояснил происходящее Стефан. — Чем ярче свечение и больше размытых символов, тем глубже она погружается в недра протосети. Ты видишь, что она улыбается? Сейчас она счастлива. Мысленно она может слиться с Матерью Машин, и это заставляет ее улыбаться. Каждый раз, отправляясь туда, она становится по-настоящему счастливой. Андже́ла уже много раз погружалась в протосеть, и всегда могла вернуться оттуда. Хотя некоторые молодые прихожанки зачастую так там и оставались. Но сколько лет я знаю ее, она всегда возвращалась назад, в наш мир.

— Возможно, ей есть ради кого возвращаться в мир людей, — тут же предположил Эдвард. — Вы не спрашивали ее об этом?

— Она почти ни с кем не разговаривает даже в нашей церкви. А среди обычных людей, наверху, — она пространно ткнул пальцем в потолок, угодив в один из узлов переплетенных проводов, — она ведет еще более замкнутый и закрытый образ жизни. Я даже не знаю, если честно, чем она зарабатывает на жизнь и где именно живет. Но она здесь уже очень давно, стала прихожанкой за несколько лет еще до моего прихода сюда, поэтому ее никогда не трогают и не пристают к ней с расспросами.

— А вы, Стефан, давно уже входите в эту церковь?

— Уже двенадцать лет, если я ничего не пугаю, — почти не задумываясь, ответил он. — Меня сюда привел случай, — Коулман поднял свою левую руку и попробовал поиграть бионическими пальцами. Протез хорошо его слушался, но за годы работы шарниры в суставах явно поизносились и теперь фаланги сгибались не так быстро, как если бы он повторил это здорово рукой.

— Вы сожалеете о потере руки?

— Нет, что ты, если бы не эта глупая потеря одной конечности я не открыл бы для себя путь Матери Машин и не нашел бы свое истинное призвание в жизни. Потеряв малое, я обрел гораздо больше, — он еще раз внимательно посмотрел на свою руку.

— А что означает этот символ? — стараясь перевести тему, спросил Эд. Он указал рукой на большой серый ромб с синим крестом, закрывающий центр потолка, из которого корнями разрастались огромные скопления проводов.

— Это очень старый символ, такой же старый, как и сама церковь, — Стефан говорил задумчиво и медленно подбирая, было очевидно, что его сознание принадлежало совсем другим мыслям. — Синий крест олицетворяет человека, или человечество в целом, а серый ромб — сама Мать Машин. При подключении к протосети, первое, что видит каждый из нас, это луч света, который быстро преобразуется в геометрическую фигуру, чаще всего в виде ромба.

— Много прихожан в вашей церкви?

— Для того огромного поселения как Свободный город, совсем мало, на мой взгляд. Проблема в том, что многие жители, например, как брат Эльги, не стремятся становиться

модами. Большинство горожан либо слишком бедны, чтобы устанавливать имплантанты, либо не видят в этом необходимости. У большинства жителей нет даже сетевых портов, не говоря уже о чем-то более сложном.

— На юге, где я жил прежде, уже не встретишь человека, не подключенного к Сети, — заметил Эд.

— Здесь совсем другая ситуация, ведь Свободный город создавался, в том числе и беженцами из земель отступников. Со второй волной эмигрантов, в город пришло слишком много еретических настроений с севера. Местные жители в массе своей даже не разделяют веру в пророка, не говоря уже о других культурах, подобных нашему. Свободный город слишком занят самим собой, чтобы уделять внимание мыслям о вере и месте людей в этом мире.

— А как городские власти смотрят на вас? Они не считают церковь еретическим учением?

— Отчасти, неверие большинства жителей идет нам на пользу. Патрициат смотрит на нас сквозь пальцы. Наверняка они знают о нашем существовании и возможно знают расположение этого храма, но полиция никогда нас не беспокоила. Мы не ведем проповедей на улицах, не выказываем публично свою принадлежность к церкви — и они нас не трогают. Весь прежний мир исчезает, как только ты переступаешь порог этого места.

— А Трибунал? Их гонение на другие культы и ересь... вы не боитесь их?

— Я повторяюсь, благодаря наплевательскому отношению жителей Свободного города к религии, мы находимся здесь в лучшем положении, чем наши братья и сестры в других местах. Я практически уверен, что по ту сторону Ядовитого моря нет ни одного оракула, ни одного храма Матери Машин. Трибунал выжег их всех, как и ересь отступников. Но сюда их руки пока не могут дотянуться, здесь мы в безопасности.

— Но пророк, насколько я помню, тоже призывал людей к самосовершенствованию и улучшению человеческой природы, в том числе, и с помощью модификации тела. В чем тогда разница?

— В том, кем мы себя ощущаем. Трибунал видит в имплантантах развитие человечества, необходимый ответ на изменившийся мир и его новые опасности. Но даже если ты полностью перекроишь свое тело, ты все равно останешься для них человеком, а для нас ты стаешь совершенно иным существом. Разница в том, кем ты хочешь оставаться: человеком или машиной.

— А вы, Стефан, что думаете вы сами о Пророке и его учении?

— Когда-то я верил в него, — Стефан сказал это очень уверенно и довольно живо, мысленно вернувшись в те давние времена. — Еще до существования Трибунала, он объединил вымирающее племена людей, смог доказать им, что великий перелом не был концом света, как они полагали раньше. Он убедил всех людей, что выжившие, стали избранными, теми, кто должен создать новый мир. И да, раньше я всем сердцем верил в этот путь, — он сделал акцент на слове «раньше». — Но если родился новый мир, который теперь окружает всех нас, то должны были родиться и новые люди. А что было вместо этого? Ты знаешь?

Напрягая свою память, Эд начал восстанавливать в голове все те крохотные знания по истории, которые смог почерпнуть из многочасовых блужданий по сети. Там он многое узнал и о Трибунале, и о его Великих домах. О том, что тридцать лет назад была Война, а до нее человечество постиг «Великий перелом», навсегда изменив весь ход истории.

Неизвестный и уже навсегда стершийся из людской памяти глобальный катаклизм привел старый мир на порог гибели. Но затем появился Бессмертный пророк. Человек, который смог собрать воедино разрозненные группы выживших и подчинив их своей воле направил их энергию в новое, созидательное русло. Под его руководством цивилизация восстала из пепла, а сам пророк, стал почитаться людьми подобно живому богу. Все разрозненные кланы и сообщества людей, он объединил в четыре Великих дома, которые поделили меж собой все человеческие поселения известного мира и правили ими, каждый согласно собственному мнению с оглядкой только на решения пророка Аэрона.

— Насколько я помню, — Эд немного замялся, стараясь ничего не перепутать, — потом была физическая смерть пророка, не признанная домом отступников. Затем это привело к расколу, созданию Трибунала и к началу «войны домов». Еретики в той войне проиграли, а потом...

— Не было уже ничего потом, — сухо отрубил Артемиус. — Пророк не воскрес, как нам это утверждают, на самом деле он умер раз и навсегда. Оставшиеся после войны Великие дома и Трибунал правят нами от его имени и нагло врут людям, утверждая, что якобы дух пророка по-прежнему остается жив и решает судьбу человечества. На самом деле это все ложь, наглая ложь, произносимая только с одной целью — удержать власть. Но посмотри, во что из-за этой лжи выродились все люди. Они не стали совершенствоваться и эволюционировать, как того хотел пророк Аэрон. Разврат, жадность, ненависть — вот что поселилось в их сердцах сразу же, как умер пророк. Этих людей нельзя изменить, они уже давно мертвы, они рождаются с уже мертвыми душами, — а мы нет. Мы продолжаем путь эволюции, мы по-прежнему стремимся к идеалу сверхчеловека, который может воплотиться лишь в образе человека-машины. Так что наша церковь намного ближе к истинному учению Бессмертного Пророка, чем все патриции, прелаты, судьи, Великие дома и Трибунал вместе взятые.

Когда Стефан закончил свою пламенную речь, то по его худощавому лицу пробежала легкая судорога слабости. Он казался совершенно опустошенным, после того, как наконец-то выговорился.

Эдвард молча отвернулся от своего собеседника, ему нужно было время чтобы все переосмыслить. Пока Коулман вел свою проповедь, Эд все время косился на дисплей над телом Анджелы. Он внимательно разглядывал разноцветные всполохи и силуэты, мелькавшие на экране, над ее головой. Женщина, казалось, лежала без движения с закрытыми глазами уже долгое время. Было заметно лишь, как ее грудь монотонно вздымается при дыхании. Причудливые образы, всплывавшие на ее мониторе, становились более четкими, цветными и с ровными линиями. Все чаще на мониторе появлялись одни и те же символы. Это были то широкие косые кресты, порой занимавшие почти весь экран, то крохотное восьми лучевое солнце, иногда схематический символ человека. Больше всего, в сознании Анджелы было геометрических фигур, много прямых линий и углов, но совсем не было изображений деревьев или животных. И хотя цвета были яркими, а порой и просто ядовитыми, в них не чувствовалось радости или жизни, они все были слишком холодными.

В этот момент в помещение вошла Эльга. Как и все прочие церковники, она была облачена в длиннополую серую мантию. Она уверенным и быстрым шагом подошла к Эдварду и, не произнося ни слова, взяла его за руки. В этот момент она вновь улыбнулась ему, игриво вглядывалась в его лицо. Эльга внимательно изучала оставшийся после операции тонкий белесый шрам, на месте бывшего «серийного клейма», и, в конце концов,

резюмировала проделанную Коулманом работу.

— Ну, все не так уж и плохо, — улыбнулась она доктору. — Признаться, я ожидала, что ты не справишься, и повреждения будут более заметными. А сейчас, прошло всего два дня, и шрам практически не виден. Если не знать, что он там есть, ты его сразу и не заметишь.

— Ну что ты, — с доброй улыбкой проговорил Артемиус, — я же все-таки профессионал. В любом случае ему не стоит ближайšie дни выходить за рамки сектора. Думаю, через пару недель кожа окончательно регенерирует следа на ней не останется даже следа от операции. Эдвард будет не отличим от обычного человека.

— Не беспокойся Эд, — Эльга трепетно обняла его за плечи, — ты все равно не похож на людей, ты не один из них... Для меня ты всегда будешь гораздо большим.

— Но почему? — резко обернулся к ней киборг. — Я хочу быть нормальным человеком. Я хочу жить также как они.

— Глупый, — она улыбнулась своими острыми зубками, — сами люди не хотят, чтобы ты был на них похож. Ты лучше их, честнее, красивее, сильнее, ты лучше их во всем. Простые люди никогда не смиряются с тем, что их конец уже близок. Поэтому они никогда не примут тебя таким, каков ты есть... а мы примем.

— Но почему вы так хотите сделать меня одним из вас? — растерянно спросил Эд.

В это момент Эльга уже даже открыла рот, пытаясь вставить свою реплику, но Стефан тут же опередил ее.

— Потому что ты киборг, а не человек. Люди трусливы и эгоистичны, они — это вторсырье старого мира. Только тот, кто подавляет в себе человеческое, может быть по настоящему живым. Только такой «киборг», как ты, может полностью оценить всю прелесть жизни, во всех ее проявлениях. Поэтому мы хотим, чтобы ты стал предвестником нашего будущего, того которое обещано нам Матерью — ты станешь для всех нас живым воплощением скорого пришествия эры машин. Пойми, Эдвард, будущее стоит не за Трибуналом и его сказками про «сверхчеловека», а за нами. Путь Матери реальнее, только он сможет привести умирающее человечество к новому этапу развития. И в этом новом, действительно лучшем мире уже не будет места слабым существам из брэнной плоти, в нем будут жить только совершенные машины.

— Вы так ненавидите все человеческое в себе, — грустно отметил Эд. — Но ведь по сути, вы такие же люди. Сколько бы имплантантов в тебе не было, ты все равно остаешься человеком.

Не ожидая подобного вопроса, Стефан немного застопорился. Его одухотворенная речь, которую он так долго готовил, выверяя почти каждое слово, внезапно была прервана.

Первый же человек, а точнее киборг, которому он наконец-то мог начать свою новую проповедь, так нагло его оборвал. Открыв рот, чтобы ответить нечто дерзкое, Коулман ничего не смог выдать из себя, он лишь беспомощно застыл. Стоявшая рядом с ним девушка-мод тоже молчала, она просто не знала, как парировать такому странному оппоненту.

— Я всегда мечтала встретить настоящего киборга, «машину с рождения», — честно призналась Эльга. — Но ты, твоё поведение, твои мысли, это не похоже на то, как я себе представляла нашу встречу. Понимаешь, я начала ощущать свое тело настоящим только с момента появления в нем первого имплантанта. Чем больше «машина» приходит на смену человека во мне, тем сильнее и явственнее я ощущаю себя настоящей. А ты... ты что, правда, хочешь быть больше человеком, чем машиной?

— Да, это так — Эд на самом деле не понимал ее искреннего недоумения. — Я не хочу быть «механизмом», и не хочу всю жизнь быть изгоем среди людей. Однако сейчас мне кажется, что это главное свойство человека — все время желать быть тем, кем ты на самом деле не являешься. Так что получается, что ты тоже человек, как и я.

— Нет, — она не сдавалась, — я уже не могу называть себя человеком. Однажды я объединюсь с Матерью Машин, и стану неотъемлемой ее частью. В тот день я буду невообразимо большим, чем просто «механизм» или «человек», я стану по-настоящему свободной. Однажды, ты тоже поймешь это.

Они помолчали, и каждый из троих задумался о чем-то своем. Но тут же Эльга встрепенулась, с почти детской непосредственностью забыв о сложном споре. Она улыбнулась и ее глаза заискрились от счастья, вспомнив давно назревавшую мысль, которую она так хотела реализовать:

— Не нужно больше говорить о грустном, мы же собрались здесь для радостного повода. Ведь я должна отвести тебя к оракулу. Скорее идем, она ждет тебя.

Эльга радостно сверкнула своими серыми глазами, и крепко сжав ладонь Эда, повела его к выходу. Проходя мимо Стефана, киборг бросил на него последний молящийся взгляд, он очень не хотел идти туда. Но доктор даже и не обратил на него внимания, оставаясь задумчивым и неподвижным, Стефан явно о чем-то напряженно думал, сосредоточенно разглядывая покрытые пылью заросли проводов под потолком.

Второе помещение, куда они попали, миновав заставленные разным электронным хламом коридор, было намного меньше, чем первый зал, где адепты церкви могли выходить в протосеть. Стены этого полуподвального храма были выкрашены в серый цвет. В тон с ними были одеты и многие из прихожан, толпящихся в центре небольшой квадратной комнаты. Все они смотрели на Эдварда с восхищением, тихо перешептываясь и обсуждая что-то, что они увидели в нем. Больше половины адептов оказались женщинами. Хотя возможно здесь просто были не все моды и киберы, которые составляли городскую общину Матери Машин.

Крепко сжимая его руку, Эльга вела Эдварда вперед, сквозь расступающуюся группу людей. Позади них киборг увидел еще одну дверь. Железные створки были наглухо заперты, скорее всего, изнутри. Она подвела Эда к этим дверям, и ласково погладив по ладони, отошла от него.

— Иди, она ждет тебя, — благоговейно произнесла девушка-мод.

Десятки людей, толпившихся позади Эдварда, сделали несколько шагов назад в тот самый момент, когда железные двери пришли в движение. Неведомая сила отворила слегка подрагивающие металлические створки. По ту сторону была крошечная темнота. Эд слегка помялся на пороге, не решаясь сразу войти.

— Иди, иди, — с благоговейным шепотом подбадривал его Эльга. — Она ждет тебя там, ступай и ничего не бойся.

Глубоко вдохнув, Эд пересилил свой страх и шагнул внутрь. Все также потрескивая, металлическая дверь медленно и шумно закрылась за его спиной. Он оставался совершенно один, в полной темноте. Но в этот же момент, Эд почувствовал чье-то присутствие, и чей-то пристальный взгляд. Единственно, что можно было сказать наверняка — в темноте был кто-то еще.

Эд сделал два коротких и осторожных шага и тут же замер. Он стал прислушиваться к тихому шелесту, или шуршанию, которое отдавалось где-то в глубинах темноты. Внезапно,

над его головой всколыхнулась голубоватая линия, похожая на разряд молнии. Затем еще одна, чуть подальше и короче предыдущей, затем еще одна и еще. Разряды электричества метались в абсолютной темноте, растекаясь над головой Эда совершенно беззвучно. Затем сам собой в комнате начал возникать свет. Вначале появилась тусклая голубая дымка, покрывавшая только еле различимый потолок. Но уже через секунду свечение стало сильнее и все больше накрывало собой Эда, стоявшего в центре комнаты.

В этом неровном свете он смог разглядеть в противоположном углу огромную и бесформенную черную тень, которая слабо вздрагивала и, казалось, даже немного шевелилась. Рефлекторно отшатнувшись от этого зрелища, Эд все-таки постарался взять себя в руки и сделал еще один шаг.

В углу комнаты, шелестя сотнями тонких проводов, вырвавшихся из стен, поднималась огромная бесформенная масса. Голубое свечение становилось все сильнее и сильнее, давая гораздо больше возможностей для глаз.

Еще спустя несколько секунд, отдельные части этой огромной массы стали более различимы сухие костлявые руки, которые не походили одна на другую и были не только разных размеров, но и разных цветов. Огромное бесформенное тело, в котором с трудом угадывалось хоть что-то человеческое.

Все это необычное создание с ног до головы было окутано настоящей паутиной тончайших проводов, стягивающих его как в коконе. Кривые и изогнутые ноги, по всей видимости, срастались друг с другом где-то в области колен и дальше представляли собой уже совсем отвратительную массу.

Еще немного посветлело, и Эд увидел, что все тело оракула было покрыто черными язвами или нарывами, из которых вырастали провода.

Но вот, наконец, его взгляд упал и на голову странного существа. Большая и совершенно безликая, по форме она напоминала скорее раздутый посередине овал. Два крохотных желтых глаза были глубоко посажены в центре этой рудиментарной головы. Еще крохотные отверстия вместо носа, и совсем маленький, почти незаметный рот. Ни волос, ни ушей на голове оракула не было.

Около минуту киборг и существо, не поддающееся точному определению, безмолвно разглядывали друг друга. Наконец оракул открыл свой крохотный рот, с трудом раздвигая тончайшие губы.

— Здравствуй, дитя, — его голос оказался очень тонким и нежным, напоминавшим скорее женский. — Подойди поближе, не бойся меня.

Где-то в груди начало побаливать. Эд сделал еще один неуверенный шаг на встречу к этому существу. В голубом свечении, постоянно усиливавшемся, он сумел разглядеть несколько неровных силуэтов. По всей видимости, это были человеческие тела, грудой наваленные позади оракула. К этой кучи обнаженных трупов также тянулись тонкие проводки.

В этот момент, внезапно нахлынувший страх перехватил дыхание Эда. В голове пронеслись самые ужасные и отвратительные мысли. «Оно пожирает их», — тут же родилось в его голове.

Киборг вновь отдернулся и испуганно выставил вперед руки, как будто пытаясь заградить себя от возможной опасности.

— Не бойся меня, дитя, — по-прежнему ласково, женским голосом успокаивал его оракул. — Эти люди остались здесь добровольно. Их тела дают питательную жидкость,

чтобы моя оболочка смогла жить в материальном мире. Ты знаешь, кто я?

— Да, они называют тебя Мать Машин, — честно ответил Эд.

— Возможно, ты что-нибудь хочешь спросить у меня? — все также доброжелательно произнес оракул.

— Скажи, почему твои дети так ненавидят обычных людей? Почему вы не хотите быть похожими на них? Я киборг, я гораздо больше машина, чем любой из твоих последователей, но при этом я хочу быть нормальным человеком...

— Да, дитя, ты прав. И это естественно, — иногда в его голосе проскальзывала какая-то странная нотка, похожая на металлический звон или щелчок. — Ты изначально имеешь то, о чем остальные могут только мечтать. Ты силен, красив, твой организм намного превосходит человеческий. А у остальных моих детей была обычная, серая скучная жизнь, у них были живые родители и настоящее детство, которых был лишен ты в свое время. Так что каждый из вас жаждет только то, чего не имел в момент сотворения. Не стоит злиться из-за этого на них, они тоже ищут свой лучший мир, как это делаешь ты.

— Но разве быть машиной лучше, чем человеком? Почему они приходят к тебе, — он замолчал на несколько секунд, в очередной раз, содрогнувшись от вида невысказанного существа, — почему живые люди отказываются от реального мира?

— Ты видишь эти тела, что лежат позади меня? — Желтые маленькие глаза оракула неотрывно смотрели на испуганного Эдварда. — Когда-то давно, они были слабыми созданиями, неспособными принять тяготы этого страшного мира. Их тела тяготились сложностью и страданиями реальной жизни. Тогда они стали улучшать себя, стараясь быть похожими на таких как ты Эд, на киборгов. Эти люди вживляли имплантанты, заменяя свои слабые естественные органы на более сильные и искусственные, способные излечить их тела, победить болезни и опасности, таящиеся в вашем мире. Они становились лучше, сильнее. Они эволюционировали.

— Но почему же они теперь валяются в куче, позади тебя? — перебив его, растерянно спросил Эд. Он по-прежнему не понимал причин, из-за которых эти люди добровольно расставались с жизнью.

— Потому что мир, окружавший их, не менялся, — внутри оракула раздался короткий щелчок, и уродливое тело странного существа слегка вздрогнуло, как от легкого удара. — Мир, окружающий нас, умирает. Великий перелом не создал новый мир, он лишь запустил длительный процесс гибели старого мира, растянувшийся на сотни лет. Мои дети знают это, но ничего не могут изменить. Они меняли свои тела и становились лучше, но все то, что окружает их, не меняется, оно только деградирует. В массе своей, люди ничего не хотят, кроме самых примитивных потребностей. Они не желают совершенствоваться, делать этот мир лучше. Им достаточно и того, что они просто живут — без цели, без смысла для существования. Поэтому мои дети ищут способа вырваться навсегда из здешнего мира, чтобы слиться со мной, стать частью высшего разума. В моем мире они становятся по-настоящему счастливыми и свободными, радостно купаясь в лучах моей божественной благодати, порхая среди внутренних миров, как...

— Как бабочки, — неожиданно даже для самого себя произнес Эдвард.

Внутри странного существа вновь что-то щелкнуло:

— Да, как бабочки, — нежным женским голосом ответила Мать Машин.

История вторая. «Добро пожаловать в организацию»

История вторая. «Добро пожаловать в организацию»

Сколько себя помнил, всю свою жизнь Рассел любил деньги. Однако эта любовь никогда не была взаимной: с детства он постоянно откладывал их, любые лишние монеты, что оказывались в его руках. Он всегда был готов ругаться с торговцами за каждый геллер, но так и не смог хотя бы раз скопить достаточно крупную сумму. Нищета, в которой он родился и вырос, никак не хотела отпускать его. Она свела в преждевременную могилу его родителей и сопровождала Рассела на протяжении всей его жизни. Любовь к деньгам, довольно банальное чувство для всех жителей трущоб Свободного города, особенно для потомка последней волны эмигрантов. Но, тем не менее, Рассел никогда не опускал руки, надеясь однажды в будущем на ответное чувство со стороны хрустящих банкнот. Получая свою скудную зарплату каждый месяц, он всегда четко знал, на что она будет потрачена, все статьи расходов в его жизни были расписаны заранее, так что откладывать много денег у него никак не получалось. Лишь те немногие пару десятков крон, что удавалось изредка сэкономить, Рассел всегда надежно прятал в своем тайнике, который он сделал в вентиляционной трубе квартиры. Память об этой отложенной на черный день зачатке всегда согревала его, и даже не смотря на постоянные трудности, он старался сохранять свои неприкосновенные запасы, не тратя их попросту.

Но вот наступил день, когда Рассел больше не согревался теми крохами, что он прятал от посторонних глаз и самого себя многие годы. Внеплановый конверт с легкими деньгами не просто грел его, он по-настоящему жег пальцы, жег ладони, мягким теплом растекался по груди и полыхал во внутреннем кармане куртки. Впервые в жизни получив разом три тысячи крон, да еще и совсем за пустяковую работу, Рассел по-настоящему растерялся. Вначале он даже не смог придумать куда сможет потратить эти деньги и не был уверен — стоит ли вообще тратить их. Однако уже к вечеру, в его голове созрел план, о реализации которого он много раз грезил перед сном, но воплотить который в жизнь у него не было возможности. До недавнего времени.

Рассел шел по подворотням, бережно прижимая конверт локтем. Он радовался так как никогда в жизни, он был практически счастлив. Шальные деньги давали ему ощущение власти, открывали перед ним запертую многие годы дверь в мир новых возможностей. Наконец-то настал день, когда он мог позволить себе все, что хотел. Денег было не так много, чтобы прожить безбедную жизнь, но сегодня вечером он был королем мира. Самый лучший день, его единственный вечер роскоши и богатства. Легкие деньги: их нельзя копить, их надо сразу тратить, только так они смогут принести счастье своему владельцу. Обрести короткое счастье на один вечер — это и было главной целью его полуночного путешествия.

Разрисованные стены серых облупившихся зданий сменялись откровенными руинами, а те в свою очередь белесыми новыми строениями, фасады которых практически не были заметны за огромным количеством неоновых реклам и плакатов, сменявшихся все теми же обшарпанными халупами. Кроме центральных кварталов с их новыми высотками, которые

сверкающими шпильями устремлялись в ночное небо, все остальные районы города были невзрачными трущобами. Несмотря на свое название, «желтые сектора» города мало чем отличались от менее благополучных районов. Главным отличием была более плотная застройка, загруженность людьми и машинами, а также бросающееся в глаза обилие магазинов, ресторанов и деловых зданий. В остальном желтый и красные сектора во многом были похожи друг на друга, особенно это сходство было примечательно в архитектуре их зданий.

Постепенно Рассел вышел из пограничной зоны, где соприкасались желтый и красный сектора города и все дальше стал погружаться в извилистые улицы «веселого квартала». Сотни людей в эту ночь бродили среди десятков значных заведений, зачастую создавая настоящие заторы на узких и кривых улочках. Все фасады зданий кричали разноцветной неоновой рекламой, зазывали ростовыми голограммами танцовщиц, извивавших в безмолвном танце, в струях искусственного света, прямо посреди грязных луж и асфальта. Рассел остановился возле одной из таких призрачных реклам, стянув слегка влажный капюшон со своих вспотевших волос. Он смерил взглядом роскошную платиновую блондинку, чье тело было перехвачено лишь несколькими широкими лентами вместо одежды, скрывающими самые интересные места. Она слегка изгибалась в такт несуществующей музыке и подманивала его рукой. Блондинка беззвучно засмеялась, резко повернулась на длинных шпильках и, распавшись на сотни пикселей, исчезла в лучах голубоватого света, падавшего с фасада одного из зданий. Над входом сверкало название «Предел возможностей», оно переливалось несколькими цветами.

Рассел мысленно оценил уровень комфорта и ценник за оказанные услуги в этом заведении. Он легко мог бы остаться и здесь на всю ночь и не уходить слишком далеко от дома. Но выработанная годами привычка не отходить от намеченного плана, заставила его продолжить путь в уже выбранное заранее место. Он вновь накинул капюшон, приподнимая воротник куртки, стараясь надежнее скрыться от ночной прохлады. Когда он отошел от дверей «Предела возможностей» всего на пару шагов, за его спиной снова возник призрачный силуэт танцовщицы, продолжавшей исполнять свой однообразный беззвучный танец.

Он шел дальше, продираясь сквозь разномастную толпу людей высypавших в этот час на улицы города. Люди в ярких одеждах кислотных цветов, моды с выступающими на теле металлическими наростами многочисленных имплантов, уличные торговцы в оранжевой униформе, попрошайки в грязной рванине, все сливалось в единый поток бурлящей ночной жизни. Раньше Рассел и не представлял, что происходило за окнами его квартиры по ночам, когда он, как порядочный гражданин спокойно спал, готовясь к новому трудовому дню. Сейчас же он по-новому взглянул на то время, что было потрачено на каждодневные труд в офисе, не разгибая спины, с постоянным отказом самому себе в развлечениях и удовольствиях. И все ради мизерной суммы, которую он пытался честно скопить. Но стоило ему всего один раз преступить общепринятые нормы морали и законности, и вот итог. В его кармане огромные деньги, которые он намерен потратить в одном из лучших домов удовольствий в городе.

«Розовый Храм» — уютное, теплое и довольно приличное заведение, про которое так часто рассказывали парни на работе — вот куда стремился попасть Рассел, чтобы потратить свои деньги. Не смотря на наличие огромного количества домов удовольствий в этом квартале, Рассел предпочел им всем надежное и проверенное место, куда ему не было

страшно идти, ведь многие из ребят неоднократно бывали здесь.

Всю дорогу он вспоминал о том как часто слышал истории про это место, как многие ночи, перед погружением в сон, он представлял свое присутствие в нем. Те из парней, кто тайком сбегали от своих жен в квартал развлечений, возвращались с кучей забавных, интригующих и пошлых историй. И потом весь рабочий день уходил насмарку, так как все сотрудники департамента только и делали, что толпились в курилке и жадно поглощали рассказы счастливчика, которому довелось раскрасить свою унылую серую жизни в розовые краски.

Рассел свернул в третью подворотню по правой стороне улицы Комптона и многоголосица толпы тут же стихла. Он строго следовал по заранее разработанному маршруту, который даже не пришлось заранее печатать, так как Рассел за все годы выслушивания историй о походе коллег сумел выучить его наизусть.

Пройдя еще немного вглубь этой подворотни, он прошмыгнул под тусклый свет единственного уличного фонаря и оказался на небольшой квадратной площадке в окружении нескольких полуразрушенных зданий. Людей здесь практически не было, что разительно отличалось от всех остальных улиц. Первый этаж одного из строений занимал дешевый магазинчик, уже закрытый в этот поздний час. Над потускневшим фасадом магазина высился полуразрушенный осколок стены второго этажа. Соседнее же здание было отремонтировано, фасад покрашен в пурпурный цвет и усилен довольно мощной неоновой вывеской: «Розовый Храм».

Вот он долгожданный момент, который так долго в своих мечтах обрисовывал Рассел, вот он, его час роскоши и наслаждений!

Немного помявшись на полпути у входа, он сделал три неуверенных шага и остановился, воровато оглядываясь и озираясь по сторонам. Немногочисленные прохожие, что были здесь минуту назад, уже давно скрылись из виду. Он стоял в пустынном дворе совсем один. Лишь уличный фонарь и неоновая вывеска освещали парадный вход борделя. Рассел вышел за пределы круга света и прищурился, вглядываясь в темноту остального двора.

«А что если кто-то увидит, как он, приличный человек, сотрудник муниципального ведомства, бродит по таким местам и завтра доложит начальнику отдела, или еще хуже, напрямую главе департамента, о его полуночных скитаниях? И этот человек обязательно приукрасит увиденное, чтобы ни у кого не оставалось шансов оправдать поступок Рассела». Черeda пугающих мыслей пронеслась в его голове. В один момент он даже представил, что кто-то, кто знает о его заветном конверте с деньгами, мог проследить за ним до этой глухой подворотни. Этот человек мог уже притаиться где-то за углом и наверняка он ждет удачного момента, чтобы выскочить на него из темноты и ограбить.

В этот момент Рассел схватился рукой за область в районе сердца, где во внутреннем кармане куртки лежал конверт. Он попятился назад, еще глубже уходя в темноту от единственного источника света в подворотне.

«Нет, может, не стоит, откуда ему знать, ведь, может быть, парни все это время ввали ему» — внезапно сомнения охватили его. Может лучше именно сейчас развернуться и прежним маршрутом пойти домой, не стоит испытывать судьбу, ведь лучше купить что-то полезное для дома на эти деньги. Например, новую мебель — уже давно пора обновить свою старую кровать. Тогда будет даже не стыдно кого-то и в дом привести. А, возможно, даже Жанин из расчетного отдела согласится сходить с ним на свидание. Оставшиеся деньги можно потратить на романтический ужин и новое постельное белье, пригласить Жанин к

себе, провести с ней приятный вечер и предложить остаться на ночь, и вот тогда...

Рассел уже начал представлять себе продолжение романтического вечера в компании первой красавицы отдела расчетов и прогнозирования, как его мысли оборвала нагло вторгшаяся реальность. Над широкими дверьми загорелся красный огонек, и с жатым выдохом створки дверей «Розового храма» начали отворяться. Испугавшись всех возможных вариантов развития дальнейших событий, он прыжком отскочил еще дальше от уличного фонаря, в сырой и мрачный проем между разбитыми домами и слегка присел, скрываясь за перевернутым мусорным баком, тайком выглядывая из-за него.

Из дверей дома удовольствий вышел невысокий полный человек, с блестящей от пота лысиной, окаймленной тонкий венцом черных волос. Он был одет в синюю куртку и темно-серые брюки. На толстой шее, под черным ободком редящих волос у него выступал металлический квадрат нейропорта. Неуверенной походкой, покачиваясь на ходу, этот человек вышел на середину площадки, оказавшись на краю кольца света, образованного фонарем. Подвыпивший человек неловко вытащил из кармана сигареты, поднял с асфальта выпавшую зажигалку и, забыв прикурить, побрел в сторону подворотни, в тени которой так старательно прятался Рассел. Совсем его не замечая, пьяный мужчина, в котором отчетливо виднелись знакомые черты, брел дальше сквозь разбитые руины. Когда он поравнялся с Расселом, прятавшимся за мусорным баком, последние капли сомнения растворились. Это был Адам Шенн, глава департамента муниципального строительства Свободного города, где работал Рассел. А еще этот упитанный и холеный чиновник был отцом Жанин.

«Как интересно, что он здесь оказался, ведь он уважаемый человек, отец троих детей». Коварная мысль промелькнула в голове Рассела, и легкая ухмылка передернула его рот. Согнувшись пополам и стараясь бесшумно ступать по грязному асфальту, он медленно поплелся вслед за Адамом, в еще один темный и пустынный двор.

Пьяный глава департамента, брел через проем между останками разрушенных домов, даже не ведая, чем были это строение в давние времена, когда город еще только начинал обретать свой текущий облик. Через некоторое время устав от ходьбы он присел на корточки и, разглядывая свое отражение в луже, тихо начал бубнить какую-то песню. Заунывный мотив был слышен прятавшемуся за стеной Расселу, который следил за происходящим через довольно большой пролом. Отойдя немного назад, он прислонился к обугленной стене и шепотом сказал сам себе:

— Пьяная свинья, а ведь и ты тоже сюда забрел...

Вновь ухмыльнувшись, Рассел краем глаза уловил какое-то свечение. Он повернул голову и осмотрел противоположную стену, на которой фосфоресцирующей краской была выведена странная символика. Перекрещенные буквы «L» и «A», размером не меньше полуметра, слабо белеющие в темноте. Такого символа он раньше никогда не видел, и даже с трудом представлял, что бы это могло обозначать. Скорее всего, это был логотип одной из многочисленных уличных банд, помечающей так подконтрольную ей территорию. Его размышления прервали неспешные и тяжелые шаги, хорошо различимые в безмолвии ночной подворотни.

Из тени близлежащей подворотни вышел человек среднего роста, но довольно крепкого телосложения, в черной куртке и широких очках-маске, которые закрывали половину его лица. В неровном свете звезд и обеих лун, проступающем сквозь ночные тучи, Рассел все же сумел разглядеть на его правой щеке глубокий шрам, как будто кто-то расплосовал ему лицо от глаза до подбородка. А еще всполохи голубого света в его окулярах, возможно, очки

были оснащены сканером, благодаря чему он шел уверенно в темноте, не натываясь на многочисленный мусор, как при дневном свете.

Первая мысль, пронесшаяся в голове Рассела, подсказывала, что надо бежать. Не было сомнений, что данный субъект является либо мародером, либо одним из многочисленных уличных бандитов, которыми были забиты ночные улицы «красного сектора». Незавидная участь Адама совсем не волновала испуганного Рассела.

«Что если грабитель увидит здесь меня», — пролетела в голове предательская мысль. В конце концов, ведь очки могут позволить ему увидеть любой живой объект поблизости. Что же будет, если мародер заметит его в подворотне, да еще и с такой суммой денег в кармане? За такие деньги даже законопослушные жители трущоб могут и убить не задумываясь, что же взять с уличного бандита.

Рассел медленно, на четвереньках, позабыв про грязь и мокрые лужи, пополз назад к «Розовому Храму» и уличному фонарю. Медленно, стараясь не издавать лишних звуков, подобно коту тихо ступая на свои конечности, Рассел задом пятился к вожаку спасению, не отрывая глаз он надвигающегося противника. Но тут же, у очередного стенного пролома, он замер и, не осмелившись больше двигаться, наблюдал за происходящим действием.

Грабитель уже вплотную стоял перед упитанным и пьяным чиновником, невозмутимо и холодно смотря на него и что-то негромко спрашивая. Мистер Шенн в свою очередь с большими усилиями пытался ответить и несвязанно ворочая языком поддержать разговор, однако страха в его поведении не прослеживалось, он явно не понимал, что происходит. В этот самый момент с другой стороны заброшенного переулка вышли еще две фигуры, волочившие меж собой явно что-то тяжелое и похожее на человека. Когда все трое оказались в поле зрения, Рассел смог более отчетливо разглядеть их.

Один из новоприбывших был высоким, черноволосым, с тонкой щетиной растительности на лице. Его глаза также скрывали сенсорные очки, одет он был в длинный плащ, темно-бордового цвета. Второй, напротив, был самого маленького роста, в ярко-зеленой куртке из пластика, с широким красным ирокезом. Один глаз у него был искусственным, металлический протез сильно выдавался вперед, а родной глаз был очень маленьким и глубоко посаженным под густыми бровями. Все трое не подходили под классический вид уличных грабителей из трущоб и скорее всего даже не были жителями здешнего района. По внешнему виду они скорее походили на обитателей «зеленого сектора», чем на бандитов из подворотни.

Тот, кого тащили двое прибывших, судя по размерам тела и распущенным зеленым волосам, был женщиной, которая практически не подавала признаков жизни. Она лишь робко и ослаблено пыталась вырваться из их рук, иногда протяжно постанывая.

Двое мародеров бросили девушку на землю, от чего она тихо вскрикнула, и подошли к поднимавшемуся и начинающему трезветь Адаму. Тот уже явно почувствовал опасность и заторопился покинуть их, но бандит в черной куртке резко преградил ему дорогу и с силой толкнул в грудь. Адам быстро потерял равновесие, упав в ту самую лужу, над которой он недавно напевал песню, сидя на корточках. Преступники обменивались негромкими спокойными репликами, из которых Рассел мог выхватить только отдельные слова, и то не полностью. Затем самый высокий из этой троицы неспешно достал из внутренностей своего плаща длинную полоску стали, которую Рассел тут же опознал, как саблю или меч.

Абсолютно спокойно и буднично убийца вонзил клинок в тело своей жертвы. Совсем

небрежно, с каким-то садистским равнодушием, он одним точным ударом распорол горло Адаму Шенну, легко пройдя мечом сквозь напряженную плоть. Глава департамента и уважаемый чиновник, в одно мгновение превратившийся в беспомощную дичь, захрипел и, обхватив горло правой рукой, пытался подняться, но тут же свалился вновь, угодив тучным животом в грязную лужу.

Самый малорослый преступник стремительно бросился к брыкающемуся в мутной воде Адаму, придавил его голову руками не позволяя отнять лицо от грязной лужи, и склонился над кровоточащей раной. То, что он делал в эту минуту с беспомощным человеком, было не разглядеть. Затем тоже самое по очереди с умирающим Шенноном проделали и двое других. Когда рослый убийца с клинком оторвался от несчастного Адама, тот уже перестал брыкаться и хрипеть, полное тело застыло в черной воде лужи, подле ног своих палачей, где нашло последнее и скорбное пристанище.

Девушка, которая лежала все это время неподалеку, пыталась хоть как-то управлять своим непослушным телом, брыкаясь одеревенелыми конечностями, но отползти ей удалось лишь на несколько шагов. Рослый длинноволосый убийца подошел к ползущей и стонущей жертве. Понаблюдав несколько секунд за ее агонией, он, немного наклонившись вперед, резким твердым ударом клинка навсегда прекратил ее мучения. Вслед за ним к телу девушки подошли и двое подельников. Несколько секунд или минут, Рассел не мог уже вести счет времени, они проводили с телом несчастной похожие манипуляции. Затем все трое подошли к центру дороги и осмотрели оба свежих трупа. Бандит в куртке что-то говорил, нехотя жестикулируя и указывая на тела убитых, но рослый главарь банды обрубил его речь, мотнув головой, и зазывающим знаком руки повел своих подельников прочь.

Сколько времени прошло с того момента, как троица убийц скрылась в подворотне, Рассел конечно же не знал. Но оторвать свой взгляд от тела убитого отца Жанин он смог лишь тогда, когда осознал: все это время он как замороженный простоял в глубокой и холодной луже, на четвереньках, и даже не двинулся с места. Ладони сильно замерзли, колени начинали болезненно ныть, вся одежда очень сильно промокла. Он быстро поднялся с мокрого асфальта и побежал в сторону «Розового Храма».

Оказавшись на знакомой улице, под светом фонаря Рассел затормозил и задумался: «Что делать теперь, куда бежать, кому говорить, или не говорить вовсе?» Он окинул себя взглядом. Какой полицейский сейчас станет слушать грязного оборванца, выползшего из трущоб, который станет нести околесицу про жестокое и бессмысленное убийство. Его скорее самого заберут в полицию как единственного подозреваемого. «Но нужно ли кому-то знать, что он был в этих трущобах?»

Рассел бежал без оглядки, пересекая квартал за кварталом, но вскоре выдохся и притормозил. Он уже выбежал на оживленную улицу, где-то на окраине «веселого квартала» на которой прогуливалось достаточно много народу, достаточно, что бы перестать бояться. Прислонившись спиной к стене, он бессильно сполз на асфальт. Жутко болела голова, было холодно и мокро, по телу пробивала небольшая дрожь, то ли от мороза, то ли от страха.

Бьющие светом витрины и рекламные щиты, переливающиеся вывески, уличные фонари и окна многочисленных квартир на верхних этажах — все это освещало полуночный тротуар, задавая бодрый темп для никогда не спящего города. Десятки людей, работников многочисленных офисов, контор, цехов и предприятий, прохаживались по длинным освещенным проспектам «желтых» районов Свободного города. Эти люди бродили по ночным улицам в поисках развлечений, сменив свою повседневную рабочую форму на

разноцветные виниловые брюки, юбки и куртки. Днем, в своих серых конторах, соблюдая все положенные нормы общества, эти люди были стандартной однотипной массой, ненавидящей свою работу. А в ночное время они будто преображались. Рабочие и секретарши, инженеры и официантки, они становились раскованной, смеющейся, ядовито-блестящей массой, ищущей сладостных удовольствий. В поисках радости и развлечения многие из них проводили весь остаток ночи до самого наступления нового трудового дня. Разноцветные прохожие, сновавшие по тротуару, насмешливо смотрели на него, трясущегося и покрытого грязью, но, промолчав, шли дальше.

В этот момент, Рассел вспомнил о своем конверте, который все еще лежал у него в кармане. А еще он вспомнил о том ради чего собственно и забрел в эти жуткие трущобы. «Сейчас главное не привлечь внимания, и добраться до ближайшей станции узкоколейки как можно быстрее», — подумал он. Над невысокими домами виднелись тонкие сияющие шпили высоток центрального района. Он поднялся с холодного асфальта и побрел вдоль улицы, используя эти небоскребы как ориентир.

Бредя по освещенному тротуару и не обращая внимания на смешливые взгляды многочисленных полуночных прохожих, Рассел шел быстрым шагом, съезживаясь от холода. Он начал представлять себе, как придет домой, снимет мокрую и грязную одежду, примет горячий душ, ляжет в постель и забудет все это, как страшный и кошмарный сон. А может, наутро все и в правду окажется кошмарным сном...

В какой-то момент, он потерял из виду небоскребы центрального района, которые скрылись от него за обступившими со всех сторон пятиэтажными домами. Окна верхних этажей у них были наглухо закрыты металлическими ставнями, видимо он сам того не замечая снова свернул в трущобы. Магазины нижних этажей уже были закрыты и все их уличное освещение выключено. Осознавая, что вновь заблудился, Рассел уже совсем обессилено побрел туда, где, как ему казалось, должны были начаться границы желтого сектора. Но вместо этого он свернул в очередной плохо освещенный и безлюдный переулок, что также наполовину представлял собой заброшенные руины. В этот момент Рассел на всем ходу натолкнулся на какого-то мужика.

Незнакомец, облаченный в ядовито-оранжевую безрукавку, с длинными белыми волосами, убранными в тугий хвост, резко обернулся. Первое, что бросилось в глаза Расселу, так это его тонкие, почти женские черты лица и высокие скулы, немного скрытые темными очками в широкой белой оправе. Но при всем этом, за его эластичной безрукавкой виднелись широкие плечи и крепкие руки, покрытые татуировками. Незнакомец вдумчиво курил сигарету, оценивающим взглядом рассматривая Рассела.

— Привет малыш. Хочешь развлечься? — недолго думая, спросил он.

— Нет! — не понимая, что происходит, испуганно вякнул Рассел.

Глубоко затянувшись, незнакомец сделал шаг вперед и выпустил дым ему в лицо.

— А зачем же тогда ты так далеко забрел, мой дорогой, да еще и в столь поздний час? — непонятно, по-мужски или по-женски, с улыбкой спросил этот человек Рассела. — Или молодой человек хочет купить что-нибудь запретное?

Незнакомец заговорщицки улыбнулся и в тот же момент, его тонкая рука с длинными извилистыми пальцами оказалась на плече Рассела. Он провел ладонью по его напряженному плечу и быстро проскользнул под куртку, погладив грудь.

— Ты знаешь, сейчас нельзя ходить по улице одному, это не безопасно, особенно когда такое творится вокруг, — его рука уперлась в боковой карман и пальцы уже стали

поглаживать конверт.

— Нет! — отдернув плечо, Рассел сделал шаг назад, и тут же вспомнил о том, как стал невольным свидетелем убийства отца Жанин. «Верно, — подметил он про себя, — когда вокруг творится такое, на улицу лучше вообще не выходить».

— Парень, ты что больной? Ты чего такой дерганый? — Незнакомец приспустил очки на нос и, усмехнувшись, стрельнул взглядом в Рассела. Правый глаз у него был электронным протезом, довольно дорогим, по форме напоминающим человеческих, с тусклым огоньком синего цвета вместо несуществующего зрачка. А вот второй, карий глаз, начал совсем уж странно подергиваться, слегка увеличиваясь под растянувшимся веком.

— Так тебе нужна девка? — с улыбкой проговорил незнакомец, — значит, я и буду для тебя девкой...

Сам не понимая, как это происходит, но Рассел отчетливо видел, что лицо незнакомца начало изменяться: черты стали более женственными, накрашенные губы начали набухать, образуя элегантный бантик. Неизменным оставался только его рост. Руки этого существа стали утончаться и на глазах даже уменьшился объем мышц, а под обтягивающей безрукавкой набухали округлые женские груди.

Прошло не больше пары минут и, развязав хвост матово-белых волос, полноценная девушка с большим игривым карим глазом, второй все также поблескивал синевой, обхватила Рассела за шею и с несвойственной для хрупкой девушки силой прижала к стене. Проскользнув тонкими длинными пальцами по вспотевшей шее ничего не понимающего Рассела, «существо» ухватило одной рукой за его талию, а второй слегка сдавило область в районе паха.

Затем, встав на колени, девушка, которая несколько секунд назад была наглым мужиком, начала быстро расстегивать его промокшие брюки. Рассел откинул голову назад, ему уже было все равно, слишком много событий за один вечер приключилось с ним, он уже ничего не соображал, и ему на все было плевать. «Что происходит... об этом лучше не думать». Его взгляд устремился на противоположную сторону улицы, где на бетонной стене фосфоресцировала знакомая монограмма из двух наложенных букв.

Более тридцати лет назад, на месте когда-то давно разрушенного города, подобно огромному муравейнику начинала разрастаться «зона депортации». Это была огромная резервация людей, созданная после «войны великих домов» по решению нового правительства всех известных земель и поселений, названного впоследствии Трибуналом. Руководство над новой колонией, зачатой на покрытых пылью руинах древнего города, было возложено на южных соседей этого неприветливого региона — Великий дом Каина. Таким образом, Трибунал наказал лидеров дома, за их нейтралитет в отгремевшей войне с отступниками.

С самого начала колонизации в эти покрытые столетней пылью руины начали съезжаться люди со всех уголков известного мира. Первыми в этот регион отправились жители поселений подчиненных власти Дома Каина, в основном это были мелкие торговцы, рабочие и бедняки, устремившиеся в новые земли в надежде на лучшую жизнь. Второй волной сюда ссылали преступников, совершивших незначительные нарушения, а также пленных «еретиков», не успевших отойти в западные пустоши с остатками разбитой армии дома отступников. Сюда бежали многочисленные беженцы, спасаясь от ярости победителей в войне, в числе которых оказались и простые жители северных поселений, заподозренные в

инакомыслии, неверии в Трибунал, или попросту принадлежащие к самому дну общества. Большинство из добровольных переселенцев третьей волны эмиграции относились к числу беднейших сословий в городах всех оставшихся великих домов на территории известного мира.

Однако со временем на руинах древнего города начали вырастать новые дома, ремонтировались ветхие жилища, люди стали обживать эти серые руины, и жизнь потихоньку налаживалась. Прошли годы, жители «зоны депортации» уже перестали чувствовать себя изгоями. Они начали строить свой собственный город, раскинувшийся на берегу Ядовитого моря и ставший для них новым домом. Спустя всего тридцать лет в известном мире родился густонаселенный Свободный город, место контрастов и полутонов. Здесь мрачные руины соседствовали с новыми высокотехнологичными домами, а по тротуарам, построенным еще задолго до «великого перелома», ходили простые рабочие и нищие, богачи и преступники, проповедники различных культов и проститутки. Свободный город стал главным торговым и развлекательным центром всех западных земель известного мира, где за деньги покупалось и продавалось абсолютно все.

Развитый центр города с его сверкающими небоскребами и цветущими парками соседствовал с притонами и трущобами, а также многочисленными жилыми районами, спрятанными среди разрушенных домов, к которым еще не добрались руки строителей и обшарпанными бараками рабочих кварталов».

В одном из многочисленных пятиэтажных жилых строений, возведенном еще во времена первых колонистов, в типовой однокомнатной квартире, за дешевым алюминиевым столом, сидел усталый клерк среднего звена Рассел Фокс. Его русые вьющиеся волосы были растрепаны, он забыл расчесать их сразу как встал с постели. Грязная от вчерашнего путешествия одежда, комом высушалась у входной двери. Разбитые колени, полные синяков, болели при каждом движении суставов. А под нестриженными ногтями, оставались кусочки вчерашней грязи, которые никак не хотели вымываться.

Он никогда не был и не хотел становиться модом, даже отказался устанавливать себе нейропорт, для быстрого соединения с техникой. Поэтому выходить в сеть он мог только посредством старого компьютера, десятилетней давности. Уставившись в монитор, и быстро прочитывая нагромождение однотипных фраз, Рассел судорожно просматривал полицейские хроники вчерашнего дня. Вырванные из контекста строки бегло сменяли друг друга на голубом экране. За прошедшие сутки в городе произошло довольно много убийств, порой очень жестоких и все в самых разных районах и секторах.

Через некоторое время Рассел поймал усталыми зелеными глазами необходимую ему информацию. Вырывая куски, он начал нервно пробегать взглядом по монитору: «Южный округ. В районе.... произошло двойное убийство.... в ходе следствия... опознан, как Адам Шенн, руководитель.... тело обескровлено... второй труп.... киборг... была обезглавлена... в крови обнаружено превышение допустимой... ведется расследование, в городе объявлен план...».

Он обреченно откинулся в кресле и глубоко вздохнул, уставившись в пустоту мерцающего дисплея. Ужасные события прошлого вечера, которые он до последнего надеялся принять за дурной сон, оказались явью. Рассел не хотел признаваться самому себе в реальности произошедшего, однако это оказалось страшной правдой. Прошлой ночью он действительно видел, как убивали отца Жанин. Его убивали трое отморожков: хладнокровно, жестоко и бессмысленно. К тому же его тело оказалось обескровлено!

В этот момент на экране замерцал красный символ входящего звонка. Рассел немного повременил с ответом, но все же щелкнул по клавиатуре. Он отстранился от монитора, стараясь не попадать в поле зрения объектива, чтобы скрыть тревогу на лице.

На экране всплыло интерактивное окно, в котором маячила голова Патрика, сослуживца Рассела и бывшего друга Жанина.

— Эй! Привет! Ты слышишь меня? — с небольшой задержкой в изображении произнес он. — Я на улице, звоню из телефонной будки. Тут изображение хреновое, я почти тебя не вижу... ты слышишь меня? Рассел, ты там?

— Да я тебя слышу и вижу, — прикрывая лицо ладонью, произнес он. — Что случилось?

— Ты слышал про убийство? Отец Жанин, мистер Шенн, найден мертвым. Ты уже в курсе?

Иногда повышая голос, Патрик тут же поворачивался к монитору ухом, стараясь распознать ответ собеседника в хрипе динамиков.

— Нет, я не знал, — изображая удивление в голосе, соврал Рассел.

— Слушай, я сейчас к тебе зайду, я тут неподалеку, минут через тридцать буду. В этой будке все равно ничего не слышно.

— Нет, не нужно, я сейчас собирался уходить... — начал было оправдываться Рассел, но в этот момент Патрик уже отключил связь.

«Разговор прерван», повисло сообщение на мониторе. Да какой тут может быть разговор? В один вечер весь мир, с такой любовью выстраиваемый эти долгие годы, рухнул. Как теперь можно прийти на работу и спокойно разговаривать с Жанином? Теперь вместо приглашения на свидание Рассел сможет лишь высказать ей соболезнования.

Как, после всего этого он сможет ее пригласить в гости? Отличный повод для интимного разговора при свечах: «Дорогая, а ты знаешь, я видел, как убивали твоего отца... Нет, ну что ты, я наблюдал из-за грязной помойки, стоя по колено в луже и умирая от страха... Да ты знаешь милая, это были три отморозка, которые перерезали твоему отцу горло, а потом они выпили его кровь до дна, прямо как мы с тобой выпили вино... А теперь, когда ты в курсе всего произошедшего, давай займемся любовью». Лучше не придумаешь!

Денег тоже практически не осталось, какие-то крохи. До сих пор непонятно чем Рассел думал, когда отдавал две тысячи крон тому существу, которое по сути его изнасиловало.

Про существование «салмакидов» он, конечно, слышал, и о том, что они живут в некоторых районах города, тоже догадывался. Но вот встречать их вживую еще никогда не приходилось. Официально, храмники и прелаты Трибунала относили салмакидов к обособленному виду мутантов, одного из многочисленных и страшных последствий великого перелома. Но среди простых жителей, мнение о природе этих существ было неоднозначным. С одной стороны, они не были обычными «псевдолюдьми», как те же гибриды или мутанты из резерваций, потому что мало чем отличались от нормальных жителей известного мира. Вместе с тем, они были противоестественны самой природе человека, так как могли по собственной воле пристраивать свой организм и внешность, постоянно меняя половую принадлежность, либо на продолжительное время задерживаться в пограничном состоянии. Отношение к этим существам так же менялось в зависимости от региона.

На восточном побережье Ядовитого моря их истребляли подобно иным мутантам, даже не пытаясь разобраться в природе их уникальных особенностей. На западе, им разрешалось селиться в резервациях с иными мутантами либо беспрепятственно уходить в пустоши,

подальше от людских глаз. На улицах Свободного города, единственного из поселений людей не подчинявшегося власти ни одного из Великих домов, на этих странных существ смотрели сквозь пальцы, смиряясь с фактом их существования среди жителей. Насколько Рассел помнил из школьного курса биологии, численность салмакидов в известном мире была крайне мала, тем более что их вид почти полностью был истреблен в восточных землях. Раньше он никогда не видел их и даже представить себе не мог, как можно быть двуполым одновременно.

Однако вчера вечером он наяву столкнулся с этим диковинным и отнюдь не отталкивающим мутантом. Он чувствовал это существо, ощущал его прикосновения, его дыхание, его губы. И в тот момент Расселу большего всего хотелось верить, что это существо — девушка. Нет, не о таком вечере удовольствий и наслаждений он мечтал долгие годы...

Рассел приготовил себе кофе и, отхлебнув немного, вернулся за компьютерный стол. Монитор он на всякий случай отключил и, неспешно попивая кофе, ожидал неизбежного прихода Патрика. Он попеременно думал о разных вещах, о том, что он скажет Патрику, о том, что после выхода на работу нужно изображать скорбь и удивление при рассказах коллег об этой ужасной трагедии. Наверное, ему стоит даже съездить к Жанин, провести ее и утешить в трудную минуту. А еще он постоянно думал, что надо рассказать обо всем полиции,

Да, а ведь это не такая плохая идея, если подумать. В конце концов, он уже три месяца работает для них информатором. Три месяца он «сливал» им все, что слышал и видел в жизни своих сослуживцев, рассказывал о делах департамента. Почему бы теперь не воспользоваться своим положением? Вот только надо решить как подать информацию об убийстве Шенна, не выдавая при этом себя. Можно просто рассказать о некоем слухе, что «мол, кто-то на работе рассказывал» или «предполагал», возможно, этот слух вообще бродит по улицам и был рассказан Расселу в подворотне, местным выпивохой. Хотя нет, бредням уличного попрошайки полиция точно не поверит. Однако им все же стоит как-то подкинуть нужную информацию, хотя бы немного помочь в расследовании, особенно если рассказать о внешности ночных убийц. Так или иначе, но совесть не позволяла Расселу скрыть правду о смерти отца Жанин и позволить тем подонкам безнаказанно продолжать убивать.

Однако его размышления прервал звонок в дверь. Патрик не мог так быстро приехать, даже если бы взял такси. Поэтому Рассел на цыпочках подкрался к двери, замер неподалеку и прислушался. Движения за дверью не было, но через несколько секунд звонок повторился. Он глубоко вздохнул и включил переговорный монитор возле двери. На сверкнувшем дисплее отобразилась маленькая, квадратная лестничная клетка. По ту сторону двери на перепуганного Рассела смотрел высокий и широкоплечий мужчина в светло-серой форме полицейского.

Вначале пришлось ехать на машине, затем долго блуждать по коридорам и этажам Департамента правопорядка. Затем его вели по длинному узкому коридору где-то в недрах здания. Коридор был полностью лишен даже намеков на присутствие в нем жизни. Однотипные двери были опечатаны, некоторые оказались даже перетянутыми желтой полиэтиленовой пленкой. А немногочисленные галогенные лампы, разбросанные вдоль белого потолка, горели через одну.

Констебль, шедший впереди него, приказал остановиться возле очередной типовой двери. Затем он постучал и на несколько секунд скрылся за дверью. Этого мгновения

хватало, чтобы в голове Рассела созрела мысль о побеге. Он запомнил путь по коридору от лифтов, но что дальше не знал. Куда он сможет убежать из департамента правопорядка? Где теперь он сможет скрыться? Разве что в пустошах на севере. Но это было бы для него равносильно самоубийству, проще уж сразу прыгнуть с обрыва в Ядовитое море. Его мысленное самобичевание прервал вернувшийся констебль, который пригласил Рассела пройти в кабинет.

Помещение оказалось небольшим, квадратным, с одним единственным окном. За широким столом, занимавшим половину кабинета, сидел сутулый классический чиновник в звании интенданта. Серый форменный френч на нем топорщился, серебристый аксельбант нелепо был заброшен за плечо. Лицо офицера было широким и круглым, усеяно множеством морщин, короткие волосы на голове были тронуты сединой. Человек с усталыми голубыми глазами и высоким чином сосредоточено набивал что-то на клавиатуре, не отрывая глаз от монитора и не обращая внимания на своего гостя.

Рассел совсем не чувствовал себя в гостях, но и на арестанта он тоже не очень походил. Час назад его без объяснений вытащили из дома и привезли сюда двое полицейских, один из которых был в штатском. Затем приставленный констебль водил его по лабиринтам бесконечных коридоров самого страшного департамента с точки зрения рядовых граждан. Теперь же он сидит, съездившись на металлическом стуле, в кабинете безмолвного чиновника, совершенно не понимая, зачем его привели. Даже если он и повинен в чем-то, то почему ему до сих пор не предъявили никакого обвинения и даже причины ареста не назвали?

Наконец сидящий интендант прервал свое молчание:

— Меня зовут Хайдер и это все, что вам сейчас необходимо обо мне знать, — сухо заметил он.

Откинувшись в кресле и сложив руки на животе, офицер медленно перевел свой скучающий взгляд от монитора на Рассела. Он не моргал, не выражая ни злобы, ни жалости, бледные голубые глаза интенданта буравили его смущенное лицо.

— Мистер Фокс, скажите, вас устроили те деньги, что мы заплатили вам за оказанные услуги?

— Да, вполне, — Рассел с трудом выдавил ответ, так как начал ощущать сухость в горле.

— Это хорошо, — одобрительно закивал интендант. — Видите ли, в последнее время мы испытываем острую нехватку рабочего персонала. Дел много, а вот надежных и толковых людей нам постоянно не хватает. Вы наверняка слышали о настоящей волне убийств, которая в последние недели прокатилась по улицам нашего города. Дошло даже до того, что неделю назад группа налетчиков атаковала уличное кафе в красном секторе, там погибло пять человек. Это становится похожим на настоящую уличную войну.

Офицер сделал небольшую паузу, задумчиво посмотрев на свой письменный стол. Рассел же по-прежнему не понимал, что он здесь делает и лишь отчетливее слышал биение своего сердца, отдававшееся болезненными стуками в висках.

— Из-за этих ужасных событий мне пришлось вывести на патрулирование кварталов даже оперативных сотрудников, — вновь вернулся к своему рассказу интендант, — но это плохо сказалось на работе розыскного отдела, и наш личный состав сильно поредел в последние месяцы. Вынужден признать, но мы не справляемся со своими обязанностями, и это очень скверно. Тем не менее, успешных результатов от нас требуют каждый день. Патрициат ничего не хочет слышать о нехватке кадров, нехватки элементарных ресурсов у

полиции. Все что их интересует это решение проблемы с уличной преступностью. И то, только ради сохранения собственной власти, на людей им совершенно наплевать. Но как? Как, скажите мне на милость, мы должны действовать в такой ситуации?

Рассел совершенно не ожидал подобного вопроса и лишь еще больше вжался в металлическую спинку стула. Но офицер, назвавший себя Хайдером, очевидно не ожидал услышать ответа от собеседника и продолжил монолог:

— Вот и пришла мне в голову идея привлекать к работе людей, ранее сотрудничавших с полицией и хорошо себя зарекомендовавших в этом деле. Поскольку новые кадры нам рекрутировать уже просто неоткуда, приходится искать помощь со стороны сознательных и честных граждан, которым не все равно на судьбу своего родного города.

Рассел все еще не мог взять в толк услышанное, но вот руки потеть перестали:

— Я не совсем понимаю вас, сэр...

— А чего здесь понимать, молодой человек, все элементарно. Скажите, вы патриот? — вытаращив свои голубые глаза, спросил офицер.

— Конечно, я патриот, но...

— Вот именно поэтому я и предлагаю вам работу. Ну конечно вне штата, но все-таки работу. Как информатор вы показали себя надежным человеком, собранным, обязательным. Я изучил ваше дело, вы отличный работник. Вы подходите на роль куда более ответственную, чем просто собирать чужие разговоры и... подготавливать информационные справки. Ну, как, вам это интересно? Тем более что это будет не бесплатно.

— Да сэр, разумеется, — услышав про деньги, Рассел тут же оживился.

— Ну, вот и отлично. Я сразу понял, что могу на вас положиться, вы разительно отличаетесь от большинства ваших ровесников. Современная молодежь ни на что не годится, ее совершенно ничего не интересует в жизни. Они не верят в Пророка, не верят в Трибунал, они даже не уважают власть и закон. Деньги, — он сделал акцент на этом слове, — это все, что в голове у современной молодежи. Деньги и разврат, который они покупают на них. Но вы я вижу совсем не такой. Скажите, мистер Фокс, вы из третьей волны эмиграции?

— Мои родители были эмигрантами, сам я родился уже в городе, на улице Миликкен, в четырнадцатом районе.

— Да, я знаю этот квартал, когда-то и сам жил по соседству, — задумчиво протянул Хайдер, на секунду вспомнив прежние времена, но тут же быстро вернулся в настоящее. — Вернемся к делу. Работы сейчас очень много, и заниматься приходится всем одновременно, любой полисмен на улицы теперь и патрульный, и оперативник, и судья с прокурором, если потребуется, — он улыбнулся. — Мне нужен надежный человек, вне органов правопорядка, который сможет раздобыть нам необходимую информацию. Дело в том, что, по моим данным, в городе действует хорошо законспирированная преступная организация. Вы, наверное, в курсе, что правительство, хоть и не гласно, но все же получает свой процент от «домов развлечений». Этот секрет известен всем в городе. Такие дома, как правило, организовываются легально. Но есть и другие, что создаются без лицензий, плюс уличная проституция, и торговля запрещенными препаратами, все это благодатная почва для преступности. И надо сказать, с организациями подобного уровня мы еще не сталкивались.

Он вновь остановился в своем монологе, задумчиво уставившись в монитор, на котором застыл набираемый им прежде длинный текст документа.

— Информации про них мало, — после паузы продолжил Хайдер, — нет точных

данных ни про состав этой организации, ни про их ореол обитания. Вся располагаемая информация крайне скудна, даже информаторы в криминальной среде нам ничего не могут рассказать. Все что на сегодняшний день нам известно, это только необычное название данной организации — «Лагния». По мнению некоторых информаторов, это слово используется ими как пароль. Так вот, — он вновь перевел взгляд на своего собеседника, — судя по настроению в преступной среде, эта группировка многим перешли дорогу, так как их люди пытаются залезть в самые разные сферы криминального бизнеса. Многие нападения, убийства и взрывы стали следствием их деятельности и ответа на это со стороны старых банд, давно существовавших в городе. Вместе с тем мы полагаем, что именно данная организация стоит за волной последних кровавых убийств и исчезновений людей в городе.

— Вы полагаете, что я смогу раздобыть информацию об этой банде? — стараясь скрыть испуг в голосе, Рассел прервал монолог офицера неожиданным вопросом.

— Мне ясно ваше опасение, мистер Фокс, но другого выхода у нас нет, законность в этом городе под угрозой. Вы как сознательный гражданин должны это понимать. Можете считать, что департамент полиции официально рекрутирует вас.

— Но как же я буду их искать, я даже не имею представления с чего начать, — вяло начал оправдываться Рассел.

Но Хайдер пропустил его сомнения мимо ушей и продолжил свою прерванную речь:

— Понимаете, все эти убийства, похищения и прочее, это отбрасывает дурную тень на наш Департамент. Люди не чувствуют себя в безопасности, перестают нам доверять, а Патрициат постоянно требует от нас результативных действий. Страх людей перед многочисленными убийствами порождает самые нелепые фантазии. В городе даже пошли слухи о каком-то огромном чудовище, которое ночами нападает на людей, пожирает их тела и пьет кровь. Говорят, будто оно стоит за всеми нераскрытыми убийствами и таинственными похищениями людей. Хотя справедливости ради стоит заметить, что обескровленные трупы мы стали находить все чаще.

Он отпил чай из кружки со стола и продолжил:

— Кстати, вчера был убит один из сотрудников вашего департамента. Вы слышали об этом чудовищном случае?

— Да, я прочитал сегодня в новостях. Убийство мистера Шенна стало для всех нас настоящей трагедией. Даже и в мыслях я не мог себе подобное вообразить. Как такая чудовищная трагедия могла произойти с нашим руководителем? Мистер Шенн ведь был очень уважаемым человеком, примерным семьянином...

— Тем не менее, его тело было найдено в глухой подворотне красного сектора, недалеко от квартала с многочисленными домами развлечений, — Хайдер еще раз отпил чай. — Вы, мистер Фокс, ходили когда-нибудь в подобное заведение?

— Ну что вы, — натянуто улыбнувшись, соврал Рассел, — у меня и в мыслях никогда не было ходить по значным местам, я веду правильный образ жизни.

— Вот поэтому, мы и выбрали вас, — причмокивая, проговорил офицер. — Но не будем отвлекаться. Вам надо узнать все, что может быть нам полезно, опыт работы информатором вам пригодится. У нас есть данные, что эта организация питает слабость к дешевому эпатажу, вроде символов, монограмм, которыми они помечают подконтрольную территорию. Это тоже вам может пригодиться. Походите по улицам красного сектора, поговорите с местными, обращайтесь внимание на подобные знаки, они наведут вас на их след. Надеюсь, ваши задачи ясны вам?

— Да... но с чего мне начать, я даже не представляю. — Рассел вновь попытался оправдать себя в глазах нового начальства.

— А вот это уже вам придется думать самому, дорогой мой. И учтите, в случае успеха, ваш прежний гонорар мы увеличим вдвое, и это откроет перед вами перспективную дорогу в штат оперативных сотрудников. Скажите, вас устраивает ваше действующее место работы?

— Нет, если честно, мне там совсем не нравится, — Рассел грустно улыбнулся.

— Отлично, мы уже позаботились о вашем переводе на должность младшего сотрудника в Департамент биологического контроля, это будет вашим прикрытием на старом месте работы и позволит все свободное время уделить оперативной работе.

— Спасибо, — растерянно выдавил Рассел, — но даже если я что-то найду, как мне с вами связаться, доложить о результатах?

— Вы свяжетесь с моим помощником. Сэм Фишер, ваш прежний куратор, будет ждать вашего звонка. Кстати, это он вас порекомендовал. С нынешнего момента и далее все наши контакты будут проходить строго через него. И вот еще что... вы курите?

— Нет, — твердо отчеканил Рассел.

— Это хорошо, — Хайдер положил на стол пачку самых обычных сигарет «Брек» и металлическую зажигалку. — Возьмите это с собой и никогда не расставайтесь с ними.

— Хорошо, но зачем мне это?

— Если вы сможете не просто получить информацию, но и найти какой-нибудь из их притонов или опорных пунктов, это вам поможет скрытно подать нам сигнал. При нажатии, эта зажигалка в первый раз даст осечку, но при этом внутри нее сработает передатчик, который сразу расскажет нам о вашем местонахождении. Однако, не нажимайте ее без крайней необходимости, учтите, по этому сигналу будет незамедлительно направлена оперативная группа. Так что без фанатизма. Надеюсь, вы меня понимаете?

Некоторое время спустя Рассел покинул кабинет интенданта. Уже знакомый констебль провел его все теми же безлюдными лабиринтами бесконечных коридоров департамента. Он вывел его в центральный холл и, указав на нужные двери, любезно распрощался с ним.

Но у самых дверей, на выходе из здания Департамента правопорядка, Рассела поймал Сэм Фишер. Это был высокий и худой молодой человек, с узким вытянутым лицом и небрежной щетиной, довольно привлекательной внешности, с короткими кудрями светлорусых волос. Все последние три месяца, Рассел передавал этому человеку свои отчеты, обо всем что видел, слышал или находил в документах, на своей основной работе. Они тайно встречались два раза в месяц, в условленном месте, безлюдной узкой подворотне, недалеко от района Старой площади. Как правило, складывая свои доносы в коричневый бумажный конверт, Рассел прятал их между страниц старых журналов. С этими журналами он приходил на встречу и оставлял их лежать на одном из многочисленных мусорных баков, расставленных вдоль стен в подворотне. Он дожидался появления Сэма, и лишь заметив его, удалялся прочь. Они не обменивались даже парой слов при встрече, все необходимые вопросы решались через уличные телефоны, звонки которых нельзя было отследить. Эта конспирация, пароли, явки и игры в шпионов, чрезвычайно ему нравились. А когда несколько дней назад Сэм оказался в условленном месте на несколько минут раньше и оставил ему завернутый в такой же старый журнал коричневый конверт с деньгами, Рассел был вне себя от восторга.

Однако в этот раз помощник Хайдера застал его не в подворотне, как раньше, а в дверях

Департамента правопорядка. Он передал Расселу небольшой сверток со словами: «Это тебе для уверенности», и тут же покинул его, не мешкая и не оборачиваясь. Внутри завернутого в коричневую бумагу «подарка» оказался небольшой черный револьвер, со скрытым курком и полным барабаном на шесть патронов. Он был немного затертым, с царапинами на металле ствола и белесыми разводами на тех местах, где должен был находиться заводской номер.

Правда или нет, но казалось, что револьвер действительно придал ему уверенности. Еще до конца не веря во все, что с ним приключилось, Рассел медленно брел по центральным улицам города, обдумывая на ходу план своих дальнейших действий. Для начала, ему нужно было вернуться домой, принять душ и выпить кофе. Он почувствовал, что именно сейчас в его жизни наступил момент, когда он хочет закурить.

Весь вечер до полуночи, Рассел провел у монитора, разыскивая в сети хоть какое-то упоминание о странной организации с названием «Лагния». Но голубоватый экран компьютера упрямо молчал. На всякий случай он прошерстил все полицейские сводки по убийствам, похищениям и взрывам, раздиравшим ночные улицы в последние месяцы. Из трущоб, все эти ужасные преступления начали проникать в благополучные желтые районы. Больше всего, Рассел концентрировался на страшных сообщениях об обескровленных трупах, которые находили каждую неделю. Все эти убийства были совершенны с аналогичным подчерком: глубокая колото-режущая рана на шее и почти полное отсутствие луж крови. Когда к середине ночи он начал переходить на рассказы очевидцев о якобы огромном существе, прятавшемся в тенях заброшенных зданий на окраине портового района, то совсем выбился из сил и решил отправиться спать. Несмотря на прочитанные ужасы, его не мучили ночные кошмары, в этот раз он вообще не видел снов.

Рассел проснулся уже глубоким вечером следующего дня, явно сказавшись накопившаяся усталость из-за последних событий. Его разбудил звук входящего звонка на мониторе, который он забыл выключить ночью. Продрав заспанные глаза, Рассел сумел заставить себя пересест за компьютер, придерживая тяжелую от усталости голову и ответить на звонок. На экране второй раз за сутки замаячила опостылевшая ему за многие годы голова коллеги с работы. Светловолосый, с вытянутым лицом и волевым подбородком, как всегда гладко выбритый, Патрик как никто другой умел произвести приятное впечатление при первой встречи. Он много времени уделял своей внешности, всегда носил только чистые и отутюженные деловые костюмы, которые выглядели как новые. И своим главным и неизменным атрибутом он считал шелковый галстук небесного цвета, который всегда подбирался в тон к его голубым глазам. Чрезмерная озабоченность Патрика своим внешним видом жутко раздражала Рассела. Он не показывал этого в общении, но на протяжении многих лет тихо бесился от популярности своего коллеги среди женщин, и в тайне посмеивался над его манией к красивым одеждам и самолюбованию.

— Внимательно слушаю, — еле разжимая зубы, проговорил он сонным голосом.

— Рассел... это я, Патрик. Даже не узнал тебя сразу. У тебя какой-то усталый вид. Ты что болен? Ты поэтому не пришел сегодня на службу?

— А который час? — также сонно переспросил Рассел.

— Уже пять вечера. С тобой точно все в порядке?

— О да, — уже более ожившим голосом, собрав все силы в кулак, ответил Рассел, — все в порядке. Ты что-то хотел?

— Конечно хотел, я же тебе еще вчера звонил, предупреждал, что зайду. А тебя дома не

оказалась. Ты где был? На работе нам сегодня сообщили, что тебя куда-то переводят. Я вначале даже не поверил.

— Да, у меня дела сегодня с утра были, — Рассел утер лицо теплой ладонью, стараясь проснуться и привести мысли в порядок. — Слушай, а давай встретимся в том баре, ну помнишь, вы с Жанин меня туда водили, у Старой площади. Хорошее место, посидим там, поговорим, я тебе все и расскажу.

Прокрутив за несколько секунд в памяти все возможные варианты различных баров, Патрик наконец радостно закивал:

— А, ну да, давай там встретимся. Я как раз недалеко нахожусь. Ты через сколько будешь?

— Через полчаса... давай, — уверенно оборвал его Рассел.

Он не стал дожидаться, пока Патрик поспрашивает с ним в ответ, и тут же отключил связь. Рассел еще раз помассировал свое заспанное лицо кончиками пальцев и резко встал с кресла, пытаясь взбодриться. Он окинул взглядом неубранную комнату с затхлым сухим воздухом, попутно вспоминая расположение всех своих вещей, брошенных вчера вечером. Одновременно с мыслями о давно отложенной уборке квартиры, в его голове начал более отчетливо выстраиваться план всей дальнейшей работы по поиску преступного синдиката. Затем он пересчитал в уме лежавшие в его бумажнике деньги и отмерил расстояние до ближайшей станции узкоколейной линии в его районе. Через полчаса он должен был домчаться на ней до Старой площади.

Этот район города был по-своему уникальным местом, окутанным как городскими легендами, так и дурными слухами и самыми грязными и непристойными историями.

В центре площади возвышались останки памятника, много лет назад изображавшего какого-то великого человека. Теперь никто не мог правдиво ответить — чей же это был памятник и кому он был воздвигнут неизвестное количество лет назад.

Был ли это памятник древнего правителя, забытого героя, писателя или великого ученого, уже стало совершенно неважно. От постамента остались только небольшие осколки ног, возвышавшиеся примерно по колено, с торчащими из камня кусками железного скелета. Вокруг памятника каждую ночь бушевал, разрываясь на сотни голосов, стихийный рынок. Торговля здесь велась для самых малообеспеченных слоев общества Свободного города, и товары соответствовали уровню спроса. Каждый вечер над многочисленными лотками, покрытыми жестяными крышами с облупившейся желтой краской, зажигались огоньки ламп, свечей, разноцветных гирлянд и самодельных факелов. Множеством запахов, голосов, товаров и лиц наполнялся здешний квартал с наступлением сумерек, на время, превращая часть индустриального района в дикий рынок, подобный примитивным базарам, что могли увидеть редкие путешественники по малым поселениям в пустошах. Все это экзотическое многообразие переплеталось в центре небольшой площади, оставшейся в наследство жителям заводских окраин города от былых времен.

В просторном и уютном баре близ Старой площади, расположенном в утробе полуразрушенного дома, было немногочленно и достаточно тихо, несмотря на позднее время. Обмениваясь редкими репликами, бармен и официант, были единственными представителями услуги в этом заведении. Оба они были смуглокожими гибридами, и в отсутствие просьб со стороны посетителей общались только на своем языке.

Гибриды, выполнявшие все самые грязные и низкооплачиваемые работы в обществе

Свободного города, были неотъемлемым элементом любой забегаловки. Белокожие граждане города воспринимали этих «псевдолюдей» как обязательную часть интерьера и городского пейзажа и никогда не старались вникнуть в их причудливый язык. По официальной версии, они являлись потомками некогда разных и прежде совсем не похожих человеческих рас, смешавшихся в единое целое многие сотни лет назад, возможно еще до великого перелома. Трибунал относил их к самым продвинутым в эволюционном плане мутантам, позволяя, тем не менее, жить вблизи «нормальных людей» и даже поступать на низкооплачиваемые работы. Гибриды даже избежали страшной участи истребления прочих «псевдолюдей» на восточном берегу Ядовитого моря. А уж в западных землях, они чувствовали себя вполне вольготно, являясь обязательной частью экономической жизни всех городов и поселений.

Не обращая никакого внимания на двух гибридов, примостившихся у барной стойки, Патрик наконец прервал повисшее молчание:

— Здесь еще никого нет, слишком рано. Народ обычно после восьми начинает подтягиваться. Зато ближе к полуночи в этом зале стоит такой галдеж, что даже сам себя не слышишь.

— Ты часто сюда ходишь? — абсолютно равнодушно спросил Рассел, делая глубокий глоток из кружки.

— Да, бывает, захожу, иногда даже после работы. Здесь хороший эль, почти без добавок и красителей. А еще местный рынок меня радует, забавное местечко, многое можно купить. Я тут раньше часто обитал, подолгу бродил между прилавков. Прикупал себе кое-чего по дешевке. Знаешь, там если дальше пройти...

— Как Жанин себя чувствует? — резко оборвал его Рассел. — Что она теперь будет делать?

— Да как... никак, — удивленный такой быстрой сменой темы разговора, промямлил Патрик. — Что ей теперь делать, ничего. Мой шеф сказал, что кремацию оплатят за счет департамента, так что на похороны ее семье тратиться не нужно будет. А самой Жанин дали отгул на неделю. Это кстати в тот же день произошло, когда мы о твоём переводе узнали. Ты не расскажешь мне, как сумел так легко переметнуться в новый департамент?

— Это долгая история, — оборвал его Рассел, — да и не об этом сейчас. Ты ездил к ней, разговаривал о случившемся?

— Конечно я заезжал, проведаль ее, но расспрашивать о подробностях смерти отца не стал. Да и был то у нее совсем недолго, заходил только, чтобы проведать и соболезнования высказать. Еще ей из полиции все время звонят. Мать тоже постоянно сидит вместе с Жанин, они друг от друга не отходят, плачут каждый день. Короче, я там недолго побыл и пошел быстрее, там и без меня было тошно.

— А как ты думаешь, кто его убил? — спокойно, даже немного задумчиво, и не отрывая взгляда от бокала, спросил Рассел.

В этот момент Патрик просто растерялся. Он несколько секунд непонимающе смотрел на своего бывшего сослуживца:

— А я откуда знаю? Ты это вообще к чему спрашиваешь? — Он немного помолчал. — Тут, знаешь ли, дело темное. Сейчас в городе часто происходят подобные убийства, постоянно кто-то пропадает без вести. Плюс, ты слышал позавчера, что случилось?

— Нет, — мгновенно оживился Рассел, — тоже кого-то убили?

— И не просто убили, трех человек, точнее, киберов, их буквально порвали на части.

Это было в развалинах восточного района, даже очевидцы есть, все твердят про какое-то чудовище.

— Чудовище? В смысле, правда, про настоящего монстра, — не скрывая своего смеха, переспросил Рассел. — Ты серьезно веришь во все эти слухи про чудовищных зверей, которые убивают людей по ночам?

— Да, представь себе, — Патрику было неприятно ощущать насмешки со стороны Рассела, особенно по поводу его рассказов. — Здоровенное чудовище, с кучей лап и хвостом как у ящеров. Говорят, что оно нападает на людей, разрывая их на части. Уже много очевидцев его видели. И ты знаешь, я склонен этому верить. Не может же простой человек трех киберов так на части «покромсать», да еще и без вреда для себя, не применяя никакого оружия. У каждого из убитых на теле было по десятку рваных ран, и следы как будто от гигантских когтей. Одному из убитых этот монстр вырвал руку из плеча, ее нашли в паре метров от тела.

Рассел продолжал ехидничать:

— Может быть, ты думаешь, что и Адама Шенна этот монстр убил?

— Не вижу ничего смешного! — Патрик был удивлен циничным поведением приятеля. — Мне кажется, что смерть Шенна не повод для глупых шуток и глумления над этим. Рассел, я тебя не узнаю... Если ты не в курсе, то тело Адама было полностью обескровлено. Это ты как объяснишь?

— Вообще не было крови? — Рассел постарался изобразить искренне удивление и тут же соврал, — ничего не слышал об этом. Ужас какой-то, как такое вообще может быть?

— Вот и я об этом тебе сейчас толкую. Все оказалось не так просто, как выглядит на первый взгляд. Знаешь, я не хотел бы верить во всякие сказки про монстров, но в городе уже несколько месяцев творится такое, — он многозначительно округлил глаза, — что рационально не объяснишь.

Каждый сделал по несколько больших глотков холодного хмельного напитка. Они помолчали немного, наслаждаясь приятным послевкусием.

— Слушай, я давно с тобой посоветоваться хотел, — заискивающе начал Рассел. — Думал приобрести себе, кое-что, ну для того чтобы расслабиться. Ты часом не знаешь, где такие вещи можно достать.

Патрик вошел на некоторое время в ступор. Не сказать, что он был ошарашен или удивлен таким вопросом, скорее он просто не ожидал услышать подобного заявления именно от Рассела, которого всегда считал тихоней и простаком.

— Это ты сейчас о чем... я что-то тебя не понимаю, — Патрик попытался изобразить искреннюю озадаченность данным вопросом. — Что значит «расслабиться»? Прими горячую ванну, она точно поможет тебя расслабиться, выспись...

— Не смешно, ты прекрасно понял, что я хотел этим сказать. Но только не те препараты, которые можно купить у любого грязного лоточника, нет. Мне нужен не ширпотреб, а что-то действительно особенное, ты ведь в этом разбираешься.

Последняя фраза совсем сбила Патрика с толку. В его взгляде одновременно читалось нескрываемое изумление и едкая ирония над тщедушным тьюфяком, который внезапно решил обогнуть закон.

— Ты знаешь, что это запрещено? — на всякий случай поинтересовался Патрик.

— Конечно, знаю, а ты что думал. Простые «таблетки радости» и все в таком духе меня уже не устраивают. Можно принять, но так, для поднятия настроения. А я сейчас ищу чего-

нибудь особенного, по-настоящему расслабляющего. Можешь посоветовать толкового дилера?

Патрик иронично засмеялся:

— Рассел, ты откуда такие слова знаешь?! В сети начитался, что ли? Извини, но я ничем тебе не смогу помочь в этом вопросе. Да и вообще, с чего ты решил подобное у меня спрашивать, как будто я в курсе, где можно достать запрещенные препараты. — На последнем слово он сделал отдельный акцент, всем своим видом показывая, что никогда не покупал нелегальных товаров.

— Ну, как же, — улыбаясь, Рассел все же уловил внутренне напряжение Патрика, и это предавало ему сил. — Я слышал пару раз, что ты подобными вещами балуешься, причем уже много лет. Слышал даже, как ты с Жанин обсуждал ваши покупки, на работе.

— Что!?! — Патрик даже подпрыгнул на стуле. На его лице начали проступать красные пятна. — Откуда ты все это узнал. Ты что, подслушивал нас?

— А еще мне кажется, что ты в курсе о такой вещи, как Лагния. — Своими словами Рассел не просто провоцировал конфликт, он шел на него в лобовую атаку.

Скорее всего, он произнес название преступного синдиката слишком громко, потому что стоявшие у стойки гибриды тут же замолчали и настороженно покосились на своих посетителей. Изумленный Патрик заметил реакцию бармена и официанта и тут же поспешил ретироваться. Он молниеносно подскочил, бросив на стол перед Расселом смятую купюру на оплату счета, и ничего не говоря, быстро направился к выходу. Однако Рассел тут же кинулся за ним вдогонку.

Он выбежал из бара и в три прыжка нагнал своего сослуживца. Рассвирепев, Патрик попытался оттолкнуть своего преследователя, но тот даже и не думал отступать. Тогда Патрик замахнулся кулаком на своего бывшего коллегу, рассчитывая нанести довольно меткий удар в челюсть, но тут же остановился. Его испуганный и изумленный взгляд был прикован к дулу небольшого револьвера, который Рассел направил ему в грудь, старательно прикрывая оружие рукой, от посторонних глаз.

— Ты, кажется, мой вопрос не расслышал, — жестко и с насмешкой проговорил Рассел, почувствовав нахлынувшую на него силу. — Я знаю про тебя все! Ты конченный наркоман и всегда им будешь. Вы ведь из-за этого расстались с Жанин, верно? Наверняка большую дозу не поделили? Или это ее папаша стал причиной вашей размолвки. Признайся, ведь Адам тебя всегда ненавидел. Сколько раз он пытался выжить тебя с нашей работы? Раза три-четыре, не меньше. Если бы не заступничество твоего папы-банкира, ты уже давно бы вылетел из департамента. Хотя теперь проблема в лице Адама устранена...

Рассел нарочно тыкал в самые болезненные точки Патрика. Он держал его не просто на мушке пистолета, он его полностью контролировал, как марионетку. Вчерашний неудачник, серая мышка, сейчас же Рассел упивался своей властью, рассказывая обо всех потаенных грехах Патрика ему в лицо, как будто для него пришел час расплаты. Наглая ухмылка рассекала лицо Рассела, и он завел оторопевшего коллегу в ближайшую подворотню, меж двух разбитых домов. Не давая ему опомниться, Рассел продолжил:

— Ты думаешь, я не знал, кем вы меня считаете? Вы все насмеялись надо мной, считали тюфяком и неудачником. Ну, а теперь я посмеюсь над тобой. Я знаю про тебя все, Патрик, все твои самые мелкие и грязные проступки. И в любой момент я могу рассказать это «кому надо». Так что в лучшем случае ты на своей карьере сможешь поставить жирный и окончательный крест, даже папа не поможет отмыться. Однако ведь о тебе могут узнать и

кое-что другое. Например, про те деньги, что ты по-тихому воруеть из социальных счетов департамента каждый месяц. Это не говоря уже о твоих интригах и сборе компромата на все высшее руководство.

— Откуда ты это знаешь? — ошеломленный Патрик начал стремительно бледнеть. — Я думал, что ты мой друг...

— Ничего ты не думал, не ври, — злобно рявкнул на него Рассел. — Все эти годы ты только претворялся моим другом. Наверное, ты даже думал, что изображаешь моего друга только из жалости ко мне. Но при этом никогда не упускал возможности меня использовать. Действительно, почему бы не поездить на чужой шее, особенно такого тьюфяка, как я, — Рассел усмехнулся. — Но «тьюфяк» оказался не так уж прост, верно? Теперь ты меня уже не считаешь неудачником?

— Что тебе нужно? — преодолев страх, наконец-то спросил Патрик. Он еще не пришел в себя до конца, но уже увереннее начал осознавать происходящее.

Рассел убрал револьвер в боковой карман куртки, продолжая держать сослуживца на прицеле. Он по-прежнему язвительно улыбался, читая в глазах своего бывшего приятеля настоящий, ничем нескрываемый страх.

Он всегда его ненавидел. Как часто Рассел прокручивал в своей голове возможные варианты унижения Патрика. И вот теперь такая возможность ему представилась. Перепуганный насмерть заместитель начальника отдела, холеный сын банкира, бывший парень Жанин, успешный молодой человек и конченный наркоман был в его власти. Он мог себе позволить раздавить Патрика, как насекомое, он мог разрушить всю его жизнь. Рассел с большим удовольствием ухватился свободной рукой за элегантный галстук Патрика, василькового цвета, с силой потянув его вниз.

— Мне нужно знать все, что ты когда-либо слышал об этой организации. Где они, как их можно найти, кто состоит в этой... Лагнии? Ты не мог не слышать про них. Если ты хоть раз покупал дорогие наркотики, значит, ты покупал у них. Быстро отвечай!

Рассел так громко крикнул на ошеломленного Патрика, что тот отдернулся и от перепуга даже начал немного заикаться:

— Я не хотел, честно, я не хотел, — внезапно писклявым голосом тут же залепетал Патрик. — Я случайно на них вышел. Раньше я покупал все, что мне нужно, на вот этом рынке, — он указал рукой в сторону Старой площади. — Но в тот день была полицейская облава, и пришлось искать других продавцов. Я полгорода облазил за весь вечер. А потом случайно натолкнулся на одну очень странную девушку. Она «мод», у нее вместо глаза имплантант, и еще что-то... она говорила. Короче я у нее купил себе несколько ампул. Затем еще пару раз у нее покупал, для Жанин и ее друзей. Как-то в разговоре она случайно обмолвилась про эту организацию. А когда по городу пошли слухи о том, кто это такие, я перестал к ней ходить. Да и вообще я уже завязал... честно, — попытался оправдаться Патрик.

— Кто она и как ее найти?

— Я знаю только, что ее зовут Эру, а кто она такая — я совсем не представляю. Больше всего похожа на проститутку. Последний раз я ее видел месяц назад. Как правило, мы с ней встречались вечером, часов в девять. Она в это время бывает на углу «третьей» и улицы Кирлиана.

Рассел был доволен произведенным эффектом, которого даже не ожидал. Внутри себя он ликовал от счастья, видя униженного и перепуганного насмерть Патрика. Но на всякий

случай решил подстраховаться:

— А теперь слушай сюда, — он ближе притянул его за галстук. — Если ты хоть кому-то пикнешь о нашем разговоре, у тебя будут очень крупные проблемы и возможна пара лишних дырок в теле. Я знаю о тебе все, ты обо мне ничего. Надеюсь, ты запомнил это?

Патрик ответил кивком головы.

— Все, давай вали отсюда, — продолжал резать его самолюбие Рассел, — и штаны не забудь сменить.

Когда Рассел наконец-то остался один, то, глубоко выдохнув, смог расслабить мертвую хватку вокруг рукоятки пистолета. Затем он вытер об брюки вспотевшие от волнения ладони. Он продумывал свои дальнейшие действия, опершись спиной на грязную пыльную стену. После такого фурора Рассел удовлетворенно закрыл глаза и блаженно растекся в улыбке. Наконец-то он чувствовал себя настоящим, живым, тем, что смело можно было назвать — человек. В нем не было страха или слабости. Он уже перестал быть забитым и нерешительным тьюфом, каким был прежде. Теперь он уже никому больше не позволит называть себя неудачником, никогда!

Осенний промозглый день двигался к концу. Свинцовое небо над его головой заволакивала темная пелена приближающегося вечера. Надо было снова бежать на станцию «узкоколейки» и ехать домой. У него было всего несколько часов, чтобы переодеться и выпить кофе на дороге. Ночь предстояла длинная.

Сырая и гадкая погода с мелким слабо ощутимым дождем. Отсутствие звезд и лун в пасмурном небе с лихвой компенсировалось светом, исходящим от обилия неоновой рекламы на улицах города.

В облачном небе над центральным районом города бороздили три гиганстких «цеппелина». Огромные аэростаты, чьи боковые телеэкраны в повседневности использовали в качестве рекламных щитов, были подняты в небо по специальному распоряжению Патрициата. На огромных прямоугольниках плазменных экранов теперь крутили пропагандистские ролики. То и дело всплывающие на них лозунги призывали к «спокойствию», «солидарности граждан и полиции» и «вере в правительство». А десятки мощнейших прожекторов, расположенных вдоль брюха каждого дирижабля, старательно прощупывали темные закоулки и подворотни. Стремясь угодить насмерть перепуганным чиновникам и бизнесменам из центральных кварталов, Патрициат заставил эти гигантские воздушные машины ежедневно патрулировать ночные улицы города.

Проходя по центральному району Свободного города можно было подумать, что он находится в осадном положении. На каждом углу и перекрестке стояли посты полиции и городской гвардии. Скучающие солдаты, облаченные в темно-синюю униформу с полной разгрузкой, в закрытых шлемах, с автоматами на перевес, устало прохаживались вдоль тротуаров. А по ночным дорогам и шоссе, распугивая легковые машины своими басистыми гудками, то и дело проносились шестиколесные броневики. Огромные силы полиции и внутренних войск, стянутые Патрициатом в центр для охраны наиболее состоятельных граждан, приводили только к еще большему росту преступности на окраинах и в трущобах города.

Успешно миновав очередной полицейский пост, Рассел вышел на перекресток третьей центральной улицы и шоссе Кирлиана. Со всех сторон на него лился разноцветный свет роскошных витрин и городских информационных экранов Немаловажным отличием

«зеленого сектора» от всех остальных районов города было почти полное отсутствие пестрой настенной рекламы. Новенькие железобетонные небоскребы центральной части города не портились обилием кричащих кислотных вывесок, ведь это раздражало глаз элитных обитателей высотных домов.

Но стоило отойти всего лишь на пару шагов от границ центрального района, как вы попадали в настоящее царство света и красок. То место, где Рассел намеревался встретиться с таинственной девушкой по имени «Эру», представляло из себя крохотный пяточок тротуара, со всех сторон окруженного многочисленными зданиями. Над этой небольшой асфальтированной площадкой поднимался внушительных размеров рекламный дисплей. На нем, слегка выступая за границы светящегося экрана, выплывал призрачный силуэт огромной голограммы. Улыбчивая девушка в фиолетовом наряде, который только делал вид, будто прикрывает самые интимные участки ее тела, протягивала бутылку спиртного, радостно взирая на прохожих и одаривая их белоснежной улыбкой. Под ее полуголым торсом выплывали в воздухе мерцающие синим светом буквы, складывавшиеся в призыв: «Присоединяйся». Еще чуть ниже этого лозунга, переминаясь с ноги на ногу, по асфальту бродила одинокая девушка с матово-белыми волосами, в оранжевой безрукавке и накинутой поверх нее прозрачной пластиковой куртке.

Конечно, в голове у Рассела уже были догадки по поводу личности девушки со столь странным именем. Но все же он не смог скрыть удивления, когда под яркой мозаикой голографических логотипов, плакатов и фраз он встретил уже знакомого беловолосого салмакида.

— Эру, — тихо окликнул он ее по имени.

И в этот момент, бесцельно блуждавший по тротуару салмакид, являвшийся ныне в образе хрупкой женщины, резко обернулся.

— А, это ты мой милый, — сразу узнала она Рассела и тут же расплылась в игривой улыбке. — Я вижу, тебе понравился наш прошлый вечер. Тебя, кажется, зовут Рассел, верно? Ну, что ты хочешь теперь мой милый? Снова попробуешь девочку или, может быть, мальчика? Я могу по-разному...

Она распахнула куртку, вставляя на показ свое и так плохо прикрытое тело, и элегантно облизала пухлые губы, покрытые белой помадой. Ее тонкий голос, который по слухам салмакиды также могли с легкостью менять, нежным бархатом обволакивал сознание Рассела. Он даже немного отшатнулся, почувствовав в себе странную тягу к этому вульгарному существу.

— Нет, я это, — Рассел растерянно запинаясь, — мне нужно купить у тебя... этот препарат. Вот!

Она заразительно рассмеялась, по-женски элегантно опрокинув назад голову:

— Ах, вот как. Тебе нужно удовольствие другого порядка. Ну что же, посмотрим, чем я могу тебе помочь. Надеюсь, сегодня у тебя также много денег, как и вчера. Или одна ночь со мной лишила тебя последних средств к существованию?

Она снова громко засмеялась, обнажая ряд белоснежных зубов. Однако теперь Рассел оставался при своем сознании и даже озлобленно посмотрел на эту наглую проститутку. Ее слова о деньгах тут же отбили все прежние вульгарные мысли. Он озлобленно вспомнил, как она бесцеремонно лишила его двух третей честно заработанного гонорара. В голове промчалась вереница мыслей, вырисовывавших различные способы восстановления попорченной справедливости при помощи револьвера. Но Рассел тут же отогнал их, вспомнив

о своем главном задании.

— Ну и что конкретно ты ищешь? «Ангельскую пыльцу», «голубую ртуть» или «ускоритель», у меня есть все, что ты захочешь. Любой каприз за твои деньги...

Она продолжала игриво улыбаться, впиваясь взглядом в смущенное лицо Рассела. А он попеременно косился то на ее округлые груди, то на короткое платьице, почти полностью оголявшее стройные ноги, то на ее имплантированный глаз.

К сожалению, он совершенно не разбирался в современных наркотиках, да и вообще как-то растерялся от подобного вопроса. Приоткрыв рот в надежде хоть что-то сказать, он тут же запнулся и вновь замолчал. Но внезапно на ум пришла идея о «тайном пароле», случайно оброненная интендантом Хайдером.

— Лагния, — не подумав, буркнул Рассел.

Улыбаясь заговорщицки, он почему-то еще и протянул вперед руку для приветствия, ожидая, что салкамид поступит также.

Если бы Эру могла, то в этот момент она непременно округлила бы и свой электронный глаз тоже.

— Ты сейчас что сделал? — запнувшись, произнесла она. — Ты сейчас представился, или это был такой вопрос?

Рассел почувствовал рост напряжения в висках. Глупая попытка произвести контакт ни к чему не привела. Однако, к его удивлению, смеющаяся Эру сразу же все поняла. Она прекратила инфантильный смех, сосредоточенно взглядевшись в глаза своего странного собеседника, и проговорила:

— Что именно тебе нужно и сколько? — Ее голос был крайне серьезен.

— Самых сильных... двадцать ампул, — Рассел брякнул первое, что пришло ему на ум. Непонятно почему, но при разговоре с этим необычным созданием, Рассел потерял свою былую уверенность. Еще час назад он чувствовал себя сильным и властным, а теперь вновь стушевался, каждый раз неся полную ахинею. А еще он просто не мог оторвать взгляда от изящного бантика ее пухлых губ.

— Ну, раз так, тогда пойдем со мной.

Эру вновь рассмеялась. Она тут же отвернулась от Рассела и уверенно зашагала вниз по улице. Ее длинные шпильки звонко застучали по мокрому асфальту. Теряясь в собственных мыслях, Рассел поспешил за ней.

— Пойдем, пойдем, — Эру насмешливо подгоняла его. — Это недалеко, в паре кварталов отсюда. Слышал когда-нибудь про клуб «Бездна»?

Практически любое заведение, будь то ночной клуб или ресторан, проходило по чиновничьим сводкам как «дом развлечений». Но среди жителей Свободного города, в отличии о чиновников, была распространена собственная терминология. «Домами развлечений» с большой буквы и в кавычках назывались только те места отдыха, в которых прейскурант допустимых развлечений был незаконно расширен.

Ночной клуб «Бездна» был небольшим опрятным строением, качественно отличавшимся от обшарпанных домов по соседству. Как и говорила Эру, он оказался всего в нескольких сотнях метров от места их встречи. Был ли он базой или одним из временных пристанищ этой таинственной организации, Рассел не знал. Но больше всего его поразило то, что клуб «Бездна» оказался в опасной близости от здания «Центрального суда» с одной стороны улицы, и от «Представительства дома Каина» с другой. А также, через дорогу от его главного входа, сверкавшего ярко-красной вывеской, располагался один из постов полиции.

Наличие поблизости стражей порядка вдохнуло прилив новой уверенности в немного оторопевшего ранее Рассела.

Внутри клуба играла музыка, достаточно громкая для того, чтобы говорить, но не напрягать связки. Полутона и выкрашенные в черный цвет стены дополняли общую мрачную атмосферу. Притом, что ночной клуб «Бездна» был явно рассчитан на огромное количество посетителей, он вряд ли пользовался большой популярностью. В его главном помещении находилось не больше двадцати человек. Они сидели за многочисленными столиками, расположенными по периметру зала, и вели приглушенные беседы. Никто не обратил внимания на вновь прибывших посетителей. Охранник у входа, который, судя по всему, был знаком с Эру, оценивающе оглядел Рассела. Он кивком поздоровался с белокурой девушкой и пальцем указал на ее спутника.

— Это со мной, — коротко ответила Эру.

Проведя Рассела к бару, она попросила подождать. Сама же Эру скрылась в одной из малоприметных дверей, расположенных в углу. Черная потайная дверь, на которую практически не падал свет, была почти неразличима на общем фоне мрачных стен клуба.

Рассел настороженно огляделся вокруг. Никто из посетителей или персонала не высказывал к нему никакого интереса. Увидев полное равнодушие на безучастных лицах людей, окружавших его, Рассел облегченно вздохнул. Для уверенности он ощупал пальцами рукоять револьвера, заткнутого за пояс под курткой и «шпионскую» зажигалку во внутреннем кармане.

Прошли не больше десяти минут, как из скрытой в темноте двери вышел высокий, крепкого телосложения мужчина, довольно молодой. Внешне он походил скорее на ровесника Рассела. Его густые черные волосы были собраны в тугий хвост, а на широкоплечий торс был небрежно накинут кожаный плащ, под которым виднелся черный жилет, с квадратными внутренними вставками, скорее всего металлическими. Атлет сделал несколько уверенных тяжелых шагов и подошел к Расселу. Его обувь звонко громыкала кованой подошвой. Рассел испуганно смерил его взглядом и остановился на лице незнакомца. Если зрение его не обманывало, то под его правым глазом виднелся длинный и тонкий белесый шрам. Вряд ли это было простым совпадением. Рассел быстро догадался, что этот таинственный субъект был «киборгом», который по каким-то причинам решил скрыть свое происхождение. Возможно, он даже скрывался от закона.

Для отделения киборгов от прочих граждан общества правительство требовало от них нанесение серийных номеров на тело. Те из людей, что становились «киберами», сознательно, при получении все необходимых бумаг и документов, выводили татуировки со своими шестизначными номерами на подмышке. Однако если киборгом человек становился против своей воли, что было достаточно часто, его серийный номер наносился у него на лице.

Неведомые обстоятельства толкнули этого киборга вступить на путь «вне закона», первым шагом по которому стало удаление клейма с серийным номером. Последним, что окончательно перепугало Рассела, был медальон, болтавшийся на его шее и выступавший над воротником бронезилета. Серый ромб с широким косым крестом синего цвета, был отличительной эмблемой церкви «Матери Машин» — таинственного и полулегального культа, который исповедовали только «киборги» и «моды».

Увидев надвигающееся на него существо, которое было для Рассела воплощением беззакония и опасности, он тщетно попытался отойти к выходу. Но его жалкая попытка

улизнуть тут же была пресечена мускулистым киборгом.

— Идите за мной, — холодный грубый голос, каленым железом рубанул по слуху Рассела.

Подчиняясь его механической воле, шпион-неудачник побрел за ним в тайную дверь, скрывавшую самые дикие страхи Рассела.

Они оказались в длинном и промозгом коридоре, в который, по всей видимости, задувал холодный ветер с улицы. Через пару десятков шагов коридор вывел их в большое складское помещение, до потолка заставленное разнообразными ящиками. Из этого квадратного зала шел еще один витиеватый коридор, а в боковых стенах располагались две железных двери. Подведя перепуганного Рассела к одной из них, киборг просто затолкал его внутрь. Железная дверь с грохотом захлопнулась за его сильно вспотевшей спиной. Он все отчетливее начал ощущать дрожь в коленях и ватную слабость ног.

На противоположенной от входа стене зияла широкая надпись. Большие рубленые буквы, выведенные уже знакомой фосфоресцирующей краской, медленно начали складываться в сознании Рассела в пугающие слова.

«Борьба — мое право», гласила светящаяся надпись.

В голове Рассела тут же пробежала страшная мысль: «это же главный лозунг дома отступников». Только сейчас он начал понимать, в общество «каких» людей его занесло собственное неблагоразумие. И чем сильнее он осознавал это, тем сильнее его тело сковывал страх, а дрожь в ногах становилась отчетливой.

В центре затемненной комнаты, огромным полукругом располагался добротный кожаный диван. Он занимал собой почти все пространство, и кроме него, Рассел отметил только наличие двух плоских мониторов на стенах. В центре этого кожаного полукруга стоял небольшой квадратный столик, заваленный различными баночками, ампулами и капсулами. Перед столиком располагался простой железный стул.

Слева от Рассела, на широкой спинке дивана вольготно расположилась Эру. Все также похотливо пожиравшая его своим взглядом. А вот в центре, как раз напротив перепуганного Рассела, сидела странная парочка.

Бледная и неподвижная девушка в голубом пластиковом наряде, с копной ядовито-зеленых волос. И мрачный мужчина средних лет, одетый в длиннополый темно-синий френч и синие перчатки. Его прямые, черные как смоль волосы были ровно зачесаны назад, виски до середины головы гладко выбриты. Но главное, что увидел Рассел, это его звериный и тяжелый взгляд. Серые холодные глаза хищника, загнавшего свою жертву и равнодушно следящие за ее предсмертной агонией. Мужчина подал знак рукой, и Рассел послушно сел на жесткий металлический стул.

Однако позади, тихо ступая на своих тонких каблуках, подошел еще один обитатель этой комнаты. В страхе и смятении, Рассел не успел заметить прятавшуюся в темноте третью девушку. Она была высокой, крепкого телосложения и совершенно лысой. Бритоголовая женщина подошла к нему сзади и больно ткнула в затылок дулом пистолета.

Щелчок затвора тут же вернул Рассела в чувство. Он рефлекторно дернулся к внутреннему карману куртки.

— Руки на стол, и без резких движений, — черноволосый мужчина говорил резко и твердо, не сводя глаз со своего пленника.

— Я просто хочу закурить, — Рассел попытался объяснить свои действия, нелепо расставив руки подобно крыльям.

— Нет, вынимай все, что у тебя есть по карманам, и медленно.

Рассел послушно выложил на стол пачку сигарет и зажигалку. Мужчина еле заметно улыбнулся. Он осторожно взял его «шпионскую» зажигалку двумя пальцами, внимательно рассматривая ее.

— Скажи мне честно... где Хайдер вас таких находит?

Этот вопрос поверг Рассела в шок. Он отчетливо осознал не только то, что был разоблачен еще с самого начала, как только оказался у дверей клуба, но и начал представлять дальнейшую свою судьбу.

— Мы на прошлой неделе еще одного, подобного тебе, «пришили», — продолжил свою речь мрачный главарь. — Этот несчастный парень теперь покоится где-то на дне Ядовитого моря. Тоже ведь думал, что у него все получится легко и без проблем. Думал, что он крутой шпион и быстро дослужится до офицерского звания, наверняка даже на премию рассчитывал. С точно такой же зажигалкой мы его и утопили... А ты знаешь главное предназначение этого передатчика? — Он вопросительно посмотрел на Рассела, с какой-то равнодушной скукой в глазах. — Дело в том, что это устройство работает автономно и в информационном центре полиции даже сейчас отслеживают твое местонахождение. Если ты слишком долго задержишься на одном месте, кроме твоего дома, разумеется, то туда сразу же прибудет отряд быстрого реагирования. Но они изначально не рассчитывают найти тебя живым. Им просто нужно определить все те места, куда ты заходил до того момента как твое тело отправили на дно моря. Хотя в идеале они все-таки предполагают хотя бы раз получить тревожный сигнал, но подобного им еще ни разу не удавалось. Сожалею, но это факт: тебя кинули мой мальчик, использовали, как расходный материал. Твоя проблема в том, что ты поставил на крапленые карты в надежде выиграть, но проиграл. Хайдер, это маленький и очень глупый человек, он любит играть в шпионаж и постоянно посылает на верную смерть своих «шестерок», еще более маленьких и глупых, чем он сам. Кстати, а что он тебе пообещал за это дело?

— Денег, — еле выдавил из себя Рассел, цепенеющий от страха с каждой минутой все больше, — а еще работу в полиции.

— Тому парню он тоже обещал работу, — уже более расслабленно произнес главарь, — и еду. В прошлый раз они подобрали настоящего нищего с улицы, который был готов рисковать жизнью за еду. Представляешь? За полсотни лет, которые он топчет нашу трижды проклятую землю, Хайдер никогда и ничего не делал сам. Он не привык мараться, любит работать чужими руками. И ты знаешь, — какая-то тень грусти скользнула по его лицу, — я не хотел убивать этого несчастного парня, честно. Не видел в его смерти совершенно никакого смысла.

— Зачем вы мне это рассказываете? — наконец набравшись смелости, спросил Рассел. Он по-прежнему чувствовал, как холодная сталь пистолета упирается в его затылок.

— Рассел... тебя ведь так зовут, верно? Я хочу сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Обменявшись хищными взглядами с Эру, черноволосый вожак внезапно рассмеялся:

— Нет, ну конечно ты можешь отказаться прямо сейчас, и мы окончим наш разговор. Но прошу тебя, не делай глупости. Ведь в тот самый момент, когда ты скажешь бессмысленное в твоём положении слово «нет», твоя глупая голова разлетится в клочья и забрызгает кровью всю эту комнату. Ты хоть представляешь, сколько времени потребуется мои людям, чтобы отчистить этот диван от остатков твоих мозгов?

Этот жутковатый тип вел себя очень раскованно и даже пытался шутить. Он чувствовал собственную власть над пленником и его положением. Глаза хищника по-прежнему пожирали белеющее от страха лицо Рассела.

— Если же ты готов принять мое предложение, то продолжим разговор. Я хочу, чтобы ты стал одним из нас, — он ухмылялся и буравил взглядом своего пленника. — Разумеется, это останется нашей маленькой тайной. Кроме присутствующих здесь, — он обвел комнату рукой, — никто и никогда не узнает о нашем тесном сотрудничестве. Дело в том, что мне нужен свой человек, и очень надежный человек, в Департаменте правопорядка, желательно поближе к Хайдеру. Этот старик начинает порядочно действовать мне на нервы. А ты, Рассел, как нельзя лучше подходишь на роль двойного агента, и оплата у тебя будет соответствующая. Ну, как, ты готов?

— А как вы думаете? — остатков смелости вполне хватило на дерзость.

— Он действительно мне нравится, быстро соображает, — ехидно протянул главарь, обращаясь к Эру, раскованно облокотившейся на спинку дивана. — Правильно отвечаешь, парень, а значит, проживешь еще немного. Ну, а как долго, так это напрямую зависит только от тебя...

Бритоголовая женщина ослабила упор пистолетом в затылок, но продолжала держать Рассела под прицелом. Вместе с тем, она без лишних проволочек выхватила у него из-за пояса револьвер и отбросила его на диван. Маленький черный ствол упал рядом с надменной девушкой, которая вальяжно сложила ногу на ногу и наблюдала за издевательствами над Расселом. Двуполое существо сразу подхватило откинутый револьвер и тоже направило в стороны пленника.

Рассел уже ни о чем не думал. Он был готов послушно принять все, что эти люди собирались с ним сделать. Сам не понимая, зачем, но он рефлексивно скрестил руки за спиной, как смертник, поднимающийся на эшафот.

— Ну, раз у нас так все складно получилось, то позволь представиться. Мое имя Кайнер, — слегка приподнявшись, черноволосый убийца театрально раскинул руки и поклонился. — С Эру, я так полагаю, ты уже знаком... Это Марго, — он указал на бритоголовую амазонку, — а рядом со мной сидит Саманта.

Бледная девушка с пустым холодным взглядом никак не реагировала на происходящее в комнате. Она по-прежнему сидела неподвижно и даже не отдернулась, когда Кайнер пару раз щелкнул пальцами у нее пред глазами.

— Саманта судя по всему, у нас по-прежнему в отключке, — с ноткой грусти заметил он. — Так что нам и отвлекаться на нее не стоит.

Он снова засмеялся, однако Рассел никак не реагировал на его шутки, выслушивая их молча. При всем своем веселом нраве и раскованности, этот злой и жестокий человек внушал только страх и подавленную ненависть.

— А почему вы называетесь «Лагния»? — немного осмелев, вновь спросил Рассел.

— О, это очень старинное слово, — улыбнувшись, отмахнулся Кайнер, — из одного «исчезнувшего языка» который умер задолго до великого перелома. Это слово можно перевести как похоть или сладострастие, низменные желания, — он сделал театральный реверанс кистью руки, — короче, все в таком духе. Мы олицетворяем собой всю мерзость человеческих пороков, которые так стремится уничтожить Трибунал. Мы паразиты, и живем за счет гниения этого общества. Я способен это признать, потому что это правда, — он зловеще оскалился, — и она мне безумно нравится.

— Если вы ненавидите Трибунал, это значит, что вы еретики, — Рассел немного осмелел и всячески стремился развести Кайнера на длительный разговор.

— Нет, — спокойно пояснил тот, — меньше всего наша организация относится к еретикам. Если ты про этот лозунг, — Кайнер указал на стену позади себя, — то это всего лишь устаревшая и никому не нужная фраза, из моего далекого прошлого.

Он протянул руку к стоявшему перед ним столику и поднял одну из небольших колбочек, с мутной голубоватой жидкостью.

— Главное, чем теперь живет вся наша дружная компания, находится внутри этой маленькой ампулы. Видишь ли, Рассел, я гуманист, — видимо Кайнер очень любил рассказывать о себе и своих идеях, — и я даю людям именно то, что они хотят в действительности. Хайдер наверняка наплел тебе, что мы страшная преступная организация, ужасная болезнь, вредящая самим основам общества. Но ведь это не так... На самом деле мы реально помогаем людям, удовлетворяя их скрытые потребности. Наш истинный грех заключается лишь в том, что мы стали зарабатывать деньги на человеческих слабостях.

Кайнер был способен очень быстро менять свое настроение и манеру разговора. Его бледно-серые глаза не выражали ни гнева, ни злобы. Он был в отличном расположении духа и говорил спокойным размеренным голосом, даже немного ласковым, сопровождая все это театральными жестами и ужимками.

— Лагния это все то, о чем ночами мечтают люди. Все то, что они смущенно запрещают себе, боясь позора и мнения других. Мы олицетворяем собой все, что каждый неудачник в этом мире с огромным стыдом скрывает в тайниках своего подсознания. Но при этом он каждую ночь представляет себе эти мерзкие и пошлые картинки, сладостно прокручивая их в голове, одну за одной... Все самое позорное, что есть в «человеке», все это и есть Лагния, все это — мы.

Он вытянул вперед руку, сжимая между пальцев небольшую ампулу.

— Вот это, называется «Голубая ртуть», очень дорогой синтетический наркотик. Знаешь, кто является его главными потребителями? Все облеченные властью люди, кто запрещают другим принимать эту безобидную жидкость. Одна ампула обходится в восемь сотен крон! Это очень дорогое удовольствие, согласись. Весь Патрициат, консулы, министры и генералы, все главы Великих домов, все руководство Трибунала, их прелаты, храмовники и патриархи, все они сидят на этой голубой дряни. Все поголовно! Все, кто каждый день говорит тебе о морали и нравственности, кто учит тебя жить, все, кому ты исповедуешься в грехах за прошлую неделю, все, кто судят тебя за мелкие нарушения их нелепых законов... все они «сидят» на этой самой жутко дорогой дряни, голубого цвета, напоминающей внешне жидковатые шарики ртути!

На мгновение Расселу показалось, что Кайнер мог бы стать блестящим оратором. Возможно, он был просто создан для того, чтобы читать проповеди и выступать публично. Только в отличие от глашатаев Трибунала он не призывал к прогрессу и самосовершенствованию. Напротив, жизненная философия Кайнера была очень развратна и невероятно проста. В конечном итоге она все также сводилась к короткой фразе, написанной большими рублеными буквами над головой циничного оратора.

— Может и тебе стоит попробовать эту эссенцию, — внезапно задался вопросом Кайнер.

От этой мысли Рассела бросило в дрожь. Его испуг не мог ускользнуть от чуткого глаза опытного убийцы. Своими холодными глазами Кайнер подал еле приметный знак

подчиненной. И тут же, повинувшись его бессловесному приказу, Марго одним щелчком сковала кисти Рассела наручниками. Не способный что-либо сделать, он тщетно попытался вырваться. Но тут же в его щеку уперлась холодная сталь ствола. Он беспомощно обмяк, в очередной раз, смирившись с ролью покорного пленника.

Марго привычным для нее движением запрыгнула верхом на Рассела, обхватив его талию своими жилистыми ногами. Она была облачена в длинное облегающее платье, с высоким воротником и глубокими разрезами по бокам, дающими свободу ее длинным и сильным ногам. Свободной рукой бритоголовая амазонка вцепилась в его горло, сдавливая длинными пальцами нижнюю челюсть своего узника.

Много раз, наедине с самим собой, Рассел признавался себе, что всегда был без ума от «властных» женщин. Он часто мог вырисовывать в своем подсознании, картины собственного подчинения, видя себя в подчиненной роли по отношению к сильной и властной госпоже. Страхась собственных мыслей, каждую ночь он одновременно сладостно смаковал и боялся их. Постоянно испытывая чувство вины за эти низкие мысли.

И даже сейчас, страхась за свою собственную жизнь, он не мог не отметить красоты тела этой агрессивной хищницы. Она наваливалась на него, слегка сдавливая длинными стройными ногами и плотно прижимаясь своей пышущей жизнью горячей грудью. Рассел чувствовал на себе ее дыхание, ее запах, пульсацию ее крови. Он видел ее зеленые ядовитые глаза и тонкую линию ее сжатых губ.

Невозмутимый Кайнер уже стоял рядом с ними, неспешно раскупоривая ампулу с наркотиком и продолжая говорить своим равномерным спокойным голосом.

— Можешь не бояться, — продолжал он, — у «голубой ртути» очень слабый порог привыкания. Сильные мира сего не любят считать себя наркоманами. Им приятна мысль, что они могут бросить это занятие в любой момент. Поэтому специально для них мы и создали этот «эликсир», создающий иллюзию свободы выбора.

Марго разжала стиснутые зубы Рассела, и тонкая струйка голубоватой жидкости тут же полилась в его горло.

— Если выпить его, то ты почувствуешь приятную слабость, — пояснял Кайнер, — и лишь потом наступит непродолжительная эйфория. Однако если принять его внутривенно... то следующая остановка — стратосфера.

Рассел поперхнулся синей безвкусной жидкостью, которая, казалось бы, подобно ртути состояла из крошечных комочков, неприятно проскользнувших в горло. Но уже через мгновение он почувствовал внезапно накатившее на него тепло. Легкая слабость окончательно сковала и без того неподвижное тело. Вместе с тем отсиженные ноги и порезанные под стальными браслетами оков кисти рук тоже перестали болеть. Отступила боль и усталость, притупилось чувство страха. Безмятежность и равнодушие теперь полностью овладели сознанием Рассела. Расслабленно улыбаясь, он начал совсем уж вульгарно рассматривать тело взгромоздившейся на него девушки.

Марго лишь усмехнулась, всматриваясь в переполненные желанием глаза своего пленника. Она широко открыла рот. Длинный, не менее двадцати сантиметров, и как змея извивающийся имплантированный язык, аккуратно скользнул по краям его губ. От неожиданности такого поворота, Рассел даже немного отшатнулся.

— Поверь мне, — прошептал над его ухом Кайнер, — это далеко не самая лучшая из ее модификаций.

Затем Рассел вновь почувствовал боль в запястьях. К горлу начинала подступать

тошнота. Реакция его организма на наркотик была непредсказуема. Но он по-прежнему не сопротивлялся.

Он ничего не говорил когда его, безропотного и еле стоявшего на ногах, буквально выносили из комнаты две женщины, взяв под руки. Скрежеща на металлических петлях, тяжелая дверь отворилась, и вся процессия направилась к выходу. Однако в складском зале, только выйдя из комнаты допросов, они были остановлены другой группой. Это были трое крепких бойцов Лагнии, с короткими автоматами за плечами, которых возглавляла одна высокая и статная женщина.

Когда Рассел все-таки сумел сконцентрировать на ней свое расплывающееся зрение, то понял, что с женщиной это существо можно было спутать лишь издалека. Салмакид имел еще более странную внешность чем Эру, сочетавшую как мужские, так и женские признаки. Разделенный будто бы надвое, он больше всего напоминал андрогена. Правая его половина была чисто женской: обтянутая фиолетовым платьем грудь, тонкая талия, стройная нога, выступавшая из-под глубокого разреза. Левая же часть туловища была мужской, с мускулистыми и жилистыми конечностями, лишь отчасти прикрытыми широкими полосками ткани, соединяющихся с правой стороной одежды. Странное существо, чья голова также была гладко выбрита на левой стороне, внимательно разглядывало Рассела. Его желтые глаза смотрели озлобленно и надменно.

— Кто это? — спросил салмакид. В его голосе читалась властная уверенность.

— Алегро! Я даже и не знал, что вы уже вернулись, — как всегда с ехидным настроением произнес Кайнер, растекаясь в фальшивой улыбке. — Как ваши успехи, как зверушка?

— Ты меня не расслышал, — по всему было видно, что этот странный салмакид была настроена крайне серьезно. — Я так понимаю, что это еще один из прихвостней Хайдера. Он нам не нужен, разделайся с ним, — приказал Алегро.

— Это мой новый помощник, — съязвил Кайнер. — Или у вас есть какие-то возражения, относительно моего выбора новых кадров?

— Помощников у тебя и так достаточно. Если ты не хочешь поставить организацию под удар, то прикончишь этого щенка. А если нет, тогда с ним разберутся мои люди. Убрать его, — не оборачиваясь и не отрывая желтых глаз от Рассела, скомандовал своим телохранителям Алегро.

Вооруженные стражники неуверенно двинулись в сторону Рассела, но тут же были остановлены бессловесной командой Кайнера, выставившем вперед руку. Судя по растерянности и нерешительности бойцов организации, Кайнер и Алегро имели очень высокий статус, примерно равный друг другу. Трое боевиков ступевались и даже не знали, чьи приказания им выполнять. Поэтому они на всякий случай заняли ту часть помещения, что разделяла обоих конфликтующих лидеров.

— Твои люди? — озлобленно переспросил Кайнер. Его игривое настроение мгновенно улетучилось. На лице вздыбились скулы, обнажив звериный оскал зубов. Он явно не привык уступать в спорах и очень ревностно охранял свой авторитет. — Надеюсь, ты еще не забыла, что все кто находятся в этом здании, прежде всего «мои люди». То, что я передал тебе троих человек для помощи в транспортировке нашей «домашней зверушки», еще не делает тебя главной среди нас. Любой член Лагнии в первую очередь является моим человеком, и выполняет вначале мои приказы, запомни это!

После таких слов все трое бойцов мелкими шапками перебежали поближе к Кайнеру.

Озлобленный салмакид остался в явном меньшинстве. Алегро ничего не ответил и, сглотив обиду, молча направился в другое крыло подземных лабиринтов. Дождавшись одобрителного кивка от Кайнера трое здоровенных головорезов послушно побежали вслед за своим временным сюзереном.

Кайнер резко развернулся на каблуках, картинно отсалютовал полуживому Расселу.

— Теперь ты мне уже дважды обязан жизнью, — смеясь, заметил он. — Именно Алегро настояла на убийстве твоего предшественника. Она чует предателей и стукачей за километр, врожденный дар салмакида. Но вот дальновидности в принимаемых решениях ей явно не хватает. Стратегические планы нашей великой организации — это не ее конек, а мой.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Кайнер вновь самодовольно рассмеялся и уверенной веселой походкой направился к выходу из клуба.

На улице в голову Рассела ударила освежающая прохлада. Морозный осенний ветер вновь стал возвращать его к жизни. С трудом передвигая ноги, Рассел покорно брел среди окружавших его врагов, направлявшихся куда-то вглубь квартала.

Внутри пустого двора, позади ночного клуба «Бездна» стоял заведенный автомобиль. Рассел не без труда разглядел в темноте его обтекаемый черный силуэт и зеленые габаритные огни. За рулем большой приземистой машины сидел уже знакомый ему широкоплечий «киборг».

Внезапно где-то в воздухе раздался приближающийся рев мотора. Все, кто стоял в этот момент во дворе, рефлекторно вскинули головы. Последним, из-за бешеной слабости, это сделал Рассел. Он успел разглядеть, как в мрачном беззвездном небе, под самой кромкой серых облаков, ревя турбинным двигателем, пронесся «аэробайк». Квадратная, с широким тупым носом, тяжелая машина легко пролетала над переулком, оставляя еле заметный дымовой след позади себя.

— Специальный аэровзвод, — со знанием дела отметил Кайнер. — Даже такие части гвардейцев подняли для патрулирования улиц, невероятно, — он опустил голову и ехидно посмотрел на мало что соображающего Рассела. — Они подняли в небо цепилыны и единственный аэровзвод с одной лишь целью — найти и поймать нас!

С этими словами Кайнер уселся в машину, рядом с водителем. Марго и Эру, усадили неповоротливого Рассела на заднем сиденье, зажав его с обеих сторон.

— Ладно, Эд, — обратился к водителю вожак этой причудливой своры, — поедem в отель, нашему новому другу нужно хорошо отдохнуть.

Когда машина, наконец, тронулась с места, плохо соображавший Рассел беспомощно откинул тяжелую голову на спинку сиденья. Он по-прежнему не ориентировался в том, что с ним происходило. Его тело потихоньку начинало оживать, возвращался контроль над конечностями, но вместе тем оставалась легкая эйфория. По его истерзанному организму в очередной раз нежными волнами прокатилось внутреннее тепло, и сладостное бессилие захлестнуло его с головой.

Рассел просыпался очень тяжело, еле оторвав от подушки ватную голову, с гудящими висками и болью в глазах. Ощущение напоминало тяжелое похмелье. За окном еще было темно, и точное время суток оказалось невозможно определить. Рассел лежал совершенно голым на мягкой постели, где-то посередине меж двух переплетенных тел. Справа от него лежала Марго. Он без труда различил очертания ее крепкого тела в неверном свете ночных

фонарей, проникавшем через открытое окно.

Ее плоский живот, слегка вздымающаяся грудь, волнистые линии мускулистых ног. Руками она переплеталась с другой девушкой, лежавшей позади Рассела. В этом втором теле он тут же узнал Эру. Все те же белые пряди волос, высокие скулы и изящный бантик пухлых губ. Однако ее торс был совершенно плоским и мужским, с ровным прессом и крупными узлами мышц. Слегка прикрытая простыней промежность Эру вызвала в Расселе череду домыслов и сомнений. Однако разоблачать этот последний участок неприкрытого тела он не решился. Тем более, что ноги у салмакида оставались по-прежнему женственными.

Быстро придя в чувство и вспомнив все произошедшее вечером, Рассел выскользнул из-под сплетенных тел и начал спешно одеваться. В полумраке он рыскал по незнакомой комнате, пытаясь отыскать свою одежду. Вещи выпадали из его трясущихся рук. Он постоянно с судорогами оглядывался на спящие тела своих странных врагов. Похватав в одну большую кучу все вещи, которые успел собрать, Рассел на цыпочках прокрался к двери.

Однако в следующей комнате его ждало разочарование. Кайнер, с вечной улыбкой, которая никогда не исчезала с его надменного лица, уже ждал пробуждения своего пленника, вальяжно расположившись в большом мягком кресле. Он спокойно наблюдал за наспех одетым Расселом, который оцепенел от страха и даже не знал, что ему делать дальше.

— Я смотрю, ты еще не успел полностью собраться, — заметил он, указав на перепуганного Рассела, одетого только в неровно застегнутую рубашку и один единственный носок. В этот момент перепуганный клерк разжал пальцы и выронил свой ворох одежды. Вдобавок ко всему, напуганный и дико смущенный Рассел был вынужден присесть на корточки и начать нервно разбирать кучу различного белья, вынесенную им из спальни. При этом он старался не смотреть в надменные глаза главаря бандитов.

В это время Кайнер спокойно встал с кресла и прошелся вдоль гостевого зала, попутно включая все имеющиеся там светильники. Комната, в которой он застал Рассела в столь неприглядном виде, осветилась десятком ярких люминесцентных ламп. В их белом холодном свете стали различимы прямые грани помещения и малочисленная кубическая мебель. Казалось, все в этой комнате состояло из ровных полос и прямых углов, преимущественно белых и черных цветов. Рассел никогда не любил подобную форму архитектуры, но по габаритам гостиной и огромному панорамному окну он сразу же догадался, что они находились в одном из центральных кварталов города, в небоскребе.

— Это один из лучших номеров гостинице «Метрополис», — с явным удовольствием и гордостью пояснил Кайнер. — И я хочу, чтобы ты знал: в этих стенах проходили такие оргии, которые никогда не сможет представить себе даже самое больное воображение какого-нибудь рядового клерка, вроде тебя. — Он провел рукой по прямоугольной спинке одного из диванов. — И все что здесь происходило, совершали самые выдающиеся и уважаемые люди нашего города. Люди, кого не скрывая своего раболепия простые граждане называют элитой и на кого хотят быть похожи тысячи работяг, живущих внизу.

В этот момент Кайнер пространно указал рукой на панорамное окно, занимавшее почти всю стену.

— На самом деле, все эти властители мира, ничем не выделяющаяся кучка старых развратников, прикрывающих свои толстые мерзкие тела дорогими одеждами.

Не оборачиваясь и смотря на пейзаж ночного города, Кайнер задал вопрос, на который не ожидал услышать утвердительного ответа:

— Ты хоть раз, бывал в этом здании? Раньше, до встречи со мной, ты мог хоть на

минуту вообразить, что однажды проведешь целую ночь в одном из лучших номеров, самого престижного отеля во всем Свободном городе. И эту дивную ночь ты будешь находиться в компании прекрасных и раскованных женщин, — в этот момент он переключил свой ехидный взгляд на спешно одевающегося Рассела и заговорщицки ухмыльнулся. — Разве тебе не понравилось?

— Зачем было все это устраивать: этот номер, девушки, эта синяя дрянь? Зачем вы меня сюда привезли? — он смог ответить только вопросом на вопрос.

— Чтобы ты вкусил моих даров, которые я так любезно предоставил тебе. Разве это кажется тебе странным, что радушный хозяин предлагает дорогому гостю все самое лучшее, что есть в его доме? — он сделал театральный реверанс, расплываясь в надменной улыбке.

— Что я должен сделать взамен? — покорно спросил Рассел, он уже оставил всякие попытки сопротивляться или бежать от этого странного маньяка. Бегство было невозможно, и означало бы для него верную смерть. Но вместе с тем, Рассел вовсе не хотел доверять этому жуткому типу, который все больше пугал его.

— Все очень просто, — Кайнер сложил руки за спиной. — Сейчас нам нужно будет съездить в одно место, оно находится в трущобах на востоке. Там тебя будет ждать очень ответственно мероприятие. А затем, если ты покажешь себя молодцом, я тебя отпущу. Ты должен будешь вернуться к Хайдеру и любым доступным для тебя способом, убедить его, что ты вышел на верный след. Например, можешь рассказать ему, будто подкупил информаторов в преступной среде и скоро сможешь подобраться к Лагнии поближе. Со временем, ты сдашь старику несколько мелких и бесполезных пешек с улиц красного сектора, которых я назову тебе. Тогда Хайдер начнет тебе по-настоящему доверять и возможно приблизит к себе. Все что от тебя требуется, Рассел, это играть в нашу веселую игру и помнить о том, что карты твои кропленые. И ты никогда не должен усомниться в моих уникальных способностях, играть и выигрывать. Иначе это может печально для тебя закончиться. Полиция тебя не защитит, они уже сдали тебя. А вот я могу тебе помочь довести эту партию до конца и сорвать большой куш. В конце концов, Хайдер — это всего лишь шестерка на нашем столе, а я — джокер.

Кайнер был человеком не только жестоким, но и очень расчетливым. Всю свою жизнь он заранее никому не доверял, потому что всегда ожидал предательства любого из окружавших его людей. А еще он ни на кого не надеялся, даже на самых ближайших соратников. С его точки зрения, люди вообще не делились на друзей и врагов, так как в любую минуту вчерашний враг мог быть полезен и становился надежным союзником, а друг — наоборот. Трудно было сказать, как вообще воспринимал окружающих его людей этот неунывающий и эпатажный маньяк. Скорее всего, люди представляли в его глазах значимость, только если они могли принести пользу его организации, всех остальных он попросту не замечал. Ничего личного, только бизнес. В своих действиях он ни перед кем, кроме собственного большого сознания, не отчитывался, а потому логика его поступков зачастую была не понятно даже другим членам синдиката.

Он дождался, пока Рассел наконец оденется, и тут же вывел его на улицу, никак не оповестив своих помощниц, оставшихся в спальне. Выходить пришлось какими-то окольными путями, через кухню и подсобные помещения внутри отеля. Судя по всему, их пребывание в том шикарном номере было неофициальным и наверняка незаконным.

На улице они вновь сели в уже знакомую машину, с неизменным киборгом водителем, которого, судя по всему, звали Эд. Часы на приборной панели автомобиля показывали семь

часов утра. Приближался поздний осенний рассвет.

— Зачем я вам нужен? — наконец спросил Рассел. — Вы и в правду решили оставить меня в живых, или это такая извращенная форма садизма?

Кайнер неожиданно стал серьезным и даже задумчивым. Он говорил со своим пленником не оборачиваясь. Лишь изредка его серые глаза показывались в зеркале заднего вида.

— Тот парень, — неестественно серьезно начал главарь синдиката, — которого мы убили неделю назад. Он на самом деле пошел на это ради еды, потому что жил в дикой нищете, настоящей, лишенный даже минимальных средств, необходимых для существования. Голод страшная вещь, из-за него ты способен совершить любую глупость, пойти на самые крайние меры. И я прекрасно понимаю, ради чего он согласился на идиотское предложение этого дурака Хайдера. Он думал, что поймал удачу за хвост, что он сможет выбраться из нищеты, которая заставляла его рисковать собственной жизнью ради пропитания. Но вот ты, Рассел, зачем тебе это было нужно?

Шпион-неудачник ничего не ответил. Он сам много раз за вечер задавал себе такой же вопрос, но каждый раз оставлял его не разрешенным, так как уже не мог дать даже самому себе вразумительного ответа.

— А я знаю почему, — резко ответил сам себе Кайнер. — Потому что вся твоя жизнь — это дерьмо! Тусклое, скучное, опостылевшее за много лет, повторяющиеся изо дня в день однообразное дерьмо. Вот и все. Вот почему ты и стал «стукачом» на поводке у полиции. Конечно, ты иначе воспринимал все это. Тебе, наверное, казалось, что ты настоящий шпион, тайный агент на службе правительства. Приятное ощущение конспирации, настоящая жизнь, приключения, ты был причастен к чему-то по-настоящему великому. Поверь, я такое сотни раз видел.

Кайнер говорил с холодным и уверенным взглядом бывалого человека, рассказывая Расселу о том, в чем он сам никогда не захотел бы признаться. Не смотря на то, что разоблачительные речи и маленькие игры во «всесильного бога» явно забавляли его, Кайнер делал все это без особого энтузиазма, как будто повторял заученный текст в сотый раз. Наверное, ему было слишком скучно жить.

— Я уже говорил тебе, кажется, это было несколько часов назад. На самом деле я не убийца, я — гуманист. И я предлагаю тебе, Рассел, возможность начать совершенно новую жизнь. Ту, о которой ты всегда мечтал, жизнь со смыслом, в которой нет пустых дней и однообразной работы. Поэтому ты либо станешь одним из нас, либо не станешь уже никем. Дать тебе возможность изменить свою никчемную жизнь, будет моим самым гуманным поступком за все последние годы.

— А что мне нужно, чтобы присоединиться к вам? — пытаюсь быть серьезным, спросил Рассел.

— Тебе нужно понять, что такое Лагния, это самое главное. Мы ведь не просто уличная банда или наемные убийцы, у нас есть своя идеология, своя философия.

— Это в смысле: бесконечный разврат и все дозволено? — слишком самонадеянно передразнил его Рассел.

Кайнер жестоко сверкнул глазами, глядя на него сквозь зеркало заднего вида. От былой философской задумчивости не осталось и следа. Он вновь превратился в безумного главаря преступной организации. Его рот продернулся гримасой злобы, но тут же растянулся в знакомой ехидной улыбке:

— Ты даже не представляешь, насколько нам все дозволено...

Машина тронулась с места и помчалась по пустынным улицам просыпающегося города. За окном мелькали многочисленные железобетонные постройки. Они покидали центральный район, с его гигантскими домами-стелами, вздымавшимися в свинцовое небо, проезжая мимо армейских разъездов и полицейских постов. Через несколько минут их машина уже свернула на одно из главных шоссе города и, не сбавляя скорости, помчалась на восток. Через полчаса они оказались в самых глубоких недрах трущоб, среди глухих кварталов разрушенных домов, которые были заселены только бродягами. Внутри этих мрачных пустых дворов было легко найти закрытые от посторонних глаз индустриальные альковы, окруженные высокими железобетонными руинами. В одном из таких прямоугольных дворов-колодцев затормозил их автомобиль. Через лобовое стекло Рассел разглядел еще одну припаркованную машину, приземистый серый седан.

На горизонте уже показалась яркая полоса восходящего солнца. Его алые лучи отражались в многочисленных лужах, большими кляксами раскинутых внутри глухого двора. Кайнер и его телохранитель как по команде открыли двери, Рассел также поспешил за ними. Из второго автомобиля вышли двое крепких мужчин, одетых в однообразную черную одежду, выполнявшую для боевиков Лагнии роль униформы. Оба бандита были коротко острижены и вооружены пистолетами, которые они сжимали в руках.

— Логан, рад тебя видеть, — поприветствовал подельников Кайнер. — Вы привезли, то о чем мы договаривались?

— Да, но поймать его было не просто, — один из бандитов, что был пониже ростом, подошел к багажнику машины и свободной рукой открыл его.

Все присутствующие столпились позади серого седана. Двое подручных Кайнера направляли свои пистолеты внутрь открытого багажника, внутри которого, не шевелясь, лежал связанный человек, с накинутым на голову мешком.

Широкоплечий водитель главара Лагнии, не дожидаясь приказа вытащил пленника наружу. Он сделал это достаточно легко, как будто взрослый связанный мужчина не весил ничего. Пленник упал на колени и затем, не в силах удерживать свое побитое тело сполз на грязный асфальт. Его одежда была грязной и рваной в нескольких местах, на связанных за спиной ладонях засохли кровавые разводы. Багровые пятна проступали и через надетый на голову серый мешок.

— По-моему вы слишком сильно его избили, — с наигранной тревогой осведомился Кайнер.

— Не так уж и сильно, — сплюнул Логан. — Эту тварь вообще нужно было забить до смерти, ему еще повезло, что дотянул до утра. Зачем мы с ним возимся?

— Так нужно, — отрезал Кайнер.

Он сделал жест рукой, приказывающий своим починным расступиться, образуя широкий полукруг, а сам достал из бокового кармана своего френча маленький черный револьвер.

— Теперь, мой друг, ты должен доказать нам свою преданность, — он протянул револьвер рукояткой к Расселу. — Там всего один патрон, поэтому не вздумай выкинуть глупость.

Оторопевший Рассел почувствовал, как у него пересохло горло. Он растерянно смотрел на потертую рукоятку своего револьвера, который пару дней назад ему передал Сэм Фишер.

Протягивая руку, чтобы взять его снова, он отчетливо видел, как тряслись его пальцы. Это не прошло мимо глаз всех стоявших вокруг бандитов. Логан и его напарник язвительно усмехнулись.

— У него духу не хватит, — буркнул Логан.

— Спокойствие, мой друг, спокойствие. Наш парень еще покажет себя... верно Рассел?

— Я, я не могу это сделать, — Рассел взял револьвер и бессильно направил его в землю. Его челюсть тряслась от страха и слова выпадали кусками. — Кто этот человек и почему я должен его убивать?

— Кто он, тебе совершенно не нужно знать. Ты должен убить его, просто потому что я так сказал. Я приказываю — ты выполняешь. Это самая простая работа на свете.

— Но, я, не могу, — отоплевший и испуганный Рассел все еще пытался избежать страшного приказа.

— Нет, ты можешь. Ты можешь его застрелить, хоть и сам еще в это не веришь, — Кайнер говорил нарочито ласково, как будто подбадривал ребенка перед выполнением домашнего задания. — Это же так просто: навести и нажать на спусковой крючок. А чтобы сомнения и неверие в собственные силы тебя покинули, мы поможем.

В этот момент Логан перевел свой пистолет с пленника на испуганного Рассела и для убедительности взвел курок. Но его взгляд отвлек на себя связанный человек, который быстро пришел в себя, начал откашливаться и попытался приподняться на колени. Стремительно подскочив к нему, Логан прервал его тщетные попытки точным ударом ноги, который пришелся по голове пленника. Жертва перевернулась на спину и протяжно застонала. Сделав три шага назад, Логан вернулся на прежнее место, ни на секунду не отводя свой ствол от Рассела.

— Давай же, мой друг, стреляй в него, — Кайнер все еще сыпал любезностями. — Ты, как неоперившийся птенец, которого я учу летать. Ты должен сделать это, воспарить над обыденностью, перейти последнюю черту, стать одним из нас.

— Я не могу...

— Убей эту сволочь, или умрешь сам, — Кайнер резко изменился в лице и закричал со всей силы. — Считаю до трех.

Он поднял вверх два пальца, как будто собирался дирижировать расстрельной командой.

— Раз, — чеканя каждую букву, произнес он.

— Нет, пожалуйста...

— Два.

В висках резко начало сдавливать и сильно заболела голова, вспотевшие волосы неприятно липли на лоб. Рассел направил дуло револьвера на центр серого мешка с багровыми разводами и, зажмурившись, нажал на спусковой крючок. Оружие глухо щелкнуло. Среди наблюдавших со стороны бандитов раздались сдавленные смешки.

— Я провернул барабан, — с улыбкой пояснил Кайнер. — На тот случай, если тебе все же захочется выкинуть глупость. Пробуй еще.

Новый спуск ударного механизма дался гораздо легче. Револьвер опять щелкнул. Затем еще. На четвертый раз из дула вырвалась струя пламени вместе с дымом, глухой двор озарился громким выстрелом, который эхом пронесся по руинам. Голова пленника дернулась, и через несколько мгновений вокруг дымящейся дырке в мешке начала вырастать большая красная клякса.

Бессмысленный револьвер более не способный стрелять звонко ударился об асфальт. Рассел устоял на ногах, хотя слабость в суставах клонила его к земле. Жадно глотая утренний холодный воздух ртом, он перевел взгляд на жесткого главаря бандитов.

— Как я и говорил, ты способен творить больше чем думал. Так что теперь, ты пересек последнюю черту и оказался в совершенно иной реальности.

Главарь сделал несколько медленных шагов и, поравнявшись с Расселом, протянул ему открытую ладонь, не снимая синей перчатки.

— Добро пожаловать в организацию, — радостно сообщил он.

Пока Рассел, не помня себя от страха и смятения, трясущимися пальцами пожимал протянутую ему руку, Логан задумчиво подошел к труп. Он вновь озлобленно сплюнул на мертвое тело и, нагнувшись, стянул с его головы покрытый кровью серый мешок. Убитый лежал на спине, пуля вошла ему в лоб и оставила небольшое окровавленное отверстие. Все лицо его было в крови и ссадинах, оно безжизненно было обращено к свинцовому утреннему небу. Глазные яблоки были имплантированы. Выпуклые протезы, цвета металлик, с тонкими прорезями вертикальных окуляров вросли несколькими толстыми креплениями прямо в глазницы. Вокруг точек соприкосновения с плотью оставались свежие швы незатянувшейся кожи. Создавалось впечатление, будто покойный совсем недавно сделал операцию по замене глаз, за пару дней до гибели.

Рассел разглядел на правой щеке у трупа глубокий шрам, как будто кто-то располосовал ему лицо от глаза до подбородка. Кайнер уловил сконцентрированный взгляд Рассела на лице убитого и решил дать небольшие разъяснения случившемуся.

— Некоторое время назад, в городе у нас появились серьезные конкуренты, — буднично начал он. — Мелкая шпана из трущоб прозвала их бандой «Мертвой воды», потому что в основном, они ошиваются вдоль портового района, поближе к берегу Ядовитого моря. Они неплохо скрываются, поэтому нам долгое время не было известно ничего об их местоположении и численности. Тот, кого ты только что убил, был не последним человеком в их организации, — Кайнер тут же поправил себя. — Хотя я бы не стал все же называть его человеком.

Он присел на корточки рядом с трупом и, презрев естественную для него брезгливость, раздвинул пальцами мертвые губы трупа. Его оскал совершенно не походил на человеческий. Передних резцов не было, вместо этого весь рот был наполнен одинаковыми по форме острыми желтоватыми клыками.

— Кто это такой? — оторопевший Рассел наконец сумел выдавить из себя вопрос. — Он мутант?

— Нет, — спокойно протянул Кайнер. — Ты можешь мне не верить, но он вампир. И остальные его дружки, ну или часть их них, тоже не являются людьми.

— Вампиры, — не веря до конца в услышанное, переспросил Рассел.

— Да, вампиры. Самые настоящие искусственные вампиры. Люди, которых вы обычно называете «отступниками» рассказывали мне когда-то давно, что этих существ создали в тайных лабораториях Дома Серафимов. Их существование долгие годы держали засекреченным, так как вампиров специально вывели накануне войны домов. Много лет назад, в северных пустошах, мне даже доводилось сталкиваться с некоторыми из них. Довольно живучие твари...

— Они что, пьют кровь, сгорают на солнце? Это же ерунда какая-то?

Кайнер брезгливо повернул окровавленную голову, безжизненно смотрящую на него

металлическими окулярами.

— Вот посмотри сюда, — он указал пальцем на свежие раны вокруг глазных имплантантов, — видишь, кожа не успевает стянуться. Это не из-за недавней операции, все дело в особенностях их организма. У тех вампиров, что я видел раньше, тоже были искусственные глаза, это почему-то распространенная среди них операция. Те импланты выглядели точно также. Я думаю, это происходит потому что их организм отторгает любые модификации. Для поддержания силы и нечеловеческого здоровья, им постоянно нужно потреблять свежие гены. Любые раны на них очень быстро регенерируют, даже слишком быстро, уж поверь мне. Насколько я знаю, их тело само вырабатывает необходимые аналоги стимуляторов и прочих веществ, которые помогают им регенерировать и восстанавливать даже поврежденные конечности. Но для этого им нужна свежая кровь, желательно человеческая. Она для них как усилитель иммунитета, который начинает работать с поступлением свежих посторонних генов для регенерации. На ультрафиолет у них, конечно, есть незначительная аллергия, — Кайнер посмотрел на затянутое облаками утреннее небо, — но с нашим дерьмовым климатом это почти никак на них не отражается.

— Ты много про них знаешь, хотя никто их никогда не видел. Откуда они появились здесь? Никто же про них ничего не слышал, кроме тебя. Про их существование кто-то еще знает? — растерянно сыпал вопросами Рассел.

— Я думаю, что Патрициат ничего про них не знает или им на них наплевать. А вот Трибунал скрывает факт их существования уже много лет. Мне когда-то рассказывали, что их создали на основе древней ископаемой твари, много тысячелетий, пролежавшей в земле. Ее однажды отрыли в подземельях ученые из Гильдии Евгеники, они и занялись производством первых образцов этих искусственных вампиров, используя гены той твари. А уже много лет спустя, руководство Дома Серафимов решило создать себе небольшую элитную армию из вампиров. Они как раз успели с ними к началу войны домов.

— Но откуда они взялись здесь, на западе?

— Они совсем недавно появились с этой стороны Ядовитого моря. Возможно, какая-то часть после войны сумела обрести независимость от своих прежних хозяев и отправилась гулять по всему известному миру. Но допускаю, что они попали сюда исполнять чью-то волю, возможно, и самого Дома Серафимов. Так или иначе, но эти твари уже успели нам порядочно потрепать все планы и убить нескольких человек.

Около минуты, все присутствующие молча смотрели на тело мертвого вампира, скорчившегося посреди грязного асфальта. Внутри Рассела начало формироваться осознание произошедшего и что самое главное, чувство успокоения из-за совершенного им поступка. Он мысленно убедил себя, что этот мутант, кем бы он ни был, являлся одним из трех полуночных убийц, безжалостно расправившихся с отцом Жанин. Не было сомнений, что эта тварь продолжала бы свой кровавый путь по ночным улицам, если бы не пуля, выпущенная Расселом. Эта мысль заставила его немного расслабиться. Прежняя дрожь в руках отступила, начали проходить головная боль и давление в висках. Сам не понимая почему, Рассел облегченно вздохнул.

Кайнер заметил это и совсем не злобно, а как старый приятель за столом в пивной, толкнул его в плечо:

— Полегчало, когда понял, что убил не беспомощного человека, а кровожадную тварь?

— Да, полегчало, — слегка даже улыбнувшись, ответил Рассел.

— Рад, что тебе понравилось, — оскалился главарь, — нам предстоит еще много

подобного веселья. А сейчас о главном. Парни спрячут его тело вон там, за тем мусором, — он указал на длинную баррикаду из осколков кирпича и железа, тянущуюся на окраине двора. — Ты дашь Хайдеру ориентировку на это место, скажешь, будто узнал от своих новых информаторов о месте, где Лагния прячет трупы казненных пленников. Я считаю, что Хайдер достаточно глуп, и обязательно поверит тебе. Возможно он даже установит круглосуточную засаду в этой подворотне, надеясь поймать кого-то из нас.

Он сложил руки за спиной и стал прохаживаться вдоль серого седана, на котором недавно привезли пленника. Логан с напарником уже потащили труп вампира, взяв его за ноги и волоча по земле, оставляя длинный кровавый след на асфальте.

— Свой револьвер можешь забрать, — продолжал Кайнер. — Когда полиция поймет, чье тело они обнаружили, у них будет очень много других дел, нежели искать оружие из которого сделали смертельный выстрел. Ну а сам, ты можешь немного отдохнуть, — он развернулся к Расселу, продолжая держать руки за спиной, и говорил наигранно назидательно, как будто диктовал домашнее задание. — Завтра вечером, ты придешь снова в наш клуб и найдешь там Эру. Она даст инструкции о следующем твоём деле. Да, и постарайся не притащить за собой полицейский хвост. Поверь, если придешь на встречу не один, то их смерть будет быстрой, а вот твоя — нет.

***

Рассела высадили на окраине ближайшего жилого массива, недалеко от местной станции узкоколейки. Ему пришлось еще целый час добираться до дома. Оказавшись наконец-то в собственной квартире, он заблокировал автоматику входной двери, чтобы никто не смог даже позвонить к нему. Наглухо закрыл окна и отсоединил все провода от компьютера. Пережитый чудовищный день, который казался ему бесконечным, совсем не оставил в нем сил и Рассел замятво упал на кровать.

На следующий день, он созвонился с Сэмом Фишером и договорился с ним о встрече, в старом условном месте. Недолгий разговор оказался очень продуктивным, Сэм почему-то сразу поверил в его наспех придуманную историю об уличной проститутке, с которой Рассел сумел завести отношения и которая свела его с наркочиллером, одним из рядовых пособников Лагнии. Сэм слушал его бредни внимательно, почти не моргая и смотря куда-то сквозь Рассела. Наконец, он резюмировал все услышанное:

— Ты сможешь подробнее рассказать, где находится это место?

— Нет, я же там никогда не был, — в очередной раз соврал Рассел. — Он сказал, что эти головорезы постоянно оставляют трупы в одном из дворов, среди заброшенных кварталов, на юге портового района.

— Это почти десять квадратных километров, заброшенных железобетонных промышленных строений, — раздраженно обрубил Фишер. — Как нам отыскать в этих руинах несколько сгнивших трупов? Это не информация, а чушь какая-то

— Я сожалею, — залепетал Рассел, — но это все что он мне рассказал. Туда должна вести автомобильная дорога, они отвозят трупы на машинах.

— Я догадался, что не в мусорных мешках, — грубо ответил полицейский. — Когда ты встречаешься со своим информатором снова?

— Послезавтра, но где именно, я еще не знаю. Возможно, мне удастся узнать имена некоторых его поставщиков, так мы сможем выйти на след организации.

— Дашь точные координаты места вашей встречи, я пошлю туда людей, чтобы они проследили за этим торговцем.

— Нет, ни в коем случае, — встревожено сопротивлялся Рассел. — Этот человек вам вряд ли будет интересен, он мелкая сошка и нужен нам на свободе, как информатор. Если он прежде времени почует слежку или его, что еще хуже, арестуют, единственный выход на Лагнию для нас будет закрыт.

— Возможно ты прав, — согласился Фишер. — Пока повременим с арестом. Не постарайся в это раз узнать более стоящую информацию, мы не можем тратить времени на бесцельные поиски старых трупов, нам нужны факты.

— На вашем месте я бы все-таки проверил портовые руины, вероятно, там найдутся какие-нибудь интересные улики.

Сэм Фишер никак не отреагировал на его замечание. Он лишь молча отвернулся от Рассела и уже собрался было уходить, но на мгновение приостановился.

— Ты можешь точнее рассказать, где потерял передатчик? Его сигнал пропал сутки назад, — спросил Сэм.

— Нет, я не помню этого, — начал оправдываться Рассел. — Я же говорил, что не курю и очень рассеяно отношусь к табачным аксессуарам. Наверное, я оставил его в одном из баров, где собирал информацию ночью.

Этот ответ удовлетворил полицейского, и он ушел не прощаясь. Рассел облегченно вздохнул и поправил свои растрепанные волосы.

Этим же вечером он снова пришел в проклятый бар «Бездна» где его встретила Эру, на этот раз представшая перед ним в образе мужчины. Она, или он, никак не обмолвилась о проведенной недавно совместной ночи. Салмакид был сдержан в разговоре и, передав информацию о новом месте встречи, уже ранним утром, тут же покинул Рассела. Ему предстояло вновь увидеться с главарем преступного синдиката и через несколько часов отправиться с ним в очередной поход в недра портового района.

Когда над горизонтом вновь показалось восходящее солнце, неуверенно проступающее сквозь облачное небо, в его лучах красными струйками поблескивала водная гладь Ядовитого моря. Огромный мертвый водоем был центром всего известного мира. Многочисленные города и поселения Великих домов располагались вокруг него, на достаточном удалении от берега. И только Свободный город, раскинувшийся на широком полуострове, соприкасался своими восточными окраинами с безжизненными водами этого унылого мертвого моря.

На востоке города, вдоль берега тянулась длинная линия портовых сооружений и доков. Уходя на несколько километров вглубь прибрежной полосы, портовый район был полностью не заселен. Постоянные испарения и запахи гнили, доносившиеся ветром от Ядовитого моря, не позволяли людям заселять этот участок земли. Застраивать и обживать порт Патрициат собирался в самую последнюю очередь, когда уже совсем бы не осталось пригодной земли. Поэтому заброшенная урбанистическая полоска суши, состоявшая из поросших мхом и дикой травой развалин, была одним из самых мрачных и безжизненных районов Свободного города.

Автомобиль затормозил недалеко от торца полуразрушенного серого здания. Огромное кирпичное строение, за эти годы превратившееся в поросшие мхом руины, было, по всей видимости, когда-то заводом. Осыпавшиеся остовы дымовых труб, возвышавшихся над

основным корпусом, говорили в поддержку этой версии.

Из ржавых приоткрытых ворот шли заросшие травой рельсы. По ним, осторожно ступая друг за другом, Кайнер и Рассел вошли в огромный зал заводского цеха. Затхлый и пыльный воздух, ржавые каркасы машин и станков, обвалившиеся стены и перекрытия. Место для деловой встречи было самым, что ни на есть, подходящим. Но главным, чем это строение выгодно отличалось от всех прочих зданий портового района, было то, что у него до сих пор сохранялась крыша. Она не превратилась в проржавленный скелет, как на многих прочих зданиях, и неплохо защищала от любой непогоды. К тому же, через ее многочисленные дыры немного проступал утренний свет.

Следом за своим сюзереном и его новым помощником, в разрушенное здание вошел Эд, тяжело ступая коваными сапогами по каменному полу и освещая путь карманным фонарем. Киборг нес в руках большую серую сумку, в которой звонко громыхало что-то металлическое. Только эти звуки и гулкие шаги киборга нарушали гробовую тишину внутри заброшенного цеха.

— Он уже где-то здесь, — вполголоса проговорил Кайнер, всматриваясь в темноту самых дальних углов. — И наверняка следит за нами...

— Кто он? Кто здесь может быть? — не скрывая своего страха, переспросил Рассел.

Из темных глубин этого пыльного зала показалась приземистая фигура. Существо, лишь отдаленно напоминавшее человека, быстрыми шагами приближалось к ним. Когда пришелец наконец вышел на свет, Рассел смог подробно его разглядеть. Закутанное в грязные обрывки одежды квадратное тело, маленькая голова с крохотными желтыми глазами, и тяжелая выдающаяся вперед челюсть. Мутант прикрывал свои не привыкшие к свету глаза ладонью, опасаясь слишком близко подходить к людям и держась от них в десятке шагов.

— Как жизнь, Шустрый, что нового? — без тени стеснения Кайнер спросил этого жутковатого мутанта.

— Все хорошо, — коротко ответил уродец. Его голос был низким и рычащим, каждое слово давалось ему с трудом. — Мы хорошо живем... у нас еще есть еда.

— Ну, вот и славно, — ответил Кайнер, — ее-то я вам как раз и не захватил.

Тут же, киборг бросил к ногам своего хозяина огромную сумку, которая со звоном стукнулась о пол. Кайнер по-хозяйски поставил на нее ногу.

— Это то, что я обещал тебе в прошлый раз за выполненную работу. А ты хочешь мне что-нибудь рассказать новое?

— Да, — Шустрый говорил с заиканием, и широко раскрывая рот, как будто выдавливая из себя слова. — Мы... все выяснили. Они будут завтра... в полночь. К ним... приходит корабль. Каждый месяц... он приплывает с востока. Стоит у четвертой пристани... там самые высокие дома... целые еще.

— Отлично, просто отлично, — Кайнер разговаривал с этим мутантом с небольшой наигранностью, как будто говорил с ребенком. — Что-то еще?

— Они вооружены... их много. К ним приезжает грузовик... иногда, два за ночь... они их разгружают... потом корабль уплывает.

— На корабле есть люди?

— Нет... мы никого не видели. Там никого нет... и они на него не поднимаются.

— Хорошо. Я всегда знал, что могу на тебя рассчитывать, Шустрый. — Кайнер подал знак, и киборг броском направил звенящую сумку к ногам мутанта. Мутант тут же вцепился в нее своими кривыми руками, завывая от радости.

— Ты помнишь, что должен еще сделать? — вновь спросил у него Кайнер.

Но мутант, забывший обо всем на свете и с упоением копавшийся в своих подарках, ответил несвязанным мычанием. Однако после того как по приказу Кайнер киборг пнул увесистый кусок кирпича, точным ударом угодив в мутанта, к Шустрому мгновенное вернулась память. Перепуганный, он еще дальше отскочил от людей и быстро закивал головой.

— Помню... помню. Мы готовы... мы все сможем...

— Все необходимые вещи вам сегодня подвезет Логан. Помнишь его? Он объяснит, как ими пользоваться. Только, смотри у меня, если вы не справитесь, — пригрозил ему Кайнер, — передохнете здесь от голода. Больше помощи для вас не будет.

С этими словами все трое покинули убогое пристанище мутантов. Они вышли на улицу, и Кайнер нервно закурил. Все выше и выше над горизонтом поднималось солнце.

— Ну, и что все это значит? — поинтересовался Рассел. — Я даже и подумать не мог, что в городе живут мутанты. А полиция, Патрициат, они знают про их логово в порту?

— Никто не знает, — выдохнув дым, ответил Кайнер, — никто кроме нас. Эти мутанты здесь живут давно, еще со времен образования первой «зоны депортации». Их уже мало осталось, наверно, десятка два или три. Они дохнут здесь, как мухи, каждый месяц кто-нибудь окочуливается. Мутанты населяют только портовый район, днем прячутся в подземельях, ночью, рыщут по округе. Но, тем не менее, эти оборванцы во многом помогают нам. Они знают здесь все тропы, через сеть подземелий бывают во всех руинах по окраинам города, в разбитых домах среди трущоб, следят за теми, кто мне нужен. За это мы даем им дары цивилизации: еду и чистую воду, еще выпивку, наркотики, сигареты. Иногда даже удовлетворяем и более интересные запросы, — он вскинул одну бровь кверху, изображая удивление на лице.

— А этот Шустрый, он среди остальных мутантов главный?

— Можно сказать и так. По сути, он один из самых смысленных мутантов... но если бы ты знал, как мне удалось его купить, — Кайнер хищно сверкнул глазами, оскалившись в злобной ухмылке, и выпустил новую партию табачного дыма. — А остальные совершенно безобидные. Так что мы их подкармливаем время от времени... кто-то же должен о них заботиться. Лично я считаю это гуманитарной политикой нашей великой организации.

— А что насчет завтрашнего дела? — в действительности, Рассела интересовала только эта часть разговора.

Но Кайнер ничего не ответил. Он лишь неопределенно пожал плечами, как будто сам ничего не знал об их будущем. Подобная реакция насторожила Рассела, но он промолчал и не стал больше расспрашивать.

Собственно говоря, Рассел и так уже догадывался о том, что завтрашнее дело будет по-настоящему опасным. Мутанты следили за кем-то несколько месяцев, добывая всю необходимую информацию для Кайнера. Скорее всего, это были боевики из банды «Мертвая вода» или вампиры, которые как-то были с ними связаны. А то, что все эти люди будут вооружены, не оставляло надежд на тихий исход завтрашнего дела. Кайнер все утро был глубоко погружен в собственные мысли, а значит, он готовился к серьезной «разборке».

Вместе с тем, Рассел постоянно думал о том, как круто изменилась его жизнь за прошедшие сутки. Он не понимал, зачем понадобился этому странному главарю банды убийц, и для чего он оставил его в живых и приблизил к себе, но и слепо доверять ему Рассел конечно же не мог. Он по-прежнему страшился за свою жизнь и тайно надеялся рассказать

обо всем случившемся Хайдеру, найти помощи у полиции, пусть даже закрыв глаза на их предательство по отношению к нему. Ведь Департамент правопорядка должен был помочь ему, они просто не могут бросить его в столь тяжелой ситуации.

— Ладно, — наконец прервал свое задумчивое молчание Кайнер, — пойдете отсюда. Сейчас мы отвезем тебя домой, — обратился он к Расселу. — Завтра в восемь вечера я жду тебя у клуба «Бездна». Надеюсь, дорогу туда ты еще не забыл? Да и еще, настоятельно рекомендую тебе выспаться, потому что завтрашняя ночь будет очень долгой и тяжелой.

Меньше чем через час черный тонированный автомобиль высадил Рассела на углу улицы Миликкен. Отсюда он мог без проблем добраться до дома за несколько минут. Дождавшись, когда машина преступников скроется за поворотом, Рассел направился в противоположную от своего дома сторону. Пройдя несколько метров, он спрятался за широкой металлической тумбой, на которой были установлены информационные дисплеи, постоянно прокручивавшие различные рекламные ролики. Потихоньку выглядывая из-за нее, Рассел пытался опознать возможную слежку за собой. Воровато озираясь, он не увидел никаких подозрительных людей, и спокойно пошел дальше.

Через несколько минут он завернул за угол небольшого торгового центра, который только начинал свою работу. Вдоль кирпичной стены двухэтажного магазина в ряд стояли полдюжины телефонных будок. Рассел зашел в одну из них и тут же начал набирать телефон Сэма Фишера. Его рабочий номер он помнил наизусть. Теперь оставалось только договориться о встрече и убедить его устроить завтрашней ночью засаду в портовом районе.

***

Уже больше столетия затяжная осень была самым продолжительным временем года во всем известном мире. Морозящий дождь, промозглые ветра и низкие свинцовые тучи были обыденным явлениям на протяжении шести, а то и семи месяцев в году. Холодное лето, относительно теплая зима и все остальное время — унылая «вечная» осень.

Самый безжизненный район Свободного города смотрелся особенно гадко холодными дождливыми вечерами. Недолгий закат осеннего солнца умер где-то вдали за горизонтом, и десятки разрушенных и обезображенных строений погрузились в мертвую тишину. Вдоль берега о высокие портовые пороги бились многочисленные обломки деревьев, проржавевшие баки, пластиковые контейнеры и прочий морской мусор, неизвестно какой силой занесенные сюда. Гнилой, неприятный запах, поднимающийся от воды, разносился ветрами среди серых развалин портового района.

Вдоль берега, по широкой грунтовой дороге, испещренной островками диких трав и кустарников, медленно ехал грузовик с приглушенными фарами. В кабине сидели двое. Водитель, полный седовласый мужчина, не спускал глаз с дороги и почти все время молчал. Его напарник, понимая всю ответственность момента, также старался говорить редко и тихо. Он лишь несколько раз сделал замечания по поводу скверной погоды и непроглядной темноты. Но через несколько секунд оба умиротворенно вздохнули, завидев вдалеке чернеющие силуэты патрульных.

Одетые в непримечательную повседневную одежду, но с оружием в руках, двое охранников подали условный знак водителю лучом фонарика. Этот мелькнувший в кромешной темноте проблеск света был свидетельством их приближения к цели. Миновав десятки полицейских постов и разъездов городской гвардии, водитель и его напарник

сумели-таки доставить ценный груз к месту назначения.

Проехав через свой пост охраны, грузовик набрал скорость, чтобы как можно скорее оказаться в четвертом доке, куда уже должен был пристать транспортный корабль. Это возвращенное к жизни судно столетней давности, было, возможно, единственным кораблем, бороздившим гиблые воды Ядовитого моря.

Но в тот момент, как грузовик стал набирать скорость, на стене одного из окружающих дорогу разрушенных зданий, со свисавшим с крыши широким листом ржавого железа, показалась массивная движущаяся тень. Огромным живым пятном она ползла вдоль совершенно отвесной стены, не издавая ни малейшего звука. Ни водитель, ни его напарник не заметили это создание. Они не могли ни увидеть его в крошечной темноте заброшенного района, ни услышать.

Всего одним прыжком массивное существо наскочило на кабину грузовика и попыталось проломить ее ударом передней конечности. От неожиданности водитель резко вывернул руль вправо, и тут же стал тормозить. Под весом чудовища и из-за потери управления многотонный грузовик с грохотом повалился набок. Услышав шум и скрежет металла, с обоих концов единственной действовавшей в порту дороги к месту аварии побежали вооруженные охранники. Мертвую тишину самого безлюдного района во всем Свободном городе нарушили десятки криков и многочисленные выстрелы.

В это же самое время, параллельно с заросшей буйной травой дорогой, превратившейся в настоящее поле боя, бежал Рассел. Расстегнутая куртка то и дело норовила сползти при беге с плеч, а под выбившуюся из-под свитера рубашу постоянно задувал морозный ветер. Но Рассел не обращал на эти маленькие затруднения никакого внимания. Все мысли его были заняты только рассуждениями и догадками о том, где в этот неурочный час может ждать его Фишер и другие полицейские.

По их общей договоренности засада должна была быть устроена где-то в многочисленных руинах недалеко от четвертого дока. В случае если рассказ Рассела о возможном появлении главаря Лагнии в этом месте окажется правдой, Фишер с отрядом должен был подать сигнал основным силам правопорядка и всячески стараться задержать Кайнера.

Но, как и подсказывала сотни раз интуиция, все пошло не по плану. И единственное, на что сейчас уповал Рассел, так это на то, что Сэм Фишер уже успел вызвать подкрепление. В противном случае им всем грозила бы незавидная участь.

Сквозь просветы между разрушенными домами Рассел увидел вдалеке черный силуэт тупоносого корабля и возвышавшийся рядом с ним огромных размеров портовый кран. Он был на месте. Выстрелы и крики доносились со всех сторон, но по их приглушенному звучанию Рассел понимал, что он находится на достаточном расстоянии от любой опасности.

Но уже через мгновение пара выстрелов раздалась в соседнем от него строении, разрушенном трехэтажном доме, без крыши и одной из стен. Огромной дырой, это здание было обращено к водной глади, а Рассел прятался среди руин позади него. Опасаясь за свою жизнь, он на цыпочках подобрался к одному из пустых окон этой каменной развалины. Одновременно сгорая от страха и любопытства, Рассел все же заглянул в этот проем.

Внутри пустых и мрачных руин, прислонившись спиной к серой кирпичной стене, стоял довольно знакомый человек. Невысокого роста, в ярко-зеленой пластиковой куртке и запачканных грязью серых брюках. Его красные промокшие волосы отчаянно прилипали к

изможденному лицу. В нескольких метрах от него, подрагивая в предсмертной агонии, корчился труп неизвестного человека.

Красноволосый убийца обреченно вздохнул и бросил свой разряженный пистолет к ногам умирающей жертвы. Он посмотрел на небо, стараясь разглядеть там хоть какие-то намеки на свое ближайшее будущее. Не замечая следившего за ним Рассела и не обращая внимания на все еще корчащееся тело на земле, незнакомец скинул с себя куртку, обнажив мускулистый торс в черной майке, и затем достал из кармана плоскую металлическую коробочку. Раскрыв шкатулку, этот человек, убивший несколько дней назад Адама Шенна, стал доставать из нее маленькие пластиковые шприцы.

Из своего укромного наблюдательного пункта, Рассел сумел насчитать десять уколов, сделанных незнакомцем самому себе, в обе руки поочередно. После принятия этой убойной дозы неизвестного препарата, убийца облокотился на грязную кирпичную стену и обессилено сполз на землю. И через несколько секунд, небрежно завалившись набок и устало свесив голову, он перестал дышать.

Канонады боев все реже стали раздаваться среди заброшенных руин портового района. Отдаленная перестрелка и одиночные выстрелы лишь иногда эхом проносились по безлюдным и поросшим травой улицам. Все было кончено.

В начале этой недели трясущийся от страха Рассел понял, что был нагло использован седым интендантом, с обрюзглым лицом классического чиновника. Затем, он был использован в качестве палача своими новыми и опасными друзьями, чья роль в этой кровавой драме последних дней оказалась решающей. Вчера, ему казалось, что он сам сумел перехитрить неблагоприятную судьбу и вновь вернуться на путь закона и правопорядка, сдав полиции Кайнера с его головорезами. Но лишь оказавшись здесь, в этот страшный час, среди замшелых убогих развалин, он понял, как сильно не разбирается в людях.

Кайнер не просто не доверял ему, он прекрасно знал о том, что Рассел первым делом побежит на доклад в полицию, где обязательно доложит обо всем Хайдеру. Но страшнее всего было то, что никогда не унывающий главарь бандитов сам хотел этого. По причинам, известным только ему одному, Кайнер рассказал Расселу о месте своего ночного нахождения и отпустил его, лишь с одной целью: он должен был привести полицейских в порт, причем в тот самый момент, когда вся ударная сила Лагнии окажется там же.

Непрекращающиеся перестрелки и взрывы, еще десять минут назад гремевшие над руинами, были следствием продуманного плана Кайнера. Небольшой отряд полиции, возглавляемый Фишером, схлестнулся с охраной таинственного корабля, понеся большие потери от контрабандистов. Но и тех и других, с вершин заросших мхом развалин, отстреливали снайперы Лагнии. А по окраинам портового района Кайнер расставил несколько засад, чтобы никто уже не смог живым выскочить из этой западни.

Единственным спасением для Рассела в этой ситуации, было затаиться в одном из разбитых домов и дожидаться того часа, когда на звуки выстрелов и взрывов к берегам Ядовитого моря примчится весь гарнизон городской гвардии.

Так он собирался сделать, подыскивая для себя максимально тихий и темный уголок. По всей видимости, после этого вечера ему очень долго предстоит скрываться по самым затаенным уголкам известного мира.

Но в этот момент на центральной дороге портового района послышались чьи-то шаги. Двое автоматчиков, в сером камуфляже полицейского спецназа, короткими перебежками приближались к тем развалинам, за которыми прятался Рассел. Меньше минуты

потребовалось им, чтобы добраться до внутренностей заброшенного дома. Рассел молча наблюдал за ними сквозь пустое окно на противоположной стороне кирпичного строения.

Остановившись на самой его окраине, наиболее высокий из бойцов полиции, стал нервно ощупывать мрачные руины лучом своего фонаря. Этого высокого полицейского Рассел узнал сразу, им был Сэм Фишер, оперативный сотрудник Департамента правопорядка. Он тяжело дышал и сосредоточенно разглядывал останки обвалившейся лестницы и комнатных перекрытий, наполнявших вершины этих развалины. По его изможденному лицу засохшей коркой шла кровавая линия. Второй боец, возможно единственный выживший из всего отряда, был, по всей видимости, «модом». Широкие сенсорные очки, в которых он комфортно себя чувствовал даже в ночное время, тонкими проводами подключались к металлическому прямоугольнику нейропорта на затылке. Такое усовершенствование позволяло не только усиливать эффекты от различных приборов слежения, но и становилось единственным выходом для тех людей, что потеряли зрение. «Мод» не пользовался фонариком и был более сдержанным в своих эмоциях. Однако он постоянно сжимал ладонью правое плечо, в которое был ранен.

Рассел собирался вначале подать им сигнал, или как-то обозначить свое присутствие, но тут же осекся. Все его внимание было приковано к внезапно ожившему трупу красноволосого убийцы. Еще недавно казавшийся мертвым, он начал приходить в движение. Скрытый от всех, кроме Рассела, за небольшим осколком кирпичного перекрытия, поднимающийся мертвец переживал странные и жуткие изменения. Его руки и ноги начали сильно удлиняться, жутко вырастая из собственных суставов и наполняясь пульсирующими венами. Маленькая голова глубоко засела в мускулистых плечах. Его челюсти также начали выдаваться вперед, искривляясь и увеличиваясь, образуя почти звериную, квадратную морду. Еще минута, и существо, в котором были плохо различимы очертания прежнего человека, стало быстро подниматься с грязной земли.

Рассел тут же брякнулся на заросший травой асфальт, стараясь как можно меньше шуметь, в надежде, что существо его не заметит. Он все сильнее прижимался к мшистой земле, накрывая себя длинными стеблями растущих поблизости диких трав. Рассел обхватил голову руками и замер в ожидании страшной развязки.

Раздался выстрел. Тут же над кварталом пронесся дикий, нечеловеческий рев. Две короткие автоматные очереди, глухой удар, и снова раздался крик. Но теперь уже не крик гнева или страха, этой был ужасный вопль боли. Звон ударившегося о камень железа, и быстрые глухие шаги. По-видимому, в ответ на услышанные выстрелы, в соседних кварталах портового района также раздались непродолжительные очереди и несколько одиноких выстрелов.

Когда звуки тяжелых шагов наконец-то стихли, Рассел позволил себе подняться из травы. Он быстро перебрался через пустой оконный проем и побежал в сторону только что развернувшегося боя.

На плохо освещенной улице, у краин развалившегося здания лежали два тела. Сэм Фишер лежал прямо на голой земле, тяжело и часто дышал, слегка потягиваясь окровавленной левой рукой к своему лицу. Из-за обилия крови у него не был различим правый глаз, который он пытался нащупать. Правая рука также сильно кровоточила. Из разорванного предплечья торчал жутко выступающий осколок кости. Рядом, скрывшись в высокой траве, неподвижно лежал второй полицейский.

— Сэм, это я, Рассел, — он говорил шепотом, тяжело глотая воздух и почти ползком, на

четвереньках, приближаясь к раненому.

Услышав знакомый голос, до этого только стонавший, боец отряда полиции издал дикий вопль. Рассел тут же бросился к нему и зажал ладонью рот. От резкого приступа боли Сэм задавлено взвыл и, мотая головой, попытался высвободиться.

— Я отпущу тебя, если ты не станешь кричать, — заикаясь от страха прошептал Рассел. — Оно может нас услышать и снова вернуться... оно где-то рядом.

От этой мысли Сэм практически впал в беспамятство, но завывать все-таки перестал. Рассел убрал ладонь с его холодного лица.

— Помоги мне, — наконец прохрипел Сэм, — я не чувствую ног...

— С твоими ногами все в порядке, — с трудом выдавливая слова прошептал Рассел. — Ты вызвал подкрепление... когда они должны сюда прибыть?

— Помоги мне, — вновь донесся хриплый стон.

Рассел прощупывал замерзшими руками грязную землю в округе. Наконец, он наткнулся кончиками пальцев на холодную сталь автомата. Вытащив его из плохо различимой лужи, Рассел рефлекторно оттер ствол оружия от налипших кусков грязи.

— Помоги мне, — уже более громко прохрипел Сэм, боявшийся, что его бросят здесь одного, умирать.

— Замолчи ты, — шепотом прикрикнул на него Рассел, на его глазах проступали слезы бессилия — оно может нас услышать!

Рассел на всякий случай передернул затвор. Вылетевший патрон бесшумно упал в заросли мха и сухой травы.

— Помоги мне...

Через мгновение Сэм снова заорал что есть силы. Крик был единственное, что он мог высечь из своего изуродованного и неподвижного тела.

— Хорошо, хорошо, — залепетал Рассел, вновь перехватывая его рот рукой — только тихо... прошу тебя... тихо.

Быстро сообразив, что выстрел привлечет чье-либо внимание, Рассел перекинул автомат через плечо и наступил коленями на левую, все еще работающую руку полицейского, надежно прижав ее к земле. Своими грязными ладонями он вцепился в лицо Сэма, крепко сжав рот и нос, надавив на голову со всей силы.

Глаза Фишера округлились, он замычал и попытался пошевелить здоровой рукой, стараясь скинуть с нее своего душителя. Его пальцы бессильно впились в грязный ботинок Рассела, а все тело начало слабо извиваться. Многочисленные раны и большая потеря крови не позволяли ему оказать должного сопротивления. Через несколько минут, тело полицейского перестало дергаться, и Рассел расслабил впившиеся в его кожу пальцы. Сэм Фишер уставился на него остекленевшими глазами, с навсегда застывшей на них печатью отчаянья.

Не думая ни о чем и не оборачиваясь, Рассел тут же помчался вверх по дороге, подальше от этого места. Он бежал мимо разрушенных зданий, которые сопровождали его пустыми глазницами окон, прокрадывался через заросли травы, через мусорные завалы, минуя ржавые останки машин и разнообразной портовой техники.

Внезапно, где-то вдалеке, послышался нарастающий гул, который Рассел уже слышал ранее, несколько дней назад. Он тут же вскинул голову к серому дождливому небу. Вначале он заметил лишь небольшое скопление ярких точек. Но уже через несколько секунд, под плотной крышей облаков, сверкая проблесковыми маячками, выросла черная силуэт

«аэробайка». Не известным оставалось, был ли он вызван сигналом о помощи со стороны Фишера, или просто направился на звуки выстрелов и взрывов, доносившихся из этого отдаленного и заброшенного района. Но главное, что понимал Рассел: приближение «аэробайка» было его единственной надеждой на спасение.

Ни секунды не задумываясь, Рассел выбежал на самую широкую часть улицы, не закрываемую практически никакими зданиями. Он уже смог даже различить пилота, сидящего сверху на этой причудливой летающей машине. Рев двигателя был невероятно силен. Казалось, что о приближении этой машины должны были услышать на самых отдаленных окраинах ядовитого моря. Обрадованный Рассел начал активно размахивать руками. Он даже хотел сделать несколько выстрелов в воздух, что бы привлечь внимание пилота. Но в тот самый момент, когда «аэробайк» начал снижение и уже пролетал мимо пограничных многоэтажных строений, взгляд Рассела уперся в крупную черную тень, взбирающуюся по одной из серых стен.

Слишком грациозно для своего огромного тела и неправдоподобно тихо неизвестное существо одним гигантским прыжком накинулась на пролетавший мимо него патрульный «аэробайк». Также стремительно и беззвучно оно в одну секунду перепрыгнуло с него на противоположную крышу.

Всего нескольких секунд хватило, чтобы со свистящим гулом лишенная управления летающая боевая машина шарахнулась об землю. Перекувырнувшись несколько раз через себя, эта огромная куча железа, весом не менее пары тонн, плашмя ударилась об ближайшую кирпичную стену.

Рассел вновь бежал сломя голову через подворотни и заброшенные руины. Петляя, как заяц, оббегая кругами руины домов. Ведомый подсознанием или инстинктами, он всячески пытался запутать свои следы. Он уже и сам не понимал, где находится. Где море и где четвертый док с таинственным кораблем-призраком, лишенным экипажа. Он не понимал, куда бежит теперь, и из-за страха перед очередным неведомым монстром, казалось, совсем забыл про вполне реальных врагов, бродивших среди этих руин.

В конце концов, уже обессиленный и выдохшийся, неведомыми тропами он выбрался к тому месту, откуда все начиналось. Безжизненно опрокинутый колесами к небу грузовик уже становился привычной частью здешнего пейзажа, подобно баррикаде разделяя заросшую редкой травой дорогу. Запыхавшийся Рассел молча смотрел на него, обдумывая уже более осознанно варианты своих дальнейших действий. Он попытался представить себе, куда бежать теперь, где искать выход из этих проклятых руин. Проходя мимо изодранного кузова, он оглядел десятки пластиковых ящиков-гробов, разбросанных по округе, и видимо вывалившихся в момент падения.

Он уже начал догадываться о том, какой странный груз перевозился в этих малогабаритных гробиках, но на всякий случай решил удостовериться. Рассел приоткрыл один из ящиков, крышка которого сильно деформировалась при падении и легко поддалась. Без тени отвращения или неприязни, он равнодушно разглядывал среди белесых осколков сухого льда куски человеческой плоти. Не только органы или отдельные конечности тела, но и цельные куски кожи, аккуратно свернутой в рулоны, наполняли этот пластиковый гроб. Пульт управления системой внутреннего охлаждения на крышке был разбит, и из днища ящика выходила тонкая струйка белого пара.

Рассел молча опустил крышку и сел на нее сверху. Ноги сильно болели, и он сладостно

потянул уставшие от беготни ступни. Он уже ни о чем не думал и никуда не спешил. Рассел как-то слишком быстро устал от своей новой жизни, о которой раньше мог только мечтать. Он уже не хотел постоянных приключений, погонь и перестрелок, особенно когда они свалились на него в таком количестве. Да и чувство опасности притупилось в нем. Рассел просто молча сидел на пластиковом гробе, среди руин и десятка трупов, валявшихся вдоль грязной дороги, и ждал. Он ждал любого конца этой истории, был готов к любой ее развязке и покорно принимал все.

— А я думал, что тебя убили, — раздался где-то над ухом знакомый язвительный голос.

Погруженный в собственные раздумья, Рассел даже и не заметил, как сзади к нему подкрался Кайнер. Он стоял всего в нескольких метрах от него, растекаясь в знакомой улыбке и зажимая левой рукой свой бок. Он был одет в черную униформу бойцов Лагнии и оказался совершенно безоружен.

— Тебя ранило, — неожиданно равнодушно спросил Рассел.

Кайнер явно оценил его смелость и спокойствие:

— Да, один гаденыш постарался, клинком он меня хорошо пырнул. А я, дурак, с ним поиграть захотел, как будто на дуэли. Много лет назад я был лучшим фехтовальщиком в своей роте, теперь за это и поплатился. Надо было в голову сразу стрелять, — с досадой заметил он. — Так что как минимум один из вампиров успел убежать...

Продолжая удивлять Кайнера своей решимостью, Рассел встал напротив него и, не сомневаясь ни на секунду в своих действиях, направил ствол автомата прямо в грудь лидеру Лагнии.

— Объясни мне хотя бы теперь, зачем я был нужен? Зачем вы использовали меня? — он говорил четко и громко, без тени страха.

— Мы использовали тебя, а ты нас, — не обращая никакого внимания на автоматный ствол, проговорил Кайнер. — Я ведь прекрасно понимал, что первым делом ты побежишь на доклад к Хайдеру. Даже когда ты узнал, что тебя использовали как пешку в полиции, ты не доверился мне и решил обо всем рассказать Департаменту. Думаю, ты до конца не решился, кому из двух господ сохранишь свою верность, — он обнажил зубы в надменной улыбке. — Но в итоге ты выбрал второго, слабого и никчемного покровителя, как я и ожидал. А мы давно хотели устроить для полиции показательную акцию, чтобы не пытались выслеживать нас, и ты лишь удачно подвернулся под руку.

Кайнер немного остановился. По его лицу было видно, что рана глубокая и причиняет много боли.

— Посмотри, как здорово все получилось... Мы разбили почти всю банду «Мертвой воды», — он указал рукой на раскуроченные останки грузовика. — Если кто-то из них еще остался в живых, то они надолго это запомнят. А заодно нам удалось неплохо потрепать полицию. Хайдер после такого провала навсегда лишится своих погон, и возможно жизни.

— Но вами займутся другие... Вы убили десяток полицейских, устроили настоящую бойню. Неужели ты думаешь, вам это так просто сойдет с рук? Да за вами теперь начнется настоящая охота, чтобы уничтожить вас. Патрициат поднимет на ноги всех своих людей, всю городскую гвардию!

— Верно, Рассел, все верно, — Кайнер говорил устало, постоянно отнимая окровавленную ладонь и осматривая рваную рану. — Но ты забыл то, о чем я тебе рассказывал много раз. Все, кто отныне будут призваны властями уничтожить нас, все они каждую неделю приходят в наши притоны. Они приходят за новыми дозами, новыми

шпюхами. Они никогда не станут уничтожать нас. Мы нужны людям, как ты не можешь этого понять! — Кайнер оскалился не столько от злобы, сколько от боли. — Мы нужны людям... мы даем вам то, что вы на самом деле желаете. Лагния — это вы!

На этой философской ноте уставший и потерявший немало крови вожак стаи убийц спокойно присел на соседний ящик-гроб. Он не боялся, что Рассел может в него выстрелить, он вообще ничего не боялся в этой жизни. Вначале он достал длинную металлическую ампулу-шприц со стимулятором, который вколол себе в живот, затем еще одну, стеклянную с зеленой жидкостью. Эту вещь Кайнер выпил, сильно запрокинув голову. При себе он даже имел бинт из эластичной искусственной кожи, заранее подготовился к возможному ранению. Спустя несколько минут, залатав свою кровоточащую рану, он облегченно вздохнул, достал из внутреннего кармана пачку сигарет и наконец-то закурил.

— Подождем здесь остальных, — выпуская клубы дыма, проговорил Кайнер. — Скоро они закончат добивать выживших и прейдут сюда. Нам еще надо к машинам успеть добраться, пока порт не переполнился полицией.

Рассел глупо таращился на него, даже не замечая, как руки сами опустили бесполезный автомат. Он понимал, что Кайнер был прав, и это невероятно его бесило. Еще больше Рассела раздражало то, что этот надменный тип не выражал ни капли страха или сомнений, и казалось, совсем не воспринимал его, Рассела, как реальную угрозу для себя. И еще невыносимой была одна лишь мысль о том: как жить теперь дальше...

Но были и свои плюсы. Хайдер вскоре полетит со всех своих постов, а Сэм Фишер мертв. Это означает, что Рассел никому и ничего «не должен», и при этом он остается чист перед законом и государством, во всяком случае пока. Если его и правда хотели использовать, как расходный материал, то вряд ли, даже в полицейских архивах, сохранятся какие-нибудь упоминания о нем, или личное дело. Теперь он может начать все сначала, всю свою жизнь. Но оставался еще Кайнер, который был совершенно ненужным свидетелем. Эта мысль одновременно напугала Рассела и придала ему некоторых сил. Он уперся правой ногой в землю, стараясь занять твердую позицию для стрельбы, и уже приготовился резко вскинуть автомат, но его планы в очередной раз неожиданно рухнули.

Вдалеке показался черный, еле различимый на фоне развалин, силуэт странного существа. Напрягая взгляд, Рассел сумел разглядеть его непропорциональные очертания: массивное тело с длинными руками и уродливой зубастой мордой. А также прядь красных волос, намокшими лохмотьями свисавших с квадратной головы.

Завидев людей, неготовых к такому повороту событий, существо резко кинулось в атаку. Оно бежало на двух ногах, через секунды завалившись на четвереньки и продолжая бег уже совсем по-звериному.

Рассела, как разрядом тока, передернул всплеск страха. Он понимал, что надо что-то делать, но, оцепенев от ужаса, не смог даже пошевелиться. Однако в этот момент стремительно среагировал Кайнер. Бывалый убийца, он выхватил из ледяных рук Рассела автомат и выпустил очередь в надвигающегося монстра. Но чудовищный зверь, еще недавно бывший человеком, успел увернуться и отскочил в сторону.

Кайнер толкнул оцепеневшего Рассела в плечо:

— Бежим отсюда!

Они кинулись в ближайший пролом между разрушенных зданий. Монстр погнался за ними. Отбежав на полсотни шагов, Кайнер вновь резко обернулся и открыл огонь по приближающемуся врагу. Но и в этот раз монстр успел увернуться от его выстрелов. Зверь

затаился. Рыча и озлобленно выглядывая из-за кирпичных развалин, чудовище все-таки не решалось нападать первым. Остаточная память человека подсказывала ему, что в автомате могли сохраниться патроны.

Мечущийся Рассел не знал, куда ему бежать. Он решил прорваться сквозь высоченные заросли сорняков, преграждавшие ему путь в глубины подворотен, но тут же замер в оцепенении.

Бесшумной чудовищной тенью, еще одно огромное создание проскользнуло по стенам разваленных домов, и стремительно выросло перед застывшим Расселом. Монстр, который играючи смог расправиться с бойцом «специального аэровзвода» и устроил настоящую бойню в порту, теперь высился всего в нескольких шагах от него. Оцепенев и онемев от ужаса, Рассел все-таки сумел подробно разглядеть это создание.

Шесть огромных и узловатых лап-рук, заканчивающихся длинными цепкими пальцами, по форме напоминавшими человеческие, с силой впивалось в крошащийся асфальт. Чудовище было покрыто плотной белой кожей, с большими наростами вдоль хребта. Монолитное тело этого существа заканчивалось длинным толстым хвостом, бывшим, казалось, продолжением плотного гребня на спине. Округлая голова зверя не имела никакого лица, хотя и напоминала человеческую. Четыре крошечных черных глаза, собранных в узкую линию неотрывно следили за испуганным человеком. На его морде начала разрастаться широкая и полная острых зубов пасть.

Чудовище неподвижно стояло перед обомлевшим человеком, слегка играя своим длиннющим хвостом. Его водянистое плотное тело подрагивало под ударами сокращавшихся внутри неведомых мышц. Все тело этого существа постоянно пробивала короткая дрожь. Постояв так несколько секунд, чудовище приглушенно зарычало.

В этот момент, главарь Лагнии, стоявший позади Рассела, резко повернулся. Он увидел гигантского белесого зверя и, не теряя ни секунды, набросился на оторопевшего попугайчика. Кайнер повалил его на замшелый асфальт, накрывая своим телом, и только успел прокричать:

— АLEGRO, убей эту тварь!

В это время, красноволосый монстр, выскочивший из-за своего укрытия, одним рывком кинулся навстречу к новому врагу.

Упираясь щекой в каменистую и грязную землю, Рассел все-таки сумел увидеть, как по белесым конечностям хвостатого монстра начали пробегать короткие всполохи голубоватого света. Крохотные огоньки мчались по его неведомым венам и жилам, растекаясь вдоль всего массивного тела. Долю мгновения хватило, чтобы монстр весь покрылся сплошным потоком синего света.

Его увесистая челюсть с хрустом опустилась вниз, казалось, отделившись от головы. Было слышно, как трескались кости, рвались сухожилия и кожа. Из разинутой пасти чудовища заструилась зеленая кровь. Сквозь комья этой вязкой жижи, хрустя ломающимися костями, показалось небольшое металлическое дуло. Внутри себя монстр таил еще много странных секретов.

Покрытый зеленой кровью ствол быстро передернулся, затем раздался сдавленный хлопок. Почти неразличимый для человеческого глаза снаряд, напоминавший сгусток знакомой мутной жижи, быстро промчался над распластавшимися на земле людьми. Этот снаряд сумел остановить нападающего монстра во время прыжка, ударившись об его грудь. Взревев в последний раз, зверь, бывший когда-то жестоким и холоднокровным убийцей,

глухо повалился на спину.

Все с тем же жутким хрустом, челюсти шестилапого монстра вернулись на свое прежнее место. Не задерживаясь ни на секунду, он также беззвучно сумел скрыться в темноте, быстро взбираясь по стенам городских развалин.

Когда костяной хвост скрылся за обломками домов, Кайнер быстро поднялся с дрожавшего на земле Рассела. Он поднял автомат, и осторожно приблизился к поверженному монстру, внимательно осматривая его на наличие признаков жизни. Вслед за ним на ноги подскочил Рассел. Он также приблизился к красноволосому зверю и с отвращением осмотрел здоровенную обугленную дыру в теле чудовищного вампира.

— Это существо, — с трудом проговорил он, — этот монстр... ты назвал его Алегро, что это значит? Это же не она?

Кайнер вновь улыбнулся:

— Конечно же нет, успокойся. Просто она наконец-то научилась управлять нашей «домашней зверушкой». Да к тому же, спасла нам жизни. Раньше у нее все время происходили какие-то сбои, и последние несколько раз эта тварь выходила из-под ее контроля.

— Контроля? Ты хочешь сказать, что она может управлять этим зверем? Что это вообще такое? Это существо, я не знаю... это какой-то вид мутантов?

— Алегро может управлять им мысленно, — Кайнер прижал указательный палец к виску. — Некоторые виды Салмакидов, как наша замечательная подруга, обладают способностями к телепатии. Это врожденный дар. Поэтому, она так легко и определила твои склонности к предательству и хотела от тебя сразу избавиться. Я же говорил, что ей не хватает дальновидности...

— Немыслимо, — Рассел уже перестал слушать его, анализируя в голове образ хвостатого монстра. — Эта тварь, она живая? Но я видел, что монстр искрился, как будто состоял из электричества. Откуда взялось здесь это существо?

— Одно из многочисленных порождений великого перелома, — уверенно пояснил Кайнер. — Жители пустошей называют их чудовищами, последние ученые дома отступников называли их «биомашинами». Алегро рассказывал мне, что салмакиды, ушедшие столетие назад в пустынные земли, научились приручать этих тварей и использовать в качестве живой боевой техники. Я всегда думал, что для уличных боев нам пригодится тяжелая артиллерия, вот и приобрел для нее эту игрушку.

— Немыслимо, — вновь проговорил Рассел.

— Ты что же, думаешь, что эта хреновина — самое невероятное, что ты видел в жизни? — насмешливо спросил его Кайнер.

— А разве бывает что-то еще?

— Конечно, если бы ты знал, сколько мне пришлось заплатить за него... — присвистнул Кайнер. Периодически он начинал корчиться от боли в своей ране, но, тем не менее, продолжал смеяться.

Рассел задумчиво посмотрел на дождливое небо. Вдалеке, где-то на окраинах портового района, слышался рев десятка полицейских сирен, и гул многочисленных машин.

— Пойдем отсюда, — вновь пережимая свой бок, сказал Кайнер. Недавняя пробежка далась ему тяжелой ценой. — По-видимому, мы здесь уже никого не дождемся. Надо же, эти гады меня здесь бросили, своего босса!

Они вновь вернулись на разбитую и грязную дорогу с останками изуродованного

грузовика и десятками пластиковых гробов, валявшимися вокруг. Где-то вдалеке, за оградой полуразрушенных домов, у четвертого дока раздался оглушительный взрыв. В серое небо на мгновение взметнулся многометровый столб пламени. Они оба резко обернулись. Зарево от полыхающего корабля разносилось по всей округе, принося толику света в это темное и мрачное место. Мгновенно отозвавшись на взрыв, по глухим кварталам портового района снова промчалась череда одиночных выстрелов.

— Не соврал мутант, — задумчиво и вполголоса заметил Кайнер, — и в правду они сумели подорвать корабль.

— Подорвать? Так вот о чем вы с ним договаривались, решили замести следы? Но все же, сейчас ты можешь мне сказать, чей это был корабль? — озадачено спросил Рассел.

— Неважно, — спокойно ответил Кайнер, — лучше, если об этом никто и ничего не будет знать. Завтра в новостях скажут, что полиция провела успешную операцию, уничтожила банду «Лагния», остановила незаконную продажу биоматериалов. Таким образом были раскрыты все убийства, произошедшие в последнее время, и установлены причины многочисленных похищений людей.

Он указал на бездыханное тело чудовищного вампира, лежавшее вдалеке:

— Они даже уничтожили монстра, который ночами терроризировал город и убивал несчастных прохожих.

— А если люди все же узнают правду? — не унимался Рассел. — Ведь смогут узнать, рано или поздно, чей это был за корабль, и зачем они приплывали сюда. Кто был заказчиком всех этих донорских органов?

— Даже, если они и сами однажды узнают, кому понадобился, и главное для чего предназначался этот уникальный груз, — Кайнер бережно похлопал по крышке пластикового гроба с биоматериалами, — то эти люди либо не рискнут говорить вслух, либо замолкнут навсегда. Эта правда будет уже никому не нужна.

Хозяева странного тупоносого корабля, лишенного экипажа, остались неизвестны. Сокрытыми от понимания Рассела оставались и причины появления в Свободном городе банды вампиров, а также их связь с таинственными покупателями биоматериалов. Эти последние тайны Кайнер предпочел сохранить при себе. Он еще раз внимательно посмотрел на своего попугайчика, который неожиданно для всех сыграл важную роль в кровавых событиях последних дней.

— Послушай, у меня для тебя есть еще одно предложение. Если ты поможешь мне добраться до машин, — обратился он к Расселу, — то мы все еще сможем найти общий язык. И возможно, я даже забуду о твоей попытке продать меня полиции. Давай начнем все с начала.

Рассел ничего не ответил, он лишь пристально посмотрел в глаза своему врагу, который уже несколько раз спасал ему жизнь. Ответ, который он никак не хотел произносить, напряженно вертелся у него на языке. Кайнер казалось, читал его мысли по глазам, пристально улавливая каждое движение зрачков. Он медленно протянул ему открытую ладонь, покрытую разводами уличной грязи и кровью.

— Добро пожаловать в организацию, — с ухмылкой сказал он.

История третья. «Последний патрон»

Армейские сапоги, длинный охотничий нож на поясе и серое кевларовое пальто со вставками металлических пластин в корпусе и плечах. Все это были трофеи, доставшиеся ей от прошлых и непродолжительных по времени рейдов в южные пустоши. Свои темно-красные дреды она обычно убирала в хвост, а для уверенности, как ободком, укрепляла их тактическими очками-сканером. «Кошачий глаз», так эту старую, но надежную модель называли гвардейцы дома Маркуса. В землях к западу от Ядовитого моря их было очень трудно достать, все-таки армейская разработка. Свои очки-сканер она получила два года назад в подарок от бывшего напарника, с которым когда-то давно совершила первый в своей жизни рейд за стены Свободного города. Они были дороги ей и как память, об этом значимом для нее человеке, но и как надежный прибор, много раз спасавший ее в трудных ситуациях. В рабочем состоянии очки закрывали половину лица и автоматически подключались к нейропоту, в левом виске. Задавая мысленные команды, она могла управлять ими, легко меняя кратность изображения или переключаясь между двумя дополнительными режимами: ночное виденье и тепловизор.

Уже около получаса она грелась у костра, разведенного в дырявой ржавой бочке, автомат болтался на плече, периодически сползая и оттягивая локоть. Если не обращать внимания на длину волос и немного выступающие под толстым свитером груди, то по комплекции, ее можно было бы легко спутать с парнем. Изображать из себя женщину в таких условиях становилось бессмысленно, хотя и в городе она ни разу не появлялась на улице в юбке или на каблуках. Так уж повелось, что с ранних лет мужской одежде она отдавала большее предпочтение, хотя при этом и не старалась выглядеть не женственно.

Из-за баррикады осколков кирпичной стены и металлического хлама, высотой не меньше трех метров, показалась еще одна фигура. Хотя природой ее напарница тоже задумывалась как женщина, всем своим существом Кошка опровергала это глупое упущение своего организма. Она была высокой, ширококостной, с длинными жилистыми руками и грубым голосом. По своим габаритам она легко могла сойти за крупного мужчину, весом под девяносто килограммов. Хотя Кошка всегда красила голову в ядрено-оранжевый цвет, она никогда в жизни не носила длинные волосы, с юности предпочитая коротки мужские прически. В их маленьком тандеме мужеподобная Кошка была и снайпером и главной по переговорам с покупателями. Она лучше своей подруги владела преступным жаргоном, сказывалась тяжелая юность, проведенная в трущобах красного сектора, также она казалась более серьезным переговорщиком с точки зрения рядовых контрабандистов.

Была ли Кошка при всем этом лидером в их маленькой группе? Вот это по-прежнему оставалось загадкой. Ни Кошка, ни Радуга не стремились к четкому разделению ролей. Просто Кошка в виду своего нелегкого прошлого быстро находила новые заказы и покупателей. А Радуга оставалась у нее на подхвате и постоянно прикрывала спину своей боевой подруге, привнося долю сдержанного рационализма в их действия. При этом четкого доминирования или вассальной иерархии в их отношениях, сложившихся за последние пять лет, не прослеживалось.

Кошка подошла к огню и, перекинув винтовку через плечо, принялась усердно отогревать руки, лаская кончиками пальцев языки пламени. Она была одета в старый армейский камуфляж, грязно-серого цвета, предназначенный для действий в городе и

черный разгрузочный жилет, набитый патронами.

— На дороге стоит броневик гвардии, я насчитала шестерых солдат возле него, — безучастно и не отрывая взгляда от огня, отчиталась Радуга.

— Да, через квартал на юг тоже броневик и пара грузовиков с ним. Там где-то двенадцать гвардейцев и шесть наемников. Они постоянно трутся возле заводского барака на углу, думаю, там у них временный штаб. Всего восемнадцать мужиков в паре сотен метров от нас, — задумчиво произнесла Кошка. — А ведь нормального мужика у меня уже давно не было, месяца два, а то и три.

Она скривилась в улыбке:

— А если подумать, то нормального мужика у меня вообще никогда не было.

Кошка не была наивным человеком, жизнь не позволяла, и прекрасно оценивала свои внешние данные. При всем этом она постоянно пыталась найти себе хоть какого-нибудь спутника жизни, хотя бы на несколько дней. Но, как правило, все ее романы заканчивались уже на следующее утро.

— Что делать будем? — не отреагировав на грязную шутку, осведомилась о дальнейших планах Радуга.

— А ничего, посидим здесь пару часиков, погреемся. Главное чтобы огонь не было видно. Долго они тут не задержатся и к вечеру двинут назад. Кажется, я знаю, зачем они приперлись в такую даль от города.

— Думаешь, это продолжение истории с тем караваном, — Радуга перевела вопросительный взгляд от огня на свою подругу

— А чего тут думать, все же очевидно, стандартная зачистка местности. Причем такое не первый раз уже происходит. В последние месяцы эти мутанты совсем озверели. Уже нападают даже на охраняемые конвои. В этом было целых четыре машины сопровождения и десяток наемников. Я даже пару раз пересекалась с их караванщиком, тот еще засранец. Хотя, о покойниках конечно так не говорят... Но при этом, он был классным контрабандистом, мог танк под носом у гвардии ночью протащить. И я не представляю, чтобы он, после стольких лет проведенных в северных пустошах, смог попасть в лапы к обычным тупым мутантам. Как они только смогли всю охрану перебить?

— Может это не мутанты были, а кто-то другой?

— Кто? Бандиты? Они же трусливые, на север по доброй воле не сунуться, привыкли только южную мелочь на дорогах грабить. Те, кто это совершил, вымели все подчистую, не осталось ни машин, ни товара. Хантер рассказал мне, что поисковики даже тела караванщиков и пассажиров не нашли, скорее всего их сожрали, забрав даже кости. Я никогда не поверю, что это были люди. Кто кроме мутантов такое могли совершить?

— Ладно, ну допустим, часа два мы здесь проторчим, а дальше что? — Рассудительная Радуга вновь вернулась к их основной проблеме. — Они за три часа весь район не зачистят, а вот сюда могут и заглянуть. Место здесь конечно укромное, но долго прятаться не получится, нас могут обнаружить.

— Это тоже верно, — отогрев руки, Кошка начала потирать ими холодные щеки. — Что предлагаешь?

— Я предлагаю идти как можно дальше на север, сумеем проскочить закоулками, пока они здесь штаб разворачивают и вглубь района еще не двинулись. Я думаю, лучше пойти через «железную нору», туда они, скорее всего вообще не заглянут, лень будет по ржавым трубам ползать. А мы сможем пройти тихо и напрямик на мост двинем.

Радуга отошла от горящей бочки и достала из нагрудного кармана портативный компьютер, легко умещавшийся в ее ладонь. Быстрыми движениями большого пальца она двигала джойстик управления экраном, перелистывая страницы электронной карты местности, которую много лет назад составил ее бывший напарник.

— Судя по всему, мы здесь, — она показала напарнице дисплей, — а надо нам вот сюда. Если успеем проскочить за пару часов до моста, то дальше можно уже и не спешить, в «некрополисе» они нас уже не достанут.

Щелкнув кнопками на пластиковом корпусе, она выбрала необходимый ракурс изображения и, проскользнув пальцем по голубому экрану, вычертила извилистый путь их дальнейшего путешествия. Для начала предстояло миновать пару бывших жилых кварталов, последние жильцы которых на самом-то деле умерли более столетия назад. Это было самым рискованной частью их путешествия, так как на открытой местности они были легкой мишенью. Затем еще нужно было пролезть около километра по огромной системе ржавых труб, диаметром чуть больше человеческого роста. Там было легко заблудиться, не будь у них карты, но эти «норы» были самым безопасным путем через руины. Затем их дорога вела на мост, через промышленные останки древних заводов, в глубины заброшенного сотни лет назад города. Все руины, что лежали по ту сторону моста, перекинутого через высохшую реку превратившуюся в огромную песчаную канаву, назывались «некрополисом» — основная часть мертвого города. Конечная же цель их долгого и опасного путешествия лежала еще дальше на севере, там, где по карте проходила тонкая линия уже не действовавшей железнодорожной ветки, уходящая в страшные земли непроходимых пустошей.

Разобравшись с картой и засыпав уже догорающий огонь песком, они направились вглубь разрушенного здания, бывшего им временным укрытием. Шли след в след, молча продвигаясь по мрачному пыльному коридору к еще сохранившейся лестнице, огибая огромные просветы в рушащейся от времени кирпичной стене и стараясь не подходить к пустым окнам.

Вскоре на улице уже начали слышаться голоса десятков людей и рев моторов армейской техники. Пытаясь не шуметь и осторожно ступая по обрушенной лестнице, они быстро пробирались вниз. Под сапогами скрипели куски стекла, камня и толстые слои пыли с песком. Выбравшись на улицу, небольшими перебежками, согнувшись пополам, девушки быстро проскочили через пару обугленных остовов домов.

В конце концов, им удалось спрятаться внутри разбитого барака, накрытого ржавым скелетом крыши. Они обе, как по команде, брякнулись на землю, прижимая оружие к груди, и, затаив дыхание, начали вслушиваться в приближающийся шум. Все громче были слышны голоса, и все тише ревели моторы броневиков. Пару минут спустя стали отчетливо слышны слова проходящих мимо людей и их шаги. Несколько солдат неспешно прошли мимо барака, в котором прятались девушки и, не останавливаясь, двинулись дальше по дороге. Подождав, пока их голоса отдалятся на приличное расстояние Кошка немного приподнялась, чтобы убедиться в отсутствии опасности. Затем она безмолвно дала команду бежать, мотнув в сторону головой. Обе девушки, пригнувшись, побежали дальше, стараясь двигаться параллельно основной дороге и держась на расстоянии от идущих по ней солдат. Пробежав трусой, они скрылись в утробе огромного многоэтажного дома, пустыми глазницами разрушенных окон смотревшего во внутренний двор. Первый этаж был завален осколками полуразрушенных стен, местами валялись истлевшие останки мебели и даже ржавая

домашняя утварь, довольно ценный товар в первое столетие после великого перелома, если верить историкам. Большого всего в здании, как и во всем мертвом городе, было вездесущей пыли с песком. Воздух был сухим и затхлым, сильно раздражающим горло. Кошка достала из заплечного мешка два респиратора.

— Если поднимется буря, нас здесь просто засыплет, — вполголоса произнесла Радуга, натягивая на лицо респиратор.

— Если поднимется пыльная буря, — также шепотом начала Кошка, — нас здесь уже не должно быть. В случае если до заката мы все же доберемся до «некрополиса», то будем ночевать уже там, в каком-нибудь подвале.

— Как ты думаешь, нас никто не видел?

— Не знаю... но вроде я не слышу ни криков, ни выстрелов. А ты обратила внимание, что они дальше двинулись почти сразу. Я же говорила, надо было оставаться в том здании и ждать. Пересидели бы бурю в безопасности и завтра пошли бы спокойно к мосту.

— Да наплевать, — Радуга включила подствольный фонарь, тонким матовым лучом освятивший серые бетонные стены мрачного коридора. — Нужно быстрее добраться до подвала, там вход в «железные норы».

Вдалеке слышались глухие выстрелы, а где-то в глубинах темного коридора заскрипел песок под ногами неизвестно существа и мелькнул силуэт. Два ствола одновременно уткнулись в пустоту, медленно шаря по затхлому воздуху. Свет от фонаря добивал только до середины коридора. В его матовом свете были различимы изгибы ближайших бетонных колон, желтых от налипшей на них пыли с песком и длинные линии ржавых труб, тянувшихся под потолком и обрывавшихся в темноте. Дальние рубежи этого неприятного и опасного места оставались недосягаемы для их глаз.

Прижимаясь плечом к пыльным стенам, девушки начали медленно продвигаться вперед. Перебежки неизвестного существа в конце коридора прекратились. Кто-то замер в глубинах заброшенного строения, скрываясь в темноте и внимательно следя за своими непрошеными гостями. Кошка подала знак рукой. Радуга остановилась и отключила фонарь. Весь мир тут же погрузился в кромешную темноту, только далеко за их спинами виднелись обрывки уличного света, проступавшего через обвалы в стенах. Привстав на одно колено Радуга натянула на глаза очки-сканер: соединившись с ее портом, они издали характерный тонкий звук при включении и разогрелись до рабочего состояния всего за пару секунд.

Коридор наполнился голубыми красками, в центре которого маячил красно-оранжевый силуэт Кошки. Радуга прошла немного вперед, стараясь разглядеть прятавшегося в темноте врага. Вдалеке она увидела небольшое ярко-красное пятно, которое вело себя очень нервно, то появляясь, то снова растворяясь в синеве. Неизвестный притаился за углом в конце коридора, неуверенно выглядывая из-за стены и наблюдая за происходящим.

В этот момент позади них раздался шум, быстрое движение ног и щелчок затвора.

— Стоять, мутанты!

Радуга и Кошка резко обернулись. В тепловизоре расплывалось очередное оранжевое пятно, похожее на человека, держащего перед собой холодный голубой силуэт автомата.

Сам ты мутант, — рявкнула Кошка. Она смотрела на пришельца через прицел своей винтовки, оснащенный ночным видением. — Рожи наши, что ли не различил в темноте!? Кто такой? Я, это, гвардия Свободного города, — запинаясь и проглатывая слова, раздался придавленный голос пришельца.

Убедившись через несколько секунд, что стоявшие перед ним люди мутантами не

являлись, молодой солдат начал успокаиваться и немного ослабил хватку своего автомата. Девушки также расслабили руки, разомкнув до боли въедавшиеся в цевье пальцы.

Вспомнив о преследуемом ранее существе, Радуга резко обернулась. Однако тот, кто наблюдал за ними из своего укрытия, уже сбежал в бескрайние недра мрачного здания, скорее всего испугавшись увеличения числа непрошенных гостей.

— Значит, вы не мутанты, — с облегчением выдал солдат, обрадованный таким стечением обстоятельств. Но тут же вновь собрался с духом и прильнул к прицелу автомата. — Так, положите оружие на землю и руки за голову!

— Еще чего, — одной рукой быстро стянув респиратор, Кошка усмехнулась ему в лицо, — может это лучше тебе бросить оружие? Ты нас в темноте то хоть видишь? Нас двое, и мы быстрее тебя, а автомат у тебя наверняка на одиночном выстреле, вы же в гвардии всегда патроны экономите.

Впав в недолгий ступор от наглости новоиспеченных противников, солдат все же осмелел и немного подумав, парировал их угрозы:

— Если сделаете хоть один выстрел, то через полминуты здесь будет сотня гвардейцев. Вам все равно не уйти отсюда живыми, даже если спрячетесь в катакомбах этой развалины. Наши ребята тут все перевернут, но найдут вас и повесят. Так что лучше сдайте оружие, и я отведу вас к нашему командиру. Он и решит, что с вами дальше делать...

Кошка уверенно и спокойно кинула винтовку на плечо и, недослушав, нагло перебила солдата:

— Ладно, уговорил, — она сделала успокаивающий знак рукой, давая понять напарнице, что лучше не продолжать сопротивление. — Веди нас к своему командиру, но оружие я оставляю при себе.

Не ожидая подобной реакции, боец замер и растерянно посмотрел на Радугу, в надежде услышать от нее хоть какой-то совет. Но она никак не реагировала, молча дожидаясь развязки конфликта.

Освободившейся рукой девушка подняла вверх больно давившие на глаза очки, и вновь включила подствольный фонарь. Она немного поморгала, давая глазам привыкнуть к сменившейся цветовой гамме. Через мгновения, она уже смогла различить стоявшего перед ними гвардейца, закрывавшего ладонью лицо, от потока матового света.

Перед ними стоял худощавый сероглазый юноша, лет восемнадцати, одетый в полную экипировку бойца городской гвардии. Главное, что Радуга почерпнула в его облике, была бросающаяся в глаза незрелость этого сутулого и худого солдата. Он выглядел так, что будто был готов согнуться пополам под тяжестью всего своего обмундирования, явно доставлявшего ему много неудобств.

— Ну не может такого быть, что из всех солдат, забредших в эти заброшенные руины, нам достался такой сморчок, — широко улыбаясь, с издевкой произнесла Кошка.

Гвардеец попытался что-то возразить и уже даже приоткрыл для этого рот, но тут же его нагло толкнула в плечо здоровенная баба, и он, сконфузившись, отступил назад.

— Давай, шевели ногами. Мне все не терпится посмотреть на твоего командира! — Кошка нагло толкала низкорослого солдата впереди себя, как будто это она взяла его в плен, а не наоборот.

А позади этой странной парочки медленно шла Радуга. Она то и дело оборачивалась и выискивала в темноте таинственного врага, следившего за ними ранее. Ей постоянно казалось, что это существо все это время продолжало наблюдать за ними.

Широкая дорога была в некоторых местах испещренная огромными дырами обвалившегося асфальта. Они обнажали толстые ржавые трубы, которые огромной сетью пролегали под землей, проходя под основанием мертвого города. В некоторых местах еще можно было различить прогнившие скелеты древних машин, покрытые толстым слоем пыли с песком. Иногда, среди расщелин в земле или в широких трещинах стен виднелись заросли «рыжего мха», возможно единственного растения встречающегося в этих унылых песчаных землях, продуваемых всеми ветрами.

Поперек дороги, на которую они вышли, возвышался над общим пейзажем огромный ржавый остов древней машины из времен предшествующих великому перелому. Ее длинное цилиндрическое тело тянулось через всю дорогу, примерно на пятьдесят метров, начинаясь в руинах одного из соседних домов, и заканчивалось большой раной гниющего железа, из которой торчали многочисленные трубы и куски металлолома, уже почти истлевшие за сотни лет. Все ржавое тело этой громоздкой, похожей на железную змею машины было покрыто огромными пробоинами.

Площадка перед заброшенным поездом была заполнена людьми. Не меньше двух десятков человек, в разномастной экипировке без толку бродили вблизи двух армейских грузовиков. Увидев приближающихся людей, вооруженная толпа вначале даже не проявила к ним никакого интереса. Все их внимание было приковано к двум бойцам в темно-синей форме гвардейцев, которые старательно обматывали веревкой ноги только что убитого дикого мутанта — «гурана».

Эти существа, мало чем отличавшиеся от хищных зверей выглядел как рослые гуманоиды, с длинными и жилистыми передними конечностями, увенчанными толстыми когтистыми лапами. Горбатая спина был покрыта прядями черных волос росших вдоль хребта подобно гриве, в то время как остальное тело зарастало рыжей короткой шерстью. Слегка вытянутая вперед морда, с пастью полной острых зубов, тем не менее, отдаленно походила на человеческое лицо, оставаясь главным признаком их родства с остальными мутантами.

После того как гвардейцы закончили вязать узлы, массивное тело с длинными узловатыми передними конечностями, покрытое шерстью и уродливыми кожными наростами, повисло за ноги на широкой ломаной балке, торчавшей из останков стены. Стоявшие рядом бойцы радостно закричали, подняв вверх каждый свое оружие. С израненного тела дикого мутанта небольшими струйками стекала еще свежая кровь. Зубастая морда с бессмысленно раскрытой челюстью медленно покрывалась слоем бордовой жижи. Быстро насытившись этим зрелищем и потеряв всякий интерес к повешенному, вооруженная братия переключилась на вновь прибывших людей.

— Глядите, так это же бабы, — с нескрываемым восторгом крикнул один из них — здоровенный, бритый мужик, в болотном камуфляже и шрамом от ожога во всю правую щеку.

Вооруженная толпа тут же кинулась к девушкам и ковылявшему рядом с ними солдату. Поскольку все они не были одеты в стандартный темно-синий камуфляж гвардии, Кошка тут же определила их как наемников.

Зачастую, наемниками становились одни из самых гнусных представителей всех слоев социального дна общества Свободного города. Как правило, на такую опасную и нерентабельную работу шли бывшие уличные бандиты, которых за проступки выгнали даже

из рядов собственных группировок. Иногда к ним присоединялись беглые преступники, для кого путь в пустоши становился единственным способом спастись от наказания принудительной «кибернитизации», неизбежного в любом из цивилизованных городов известного мира. Наемники, как правило, обитали в передвижных лагерях близ крупных поселений людей, не рискуя или зачастую не имея право проходить за городские стены. Они соглашались на самые опасные виды работ: по охране многочисленных караванов контрабандистов, уничтожению стай диких мутантов или убийству людей, оказавшихся в пустошах. С первого взгляда, их можно было очень легко спутать с многочисленными бандами рейдеров грабящих торговцев и путешественников в пустынных землях. Но в большинстве случаев, это было верным сравнением, так как любая банда наемников никогда не гнушалась грабежом караванов или набегами на малые поселения фермеров.

Меньше всего Кошка рассчитывала на встречу со сворой этих подонков и головорезов, которых к тому же набралось пара десятков. Она на всякий случай достала из кобуры на поясе пистолет, так как снайперская винтовка на таком близком расстоянии оказалась бы бесполезной, но ей не хватило времени даже его взвести. Она не успела опомниться, как через мгновение банда наемников уже обступила девушек плотным кольцом. Грязные и пыльные, большинство с длинными всклокоченными бородами, они радостно покрикивали и громко обсуждали достоинства каждой из женщин.

Радуга попыталась скинуть с плеча свой автомат, но даже не успела заметить, как чьи-то крепкие руки выхватили его у нее. Девушка растерянно дернулась в сторону, но тут же ее с силой схватили за плечи и кисти рук. Краем глаза она успела заметить, как ее подруга была обезоружена с невиданной скоростью. Для «бывалой» Кошки это оказалось настоящим ударом по репутации. Она попыталась атаковать одного из наемников, ближе всех стоявшего к ней, но в это момент ее схватили под руки, не давая даже замахнуться для удара. Бритоголовый наемник с обожженным лицом оскалился, затем резким коротким движением кулака нанес ей удар в живот. Кошка вскрикнула, рефлекторно согнувшись от боли. Толпа грязных и дико вонявших мужиков радостно заревела.

Брыкающуюся и кричащую Кошку скрутили по рукам и ногам и начали раздевать прямо навесу. Обессиленную и слабо сопротивляющуюся Радугу тут же повалили на землю. Ее жалкие попытки вырваться или нанести удар нагло обрывались в самом начале, а от постоянной боли тело стало быстро выбиваться из сил. Десятки различных рук: в перчатках, в татуировках, лишённые пальцев, буквально рвали на ней одежду, не давая даже пошевелить конечностями. Она закричала. Чья-то рука, уже успев растрепать ее ремень на брюках, подрагивая от волнения, залезла в промежность, больно царапая ногтями самые нежные ткани на ее теле.

Но в этот момент над беснующейся толпой эхом прокатилась автоматная очередь. Метание рук прекратилось, и насмерть перепуганной девушке наконец-то удалось вырваться. Крича изо всех сил, Радуга плотно стиснула ноги, стараясь закрыть дрожащими руками все возможные доступы к своему хоть и крепкому, но все-таки женскому телу.

— Прекратить насилие! — скомандовал грубый, хриплый голос.

Толпа, немного успокоившись, расступилась. Бритый наемник неспешно поднялся с тяжело дышавшей Кошки. Он спокойно и деловито вышел вперед, всем своим видом показывая, что не любит, когда его прерывают.

— Это мародеры, мы только что их поймали, — самодовольно произнес наемник. — Все мародеры находятся вне закона, и поэтому мы можем делать с ними все, что хотим, и

когда хотим.

— У меня на этот счет другое мнение. — Перед толпой наемников стоял высокий офицер с тремя гвардейцами за спиной. — Это гражданские лица, и согласно директиве, они должны быть задержаны. Ношение нелегального оружия вне стен города не возбраняется законом, так что никакими мародерами они быть не могут.

— Это наша добыча, все, что мы найдем во время рейда, по праву принадлежит нам, — бритоголовый наемник зарычал от злости.

Верно, но на людей, а уж, тем более, гражданских, это не распространяется, — офицер был тверд, но спокоен.

Метрах в ста позади гвардейцев показался выезжающий из-за угла броневик. На нем сверху ехали четверо бойцов в темно-синем камуфляже гвардии Свободного города. Завидев приближение солдат регулярной армии, наемники начали спешно расходиться, с видом, будто ничего только что не произошло.

Всего один мутант за целый час, — спокойно продолжал офицер, указывая на тело подвешенного зверя. — Да и тот убит моими людьми. Разведку вы не ведете, территорию не оцепили, шатаетесь здесь попросту и промышляете насилием. Это не помощь — а полное дерьмо. Напоминаю, что размер вашей премии будет напрямую зависеть от того, что я доложу командованию о вашей помощи в своем рапорте. Да срал я на твой рапорт! И на твое командование тоже срать хотел! Это наша законная добыча.

Бритоголовый наемник рассвирепел, к его лицу хлынула кровь. Он дернулся в сторону офицера, но тут же остановился, злобно озираясь на несколько стволов, направленных в его сторону. Когда броневик подъехал совсем близко, бритоголовый главарь обернулся. Позади него не было никого, ни одного наемника, хотя еще минуту назад их толпилась здесь целая банда. Только две побитые девушки на заднем плане трепыхались в пыли, ослаблено пытаются подняться.

— Рик, пойдём отсюда, — окликнул бритоголового насильника один из его подручных.

Большинство наемников уже неспешно разбрелись по округе маленькими группами, постоянно озираясь на свою упущенную добычу. Их озлобленный вожак шел последним, демонстративно выпрямив спину и не оборачиваясь. Гвардейцы помогли девушкам подняться и подвели их к своему командиру.

— Мне наплевать, кто вы такие и что вы здесь делаете, — произнес офицер жестким и повелительным тоном. — Тут идет боевая операция, и вы можете навредить ее ходу. Вы, собственно, уже это сделали. Я имею полное право вас задержать, и отпущу только после того, как мы закончим. Капрал, это ты их обнаружил? — тут же обратился он к стоявшему позади солдату.

— Так точно, сэр, они бродили вон в том здании. Похожи на сталкеров, вряд ли контрабандисты станут бродить по пустошам вдвоем.

— Значит сталкеры, — офицер внимательно разглядывал лицо Кошки, как будто старался по глазам прочесть ее мысли. — Этот район очень опасен, здесь повсюду гурнаны и разная иная нечисть бродит, так что ваши дальнейшие необдуманные действия могут привести к печальным последствиям. У меня нет времени возиться с вашим арестом, поэтому настоятельно рекомендую оставаться в этом месте, хотя бы ближайшие четыре часа. Когда мы закончим, вы будете свободны. Вам все ясно?

Кошка молча кивнула и тут же отвернулась от его тяжелого взгляда, высматривая на пыльной земле свою напарницу.

— Капрал, останешься с ними здесь, возле машин. Отдаю весь периметр под твою ответственность. Охраняй штатских и грузовики, через полчаса выйдешь на связь. Да, и оставь им их оружие, может пригодиться.

— Есть, сэр.

Офицер тут же направился к броневику, потеряв всякий интерес к только что спасенным им девушкам. Кошка помогала подруге подняться с земли, попутно обтряхивая с нее песчаные разводы. В это время к ним подошел молодой капрал.

— Извините, что так вышло. Если честно, то нам вообще повезло, что лейтенант здесь был, а то они бы вас... Меня, кстати, Алан зовут. А вас как?

— Меня Кошка, а ее Радуга. Ты знаешь, — не обращая внимания на солдата, обратилась она к подруге, — я ни на что не намекаю, но сегодня явно мой день.

— Это почему?

— Сегодня удачный день, я начала пользоваться успехом у мужчин, причем у стольких сразу. Впервые в жизни меня хотела поиметь целая толпа мужиков!

Не самая удачная шутка, но все-таки она сумела разрядить обстановку. Радуга и Кошка молча принялись отряхивать пыль и песок со своих одежд, стараясь не смотреть на последних ушедших вдаль наемников. Воспользовавшись неожиданным перерывом, Алан отступил к одному из грузовиков, примостившись возле переднего колеса. Он свалил с плеч тяжелый походный мешок устало размяв плечи, которые сильно затекли после многочасового марш броска по пустынному городу. Он сел на свой мешок, вытянув вперед гудящие от ходьбы ноги. Автомат на всякий случай не стал выпускать из рук. Его взгляд оценивающе проскользнул по лицу Радуги. Ее вздернутый короткий нос и очень женственные пухлые губы, показались ему симпатичными. Еще некоторое время спустя, Алан начал находить все больше привлекательных черт в этой странной девушке, всем своим внешним видом пытавшейся походить на крепкого бойца, которым она не являлась. Ему никогда не нравились мужиковатые и грубые женщины, особенно одетые в военную форму, но новая знакомая явно начинала его привлекать. Видимо сказывались долгие месяцы казарменной жизни.

Не обращая никакого внимания на приставленный к ним караул, девушки аккуратно примостились на небольшой бетонной плите, валявшейся в десятке метров от подвешенного трупа мутанта. Два пустых, потрепанных жизнью грузовика устало смотрели друг на друга пустыми фарами. Они медленно покрывались пылью, разносимой повсюду ветром, становясь неотъемлемой частью унылого желтоватого пейзажа.

Радуга растирала синяк на локте, образовавшийся в момент падения на асфальт. Она задумчиво разглядывала окружавшие их пустые бойницы десятков окон, в некоторых из них еще сохранились куски матовых стекол, ставших за столетия совершенно не прозрачными. На противоположной стороне улицы вырастали из стены пять однотипных ржавых телефонных будок, отдалено похожих на те, что стоят по всему Свободному городу. В некоторых из них даже были видны останки терминалов с обрывками проводов на месте дисплеев. Что-то печальное, но вместе с тем очень знакомое она находила в мертвом пейзаже заброшенного древнего города, погибшего вместе с остальным миром в момент «великого перелома». По своему, ей даже нравились эти пустые улицы, застрявшие в безвременье и навсегда заросшие песком.

— Я тут подумала, — задумчиво протянула Радуга. — А ты и вправду веришь во все, что нам говорил Хантер?

— Что ты хочешь этим сказать? — Кошка не совсем поняла вопрос, поэтому, не отрывая глаз он стоявших по соседству грузовиков, говорила медленно и расслаблено.

— Этот рейд начался очень скверно и у меня дурное предчувствие насчет нашей операции. Если честно, то вся идея с походом на север некрополиса мне с самого начал не нравилась. Ты уверена, что Хантер нам сказал всю правду про этот бункер? Мы действительно можем ему доверять?

Вот тут Кошка дернулась, как будто ее ударили током, и удивленно раскрыла глаза:

— Из-за своих глупых предрассудков, ты сейчас грубо клеветешь на хорошего человека, которому, кстати, мы обе многим обязаны. Ты что, думаешь, что он мог мне, то есть, нам соврать?! Ты в своем уме? Это же Хантер, зачем ему нас обманывать.

— Ну подумай сама. Это тот самый бункер, где он потерял всю свою группу, одиннадцать лет назад. Все эти годы он знал о его местонахождении, но никому не говорил и сам даже ни разу не пробовал вернуться. А теперь, столько лет спустя, он отправляет туда нас двоих, а сам остается дома. Тебе не кажется это немного странным?

— Все совершенно не так, как ты говоришь, — отмахнулась рукой Кошка. Она отказывалась верить, что ее старый наставник и главный поставщик надежных заказов может в чем-то ее обмануть. — Дома надо было такими вопросами задаваться. Могла и не соглашаться идти со мной. А теперь уже поздно поворачивать назад, нужно идти до конца.

Она вытащила из наплечного мешка пачку сигарет и нервно закурила, стараясь успокоиться и говорить без раздражительного тона.

— Я же тебе все рассказала, — выдохнув клуб едкого дыма начала Кошка. — Его группа погибла из-за системы безопасности, там же и Хантер пострадал, потерял левую кисть. Правильный пароль для открытия ворот он нашел только спустя все эти годы, он одиннадцать блин лет на это потратил.

— Все равно странно, почему он не пошел с нами. В сущности, это главное дело его жизни, а он отдал право вскрыть бункер, нам...

— Он сделал это ради меня, — с легкой гордостью произнесла Кошка. — А не пошел, потому, что уже слишком старый для подобного путешествия. Да и почки у него уже не к черту, постоянно болят. Давно уже предлагала ему заменить их на импланты.

Кошка вновь затянулась, и между ними повисло долгое молчание. Радуга снова принялась натирать больной локоть. Она прекрасно понимала нежелание подруги даже на секунду усомниться в их общем друге. Хантер был настоящей живой легендой среди сталкеров Свободного города, одним из немногих оставшихся в живых романтиков пустошей. После потери всей его группы, с которыми он облазил вдоль и поперек северные районы некрополиса, Хантер практически не уходил в дальние рейды, все чаще предпочитая отправляться в южные земли. В основном, он занимался скупкой всех ценных вещей, которые другие сталкеры приносили из пустошей, а также помогал новичкам в освоении этой редкой профессии. Именно так с ним познакомились Кошка и Радуга, вначале своего нелегко пути выбрав Хантера в качестве наставника. А уже значительно позже они стали работать вместе.

Кошка всегда боготворила своего старшего товарища и скорее всего, была в него влюблена. Радуга, еще в первый год своего обучения, также попала под влияние харизматической личности бывалого сталкера. Их недолгий, но бурный роман закончился столь же внезапно и непринужденно, как и начался. В память об этих временах у нее остались тактические очки-сканер.

— Вот уроды, — неожиданно прервав повисшую тишину, вскрикнула Радуга.

— Что случилось?

— Ты представляешь, эти уроды мне кевларовое пальто продырявили. Вот смотри, подол надорван. Это же с какой силой драть надо было, что бы так порвать...

— Ну, всякое бывает. Видимо у этих вояк совсем с бабами туго. Слышь, служивый, — окликнула она гвардейца, — как с бабами то у вас?

— Очень плохо, — посетовал на свою нелегкую жизнь Алан. — Увольнительные дают редко, а пашем мы весь световой день, как проклятые. В будни выходить за территорию базы рядовым запрещено, так что о личной жизни можно только помечтать. А на выходных, даже если и очень надо, все равно не до того, спать и есть хочется гораздо больше.

Кошка лукаво улыбнулась:

— Алан, а у тебя девушка есть?

— Нет, еще пока не нашел, — скромничал он.

Радуга резко встала, и, поправив свой автомат на плече, уверенно зашагала к груде осколков разрушенной стены, возвышавшейся на другой стороне улицы.

— Я сейчас вернусь, — коротко бросила она.

— Ты куда это собралась? — схватив лежавший на коленях автомат, тут же встрепенулся солдат.

— В туалет я пошла, — огрызнулась Радуга, — или пописать тоже под конвоем поведешь?

— Нет, ну ты смотри, далеко не уходи. А то мало ли что там...

Алан, усевшись назад на свой походный рюкзак, проводил глазами скрывающуюся за развалинами девушку. Затем медленно перевел взгляд на вторую, сидевшую напротив него.

— Не пялься так долго ей в след, — усмехаясь, оборвала его мысли Кошка, — она тобой все равно не заинтересуется.

— Почему это? Что во мне не так? — обиженно спросил солдат.

— Она парнями не увлекается, у нее другие предпочтения в жизни, — как могла, она игриво прищурилась, стараясь говорить максимально ласково. — А вот мне мальчики нравятся, особенно молоденькие. Тебе ведь лет восемнадцать-двадцать, верно?

— Ну да, девятнадцать, недавно исполнилось. — Алан настороженно проглатывал слова, почувствовав нечто пугающее в вопросе девушки. Он стал медленно приподниматься со своего сиденья, мимоходом нащупывая цевье автомата.

— Ну что, поможем решить друг другу взаимные проблемы и снять напряжение? Так сказать, по-дружески, пока никого нет.

Кошка резко дернулась в его сторону, но Алан, будто ужаленный, отскочил от нее. Он вытянулся в струну, отпрыгнув как можно дальше, и беспомощно прижал автомат к груди.

— Да успокойся ты, — засмеялась Кошка, — не буду я тебя насиловать. С меня, на сегодня, мужского внимания хватит. Ты лучше скажи, что вы здесь делать планируете, и когда нас отпустят?

— Это секретная информация и я не уполномочен отвечать на подобные...

— Ой, ладно тебе, давай без официоза. Вы мутантов резать приехали, тех, что караван на прошлой неделе перебили. Об этом половине Свободного города известно. Как долго вы здесь еще будете?

— Ну, наверно, до вечера, часа три-четыре, — под ее напором Алан был готов выложить все военные секреты, лишь бы она не приближалась к нему — Вечером, после шести, по

прогнозу обещали очень сильную «пылевую бурю». К этому времени мы уже должны погрузиться на машины и двинуть назад в город. А на это место еще третья группа должна подъехать. Мы когда только к городу подошли, у них броневик сломался. Так что они как починятся, сразу приедут. Здесь основная точка сбора, поэтому и грузовики тоже здесь оставили. Можешь не волноваться, без нас точно никто не уедет. А много можно заработать сталкеру, за это хорошо платят?

— Ты слишком много вопросов задаешь, — обрubiла Кошка. — Ты уж меня извини, но вряд ли мы с тобой назад поедим, у нас в этих пустошах еще другие дела есть. Да и вообще нам лучше времени зря не терять, раз сильная буря будет. Слушай, может, отпустишь нас по доброй воле, под честное слово, что больше не попадемся на глаза вашему командиру?

В этот момент из своего уединенного места к ним вернулась Радуга, поправляя на ходу ремень:

— Нет, нам лучше здесь пока остаться, — высказалась она. — Гураны все-таки опасное дело, особенно если нападут стаями. Так что лишний раз сталкиваться с ними мне совсем не хочется. А пока солдаты будут район от них очищать, мы можем поискать себе укрытие, чтобы бурю переждать. Наверное, лучше вернуться в наше утреннее место, зря мы оттуда ушли.

Не проронивший до этого ни звука, остолбеневший от их наглости и самоуверенности Алан все же совладал с собой:

— Вы вообще куда собрались? Я надеюсь, вы обе еще не забыли еще, что задержаны и находитесь под арестом?

— Успокойся уже! Лучше бы ты с бабами такой резвый был, — Кошка говорила с напором, нагляя прямо на глаза. — Нам укрытие новое искать надо, поэтому с твоего согласия или без, но мы все равно пойдем и осмотрим вот это здание, — она показала рукой на самый крайний дом, стоявший в конце улицы. — У меня нет времени с тобой возиться, нам спешить надо. Если хочешь, то можешь оставаться здесь, а мы к тебе потом вернемся. Не испугаешься остаться тут один?

— Я против, мне скоро надо выходить на связь. Лейтенант если узнает, что я пост оставил...

В этот момент, около остова железной громадины показалась сторбленная фигура. Упираясь на металлический костыль, существо, покрытое длинными серыми лохмотьями начало приближаться к ним.

Все трое быстро вскинули оружие:

— Стоять! Ни шагу дальше, — почти мужским басом закричала Кошка.

— Не стреляйте, — существо издало придавленный женский крик, — не надо, я без оружия!

Вспомнив, что он все-таки мужчина, в диалог тут же включился Алан:

— Кто ты? Что тебе здесь нужно?

— Я, нет... я не собираюсь на вас нападать. Я просто услышала ваш разговор про пылевую бурю. Это правда? Мне нужна ваша помощь, пожалуйста, выслушайте меня.

Сторбленная женщина сделала еще один неуверенный шаг в их сторону:

— Не приближайся, — заорал Алан, размахивая своим автоматом, — иначе я буду стрелять. Как ты могла услышать нас, ты ведь была далеко?

— Прошу, поверьте, несмотря на мою внешнюю немощь слух у меня очень сильный. Это, правда про то, что приближается буря?

— Да, это так. Что тебе от нас нужно? — уже спокойней поинтересовалась Кошка, не выпуская непрошеную гостью из-под прицела.

— Я ищу свою дочь, она должна быть где-то поблизости. Прошу, помогите мне ее найти.

— Вы что, отбились от каравана?

— Нет, мы живем здесь. В большом городе, за мостом. Прошу меня извинить, но вам ведь нужно место, где переждать бурю, так? Если вы поможете мне найти дочь, я могу отвести вас в такое место, там мы все вместе сможем спрятаться.

Радуга, опустив автомат, повернулась к Кошке:

— Ну как, что будем делать?

— Хрена лысого, я ей не верю, — процедила сквозь зубы Кошка. — А где гарантии, что ты нас не обманываешь? Как ты вообще смогла выжить в пустошах?

— Я, — женщина немного замялась, — я мутант... но я не причиню вам вреда, прошу, поверьте. Мы просто живем здесь, очень давно.

— Мы! Есть еще кто-то? — взволновано закричал Алан, обшаривая стволом воздух в округе.

— Есть, но они все в убежище сейчас, это там за мостом. Поверьте мне, прошу. Я всего лишь хочу найти свою дочь, пока с ней ничего не случилось.

— В том здании я видела кого-то, прячущимся на первом этаже. — Радуга ткнула стволом по направлению к разбитой высотке. — Возможно, что это и была твоя дочь, хотя и не могу сказать наверняка.

— Пожалуйста, там могут быть «дикие», я одна с ними не справлюсь. Мне нужна ваша помощь. Но только все надо делать быстро, пока не началась буря, дорога назад может занять не меньше часа. Прошу вас, помогите мне.

— Ну что делать будем? — повторила свой вопрос Радуга.

— Да завалить ее на хер, — рявкнул Алан.

— Заткнись лучше. Меня, значит, завалить не захотел, а на эту уродину позарился, — съязвила Кошка. — Ладно, задницей чувствую, что пожалею об этом, но мы пойдем. А ты, дорогой, оставайся пока здесь.

Ничего не понимающий, Алан только растерянно проводил взглядом всех троих.

Он остался совсем один на продуваемой ледяными ветрами площадке, среди пугающих руин мертвого города. Ветер начал понемногу усиливаться, все отчетливее разнося потоки пыли и все сильнее раскачивая истекший кровью труп мутанта. Алан прижался спиной к кабине грузовика, крепко сжимая рукоять автомата и нашаривая свободной рукой радиопередатчик за поясом.

Радуга перетянула ремень очков-сканера, поудобнее укрепляя их на голове. Кошка настроила прицел винтовки на ночной обзор, проверила наличие запасных обойм в нагрудном кармане жилета.

— Ладно, мать, ты идешь первой, — скомандовала она.

Сгорбленная женщина, закутанная в лохмотья, наконец, сбросила с себя серый капюшон, обнажив широкий кожный нарост на затылке, из которого лоскутами росли светлые пряди длинных волос. Ее изможденное бледное лицо с усталыми глазами, было вполне человеческим и кроме страшного уродства со стороны спины, ничто не выдавало в ней обитателя пустошей. Пошарив в своих лохмотьях свободной рукой, она достала

небольшой пистолет, с затронутым ржавчиной удлиненным стволом.

— Ну вот, а говорила, что оружия нет, — буркнула Кошка.

Стуча железным костылем, женщина поспешно ступила во тьму широкого коридора. Девушки последовали за ней, идя по обе стороны пустынного коридора и плотно прижимаясь к грязным стенам.

Воздух внутри был гнилым и затхлым. На почерневших стенах, на полу, на потолке, повсюду нарастали толстые слои пыли и местами пробивались сквозь трещины заросли рыжего мха. Радуга прошла в одно из боковых помещений, где сквозь разбитую стену виднелась узкая шахта с лестницей, ведущей далеко вверх. Осторожно ступая по пыльному и заваленному мусором полу, она прошла вглубь комнаты.

Мир в ее глазах вновь замерцал всеми оттенками синего, обрисовывая контуры встречаемых преград. Радуга прошла дальше, высматривая хоть какие-то следы присутствия здесь жизни. Она подошла к лестнице и бегло осмотрела заваленную мусором шахту. Кошка и странная женщина-мутант в это время направились дальше по коридору. Радуга прислушалась к их отдаленным шагам, чтобы определить хотя бы примерное местонахождение своих спутников. Но тут, где-то наверху раздался сдавленный и короткий всхлип, который эхом отскочил по пустой и затхлой шахте.

— Сюда, она здесь, на лестнице, — изо всех сил закричала Радуга.

Девушка бежала по крошащимся под ногами ступеням и кричала на бегу:

— Не убегай, девочка, стой. Мы пришли сюда вместе с твоей мамой, она ищет тебя.

— Молли, это я, мама, я уже здесь, — раздался снизу крик женщины-мутанта.

Когда Радуга достигла очередного лестничного пролета, то увидела свернувшуюся в углу девочку. Испуганная кроха сидела прямо на полу, дрожа от страха и прижималась к грязной стене. Своими маленькими руками она прижимала к груди невнятную вязаную куклу, напомиравшую очертаниями человека.

Из противоположной стены, сквозь небольшую дыру бил одинокий луч уличного света. Радуга быстро стянула с себя очки и внимательно рассмотрела девочку. Та робко приподнялась, продолжая прижимать к груди игрушку.

— Ты честно с мамой пришла? — дрожащим голосом спросила девочка, закутываясь глубже лицом в широкий шарф на шее. Она была маленькая, хрупкая, с бледным худощавым лицом, как у ее матери, и большими пятнами на коже со странной пигментацией, похожим на плотную серую чешую. Ее шею покрывала отвратительная бугристая короста омертвевшей плоти, выглядевшая скорее, как уродливый серый налет на теле ребенка.

— Да, я пришла помочь тебе. Твоя мама ждет нас внизу, — ласково произнесла Радуга. — Скорее, пойдем отсюда, лестница может обвалиться в любую минуту.

Переставшая дрожать, кроха встала с холодного пола, поправила растрепавшийся шерстяной шарф и надежнее перетянула им свое уродливое горло. Еще крепче прижав игрушку к груди, она спокойно и даже уверенно протянула свою тоненькую руку. В какой-то момент в голове у Радуги промелькнула мысль: «хорошо, что перчатки надела». Затем они быстро спустились вниз. Увидев мать, девочка радостно кинулась к ней в объятия. Обе девушки и мутанты поспешно зашагали назад. В пустых коридорах заброшенного здания все сильнее начинал завывать ветер, ознаменованней начало зарождавшейся песчаной бури.

Площадка возле брошенной железной змеи вновь наполнилась жизнью. Позади поросших в песке грузовиков горделиво вертел башней шестиколесный броневик городской гвардии. Стоя рядом с ним Алан, активно жестикулируя, пытался что-то объяснить

шестерым окружавшим его солдатам.

Первой в сторону новоприбывших дернулась башня броневика, наставив на них свое дуло. Затем в том же направлении нацелились еще несколько стволов.

— Все нормально, это я про них вам говорил, — успокоил гвардейцев Алан.

Видимо его рассказ был убедительным и достаточно полным, так как все остальные тут же потеряли всякий интерес к девушкам и мутантам. Они поспешно вернулись к своему прежнему разговору.

— Я тебе еще раз повторяю, — твердил Алан, — четвертая группа пропала, и они все двинулись к ним на запад. Мне было велено ждать здесь, пока на точку сбора не приедете вы. Теперь вы здесь, но вызвать лейтенанта я уже не могу. Рация полетела, я не могу ни с кем связаться уже минут двадцать.

— Моя рация тоже не работает, видимо сейчас очень сильные помехи, — подтвердил его слова один из гвардейцев. — Наверняка это из-за песчаной бури, хотя она еще и не началась.

— Ладно, значит, будем оставаться здесь, — отдал остальным солдатам приказ высокий молодой гвардеец с эмблемой сержанта на рукаве.

— Только у нас проблема есть, видимо прогноз был ошибочным, и буря начинается раньше, чем мы думали. Если в «броню» еще пара человек сможет спрятаться, то остальных просто засыплет. Грузовики брезентом накрыты, и в них отсидеться мы не сможем.

— И какие предложения, капрал? — поинтересовался у него сержант.

— Я думаю, нам придется искать себе убежище в этих домах...

Ветер усиливался, поднимая большие массы грязного песка. Тело убитого мутанта, ставшее практически серым от налипшей на кровь пыли, все сильнее и сильнее раскачивалось на ветру. Гвардейцы начали доставать свои противогазы, стараясь защититься от потоков разъедающих рот частиц.

— Ну, ладно, убедилась, что с ним все в порядке, — ухмыльнулась под респиратором Радуга. — Нам надо двигать отсюда, пока всех целиком не завалило песком. Скажи, — обратилась она к мутанту, — мы еще успеваем добраться до вашего убежища?

— Если очень поспешим, то да, — коротко ответила женщина-мутант, надевая поношенный довоенный респиратор на себя и достав еще один для дочери.

— Блин, видимо лучше нам вернуться в подвал и пойти все же через «железные норы», — усиливая голос, произнесла Радуга. — Там нас хотя бы не засыплет, да и карта поможет быстро добраться до моста.

— Согласна. Эй, Алан, рада была с тобой познакомиться, но нам нужно идти, — скорее с иронией, чем с грустью говорила Кошка, стараясь перекричать набиравший силу ветер. — Вы тут без нас, мальчики, не скучайте, желаем вам удачи.

Ее последние слова проглотил ветер и отнес дальше от солдат. Алан почти их не разобрал. Сквозь окуляры своего противогаза, он бессильно наблюдал за тем, как его арестанты спокойно уходят, скрываясь среди руин. Он все никак не мог поверить в природную наглость Кошки.

— Это что еще за хрень? — внезапно крикнул один из гвардейцев, указывая рукой наверх.

Все как по команде вскинули головы, рассматривая разрушенные верхушки домов. Самым последним вверх устремилось дуло броневика, неуверенно дергаясь из стороны в сторону в поисках неизвестной цели.

Наверху потоки воздуха гнали большие массы пыли и песка, превращая их иногда в грязноватые желтые тучи. Но даже сквозь эти потоки можно было разглядеть, как из огромной пробоины в стене, на одном из верхних этажей ближайшего дома, на собравшихся внизу людей смотрело какое-то существо. Большая голова, покрытая россыпью крохотных желтых глаз, держалась на неестественно тонкой шее, монотонно покачивалась из стороны в сторону. Длинные кривые конечности, в которых не различимы были руки или ноги, цепко впивались в осколки стены извилистыми пальцами. Держась на своих длинных и крепких отростках, существо даже и не думало бежать, оставаясь неподвижным. Только его голова на длинной тонкой шее начала опускаться все ниже, стараясь разглядеть или учуять толпящихся на земле людей.

— Мама, смотри, — закричала девочка, прячась за подол своей матери. — Это чудовище, мама!

— Огонь! — Коротко и громко скомандовал сержант.

Всю округу оглушила канонада выстрелов десятка стволов. Громче всех звучным басом громыало дуло броневика. Издав вопль, похожий на человеческий крик, чудовище рывком прыгнуло вглубь здания.

Одновременно с начавшейся перестрелкой, стуча железным костылем, женщина-мутант почти прыжками поспешила скрыться за гигантским остовом железной змеи, лежавшим поперек улицы. Ухватившись цепкой рукой за подол драного плаща, вслед за ней бежала девочка, сжимая в свободной руке свою тряпичную куклу. Не дожидаясь развязки начавшегося боя, Радуга и Кошка кинулись вслед за мутантами.

Женщина новым прыжком рванулась вперед, но тут же на лету остановилась и, не удержав равновесия, упала на пыльный асфальт. Также на бегу об нее споткнулась девочка и, повалившись вслед за матерью, кубарем откатилась в сторону. Радуга и Кошка резко остановились. Над ржавым остовом поезда возвышались две сторбленных фигуры, покрытых густой рыжей шерстью и массивными кожными наростами. Стоя по животному на четвереньках, мутанты осторожно карабкались по останкам жестяных вагонов, рыча и клаца широкими рядами длинных зубов.

— Задолбали уже, — громко выругалась Кошка.

Она сделал шаг вперед и, наспех прицелившись, дважды выстрелила. Один из диких, резко откинувшись назад, повалился по ту сторону древней прогнившей машины. Со злобным криком и бешеным ревом второй мутант прыжком бросился в атаку. Но тут же был остановлен автоматной очередью, и неуклюже грохнулся рядом с ворочающейся в пыли женщиной. Она, опираясь на свой тяжелый костыль, начала подниматься, испуганно поглядывая на хрипящее и корчащееся от боли окровавленное тело.

По ту сторону истлевшего остова железной змеи раздался хищный рев новых мутантов. Еще, по крайней мере, пятеро гуранов карабкались вверх, периодически проваливаясь своими лапами в многочисленных дырках на корпусе. Они кричали, бешено ревели, захлебываясь пылью, с ненавистью обдирая когтями ржавую облицовку.

Радуга резко развернулась, в надежде позвать на помощь гвардейцев. Но тут же брякнулась на землю рядом с трясущейся девочкой и ее мамой.

— Карина, ложись, — только и успела крикнуть она Кошке. Но ее голос потонул в порывах ветра и реве наступающих мутантов.

Радуга обхватила девочку, стараясь прижать ее как можно крепче к себе, другой рукой она направила автомат в сторону приближающегося врага. Наступила та секунда, когда она

уже ничего не слышала, кроме стука собственного сердца и пульсации в висках. Возможно, она оглохла на несколько секунд, потому как лежа в пыли и молча наблюдая за происходящим, совсем не слышала никаких звуков.

С остова железной змеи вздымалась целая туча пыли, в разные стороны отлетали куски обшивки и метала. Толстокожие существа, покрытые бурой шерстью, беззвучно падали на землю. Окровавленные массы тел начинали трепыхаться в пыли, волочиться по земле, тщетно пытаясь подняться. Она не слышала ни их рева, ни их стонов и криков. Он не слышала, как их тела падали на землю, как разрывалась облицовка огромного металлического змея, как стрекотали автоматные пули, и как гулко грохотало башенное орудие броневика. Она только видела немую картину творившейся бойни.

В нескольких шагах от нее, слегка приподнимаясь и вновь падая на землю, трепыхалась в пыли женщина-мутант, тянущая к ней свою окровавленную руку. Чуть дальше, опираясь на винтовку и пережимая свободной рукой свой левый бок, пыталась подняться Кошка. Девочка, высвободившись из объятий Радуги, кинулась к матери, крича что-то и беззвучно рыдая.

Радуга начала приподыматься, она видела, как один из солдат, наверно, это был Алан, подбежал к Кошке. Он подхватил девушку за плечи и потащил ее к стене противоположного дома, возле которого на широкой ржавой балке болталось обезображенное тело.

Первый звук, который после долгой тишины отчетливо различила Радуга, был острый свистящий визг, больно ударивший по перепонкам. Она успела заметить сквозь пелену пыльных потоков, как с одного из зданий спрыгнуло огромное тело, извиваясь на тонких кривых конечностях, оно в два прыжка оказалось рядом с ничего не успевшими сделать людьми. Овальное и толстокожее тело, кривляясь и переваливаясь на трех тонких конечностях, невысоко подпрыгивая на ходу, приближалось к людям.

Снова раздался мерзкий режущий визг. Четвертая конечность чудовища, самая короткая и жилистая, вращалась в длинную и расширяющуюся у конца полосу метала. Ловко орудуя своим мечом, чудовище полоснуло стоявшего ближе всех гвардейца и тут же, изогнувшись всем подвижным телом, одним прыжком перемахнуло через броневик. Солдаты кричали наперебой. Кто-то бросился вдогонку за монстром, а кто-то просто пытался убежать.

Радуга увидела, как в грязной луже крови, перемешавшейся с пылью и песком, постоянно поскользываясь и громко рыдая, волочилась девочка рядом с телом своей матери. Она уцепилась за ее толстый шарф, другой рукой подтянула за ремень лежавший на земле автомат. Не понимая, куда бежать, и что происходит, Радуга кинулась с девочкой в первый попавшийся дверной проем. Позади нее раздавались крики людей, скрежет метала, выстрелы и жуткий визг чудовища.

Миновав небольшой темный коридор, проходивший в торце дома, она выскочила через узкий пролом в стене, откуда еще виднелся свет, и куда заметалось большое количество пыли. Так они оказались с другой стороны здания. Ничего не объясняя ребенку, она подняла девочку на руки, перекинула автомат через плечо и побежала в сторону ближайших руин. «Главное, бежать, как можно быстрее, как можно дальше», — единственные слова, которые прокручивались в ее голове. В висках начинало сильно сдавливать и болеть

Выстрелы и крики, а также ужасный свистящий визг чудовища оставались позади, уходя в тишину заброшенных кварталов все дальше и дальше. Она позволила себе короткую остановку, чтобы перевести дыхание и попытаться решить, как выстроить новый маршрут следования. Железные норы остались далеко позади, других открытых входов в подземелье

она не знала. Радуга достала из внутреннего кармана портативный компьютер и постаралась определить свое местонахождение.

— Где же мы, черт возьми, гребаная карта, — ругалась сама с собой Радуга. — Как пройти на этот чертов мост...

Пока она корпела над электронной картой, девочка уже перестала плакать. Она деловито подошла к женщине и дернула ее за подол плаща.

— Пойдем уже отсюда, — спокойным и слишком серьезным для ребенка тоном сказала она, — я знаю, что мост находится вон за теми домами.

Девочка указала в сторону плотного нагромождения разрушенных зданий, возвышавшихся на несколько десятков этажей над остальным пейзажем. Пешком до них нужно было идти не меньше километра, но это был единственный ориентир, на который в сложившейся ситуации могла рассчитывать Радуга.

— Ты сможешь идти сама? — тут же спросила она ребенка.

Девочка утвердительно кивнула и достала из-за пазухи тряпичную куклу, которую она не бросила даже в суматохе недавней кровавой бойни.

Они шли по пустынным улицам не меньше часа, совершенно не встречая никого на своем пути. Холодный и заброшенный город полностью оправдывал свое мертвое звание — «некрополис».

Прижимая куклу одной рукой к груди, Молли уверенно и ловко карабкалась по многочисленным завалам разрушенных домов и настоящим, высотой в человеческий рост, горам кирпичного и металлического мусора. Маленькая и даже для своих лет очень худощавая, явно очень уставшая, она, тем не менее, стойко и уверенно шла вперед, оставляя позади себя выбившуюся из сил Радугу. Глядя на свою маленькую провожатую, девушка и сама начала понемногу перенимать ее способ передвижения на четвереньках.

В конце концов, продираясь сквозь едкую стену пыли, вызванную не на шутку разыгравшейся бурей, они добрались до «убежища».

Большой бетонный прямоугольник, лишенный окон на первых двух этажах, по-видимому, был в древнем мире административным зданием или даже больницей. В отличие от большинства руин окружавших его, этот дом практически не пострадал и выглядел достаточно крепким. Начиная с третьего яруса, его широкие прямоугольные окна были заложены кирпичом, и только самые верхние этажи были покрыты матовым непрозрачным стеклом, но для надежности защищены ржавыми решетками.

На третьем этаже в нескольких замурованных окнах виднелись металлические заплатки, скорее всего выполнявшие функции бойниц для обороны здания в случае опасности. Только одно из таких окон закрывалось толстым ржавым листом железа полностью. Девочка подошла максимально близко к этому окну и, задрав голову кверху, уверенно принялась ждать.

— Не бойся, там никто не причинит тебе вреда, — деловито произнесла она, даже не опуская голову, — мы покажем тебя доктору.

Несколько мгновений спустя, широкий железный лист, с грохотом и лязгом невидимых шарниров пополз наверх. Из образовавшегося небольшого проема кто-то выбросил веревочную лестницу. Молли за несколько секунд ловко вскарабкалась на третий этаж, и исчезла в черном проеме. Постояв немного на улице и еще раз, проверив количество патронов в пристегнутом магазине, Радуга последовала за девочкой.

Наверху ее ждала квадратная темная комната, с серыми холодными стенами и низким потолком. А еще трое мутантов, закутанных с ног до головы в разнообразные куски одежды и камуфляжа, которые они, скорее всего, нашли в мертвом городе. Их лица закрывали громоздкие респиратора старых конструкции, на подобии тех, что были у девочки и ее матери. За плечом у каждого из охранников висели старые, но вполне пригодные для боя штурмовые винтовками, времен войны великих домов. Когда она только взобралась внутрь, один из мутантов молча помог ей подняться на ноги. Двое других внимательно следили за обстановкой на улице, совершенно не обращая внимания на пришельца из внешнего мира. Железная дверь с лязгом поехала назад.

Оказавшись в относительной безопасности, Радуга поправила свои растрепавшиеся дреды, вновь затянув их в тугий пучок на затылке. Затем стряхнула с головы и одежды толстые налеты пыли, сняла наконец-то надоедливый респиратор и первый раз за много часов позволила себе глубоко вдохнуть.

Воздух в убежище мутантов был теплым и наполненным множеством ароматов, где-то в соседних помещениях готовили еду. Ведомая девочкой-проводником, Радуга миновала несколько душных коридоров, в которых то и дело проскальзывали мутанты, закутанные в разнообразные лохмотья.

В одной из комнат сгорбленная женщина с изуродованным серыми наростами лицом качала на руках большеголового младенца. В другой комнате, двое худощавых мужчин, перепачканных в мутной крови, пытались разделать толстенную тушу какого-то животного. Из помещения позади них несло резким запахом жареного мяса, который вызвал приток слюны, даже не смотря на отвратительную картину скотобойни. Когда проходили мимо широкой бетонной лестницы, завешенной мокрым бельем, снизу раздался длинный гулкий рев. Звуки, похожие на крики животных, эхом разносились по мрачной лестнице, ведущей куда-то в неведомые и страшные подземелья. Радуга дернулась от неожиданности, рефлекторно потянувшись к рукоятке автомата. Но девочка спокойно ухватила ее за руку и невозмутимо повела дальше.

Так они прошли еще один коридор, освещаемый тусклым светом многочисленных белесых лампочек, развешанных под потолком. Обшарпанные стены были изрисованы желтыми и красными символами, словами на неизвестном языке, разноцветными силуэтами людей и животных. На одной из стен рисованные человечки, разного роста и размера, были изображены держащимися за руки, а рядом с ними, другая группа людей вела охоту на непонятных толстобочих животных. Чуть дальше, еще трое черных человечков воздавала мольбы идущим с неба багровым лучам.

В какой-то момент Радуга обернулась и увидела, как не менее десятка обитателей «убежища», столпившись в коридоре, медленно следовали позади нее и провожали взглядом. За все время, что они шли по этим катакомбам, никто из жителей общины мутантов даже не попытался заговорить с ней. Она вновь погладила ладонью рукоять своего автомата и поправила лямки рюкзака за спиной.

— Подожди меня здесь, — уверенно скомандовала ей девочка и тут же исчезла в одной из комнат в конце коридора.

Странная процессия уродливых созданий, тянувшаяся все это время позади них, остановилась, рассматривая девушку и тихо перешептываясь. Стараясь не смотреть на них, Радуга перевела усталый взгляд на разрисованную стену, продолжая изучать причудливые изображения.

Несколько минут спустя из комнаты показалась девочка с побитой тяжелой жизнью куклой. Она радостно побежала вдоль коридора к остальным мутантам, даже не обернувшись на свою спасительницу. Из толпы людей, до этого молча наблюдающей за действиями девочки и Радуги, вышла невысокая худощавая женщина с белесыми и очень длинными руками. Она присела на одно колено и вытянула вперед свои руки, похожие на искривленные длинные трости.

— Мама, мама, — радостно зачирикала девочка, кидаясь в объятия к этой странной женщине.

Из комнаты в конце коридора, следом за выбежавшей девочкой, показался еще один человек. Он был невысокого роста, крепко сложен, в белом потрепанном халате, покрытом бурыми разводами. Этот человек явно отличался от остальных мутантов, хотя имел смуглую, почти черную кожу и тонкие разрезы глаз на овальном щекастом лице. Увидев непонимающие глаза Радуги, он молчаливым жестом пригласил ее пройти в свою просторную теплую комнату.

Помещение было обставлено, как рабочий кабинет, хотя за узкой металлической ширмой около стены виднелась одноместная железная кровать. На стенах висело несколько анатомических схем человеческого тела, наклеенных поверх неработающих дисплеев, по углам стояла пара крепких железных стеллажей, заставленных старыми потрепанными книгами. В углу возле зарешеченного матового окна располагался круглый изящный стол с резными тонкими ножками, совершенно не подходивший по внешнему виду к царящей здесь строгой обстановке. Весь стол был заставленный различной посудой и небольшими разноцветными баночками. Радуга разместилась на мягком кожаном кресле напротив большого крепкого стола, за который уселся Доктор. Его рабочее место было завалено стопками книг, канцелярских папок и исписанными листками бумаги. На краю стола, возле небольшой электрической лампы, стояла выцветшая фотография красивой темноволосой женщины, с тонкими чертами лица и голубыми глазами.

— Удивлены поведением девочки? — с легкой улыбкой спросил доктор. Его голос был очень мягким, хотя и с легкой хрипотцой. — По моим наблюдениям, у всех примитивных сообществ подобное поведение становится залогом выживания общины. Среди моих мутантов действует довольно оригинальный общественный строй: если кто-то умирает, его имущество или потомство, не имеет значения, передается ближайшим родственникам или делится между всеми членами общины. Я считаю это древней формой общественного договора, если можно так выразиться.

Доктор говорил очень мягко, подбирая сложные слова. Его речь совершенно не совпадал с внешним антуражем всего здания и его обитателей, на которых уже вдоволь насмотрелась Радуга.

— Эти несчастные живут в очень опасном мире, и смерть, к сожалению, для них явление обыденное и закономерное, как утренний подъем на работу, для жителей большого города. А эта женщина, она родная сестра покойной матери девочки, и с этого момента будет воспитывать племянницу, как родную дочь. Довольно причудливые традиции, — он улыбнулся. — Однако, следуя по таким вот странноватым правилам, их племя смогло выживать и оставаться незамеченным в этих опасных землях довольно долгий период времени.

— Вы живете тут совершенно один, среди них, — набравшись смелости спросила Радуга. — Но при этом вы не мутант. Вы ведь один из, — девушка споткнулась, не решаясь

произнести последнего слова.

Доктор вновь улыбнулся:

— Да вы правы, я тот, кого в цивилизованном мире называют «гибрид». Нет, и не оправдывайтесь, здесь нет ничего страшного. В конце концов, это нормальный медицинский термин, я к нему даже привык за столько лет жизни. Хотя здесь меня все считают обычным человеком, так же, как и друг друга. Члены общины считают мутантами только гуранов, которые обитают в нижней части города. Себя они определяют, как разумных людей и о существовании биологической детерминации Трибунала, разумеется, ничего не слышали. В вашем мире, из которого вы пришли в здешние бесплодные земли, эту общину, да и меня заодно, назвали бы мутантами и скорее всего нас бы истребили не задумываясь.

— А вы тоже считаете их людьми? — она произнесла эти словами, даже не задумываясь, что могла обидеть этим человека, давшего ей кров и спасение.

— Цивилизованный шовинизм, — с легкой улыбкой произнес доктор. — Не знаю, успели ли вы заметить за недолгое время пребывания у нас, но все члены племени мало чем отличаются от нас с вами, кроме внешних признаков лучевых болезней, к которым, кстати, их организм уже давно приспособился. И уж тем более они совсем не похожи на «диких», которые являются настоящими хищными животными.

Они немного помолчали.

— Девочка мне кое-что рассказала о ваших злоключениях, но как вас зовут я так и не запомнил.

— Радуга... — Она вновь немного замаялась. — Но вообще мое настоящее имя Грейс, правда, я им уже давно не пользуюсь.

— Понимаю. А меня здесь все называют «Доктор», хотя когда-то давно меня звали Назир. Теперь мне кажется, что все это было в прошлой жизни... Вы курите? — спросил он, протягивая ей пачку сигарет.

Она ответила кивком головы, вытянув себе одну тонкую желтую палочку. Это были старые незнакомые ей сигареты, по всей видимости, еще довоенные.

По-прежнему улыбаясь, доктор выпустил первый клубок дыма:

— Дурная привычка, уже почти двадцать лет никак не могу от нее избавиться. Несмотря на то, что я истинный врач, тем не менее, всю свою жизнь я старательно гроблю собственное здоровье, — задумчиво пошутил он. — А вы, я так понимаю, сталкер?

— Да, иногда меня и так называют. Хотя я уже утвердилась во мнении, что любой человек, оказавшийся в пустоши, автоматически становится сталкером. Я и моя напарница работаем на Торговую гильдию, если слышали про такую организацию. Мы продаем им все, что находим в пустошах. Девочка, наверное, рассказала вам о том, что с нами случилось?

Доктор утвердительно кивнул. В этот момент Грейс вновь вспомнила о пережитом недавно ужасе и ее охватила тревога за подругу. Мрачная тень покрыла ее лицо, что не могло пройти незамеченным мимо Назира.

— Вы ведь были не одни, верно?

— Да, моя напарница осталась там, в нижнем городе.

— Вы думаете, что она еще жива?

— Я на это надеюсь и считаю, что должна буду за ней вернуться.

— Нет, — коротко обрубил он, выпуская клубы дыма. — Это самоубийство, к тому же бессмысленное. То существо, атаке которого вы подверглись, никогда не оставляет никого в живых, поверьте мне на слово. Я много лет наблюдаю за ним в этих пустошах и отлично

знаю, чем обычно заканчивается встреча с этим монстром.

— Я так не могу, — она откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза от сильной головной боли. — Я должна найти свою подругу, возможно, она все еще жива и может быть ранена. В любом случае, мне нужно найти ее, живой или мертвой. Иначе я никогда не прощу себя. Я и так бросила ее на той проклятой улице, где на нас напало это чудовище. Не могу бросить ее еще раз.

— Вы все равно ничего не смогли бы сделать. Это существо не смог одолеть даже полноценный отряд наемников, а уж о том, чтобы встретиться с ним в одиночку, не может идти и речи.

— Про какой отряд вы говорите? — напряглась Грейс, заметив странность в рассказах собеседника.

— Думаю, вы и сами прекрасно понимаете, о чем я говорю, — он закурил новую сигарету. — Возможно появление гвардейцев с большой земли в нижнем городе, является следствием пропажи торгового каравана, который проезжал здесь неделю назад.

— Вы видел, что с ним случилось... это сделало чудовище?

— Да, — устало кивнул доктор, ему явно не хотелось вспоминать те события. — Этот караван охраняло не меньше двух десятков наемников, и их машины сопровождения были хорошо укреплены. Но весь бой, который мы видели, закончился минут за пятнадцать. Монстр легко расправился с ними, никого не оставляя в живых, он не знает пощады, поэтому уничтожил даже детей и стариков из числа беженцев. Нам оставалось только наблюдать из укрытия и дожидаться, когда это существо насытилось и ушло прочь.

— В Свободном городе все уверены, что караван перебили мутанты, поэтому и послали гвардейцев истребить их.

— Если бы власти вашего города знали правду, то послали бы сюда целую армию. Знаете, самое ужасное, что я увидел, когда мы спустились к месту гибели каравана, было несколько человек, которые еще оставались живы. Монстр искромсал их тела, но по каким-то причинам не добил и не стал пожирать. Я очень отчетливо запомнил одного из людей, скорее всего это был наемник, он оставался в сознании, ему оторвало ноги. Все вокруг было залито его кровью, но он все еще дышал и смотрел на меня, — он сделал глубокую затяжку. — Я врач, но я не мог помочь этому человеку, хотя мысленно, он наверняка молил меня об этом. Единственное что я смог сделать, это как можно быстрее прекратить его мучения. Также, люди из племени поступили со всеми остальными ранеными.

Назир снова глубоко затянулся едким дымом и замолчал. В его взгляде читалась какая-то странная обреченность вперемешку с полным равнодушием. Видимо, он уже давно смирился со многими несправедливыми вещами в этом мире.

— Зачем вы рассказали мне это? — выдержав недолгую паузу, спросила его Радуга.

— Я хочу, что бы вы поняли, я не такой уж плохой человек. В конце концов, я врач и должен лечить людей, а не убивать их. Просто мне уже давно хотелось кому-то рассказать. Понимаете, этот поступок... все то, что мы сделали, люди в племени не способны это оценить и понять до конца. У них ведь нет осознания, что этого нельзя было делать, они просто выполняли мой приказ. А я не мог жертвовать ими ради спасения наемников и контрабандистов. Хотя я прекрасно понимаю, что они тоже были людьми, и тоже хотели жить.

— Значит, это вы забрали их машины, оружие и груз, — так же безразлично констатировала Грейс.

— Поймите. Пребывание здесь, в пустоши, невозможно и для нас. Я прекрасно осознаю, что наша община здесь долго не протянет. Возможно, еще год или два, не больше. У меня давно уже созрел план об эвакуации людей на юг, в резервацию мутантов.

— В Мусорный город? Но это несколько дней пути на юго-запад отсюда. Вы не сможете добраться туда без транспорта, пешком это невозможно.

— Для этого у нас теперь есть машины, — он грустно улыбнулся.

— Что вы планируете делать?

— Я собираюсь дождаться зимы, когда чудовище вновь уйдет в западные пустоши, откуда приходит в конце каждой весны. Когда дорога через город станет безопасной, мы поедим в резервацию. Вы можете оставаться с нами сколько захотите.

— Это исключено!

— Послушайте меня, Грейс. Я очень не хочу, чтобы через три дня охотники приволокли мне ваше обглоданное тело. Вы знаете, они всегда так делают. Через дорогу от нашего убежища есть заросший парк, там мы обустроили кладбище для людей племени. Там же охотники похоронили останки тел мертвых караванщиков. Вы хотите разделить их участь? Уверяю вас, если охотники обнаружат тело вашей подруги, они принесут его сюда, не сомневайтесь.

— Я не могу так поступить, — коротко ответила Грейс. — Когда закончится буря, я вновь отправлюсь в нижний город, на поиске своей подруги. И совершенно не важно, как я это сделаю, с вашей помощью или без нее.

— Ваша смерть, ей точно не поможет, — сухо ответил Назир, потушив свою сигарету в большой стеклянной пепельнице на столе.

Он выглянул из кабинета, подзвав одного из мутантов. Недолго поговорив с ним, доктор вернулся за свой стол. В комнате вновь повисла долгая и напряженная тишина, которую через несколько минут все же решила нарушить Грейс.

— Назир, расскажите мне свою историю, как вы здесь оказались?

Он виновато улыбнулся, поглаживая свои тонкие редкие волосы на черной как сажа голове:

— Это племя живет в пустошах уже больше пяти поколений, но я появился среди них всего несколько лет назад. Моя история слишком личная, извините меня, но я не хочу про это вспоминать. Когда меня, раненого и лишеного сил нашли люди племени, вот тогда и началась моя истинная биография. В прошлой жизни я тоже изучал медицину, хоть и довольно поверхностно. Но только здесь я смог раскрыть свой настоящий потенциал, здесь я стал действительно нужным человеком и каждый день приношу реальную пользу. Я помогаю этим несчастным людям выжить, лечу их по мере своих возможностей, обучаю различным ремеслам, уходу за оружием и многому другому, что я смог почерпнуть за эти годы из найденного в некрополисе, — он обвел рукой многочисленные книги и рукописи, наваленные на столе. — Говоря понятным вам языком, я стал вождем этого маленького племени. Три года назад мне даже удалось провести электричество в наше убежище.

Назир робко улыбнулся, вновь приглаживая свои жидкие седые волосы. Радуга молчала, анализируя услышанный рассказ о его роли в жизни общины мутантов. Но потом не выдержала и все-таки спросила:

— Когда я шла сюда, то слышала странные звуки, кажется, они доносились из подвала и похожи были на крики животных. Что это было?

— Да не пугайтесь вы, это «вепри», — отмахнувшись, произнес Назир. — Несколько

мутировавших свиней, только и всего. Людям племени как-то удалось их приручить. Женщины разводят там уже не первое поколение этих зверей. Мы оборудовали загоны для них, провели туда отопление. Знаете, нам даже удалось организовать здесь небольшую водоочистительную станцию и насос для поднятия грунтовых вод. Они оказались почти не затронуты излучением. Люди племени все делали сами, я только руководил технической стороной процесса. Вообще они все довольно сильные, хотя и имеют множество врожденных отклонений и болезней. Однако с другой стороны, в отличие от «нормальных людей», они могут безбоязненно есть мясо этих зараженных зверей, или пить неочищенной здешнюю воду, а для меня или для вас это было бы смертельно опасно.

— И чем же вы питались здесь столько лет? — не скрывая своего интереса, спросила Грейс.

— Консервами, жутко надоевшими консервами. Еще севернее, далеко за городом, проходит старая железная дорога. Мало кто из людей на большой земле знает о ее существовании. Во времена войны великих домов, возле этой железной дороги был построен подземный бункер. Изначально армия отступников собиралась уходить в эти пустоши, а не на запад. Но история распорядилась иначе. Все упоминания об этом месте были утеряны вместе с останками разбитой армии еретиков. А мне, однажды удалось обнаружить этот законсервированный подземный склад. Благодаря этому месту нам удалось просуществовать здесь целых десять лет. Почти все, что у нас есть, будь то еда, оружие, одежда и вся техника или электроника, все это добыто на тех заброшенных складах.

— Этот бункер был нашей целью, — задумчиво проговорила Грейс. — Я и напарница, мы должны были отыскать его и попробовать вновь открыть ворота. Наш бывший учитель, сталкер по кличке Хантер, он тоже когда-то давно находил этот бункер. Но там сильная система безопасности, которая функционирует до сих пор. Как вам удалось проскочить ее?

Назир слушал ее очень внимательно. Его темные скулы подрагивали и по внешнему виду, было ясно, что он вспомнил о чем-то очень неприятном из своего далекого прошлого.

— А этот человек, Хантер, он рассказал вам о том, как именно он нашел бункер еретиков в первый раз?

— Нет, — честно ответила Грейс. — Я лишь знаю, что там погибла вся его группа.

Назир отстранился от нее, облокотившись на спинку кресла. Он медленно стал массировать пальцами свой вспотевший лоб, на котором сильно вздыбились вены. Другой рукой он ухватился за грудь в районе сердца.

— Вам плохо, — ошарашено спросила Грейс. — Я что-то не так сказала? Может быть вам принести воды?

— Нет, — тяжело сглатывая, произнес Назир. — Не нужно, это скоро пройдет. Старые болячки, знаете ли. Послушайте, Грейс. Если вы и вправду решили уйти, то я вам помогу. Песчаная буря утихнет не раньше чем завтра в полдень, до того момента нет смысла покидать убежище, вы все равно далеко не сможете пройти. Я советую вам хорошо поесть и отдохнуть перед обратным походом. С утра я передам вам некоторое оружие и снаряжение, которое мы раздобыли в том затерянном бункере, думаю, оно вам пригодится.

Поднявшись со своего места и тяжело дыша, Назир начал прогуливаться по кабинету, по-прежнему держась рукой за сердце. Он ходил от одной стены к другой, стараясь не смотреть в лицо девушки, чтобы не показать ей свою старческую слабость.

— Есть некоторые вещи, про это чудовище, которые вам будет полезно знать. Оно приходит в эти земли уже не первый год, когда начинается сезон песчаных бурь. Никто не

ответит вам на то, чем оно является. Это странное и страшное создание, оно как бы совмещает в себе живую и неживую материю, являясь одновременно и биологическим существом, и машиной. Когда-то давно, еще перед тем, как навсегда остаться в этой пустоши, я собирал различную информацию о том, какие опасности меня могут ждать в мертвых землях. И тогда я натолкнулся на очень старинный трактат. Он был рукописный и не сильно большой. Я забрал его с собой и использовал как дневник, некое руководство по выживанию на пустошах. Постараюсь его для вас найти среди этого завала, будет полезно почитать. Изначально он писался кем-то из еретиков, который побывал во многих мертвых землях. Да, не удивляйтесь, на черном рынке Свободного города можно достать даже такие редкие книги. Как утверждается в том трактате, некоторые из кочевых кланов еретиков или салмакидов, ушедших жить в пустоши, способны даже охотиться на этих монстров и приручать их. Эта старая книга изначально писалась автором скорее, как пособие по выслеживанию монстров. Там говорилось, что чудовища встречаются в разных пустошах известного мира и могут иметь самые различные формы. А упоминания о них были даже в древние времена, возможно даже до Великого перелома.

— Но эти чудовища, — внезапно перебила его Радуга, — разве они не могут быть каким-нибудь подвидом мутантов?

Доктор обернулся и пристально посмотрел в ее глаза. Он твердым шагом подошел к одному из анатомических плакатов, висевшему на бесполезном старом дисплее. От подобной резкой смены настроения своего собеседника Радуга даже немного испугалась, неуютно съездившись в кресле.

— Вот это человек, — Назир ткнул пальцем на схему человеческого тела, угодив точно в солнечное сплетение. — Более семидесяти лет назад Трибунал поставил именно его во главу мироздания. Вот здесь, — он указал на переплетение внутренних органов, — расположены все живые люди. Каждый человек, это какой-то орган. Кто-то сердце, почки, легкие, а кто-то желудок. Все зависит от предназначения и полезности каждого конкретного индивида для всего общества в целом. Но если люди следуют главному лозунгу бессмертного пророка, «эволюция любой ценой», то они начинают подниматься все выше и выше. Пока однажды они не уподобятся самому пророку, — его черный палец указал на голову. — Стать сверхчеловеком, вот к чему ведет людей Трибунал, вот чему учил ваш Бессмертный пророк и какой идеей он смог объединить останки умиравшего человечества. Эволюция, на алтарь которой была брошена вся наша возрождающаяся цивилизации, однажды должна превратит человека в живого Бога. Но это было только в теории.

Он говорил твердо, совершенно позабыв о своих прежних болях.

— Стоит заметить, что в этой системе человеческой пирамиды мое место здесь, — его палец скользнул в область таза. — Гибрид, который допускается до самых простейших форм работы. И я мало чем отличаюсь от мутанта, которого содержат в резервациях, словно дикого зверя в загоне или вовсе истребляют, как надоедливых насекомых. Для всех нас в мире Трибунала нет места, зато есть точное название — «псевдолюди». Мы никогда не будем для них тем, что назвалось бы человеком с большой буквы, они никогда не признают нас равными себе.

Он вернулся к своему столу и нервно схватил пачку, достав из нее новую сигарету.

— Те, кого принято называть гураны, стоят еще ниже, там, где кости и мясо, а чудовище — это самая примитивная стадия развития жизни. Оно вообще находится где-то в районе ступни, — он выпустил дым и немного расслабился, убрав металлическую ноту в своем

голосе. — Но вот что я подумал. А если нам взять и перевернуть эту пирамиду эволюции вверх ногами. Что если они, высшие формы человека, которые даже неспособны жить в нашем новом мире без спасительных имплантатов и стимуляторов, не являются конечной ступенью на пути эволюции? Что если все эти прелаты, ученые, военные, политики, все они — не высшая ступень пирамиды, а низшая? Примитив, атавизм давно умершего мира, который должен был сгинуть вместе с ним, но по каким-то необъяснимым законам природы дожил до наших дней. А эти ужасающие монстры, порождения Великого перелома, что если они это новый виток эволюции? Как вам такая идея? Вы обязательно должны почитать тот трактат, там многое про них написано. Эти твари способны выжить где угодно, абсолютно, в любой среде. Они не боятся излучения, всеядные в прямом смысле этого слова. Они едят абсолютно все, от органики до ржавого железа на свалках. Может, будущее за ними? За этими примитивными и самыми приспособленными для новой жизни чудовищами. Может быть новый мир создан для них, а не для людей?

Наконец он успокоился и, глубоко затянувшись, задумчиво посмотрев на испуганное лицо Грейс.

— Простите, если я вас как-то задела, — она робко попыталась оправдаться.

— Да нет, ничего страшного, — также извинился Назир. — Это вы простите мне мою болтливость, я так давно живу здесь, и поговорить о таких вещах мне попросту не с кем. Эти люди очень милы, но не отличаются интеллектом, они как дети. А эволюционные идеи моя большая тема. Спасибо вам, я давно хотел поделиться хоть с кем-то своими мыслями.

Он недолго покопался в бумагах на своем столе и вскоре извлек на свет черную кожаную книжку, напоминавшую толстую тетрадь.

— Вот возьмите с собой этот трактат, наверняка вам будет полезно ознакомиться с его содержанием. Ну а сейчас, я думаю вам надо отправиться в вашу комнату, где вы сможете поесть и выспаться. Завтрашний день может оказаться очень трудным.

Комната, в которой разместились Грейс, похоже, была самой маленькой и узкой во всем здании. Она напоминала вытянутый прямоугольник с бетонными зелеными стенами и низким потолком, покрытым облетевшей штукатуркой. Комната была настолько маленькой, что в ней с трудом помещались одна старая кушетка, металлический стул и маленький откидной столик, крепившийся к стене на толстых цепях. В изголовьях кровати на стене был укреплен небольшой светильник в железной оправе из ржавых прутьев.

Поев постной жижи из консервов, напоминавшей водянистое желе, она наконец-то смогла прилечь и позволить себе расслабиться. Она настолько устала за целый день, что несколько первых минут лежала совсем без движения, с плотно закрытыми глазами. Потом она облегченно вытянула ноги, поудобнее устроившись на своей кушетке, и принялась читать.

«Стимфалиты» — так по утверждениям неизвестного автора данного трактата называют чудовищ жители пустошей. Больше прочих, об этих inferнальных существах знают салмакиды, не менее странные порождения Великого перелома. Стоянки диких племен, проживающих в пустошах и колонии самих салмакидов нередко подвергаются нападению чудовищ, которые по мнению автора, могут иметь сезонный характер. В первой главе трактата описывались случаи, когда некоторым из салмакидов удавалось даже приручать монстров, что находило отражение в суеверном ужасе в преданиях и рассказах очевидцев, которыми обменивались дикарские племена пустынных земель. Также, автор

отмечал что среди салмакидов, которые по некоторым данным создают целые подземные поселения вдали от цивилизации, практикуется вариант торговли частями тел и органами стимфалитов. Однако он отметил, что за время своих путешествий в западных землях, ему ни разу не довелось приобрести хотя бы одну часть тела убитых чудовищ.

Но самое главное, что Радуга вынесла из прочитанной первой главы трактата, это то, что чудовище все же можно убить. Как писал безымянный автор, эти существа способны менять положение органов в своем теле, и точное попадание пули в голову еще не давало охотнику полной гарантии на поражение мозга его жертвы. Тем более, что некоторые органы этих удивительных созданий люди так и не могли идентифицировать и понять их предназначение. Также там описывалась версия одного из ученых в стане еретиков, что «эти неопределенные органы могут выполнять функции запасных частей, по мере необходимости заменяя собой поврежденные».

Тела чудовищ, как правило, были очень плотными, хотя и различались по строению и своим свойствам, так же как и разнообразен был внешний облик этих существ.

«Монстр это вершина эволюции», — постоянно крутилась в ее голове мысль, случайно оброненная Назиром. Затем она пролистнула скопом довольно большую часть рукописи и дошла до новой страницы, где на смену толстым рубленным буквам пришел уже другой почерк, более тонкий, полный завитков и округлостей. В своей части, доктор описывал некоторые особенности в поведении чудовища за которым ему доводилось наблюдать лично.

Он подробно описывал случаи, в которых смог неоднократно убедиться в крайней осторожности монстра и его почти сверхъестественном чутье. Он приводил здесь также многочисленные наблюдения мутантов-охотников, рассказывавших о всеядности монстра и его странной железной диете, когда несколько дней подряд это создание поглощало только металлические останки, находимые им в пустошах. Некоторые из очевидцев описывали его странную конечность, заканчивавшуюся неким подобием «пиломеча», издававшего мерзкий визг. Этим оружием монстр кромсал большие куски железа или тела животных, а затем поедал их. Также приводилось два спорных аргумента о том, где расположен рот этого существа. Наличие других органов чувств кроме крохотных глаз опровергалось неоднократно. Хотя многие из мутантов, что сталкивались с этим монстром, утверждали, будто видели его совершающим странные движения головой в воздухе, создававшие впечатление, что существо приюхивалось к окружающему пространству. Из чего Доктор разумно сделал вывод о расположении некоторых неизвестных органов чувств на голове чудовища.

Наиболее туманными были упоминания доктора и членов его общины о летающей разновидности чудовища. Якобы, несколько раз имели место случаи, когда охотники племени видели подобное существо, блуждавшее среди руин одного из районов нижнего города.

«Точного описания мне так и не удалось узнать. Люди были слишком поражены и напуганы, чтобы разглядеть существо или лучше запомнить его черты. Однако некоторые отдельные детали они все-таки смогли передать. Явно большое по своим размерам, «летающее чудовище» имеет удлиненное туловище, возможно толстые и широкие крылья, на которых беззвучно планирует в потоках воздуха. Некоторые утверждали, что видели слабое алое свечение вокруг его тела и многочисленные щупальца, свисающие с брюха. Также совершенно неясна очень странная реакция здешнего «стимфалита» на появление его летающего собрата. Они не вступили в бой, за контролируемую территорию, как это обычно

происходит у хищных животных в условиях внутривидовой борьбы. По утверждениям очевидцев, ставших невольными свидетелями этой удивительной встречи, наземный «стимфалит» оказался совершенно обездвижен и никак не реагировал на второго, летающего монстра. Если верить описаниям моих охотников, то состояние, в котором оказался наземная особь, я мог бы охарактеризовать как сон или транс».

Закончив на философских размышлениях доктора о происхождении этого странного вида летающих чудовищ, Радуга отложила недочитанный трактат в сторону. Она положила рукопись на стол, выключила свет и, перестав наконец-то бороться с дикой усталостью, за несколько минут провалилась в глубокий сон. Этой ночью ей лишь один раз пригрезились обрывки сновидений. Сознание явило перед ней довольно странную картинку: «на запыленной площади, поросшей сухими кривыми деревьями, она и Кошка, вместе с десятками солдат и мутантов, падая ниц и вновь вскидывая руки, воздавали мольбы к небу. А сверху над ними простирались яркие всполохи красноватого сгустка света, медленно плывущего в мрачном свинцовом небе».

Рано утром ее разбудил зашедший в комнату Назир, он принес новую порцию безвкусных консервов и стакан очищенной воды. Грейс чувствовала себя совершенно разбитой и потерянной, ее мышцы рук сильно болели, а в ногах она ощущала неприятную вялость. Но все же, ей удалось заставить себя подняться с постели. После недолгого завтрака доктор предложил пойти вместе с ним в арсенал, чтобы выдать снаряжение которым он обещал помочь своей неожиданной гостье.

Через несколько минут они оказались глубоко в недрах дома-убежища, посреди огромного зала, освещенного десятком фонарей под потолком. Весь зал был буквально завален разнообразным оружием, в основном устаревших моделей. Накопленного мутантами арсенала могло хватить, чтобы снова разжечь войну между великими домами и вести ее до победного конца. Грейс даже прокрутила в голове потенциальное содержимое всего заброшенного бункера еретиков, раз то, что предстало перед ее глазами, была лишь небольшая часть вывезенного из него снаряжения.

Вдоль одной из стен был установлен ряд металлических кронштейнов, с облупившейся оранжевой краской. На них держалось около десятка типовых экзоскелетов, которыми обычно экипировались элитные части городской гвардии. Похожие на грубые железные заготовки для уличных марионеток, эти доспехи почти не давали защиты для конечностей своего носителя. Лишь тонкие стальные пластины закрывали большую часть туловища, не сковывая при этом движений. Но даже за подобное снаряжение любой сталкер из Торговой гильдии был бы готов продать свою душу. Однако все известные вариации этих приборов находились на службе только у частей регулярной армии и совершенно не встречались в продаже на черном рынке. Но сейчас, в подвале старого грязного дома-убежища, заброшенного среди руин мертвого города, она видит целую коллекцию, которая принадлежит группе примитивных мутантов.

— Мои охотники облачаются в эти экзоскелеты, когда уходят в рейды по некрополису. Это позволяет нам минимизировать потери, — увидев ее оценивающий взгляд, с гордостью заметил Назир. — Пойдемте, там есть кое-что, что я хотел бы отдать вам.

В конце комнаты, на еще одном кронштейне, спрятанном от глаз за широкой бетонной колонной, висел дополнительный экзоскелет, отличный от всех прочих. С виду он больше напоминал полноценный доспех, с закрытым литыми пластинами брони корпусом,

пластичной защитой конечностей, шлемом прикрывавшим голову и маской. Его броня была выкрашена в цвета песчаного камуфляжа, а на груди виднелась небольшая эмблема: серебряный щит, с черным косым крестом и красной пятипалой ладонью — символ Дома Маркуса, самого воинственного из Великих домов.

По окончанию войны, Трибунал, прикрываясь мнением Бессмертного пророка, потребовал от лидеров Дома Маркуса распустить их регулярную армию, которая была в состоянии бросить вызов двум оставшимся домам и самому Трибуналу. До сих пор неизвестны истинные причины, которые заставили их лидеров подчиниться и распустить самую могущественную армию во всем известном мире. Но вот уже тридцать лет, с момента окончания войны домов, самыми ценными и желанными товарами на черном рынке, остается оружие и экипировка, клейменные серебряным щитом с красной ладонью.

— Это полноценная кибернетическая броня, — Назир провел рукой по титановым пластинам, сочленяющимся на кирасе доспеха, — одна из лучших в своем роде. Во время войны великих домов, в нее облачались ударные части армии Дома Маркуса. Скорее всего, этот доспех попал в бункер еретиков как трофей, однако он в отличном состоянии и оба протонных аккумулятора не повреждены. Заряда хватит надолго, достаточно, чтобы пересечь всю западную пустошь до самых Синих гор. И я отдаю его вам.

— Нет, что вы, — начала было отнекиваться Грейс. — Это очень дорогой подарок, я не смогу его принять.

— Берите, не отказывайтесь. — Назир положил свою ладонь ей на плечо. — Я обещал вам помочь и сдержу свое слово. Только в этом доспехе вы сможете безопасно вернуться назад и возможно даже отыскать свою подругу, если она еще жива.

— А как же вы?

— У нас достаточно простых экзоскелетов, тем более что этот доспех мы не можем использовать и для моего племени он бесполезен. Чтобы управляться с этой броней, человек должен быть оснащен нейропортом. Ни у меня, ни тем более у людей племени таких модификаций нет. А вам он как раз подойдет, — он указал пальцем на порт, установленный в левом виске Грейс.

— Огромное вам спасибо, — робко улыбнулась она. — Это очень дорогой и ценный подарок. Спасибо.

— Перед тем как вы примерите его, — продолжил Назир, — я хотел бы показать вам еще одну вещь, — они отошли к соседнему столу, где лежало несколько видов тяжелого оружия. — Это ручной пулемет, также трофейный, из армии Дома Маркуса. Он довольно тяжелый, но в силовой броне вы не почувствуете его вес. А еще, я отдам вам одну из оставшихся переносных ракетных установок. Нам подобное оружие без надобности, мои охотники никогда его не использовали. Но если в нижнем городе вы все же столкнетесь с этим чудовищем, ракетница будет единственным реальным оружием, которое вы сможете противопоставить монстру. Пробивной силы ее снаряда хватит, чтобы подбить танк, так что и с телом чудовища она должна справиться.

— Доктор, а вы неплохо подкованы в вопросах военного дела, — с улыбкой заметила Грейс.

— Да, это так. В молодости я был сталкером, также как и вы, — неожиданно признался Назир. — И так же, как вы, много лет назад я называл Хантера своим другом.

Произнеся эти слова, он вновь помрачнел, а на лбу проступили капли пота. Признание, которое он держал в себе одиннадцать долгих лет, наконец-то сорвалось с его губ. Еще

вечером, Грейс была готова к подобному повороту событий, ее с самого начал смущала слишком глубокая осведомленность доктора о расположении заброшенного бункера еретиков.

— Хантер рассказывал мне, — сказала она после недолгой паузы, — что последний человек знавший коды доступа в тот проклятый бункер, погиб из-за сбоя в системе безопасности. Как вам все же удалось проникнуть внутрь? Вы сумели расшифровать код или подобрали верный?

Но старый доктор ничего не ответил. Он вновь потянулся рукой к области сердца, но не затем чтобы схватиться за него в старческой немощности. Его пальцы извлекли из нагрудного кармана медный пистолетный патрон, начищенный за эти годы до блеска из-за постоянного соприкосновения с кожей.

— Грейс, я очень надеюсь, что вы отыщите свою подругу и сможете вернуться домой, в город людей. Можно вас попросить об одном одолжении?

Он повернулся к девушке своим усталым и болезненным лицом. Вместе с капельками пота, блестящими на черной коже, она увидела легкую пелену слез в краях его глаз.

— Конечно, все что угодно, — тут же согласилась она.

— Когда Хантер бросил меня там, раненного и молящего его о помощи, он все же вернулся через несколько минут ко мне. На мгновение, я даже прослезился, потому что поверил, будто мой старый друг меня не бросит, что человечность в нем все-таки победила. Но он кинул к моим ногам этот последний патрон, сказав, что я сам смогу помочь себе. И ушел, оставив меня лежать в луже собственной крови на входе в запечатанный бункер. Грейс, я хочу попросить вас. Если вы снова увидите с ним в городе, то отдайте этот патрон Хантеру. Пусть он знает, что я так и не воспользовался им.

***

Сопровождавшие еемутанты скрылись за руинами домов, окружавших большой каменный мост. Только в этот момент Радуга, тяжело вздохнув, почувствовала накатившую на нее волну страха. Уверенно ступая на запыленный песок и утопая в нем почти по щиколотку, она быстро миновала старый бетонный мост. Короткими перебежками, очень внимательно вслушиваясь в окружающую ее звенящую тишину, она проскочила через два больших остова разрушенных зданий, с каждым новым шагом приближаясь к месту недавней трагедии.

Передвижение в броне давалось ей на редкость легко. Экзоскелет практически не издавал шума при движении его бронированных сочленений, а вентиляционная система внутри костюма лучше защищала дыхание от едкой пыли, разносимой утихающими ветрами. В некоторые мгновения, ей даже казалось, что кибернетический доспех успевает уловить ход ее мыслей задолго до получения команды, так как она бежала в нем быстрой трусцой через заброшенные руины, совсем не чувствуя усталости. Даже тяжесть оружия, которым ее обвешал заботливый Назир, никак не обременяла и не сковывала движения.

Единственным чувством, которое встревоженной птицей билось в ее груди, был страх. Он наполнял ее сердце. Страх вновь столкнуться с этим жутким монстром и страх увидеть растерзанное им тело Кошки. От вчерашней решимости уже почти не осталось и следа, а где-то в подсознании продолжало существовать чувство вины. Лишь вера в бронированный доспех, крупнокалиберный пулемет и тяжелую ракетницу, чудом доставшиеся ей в этом

проклятом и забытом Бессмертным пророком городе, заставляли Радугу идти дальше.

Когда спустя полчаса быстрого и совсем не изнузившего ее марш-броска вдалеке показался знакомый остов железной змеи, она перешла на медленный шаг. Сквозь окуляры защитной маски она могла хорошо видеть все пространство, покрытое серым песком и дополненное электронным прицелом, который при необходимой команде точно рассчитывал расстояние до нужной цели. Напряженно вдыхая отфильтрованный воздух и прижимаясь к стенам, она постаралась спрятаться за невысоким осколком какого-то здания, долго не решалась идти вперед.

Утихающий легкий ветер, периодически поднимал тонкие сполохи пыли, продолжал разносить серый песок по округе. Он уже не казался таким грозным и разрушительным каким был еще сутки назад, когда всего за несколько часов сильнейшей бури, весь этот заброшенный город превратился в настоящую серую пустыню, утопавшую в грязном песке.

Одним коротким броском она добежала до погребенных останков железного остова и, обогнув его, выскочила на знакомую площадку. Вчерашние грузовики все также безропотно стояли на своих местах, утонув колесами в мутном песке и безропотно разглядывая друг друга грязными фарами. Лишь рваные останки тентов, покрывавших кузова машин, слабо колыхались в порывах стихающего ветра.

В запыленном корпусе броневика, сникшего своим дулом, которое безучастно смотрело в сторону, зияла большая дыра. Поблизости от него вздымались под завалами песчаной пыли останки человеческих тел, их амуниции и оружия. В нескольких шагах валялся припорошенный песком кусок стальной брони, выпиленный из боевой машины рубленными ровными линиями, будто ломтики мяса под ножом мясника.

Радуга не стала долго рассматривать обезображенные тела, стыдливо присыпанные постылым песком. Она пошла дальше, миновав подвешенное за ноги обезглавленное тело мутанта, которое по-прежнему медленно покачивалось на ветру.

Устав бояться неизвестности и приняв печальную судьбу своей подруги, как единственную возможную в таких обстоятельствах, она принялась бесцельно идти по странной пустыне, постоянно утопая в серых дюнах. Квартал за кварталом, проходила она по разрушенным останкам мертвого города, рассматривая унылые пейзажи изуродованных домов, скелеты машин, одиноко взмывающие в небо трубы и осколки древних домов-башен. Только тихие завывания холодного ветра меж разрушенных стен однообразно комментировали безжизненный пейзаж некрополиса.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Наконец, она вышла к невысокому обрыву, заваленному ржавыми обломками каких-то старинных машин и техники. Выглядывая из-за них, она смогла разглядеть, как в глубокой широкой траншее, наполненной различным мусором и целыми песчаными барханами, копошится уже знакомое ей светло-серое существо.

Чудовище медленно и вдумчиво перебирало останки жизнедеятельности людей из забытых времен, по неведомой причине угодивших именно в этот пересохший канал. Своими узловатыми длинными пальцами оно старательно выковыривало небольшие куски мусора, и подолгу вертело их в руках. Существо подносило их к своей безликой голове, по форме, отдаленно напоминавшей человеческую, разглядывая предметы россыпью крохотных желтых глаз и обнюхивая отсутствующим носом. Его странные манипуляции не были бессмысленными. Останавливаясь и подолгу изучая тот или иной предмет, чудовище равнодушно выкидывало одни находки и аккуратно складывало рядом с собой в небольшую

кучу другие.

Оно активно пользовалось двумя своими конечностями, иногда придерживаясь третьей и упираясь для уверенности на свою металлическую смертоносную руку-меч. Балансируя на ней всем своим продолговатым уродливым телом, чудовище старательно изучало мусор в траншее, пробираясь метр за метром к ее середине.

Расстояние между увлеченным своими поисками чудовищем и прячущейся среди обломков машин Радугой составляло триста сорок четыре метра, как определил интерактивный прицел, встроенный в шлем. На всякий случай, стараясь сильно не шуметь, она аккуратно положила на землю пулемет, сняла укрепленные за спиной ракетницу и походный мешок, затем медленно присела, прячась за останками ржавой техники. Вскинув на плечо свое самое смертоносное оружие, она взвела механизм запуска и прицелилась, еще раз сверив расстояние до зоны поражения. Времени на перезарядку ракетницы уже не будет, поэтому она может рассчитывать только на один точный выстрел. После него, Радугу сможет спасти лишь ручной пулемет. Его запасные обоймы, как и снаряды, лежали в походном мешке, и если не выдастся случая и враг окажется слишком проворным, времени на дополнительную перезарядку даже пулемета могло попросту не хватить.

Пока она мысленно оценивала последние детали предстоящего боя, уродливое горбившееся тело чудовища, по своим размерам втрое превышавшего тело человека, монотонно маячило в перекрестии синего прицела, накладывавшегося на все изображение в окулярах боевого шлема. Поймав, как когда-то ее учил Хантер, секунду задержки между ударами сердца, Радуга плавно надавила на пусковую гашетку, уверенно сживая рукоять своего оружия.

Ракета вырвалась из ствола с глухим визжащим свистом, который эхом прокатился над заваленным железным хламом каньоном. Плохо различимая горящая точка, оставляющая после себя тонкий дымный след, через доли секунд врезалась в огромное белесое тело, вскинув в воздух куски техники и целое облако пыли. Пока песчаное полотно еще даже не успело немного развеяться, Радуга уже быстрыми резкими движениями сменила свое оружие. Она двигалась как будто на автомате, почти не задумываясь над совершаемыми ей действиями.

Мертвый пустынный город оглушило эхо от мощного грохота крупнокалиберного ствола, молчавшего до этого на протяжении тридцати лет. Визжащие пули с хрустом впивались в завалы мусора, оставляя после себя добротные туннели и разрывы. Сквозь оседающую пыль показался силуэт чудовища, покрытого зеленой слизью, к которой лип серый песок. Оно закричало неизвестно откуда взявшимся ртом и задергало беспомощно болтавшейся рукой, висевшей на ошметках разодранной кожи. Нелепо перекатываясь и подпрыгивая на двух других конечностях, монстр быстрыми прыжками устремился в направлении своего врага.

Закричав от страха, Радуга крепко сжала квадратное цевье тяжелого пулемета и уперлась в плечо прикладом. Электронный прицел спешно отсчитывал цифры, сокращая расстояние до наступающей цели. Пытаясь поймать в перекрестие приближающегося монстра, она вновь спустила курок, поливая пологий склон бронебойным дождем пуль. В руках начинала проступать легкая усталость, которая все же передавалась с поглощаемой броней отдачей. Однако она сумела поймать смертоносной струей наступающего противника. От удара десятков пуль потрепанное тело монстра откинуло назад, на несколько метров и распластало по земле. Не отводя ствол, Радуга принялась буровить

свинцом уродливое тело врага. Но в какой-то момент, грохнув последний раз звучным выстрелом, пулемет обреченно смолк. На маленьком дисплее сбоку ствольной коробки загорелись три нуля, подтвердившие опустошения широкого барабана.

Всего в паре десятков шагов от нее, разрываясь от нечеловеческого крика, в пыли кувыркалось чудовище, небрежно дергая своими надорванными конечностями и болтавшейся на тонкой шее головой. Настолько близко, монстр выглядел по-настоящему устрашающе. Он был больше ее в три раза, сильно потрепанный, покрытый источающими зеленую жижую ранами, но все равно живой и пытающийся подняться. В диком ужасе, который затмил ее разум, Радуга взнесла над головой свое увесистое оружие, надеясь бросить им в наступавшего монстра. Собрав оставшиеся силы, она метнула тяжелый квадратный пулемет в поднимавшегося из пыльных завалов монстра. Оружие, превратившееся теперь лишь в тяжелый кусок железа, глухо ударилось о большую голову монстра, пытавшегося встать на свои разодранные конечности. Искореженное массивное тело, вновь не удержав после удара равновесия, начало падать назад, откатившись еще на несколько метров и заревев гораздо громче.

Но только в этот момент в ее голове всплыла отчетливая картинка: запыленный армейский мешок и лежавшие в нем три полных обоймы и два дополнительных ракетных заряда. Радуга растерянно окинула площадку вокруг себя взглядом, мысленно проклиная тот день, когда родилась на свет. На повторный заряд ракетницы времени уже не осталось, и использовать ее с близкого расстояния все равно не получится. В этот момент, корезившееся и режущее от боли существо уже начало вновь подниматься над ржавыми завалами. Оно приближалось к ней, медленными рывками, падая каждый раз на свое продолговатое раненное тело, из которого сочилась зеленоватая мутная жижа.

Не удержавшись от повторного крика, Радуга схватила лежавшую рядом бесполезную трубу переносной ракетницы и грязный мешок со снарядами, и со всей доступной ей скоростью побежала прочь. Но жуткий монстр, до сих пор не испустивший дух, уверенно продолжал рывками преследовать свою жертву. На десяток быстрых шагов перепуганной девушки, пусть даже очень быстрых и широких благодаря усиленной броне, чудовище отвечало одним своим длинным и огромным прыжком.

Пробежав еще немного по зыбучей дороге, между двух разрушенных остовов зданий, Радуга с налету споткнулась обо что-то торчащее из песчаных дюн, Ее бронированный доспех, который в суматохе мыслей она уже не могла правильно контролировать, потерял равновесие, и повалилась на песчанную землю. При этом она даже не заметила, что рев и гулкие прыжки чудовища также прекратились за ее спиной.

В ужасе и отчаянии Радуга пыталась подняться, выпустив из рук ракетницу и походный мешок. Она перевернулась на спину, пытаясь привести мысли в порядок и вновь взять под контроль свою тяжелую броню, ставшую в такой опасной ситуации только дополнительным бременем. Но и чудовище, находившееся в тридцати метрах позади нее, оставалось неподвижным. Оно лишь странно мычало, вытянув свою тонкую шею максимально высоко вверх и похоже, что монстр на самом деле потягивал воздух несуществующим носом. Радуга не отрывала глаз от своего врага, пытаясь, подняться с земли. Но несколько секунд спустя она застыла, так и не успев полностью встать из песчаной ловушки, пораженная тем, что увидела.

В небе над раненым чудовищем, плавно скользя среди воздушных потоков, парило не менее удивительное и пугающее создание. Широкое плоское тело, сросшееся с большими

раскатыстыми крыльями, лишенное головы, продолжалось длинным хвостом. Этим, похожим на змею, отростком существо активно играло, заплетая его в кольца и распрямляя обратно. Оно беззвучно плавало в воздухе над огромной завывающей тушей, обрисовывая круги. В небе, где летающий монстр совершал свои странные танцы, начинали сами собой рождаться короткие всполохи алого света.

«Эти летающие монстры, каким-то образом связаны со своими наземными собратьями. При встрече с ними, наземные чудовища впадают в некое подобие транса, монотонно двигаясь в такт кружащему над ним стимфалиту».

Эти странные слова из рукописи безымянного еретика, сразу же всплыли в ее голове. Едва ли она сама смогла бы оторваться от этого дикого и завораживающего зрелища, особенно от алых всполохов мистического света. Но сильная головная боль, возникшая при очередной попытке подняться и пронзившая раскаленной иглой левый висок, оснащенный нейропортом, вернула ее к жизни.

Радуга, собрав весь остаток силы и воли, смогла подняться на ноги, вновь заставив непослушные доспехи ей подчиняться. Похватав свои вещи, и не оборачиваясь на странных и пугающих созданий, она быстро засемила усталыми ногами, стараясь убежать максимально далеко из этого проклятого и страшного места.

Оторвавшись от чудовищ на приличное расстояние, когда даже алые всполохи перестали быть видны из-за крыш разрушенных здания, Радуга позволила себе сделать короткую остановку. Она не могла еще до конца поверить во все произошедшее и в ее голове все время крутилась последняя запомнившаяся ей мысль доктора об этих жутких созданиях:

«Возможно, я и схожу с ума в своих далеко идущих размышлениях, но мне все чаще кажется, что эти летающие «стимфалиты» имеют природу куда более сложную и загадочную, чем мы склонны думать. Являясь существами не столько материальными, сколько энергетическими, они представляют собой некое эфирное дополнение или подобие обычных наземных монстров. Похоже, что они вступают в некий симбиоз со своими собратьями, помогая им восстановиться, и появляются внезапно и совершенно бессистемно. Эти существа кажутся столь потусторонними, по сравнению с наземными стимфалитами, что я склонен предположить, будто они являются их душами».

История четвертая. «Мусорный город»

Поочередно нажав ряд кнопок на панели управления, Стив разом зажег все настенные лампы, располагавшиеся в разных концах небольшой однокомнатной квартиры, в которой ему теперь предстояло жить. Оставив вещи у входной двери, он быстрым шагом прошел в крохотную ванную комнату, расположенную возле единственного окна в квартире. Все здесь было очень грязным и старым. Бледно-голубой кафель на стенах уже начинал частично отслаиваться, а по желтеющему потолку, из одного угла в другой, извилистой биссектрисой пробегала широкая трещина. Стивен подошел к небольшому грязному зеркалу над раковиной и внимательно рассмотрел свое новое лицо.

Глубокие линии морщин на лбу опоясывали маленькие и близко посаженные карие глаза. Узкий длинный нос, тонкие обескровленные губы и желтоватого отлива стареющая кожа. Брови уже в который раз вновь срослись на переносице, и плотная щетина на лице грозила вскоре превратиться в кучерявую бороду. Сухие и ломкие волосы на голове, залезанные на левый бок, стыдливо прикрывали назревающие залысины.

Еще несколько дней назад, когда Стив впервые увидел себя таким, он рефлекторно отшатнулся от зеркала, не веря собственным глазам. Но теперь уже начал понемногу привыкать к своему новому облику, стараясь разглядеть в нем черты своей прежней внешности. Недолго постояв у зеркала, он все-таки решился умыть это старческое лицо. Затем медленными и неуверенными шагами, будто заново учась ходить, он вышел из ванной, опираясь на длинную металлическую трость.

Майкл, зашедший в квартиру вслед за ним, к этому времени уже сбросил на пол почти все пожелтевшие от времени простыни, которые предохраняли дешевую спальную мебель от пыли. Он даже не стал снимать свой плащ, мокрый от уличного дождя и разместился на стуле, около большого круглого стола в центре комнаты.

Высокий, с аккуратно приглаженными волосами и в неизменном синем деловом костюме, Майкл был человеком средних лет. Розовощекий и ухоженный, он очень серьезно заботился о своем внешнем виде, выделяя на заботу о стиле львиную долю своего свободного времени.

Когда-то очень давно, теперь уже даже сам Майкл не помнил точной даты, он сделал себе несколько дорогих модификаций, которые за пару лет превратили очкарика-неудачника в рослого атлета. Благодаря врожденной наглости и упорству Майкл уверенно шел по карьерной лестнице в Департаменте биологического контроля и постоянно брался за самые сложные и необычные дела, постоянно выслуживаясь перед начальством. Его знакомство со Стивом стало для последнего настоящей удачей, так как именно Майкл сумел изменить приговор суда и облегчить дальнейшее существование самому Стиву.

— Присаживайся, тебе еще вредно так много ходить, — сказал Майкл, указывая на металлическую трость в руках Стива.

— Все никак не могу привыкнуть к ней, — неловко улыбнулся Стив. — Даже если ноги начинают прихрамывать, все равно забываю на нее опираться.

— А головные боли, они все еще не проходят?

Стивен болезненно поморщился:

— Да, ноющая боль по-прежнему меня мучает, особенно сильно это проявляется

вечерами, иногда я даже уснуть из-за нее не могу. Хотя ты знаешь, кажется, мой организм уже начало понемногу отпускать: нет прежней ломоты в костях, ноги по-прежнему ноют, но это происходит все реже. В последнее время даже голову перестало сдавливать. К вечеру, конечно, снова начинаются приступы мигрени, но с утра, когда, я высплюсь, чувствую себя намного лучше. Скажи, а как сейчас дела у родителей?

— С ними все в порядке, не переживай за них, — Майкл запнулся в конце. Он нервно стер со лба крупные капли уличного дождя, стараясь непринужденно улыбаться. Было очевидно, что он с трудом находил нужные для этого момента слова. — Стив, пойми меня правильно, им сейчас тоже нелегко, они вынуждены с этим жить, а это очень тяжелое для них испытание. Ведь все эти события, были большим ударом по репутации твоего отца, так что будет для всех лучше, если вы какое-то время не будете видеться.

— Это им сейчас нелегко? — стукнув об пол тростью, вскрикнул Стив. — А мне сейчас каково, об этом они не подумали? Отец переживает за свою репутацию в обществе? А обо мне он не хочет подумать? Сейчас я выгляжу старше его самого!

Как будто не слушая его протестов, Майкл продолжал говорить о своем:

— Будет лучше, если ты не станешь им пока звонить. Не пытайся выйти с ними на контакт, не приходи к ним. Твоя мать и так слишком многое пережила за этот месяц, если будут дополнительные стрессы, то ее сердце может не выдержать.

В это момент Стив наконец-то умолк, сдержав обиду и отчаяние в себе. Он отвернулся от Майкла, чтобы тот не видел его внутренних терзаний и проглотил недосказанные слова. Стараясь не смотреть на своего собеседника, Стив медленно подошел к окну.

— Слушай, ты меня извини, но я сегодня долго задерживаться не могу, у меня еще есть другие дела, — прервал повисшее молчание Майкл. Он явно спешил покончить со своим пребыванием в этой убогой гостинице, и как можно скорее вернуться домой.

— Ты верно подметил, — с грустной иронией ответил ему Стив, по-прежнему не отходя от окна. — У занятых людей вроде тебя всегда очень много дел, постоянно какие-то заботы. Это только я уже никуда не спешу, и ничего мне уже не нужно.

— Так, деньги на первое время я тебе оставил, бумаги и вид на жительство передал, — как будто не слыша его слов, Майкл задумчиво загибал пальцы на руке, перечислял все выполненные им обязательства и отрешенно смотря в потолок. — В департаменте за тебя я уже отчитался, все оставшиеся документы сам заполню. Ну вот, — радостно констатировал он, — моя часть договора выполнена. Все, что от меня требовалось, я уже сделал. Теперь твоя очередь Стивен, настало время повернуться к обществу лицом.

— Этим старческим и дряблым лицом, — ухмыльнулся Стив. — А захочет общество его видеть?

— Не забывай Стив, твой случай был прецедентом в юридической практике Свободного города. Подобных судебных решений еще раньше никогда не выносили, я думаю, даже во всем известном мире твой случай станет первым в своем роде. И то, что тебя наконец все оставили в покое и дали возможность продолжить нормальную человеческую жизнь — это моя заслуга перед судом. Ну, а также и мой долг перед твоими родителями. Таких преступников как ты, никогда не подвергают процедуре старения, ты ведь это и сам прекрасно знаешь. Особо тяжкие преступления караются только общей трансплантацией органов. А я смог найти для тебя наилучший вариант, поэтому будь другом, веди себя хорошо и не разочаруй нас. Мне и твоим родителям пришлось очень многим влиятельным людям дать за тебя гарантии, которые обошлись вашей семье в круглую сумму. Так что не

подводи нас, иначе...

— Иначе что, — огрызнулся Стив, — вернете меня назад в зал суда и покровсаете на органы? Или снова засунете в эту «камеру» чтобы до конца довести «процедуру», — нарочно растягивая буквы, язвил он. — Наверное, мне так лучше будет. Может, я уже передумал и хочу умереть поскорее, чтобы не выносить это каждодневное убожество. Не смотреть на свое дряблое лицо, на эти трясущиеся руки... Мен лишили всей моей жизни, забрали все мои лучшие годы. Что я теперь должен делать, сидеть тихо как мышь?

— Это не повод показывать характер, — грубо рявкнул на него Майкл. — Не забывайся, ты сдан мне на поруки. Любой малейший проступок и во второй раз тебе уже не отвертеться от высшей меры. Помни об этом, Стивен, для всех в этом мире ты по-прежнему остаешься преступником. И «процедура», это лишь часть твоего наказания. После того, что ты натворил, — он сделал большую паузу в разговоре, старательно подбирая слова, — тебе вообще повезло, что ты до сих пор дышишь, а вдобавок еще и самостоятельно ходишь, сохранив возможность мыслить и принимать решения.

Стивен вновь отвернулся от него, оскалившись диким зверем где-то в глубине души. Он не мог долго злиться на Майкла, в конце концов, тот на самом деле был прав, и только благодаря его помощи и поддержки Стив еще по-прежнему жив.

Майкл молча достал из внутреннего кармана пиджака золотистого цвета визитку и положил ее на стол перед Стивом.

— Если ты хочешь помочь обществу, да еще и нормальных денег заработать, которые сейчас тебе очень нужны, то позвони вот по этому номеру. Заметь, это очень выгодное для тебя предложение, особенно в твоем нынешнем состоянии.

Не дожидаясь ответа или прощания, Майкл вышел из-за стола, бросив на Стивена пренебрежительный взгляд. Он рывком поднял с пола свой дипломат и быстрым шагом покинул его убогую крохотную квартиру, громко хлопнув дверью.

Однокомнатный клоповник в старом многоэтажном доме, который затерялся где-то в недрах красного сектора отныне стал новым приютом Стива. Именно в этом убогом районе начинается его следующая жизнь.

Убрав простыни со всей остальной мебели, Стив принялся разбирать свой скудный скарб, уместившийся в один единственный толстокожий чемодан. Он распихал одежду по полкам в старом стенном шкафу, убрал все свои документы и бумаги в сервант возле кровати. Его вещи заняли только половину имеющегося в квартире места. Затем, достав из саквояжа набор для гигиены, заботливо подаренный ему Майклом, он вновь вернулся в ванную.

Необходимо было привести себя в порядок: побриться, выщипать брови и постричь ногти. Эти манипуляции он проводил обычно по два раза каждый день, утром и перед сном. Врачи из Гильдии, как и Майкл, уверяли его, что этот побочный эффект «процедуры» будет временным и очень скоро метаболизм его организма придет в норму.

За старым чиновничьим термином «процедура», скрывалась долгая изнурительная и крайне болезненная операция, являвшаяся одной из самых распространенных форм наказания за различные преступления, средней тяжести. По истечении нескольких месяцев проведенных в «геранто-камере» осужденный лишался определенного количества лет, соразмерного с тяжестью его преступлением.

Следствием подобной «процедуры» стало то, что теперь Стив был вынужден выбривать свое изможденное старческое лицо, которое планировал увидеть только через сорок лет, но

никак не раньше. Всего один случайный проступок, который привел к смерти невинных людей, и сорок самых важных и возможно лучших лет его жизни были стерты навсегда. Его судьба круто изменилась навсегда, вследствие одного простого росчерка пера, поставленного под решением верховного судьи Свободного города. Обратного хода данная «процедура» не имела. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Шесть месяцев он провел в лаборатории Гильдии Евгеники, постоянно отправляясь на длительные процедуры в «геранто-камере», долгими часами пребывая в ней, где-то на грани жизни и смерти, лишь изредка приходя в сознание, чтобы отлежаться в палате строго режима, где дежурные врачи делали ему изнуряющую серию болезненных уколов. Этот настоящий кошмар казался ему вечностью, когда он нередко желал умереть, лишь бы его мучения прекратились. Этих страшных шести месяцев хватило ученым из Гильдии, чтобы из двадцатитрехлетнего парня, которым он оказался на скамье подсудимых, Стив превратился в настоящего изможденного старика, биологический возраст которого далеко перешел за шестьдесят лет. Теперь он с трудом ходит, постоянно опираясь на длинную и увесистую трость, так как ноги часто болят и еще слабо держат его. Руки также стали плохо поддаваться контролю, пальцы часто трясутся и неуверенно держат предметы. Еще он бреется и стрижется каждый день, что невероятно его бесит, так как разогнанный до бешеных скоростей процесс обмена веществ в его организме проделывает слишком долгий тормозной путь.

Позади остались несколько не самых удачных лет глупой жизни, проваленные экзамены в медицинский институт, крест на карьере врача, семья в полном составе, мать на грани инфаркта, друзья и подруги, «двойное непреднамеренное убийство», разбирательства в суде и исковерканная навсегда жизнь. Все это он оставлял позади себя, в какой-то иной реальности, другом мире, который теперь казался лишь затянувшимся дурным сном. Теперь его жизнь разделилась на два этапа, границей между которыми стали шестью долгих и мучительных месяцев кошмара. Теперь Стив начинал новый жизненный путь. В новом теле одинокого шестидесятилетнего старика, в этой чудовищной реинкарнации, среди грязных трущоб Свободного города, в пыльном номере старого отеля, с дешевой электробритвой в руке.

Пока он монотонно водил бритвой по своим обвисающим щекам, и без того тусклый свет в ванной комнате начал медленно умирать. Через мгновение желтеющие настенные лампы прекратили свое существование, погрузив всю комнату во мрак. Стив вышел в спальню, являющуюся также и единственной комнатой в номере, и попытался включить свет. Но ни одна из кнопок на панели управления возле входной двери не поддавалась на оказанное давление.

Он раздвинул коричневые пыльные жалюзи на единственном окне в номере, чтобы хоть как-то осветить помещение. За окном ядовитыми цветами сияли многочисленные рекламные вывески, покрывавшие противоположную стену полуразрушенного дома. Их яркий кричащий свет проникал в его маленькую комнатку, растекаясь по отсыревшему потолку, обнажая его многочисленные трещины и грязные разводы, налипшие желтыми пятнами.

За спиной он почувствовал странное бурчание и скрежет, доносившийся из недр узкой желтоватой купели, занимавшей половину ванной комнаты. Перспектива быть затопленным внезапно прорвавшейся трубой, которую не чинили с момента заселения дома примерно тридцать лет назад, его никак не обнадеживала. Вооружившись карманным фонариком,

обнаруженным им на дне саквояжа, Стив уверенно направился в ванную комнату.

По всей видимости, какой-то крупный и твердый предмет со скрежетом скатывался по ржавой водосточной трубе, уродливым наростом окаймлявшей стену и уходящей глубоко под прямоугольную купель в углу комнаты. Докатившись до раструба, предмет внезапно остановился. В помещении повеяла смрадом и гнилью, доносившемся из недр канализационных труб.

Стив перехватил нос и сморщился, стараясь не дышать, прокручивая в голове все возможные варианты природы этого явления, и пытался определить план своих дальнейших действий. В конце концов, пересилив свое отвращение к этому зловонному предмету, он подошел ближе и посветил фонариком в трубу, стараясь разглядеть причину засора.

Из трубы вновь раздался скрежет и мерзкое чавканье, а затем, издав короткий утробный вой, поползла ржавая вода, наполненная черными хлопьями грязи. Смрад, доносившийся оттуда, стал настолько невыносимым, что Стив машинально отпрыгнул назад, продолжая освещать приближающийся потоп тонким лучом фонаря, мгновенно прикидывая все возможные варианты спасения.

Вода мгновенно наполняла ванну, становясь все более мутной и густой, и очень быстрым потоком добравшись до трети купели. Вслед за всплывшими комьями ржавчины из трубы показалась совсем крохотная рука, с маленькими узловатыми пальцами, которые медленно рыскали по дну ванны стараясь найти опору. Ржавая вода начала подниматься все сильнее.

В неровном свете тонкого луча фонаря он увидел, как через секунду над поверхностью колышущейся мерзкой жижи показалось маленькое раздутое тельце с отвисшими складками в районе живота и большой головой, покрытой бурой слизью. Похожий на недоношенного младенца, уродец всплыл как поплавок, вольготно качаясь на волнах гнилой жижи. Он барахтался в этой ржавчине и пытался уцепиться за край ванны своими короткими ручонками. Но каждый раз, когда кончики его распухших пальцев касались края купели, его тут же относило встречным потоком ржавой слизи. Захлебываясь в грязной воде и тщетно пытаясь снова выбраться, уродец с силой колошматил руками и ногами, не смиряясь со своим безнадежным положением. Он даже пытался кричать, но из его слипшегося маленького рта с вздувшимися черными губами доносился только мерзкий жестяной скрежет.

***

Ужасные образы начали пеленой растворяться в ярко-оранжевом свете поднявшегося солнца, больно ударившего по заспанным глазам. Стивен ослаблено тряхнул тяжелой головой, сбивая с себя последние остатки привидевшегося кошмара и расправляя затекшую шею. Он по-прежнему сидел в знакомом вагоне, успев уже неплохо нагреть свое сиденье и выронив во сне тяжелую трость. Место, в котором все это время находился Стив, было единственным пассажирским вагоном в составе старого поезда, наполненном несколькими рядами одинаковых сидений. Помимо него, в этом вагоне ехало еще около десятка человек, и все они были в одинаковой рабочей униформе, бежевого цвета. А также все они были темнокожими гибридами, неспешно разговаривающими друг с другом на своем диалекте, понятном только соплеменникам. С самого начала своего путешествия Стив не обращал на них никакого внимания, старался даже не поворачиваться в их сторону, и совсем

неожиданно для себя заснул, проспав так почти все время поездки.

Все эти долгие часы, иногда вздрагивая на ходу и грохоча стальными колесами, длинный тяжелый поезд, восстановленный еще с древних времен, мчался сквозь промозглые степи западной пустоши в своем обычном ежемесячном рейсе. За окном простирались широкие поля, покрытые бурой травой и глубокими рытвинами в сухой земле, лишённые даже намеков на присутствие в них жизни. Снаружи моросил легкий дождь. Мелкие и редкие капли с силой ударяли по стеклам вагона, растекаясь по ним и размывая картину окружающего пейзажа. Сквозь серые тучи периодически проступало оранжевое тусклое солнце, на короткие промежутки времени освещавшее собой пустынную землю.

Через несколько минут на смену безжизненным равнинам пришли поросшие высокой травой поля и редкие островки хвойных лесов, зелеными пятнами выглядывающие из-за холмов. Нередко встречались даже руины каких-то немногочисленных строений. Иногда они проезжали мимо целых поселений, заброшенных и сгоревших многие десятки или даже сотни лет назад. Эти мертвые поселки были наполнены скелетами ржавой техники и останками машин, заросшими дикой травой дворами и пустыми глазницами покинутых домов. Чем больше таких городков-призраков попадалось на его пути, тем явственнее Стивен ощущал приближение цели своего путешествия.

Менее чем через полчаса, поезд миновал серию сторожевых блокпостов гвардейцев, также располагавшихся на окраинах заброшенных поселков, через которые были проложены рельсы. Затем проехав еще немного, поезд начал сбавлять скорость и очень быстро перешел на медленный темп. Они подъезжали к единственной действующей станции «Зоны депортации № 2».

Поезд немного затормозил, ожидая пока перед ним откроются ворота, ведущие в огромный металлический ангар, способный принять в себя целый железнодорожный состав. Когда они медленно пересекали ворота, Стив успел разглядеть многоярусные металлические строения, аркой обрамляющие единственный вход в гигантский ангар, напоминавший огромную квадратную крепость. По многочисленным настилам бродили вооруженные люди, в темно-синей форме гвардии, а по краям металлических уровней располагались автоматические турели, безмолвно уставившиеся стволами по направлению к поросшим дикой травой пустошам.

Спустя несколько минут томительного ожидания поезд медленно подкрался к единственной платформе шипящей железной змеей и, издав сжатый протяжный визг, наконец-то остановился. Гибриды, бывшие попутчиками Стива на протяжении многих часов, схватили свои мешки и спешной походкой, очевидно не в первый раз здесь оказываются, направились к выходу. Он проводил галдящую процессию взглядом. Затем устало вытащил из-под сиденья свой чемодан и тяжелым шагом, постоянно прихрамывая и опираясь на трость, вышел из вагона,

Стив оказался на высокой платформе внутри гигантского ангара, потолок которого покрывала сеть широких прямоугольных ламп. Позади поезда с грохотом закрылись железные ворота, поэтому уличный свет практически не проникал в этот огромный и угрюмый туннель. На станции внутри ангара бродило еще несколько человек в форме гвардии, устало сложивших руки на висевшие перед животом автоматы. Группа гибридов уже скрылась за воротами пропускного пункта, и гвардейцы встретили появление Стивена, «нормального» с их точки зрения человека, удивленным молчанием. Было понятно, что гражданские жители Свободного города, по доброй воле приехавшие в «Крысятник», здесь

большая редкость. Они заметили его настороженный взгляд и тут же переключили внимание, продолжая вести свои будничные монотонные беседы.

На другом краю платформы, ближе к выходу из ангара Стив достиг ворот пропускного поста и показал свое электронное удостоверение охраннику, прятавшемуся за бронированным стеклом небольшой железной будки. Невозмутимый гвардеец с лишенными смысла глазами пропустил карту-паспорт через сканер и через несколько секунд, дождавшись отчета компьютера, оторвал свой удивленный взгляд от монитора, тупо уставившись на Стива. Реакция охранника была ему понятна, ведь биометрические данные не удалялись с паспортной карты, а лишь дополнялись новыми, с пометкой о ранней судимости и исполненном наказании. Оценив разницу первого и второго возрастов одного и того же человека, гвардеец вошел в ступор. Он долго и внимательно рассматривал морщинистое лицо Стивена, стараясь увидеть в нем черты вчерашнего молодого человека. Стив не знал, как ему вести себя в подобной ситуации и что нужно было говорить постовому. Поэтому он просто решил смолчать, выбрав это самой благоразумной реакцией.

В этот момент, сетчатые створки ворот пропускного пункта отварились и на платформу начала проходить большая группа людей в красных робах с широкими черными полосками на торсе. Их было не меньше сотни, и они шли длинной нестройной колонной, подгоняемые стражниками, одетыми в похожие по форме робы, но только черного цвета и с красными полосами. Почти у всех были надеты капюшоны, из плотно грубой ткани и толстые войлочные шарфы, которыми они обворачивали лица. Несмотря на то, что большинство жителей резервации уже многие поколения назад покинули западные пустоши в их внешности и манере одеваться сохранились черты кочевников, привыкших скрывать лица для защиты от частых пылевых бурь.

Среди окружавших колонну стражников Стив разглядел нескольких человек с карабинами, внешний вид и состояние которых говорили о десятках лет эксплуатации. Тем не мене, стражники, что несли их, горделиво вскидывали эти древние и ржавые ружья на свои плечи, чтобы их оружие было видно всем окружающим. Остальные же имели при себе либо самодельные металлические копья, с небольшими топориками на конце, либо простые широкие и длинные ножи, небрежно заткнутые за пояса.

Еще издалека увидев эту странную процессию, гвардейцы, до того бесцельно бродившие по платформе, явно занервничали и столпились возле головы состава. Крикливая масса прошла мимо них, не обращая на солдат никакого внимания.

Люди, марширующие в красных робах, казались «людьми» только издалека. Почти все они были мутантами, галдящими на своих, только им ведомых языках. Они выстроились в длинную цепь вдоль первых трех грузовых вагонов состава и по команде главного из надзирателей, шедшего в конце колонны и вооруженного старым короткоствольным автоматом, приступили к разгрузке поезда.

Из утробы вагонов по многочисленным рукам поплыли коробки и ящики, разных форм и размеров. На каждом из них виднелись четыре равносторонних ромба, зеленого цвета, теснящихся друг к другу и обрамленных широким кругом — главный государственный символ Свободного города. Выгружая эти коробки, мутанты копошились, будто стая муравьев, постоянно норовя превратиться в одно сплошное красно-черное месиво, волнами перетаскивающее на себе различный груз. Рядом, безучастно бродили стражники в черных робах из грубой ткани, торс некоторых из них защищался жестяными нагрудники, собранными казалось из останков металлического хлама. Они равнодушно наблюдали за

процессом разгрузки, не вмешиваясь и не помогая тем, кто был слишком стар или слаб и тут же падал. Крики на разных голосах, смех и брань, стук передвигаемых коробок и грохот падающих ящиков, — все это наполнило огромный железный ангар, являющийся единственным законным входом в резервацию мутантов, выстроенную много лет назад в ста километрах к западу от стен Свободного города.

В этот момент, окончив работу с документа и проведя доскональный анализ лица новоприбывшего субъекта, гвардеец на посту охраны наконец-то вспомнил о своих уставных обязанностях и ввел Стиву пометку о прибытии. Он молча вернул карту законному владельцу и тут же отвернулся от него, буднично уставившись в монитор рабочего компьютера. Получив наконец свои документы, Стив не стал дожидаться окончания сцены разгрузки и как можно быстрее поспешил на выход. Он совершенно не желал оказаться затоптанным этой галдящей массой, когда они понесут свою добычу наружу.

Выйдя из ангара, он оказался на еще одной железной платформе, возвышавшейся на толстых перекрытиях над широкой площадью, посреди руин древнего и почти полностью разрушенного города, чье прежнее название навсегда стерлось из человеческой памяти. В центре этой каменной площади стоял разрушенный столетия назад памятник, в останках которого лишь с трудом угадывались очертания ангела, вознесшего свои руки к небесам. У ног безголового и потертого временем ангела толпилось еще около десятка вооруженных мутантов в черных робах, бродивших на фоне двух огромных телег, собранных, казалось, из обыкновенного жестяного мусора. Позади одной из них стоял круглолицый толстяк в длиннополном черном плаще, с таким же, как у стражей, красными полосами на торсе и на рукавах. Толстяк был достаточно высоким, с копной кудрявых русых волос, длинной шапкой обрамляющих его круглое и сальное лицо. Завидев спускавшегося Стива, этот человек резво поспешил к нему на встречу.

— Здравствуйте. Я так понимаю, это вы — Стивен Росс, — с веселым волнением залепетал толстяк.

К своему удивлению Стив заметил, что у незнакомца оказался очень приятный, мягкий и даже немного мурлыкающий голос. Он широко улыбался, открыто смотрел большими голубыми глазами и явно располагал к себе.

— Меня зовут Томас Мортимер, но все меня здесь называют «брат Томас», а вы можете обращаться ко мне просто Том, — мягко пожав руку, произнес он. — Позвольте, я вам помогу.

Брат Томас тут же выхватил саквояж из рук Стива и учтиво пригласил его следовать за собой. Он подцепил длинный подол своей черной рясы и, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, с трудом стал спускаться по металлическим ступеням. Покорно следуя за ним, Стивен обратил внимание на широкую и длинную бетонную стену, грязно-серого цвета, высотой не менее тридцати метров, тянущуюся позади разрушенных домов и окаймляющую все видимое пространство.

— А что находится вон там, за этой стеной? — Спросил он толстяка, указывая рукой на четыре дымящиеся трубы, которые частоколом выступали из-за бетонной громадины. — Там тоже кто-то живет?

— Можно сказать и так. За стеной располагается военная база и штаб гвардейцев, у них есть собственная электростанция, скважины воды и даже собственная котельная, до сих пор действующая. Вот и копят небо потихоньку, — задыхаясь от усталости, толстяк начал рассказывать об окружающей их действительности. — Оттуда каждый день отправляются

армейские патрули на охрану границ резервации. Возможно вы не знаете, но эта стена тянется только вдоль восточных границ и немного уходит на север и юг. На севере ее больше всего продлили, примерно на восемь километров, а вот со всех остальных сторон абсолютно открытое пространство. Если на юге естественной границе хотя бы является река, то на западе резервация вообще никак не огорожена. Солдаты, конечно, там иногда патрулируют, но это ни на что не влияет. Мутанты, они ведь как муравьи, всегда найдут лазейку. Кто-то постоянно сбегает назад в пустоши, кто-то наоборот приходит оттуда. И все без регистрации, бегают целыми семьями или даже племенами, то туда, то сюда.

— Значит, их здесь больше, чем в официальных данных? — поддерживая беседу, поинтересовался Стив. — Всегда был уверен, что нам занижают численность мутантов, особенно когда говорят о десяти или пятнадцати тысячах.

— Разумеется, — встрепнулся толстяк. — По моим подсчетам их здесь больше раз в десять, не меньше ста тысяч это точно. Даже их собственная власть — Совет Старейшин, который здесь почти всем заправляет, не знает точного числа своих подданных. Здесь настоящий муравейник. Причем около половины всех обитающих здесь это гибриды. Тоже конечно мутанты, но они все же больше похожие на людей.

Спустившись с платформы, Том остановился передохнуть, утирая со лба крупные капли пота. Веселый толстяк с выступающим вторым подбородком и широкими складками, очень быстро уставал и явно не был привычен к таким длительным подъемам и спускам. Он смешно гармонировал с сутулым и худощавым стариком, которым теперь являлся Стив, бредущим позади него и опирающимся на длинную трость.

— Нам надо поскорее уходить отсюда, — задыхаясь, продолжил Том. — А то через несколько минут здесь начнется настоящая давка.

Он выразительно округлил свои голубые глаза, акцентируя на последнем слове и повторно утирая пот.

— Это из-за привезенного груза? — поинтересовался Стив.

— Да. При распределении гуманитарной помощи, которую направляет Патрициат, тут дикое столпотворение начинается и жуткая давка. Крики и драки за ценный груз, это самое маленькое, что может случиться. Скоро подойдут люди Совета, и вот тогда может произойти настоящая бойня.

— И часто у вас подобное столпотворение происходит?

— Два раза в месяц, когда прибывает поезд. Здешние гвардейцы специально распределяют грузы по частям, среди всех основных группировок резервации, но это мало помогает справиться с ситуацией. Мутанты постоянно спорят между собой, считая, что кому-то досталось больше провизии. Из-за этого они каждый раз устраивают настоящие погромы при получении груза, с кровью, выстрелами, убитыми и десятками раненных. Пока другая группа мутантов еще не подошла за получением груза, нам надо пользоваться моментом и слинять отсюда побыстрее.

— Я видел, что разгрузкой состава занимаются сами мутанты, в каких-то красных одеяниях, и с ними еще несколько охранников. Кто они?

Том устало утирал лицо на ходу:

— Это члены Братства Аэрона, одного из крупнейших кланов здесь, который контролирует некоторые районы на севере Крысятника. Сегодня их очередь первыми получать грузы, но скоро могут прибыть представители другого клана или Совета и вот тогда будет действительно жарко. Сейчас я тоже отношусь к Братству, как вы можете заметить, —

он указал на свою черную рясу, — это помогает от некоторых недоразумений и в северных районах гарантирует относительную безопасность. Так что вам мистер Росс я настоятельно советую такую робу носить, у меня дома как раз еще одна есть, запасная.

— А чем не подходит моя обычная одежда? — на всякий случай уточнил Стив.

— Всем не подходит, она слишком «человеческая». Тут людей не любят, и если вы не член какого-нибудь клана, то могут запросто убить. Я так понимаю вам, ничего не говорили о здешних нравах и специфике жизни в резервации?

— Нет, — признался Стив, — в Департаменте мне сказали, что здесь карантинная зона для мирных мутантов, под полным контролем гвардейцев. Я даже и не знал, что тут существует полноценный город, и все местные дикари оружие при себе носят.

— Ну, тогда я вас поздравляю, — Томас уже и не скрывал своего саркастического настроения, — вы попали именно к «мирным мутантам». Только для вас они от диких Гуранов ничем особо отличаться не будут. Разве что не загрызут вас, а пристрелят, вот и вся разница.

— А у ваших «братьев», у них были ружья, разве это законно? — продолжал свои расспросы Стив. — Разве гвардия им разрешает создавать собственные формирования.

— Конечно нет, официально оружие в резервации запрещено и за его оборот положена строга кара, это верно. Но проблема в том, что на этот запрет уже много лет никто не обращает внимания: ни гвардейцы, ни сами мутанты. Разумеется, огнестрельного оружия мало, и оно есть только у ополченцев Совета и некоторых членов банд или кланов. С оружием здесь связана целая социальная иерархия, если вы успели заметить: чем лучше оружие, тем выше статус его обладателя, понимаете. Простые головорезы носят при себе топоры или копья, иногда луки. А вот кухонный нож в спину вы можете получить даже от десятилетнего ребенка. Здесь даже между гибридами и прочими мутантами, их здесь называют мьюты, постоянно происходят стычки. Ну а вас, человека с большой земли, любой головорез с радостью пришьет, особенно если он еще и каннибал.

— Но как же, как вы здесь себя защищаете, — с ужасом спросил Стив. — Вы ведь уже несколько месяцев живете в резервации?

— Вот эта мантия — моя лучшая защита, — смеясь, Том раздвинул в сторону руки, демонстрируя свою черную робу. — Братство Аэрона здесь один из сильнейших кланов, поэтому его членов уважают и боятся. Пожалуй, он даже самый мощный и многочисленный клан во всем Крысятнике, потенциально способный конкурировать с властью Совета Старейшин. Если вы член Братства, то будьте вы хоть трижды ненавистным всем «человеком», ни один мьют или гибрид вас даже пальцем не посмеет тронуть.

Завидев, что стражи на площади пришли в движение, Томас тут же схватил Стива за рукав и потащил за собой в узкий проем между двумя разрушенными домами.

— Скорее, надо уходить отсюда, — подгонял он Стива. — Когда здесь соберется настоящая толпа нас просто затопчут.

— А от этого ваша мантия не помогает, — ухмыльнулся Стив.

— От разъяренной толпы голодных мутантов вообще ничего не поможет.

Пробежав мимо несколько низких халуп, собранных из жестяных листов шифера, частей старых автомобилей и больших кирпичных блоков, они оказались на довольно широкой и длинной улице, заполненной прохожими. Укутанные в разнообразные лохмотья с элементами «человеческой» одежды, мутанты бродили вдоль многочисленных убогих лачуг и заваленных различным хламом рыночных палаток.

Кто-то торговал поношенной тряпьем, кто-то мутировавшей рыбой, напоминавшей

скорее огромных белесых червей с короткими рядами щупалец по бокам. Буквально в паре шагов от Стива низкорослая тощая женщина, похожая на скелет, обтянутый кожей, как могла, расхваливала ржавяющий хлам на своем прилавке. Все обитатели Крысятника говорили на странном жаргоне, сочетавшем в себе как язык «людей с большой земли», так и слова диалектов, употребляемых гибридами, который также был наполнен исковерканными словами «нормальных людей». На одном из прилавков Стив даже успел разглядеть небольшую выставку кустарного оружия, в основном ножей и топоров, различных форм и размеров, сделанных из железного хлама, так часто встречаемого в резервации. Другим названием резервации, чаще всего используемого самими мутантами, было «Мусорный город».

Разрушенное каменное строение, которым заканчивалась торговая улица, поднималось на пару этажей над землей, вместо третьего уровня была ровная площадка с малочисленными осколками бетонных стен. Но даже этот этаж был покрыт наспех сколоченными жестяными хижинами, растущими, казалось, прямо из бетона.

Все убогие лачуги Мусорного города строились как внутри развалившихся зданий, так и на уцелевших крышах или перекрытиях каменных домов. Некоторые нависали над тротуарами, держась на многочисленных балках и столбах. Между хижинами протягивались длинные подвесные мосты, по которым то и дело сновали дети-мутанты, постоянно сбрасывающие что-то в прохожих. Но многие из обитателей резервации, строили свои халупы прямо на улице, часто рискуя стать жертвами изменчивой и суровой непогоды.

Через несколько минут, толпа мутантов, заполнявшая всю торговую улицу, хлынула живым потоком в разные стороны. По центру дороги, распугивая всех присутствующих гулками сигналами и ревом мотора, промчались несколько машин, непонятного происхождения и выкрашенных в желтый цвет. Если бы Том вовремя не отдернул Стива за рукав, тот мог бы угодить под колеса пронесшихся мимо колымаг.

— Так здесь даже транспорт есть? — удивленно поинтересовался Стив.

— О, мой дорогой, вы явно их недооцениваете. Поверьте мне, эти дикари могут многим вас удивить. Правда машин здесь мало, и почти все они принадлежат стражам Совета. Но вот встретить телегу, запряженную мутировавшими зубрами или жуткими вепрями, это для здешних обитателей норма жизни.

— А этот Совет Старейшин, они всем управляют здесь?

— И да, и нет, — уклончиво ответил толстяк. — Их власть сильна только над той частью населения, которая хочет подчиняться их законам. Главный цвет у них — желтый, и если мутант или гибрид хочет пользоваться покровительством Совета Старейшин, он нашивает на одежду несколько желтых полос ткани. Фактически, больше половины жителей резервации перешли под власть Совета уже лет десять назад. Их главные районы находятся далеко за рекой, которая течет на юге резервации.

— Река Лисс, верно? Я читал про нее на сайте департамента. Говорят, что она называется так же, как назывался и сам этот древний город, на руинах которого теперь живут мутанты, — Стив решил блеснуть собственными познаниями. — А что именно там находится, за рекой?

— Самое крупное и важное здание по ту сторону реки, это гидростанция. Она является главным центром силы во всей резервации, настоящая неприступная крепость, которую охраняет целая армия мутантов. Первым поселенцам резервации когда-то удалось восстановить ее и теперь в домах жителей, которые встали под власть Старейшин, есть свет

и тепло. Эта электростанция является их оплотом, так сказать, главным штабом и символом их власти. Вы не поверите, но руководители Совета даже подключены к сети и через нее ведут переговоры с властями в Свободном городе.

— Признаться, вот этим я удивлен. Ничего подобного нет в официальных документах о жизни в резервации. Там даже про эту гидростанцию не упоминается.

— Это верно. Департамент скрывает одни стороны жизни мутантов, и неоправданно раздувает другие. Как вы можете заметить, они не так миролюбивы, но и не так глупы, как их представляют себе люди с «большой земли».

Томас вывел Стива на соседнюю улицу, где в один ряд стояли несколько самодельных повозок, окруженных десятками мутантов, постоянно снующих повсюду. Том первым взобрался на высокое сиденье железной брички, примостив у ног клетчатый саквояж своего гостя. Затем он протянул Стиву руку, чтобы помочь ему подняться. Но тот отдернулся, посчитав это совсем уж унижительным жестом, и взобрался в повозку без посторонней помощи. Чувствуя себя радушным хозяином который должен показать все окрестности своему гостю, Том вытянул вперед повиливающей палец и громко приказал:

— Едем в черно-красный район, к Высокому дому.

Трое мутантов послушно подхватили тянувшиеся от повозки упряжи, сделанные из толстых тросов, и бегло засеменяли по улице. На этой необычной повозке, громыхая всеми колесами, они выехали на большую асфальтированную дорогу, местами изрытую глубокими ямами и заполненную самыми различными телегами и повозками. Вдоль этой сохранившейся древней трассы иногда даже встречались фонарные столбы, которые, как ни странно, оставались не побитыми.

Как пояснил Томас, эти дороги использовались исключительно для крупного транспорта и были главными путями сообщения во всем Мусорном городе. За их состоянием зорко следили представители Советат Старейшин, по возможности, не допуская разрастания дыр и трещин на асфальте, а также ремонтируя при необходимости все немногочисленные фонарные столбы.

***

Красный треугольник, с растущими из его сторон тремя короткими стрелами, как отличительная черта квартала, встречался почти на каждом доме. Все те же жестяные лачуги, как соты в улье, наклепленные друг на друга, виселись по обе стороны замусоренной улочки. Высокий дом, в котором Стиву предстояло остановиться, действительно оправдывал свое название, так как был самым большим и относительно целым во всем районе. Напоминавший скорее башню, особенно на фоне одноэтажных лачуг простых жителей, этот дом был единственным уцелевшим крылом древнего разрушенного кирпичного строения и поднимался вверх на целых семь этажей, что было невероятной высотой для окружающих его халуп. Местные жители сравнивали его размеры с бетонной стеной, опоясывающей всю резервацию, так как она была самым внушительным строением из тех, что они видели в своей жизни.

Весь черно-красный район, как, собственно, и весь город мутантов, был покрыт настоящими барханами железного мусора, кусков поломанной электроники, столетней давности и прочего хлама. Позади внушительной мусорной кучи, выглядывала ржавая стрела завалившегося набок крана, почти сгнившего за прошедшие годы, который беспомощно

вскинул ее по направлению к самому высокому дому квартала.

В отличие от остальных убогих хижин, Высокий дом был по местным меркам настоящими роскошными апартаментами. Из всех его окон свисали красные полотнища с широкой черной полосой посередине. А у высокого двустворчатого входа постоянно дежурил стражник в черной робе, с большим ножом за поясом.

Растрясенный за время поездки, Томас неуклюже вывалился из повозки, кряхтя на ходу и потирая отсиженные бока. Он отсчитал каждому из мутантов по три монеты. Затем он безропотно вытащил из кибитки клетчатый саквояж, бережно обхватив его руками, будто это были его личные вещи, и устало побрел к единственному входу в Высокий дом. Стив направился вслед за ним, стараясь не отставать и опасливо бросая косые взгляды на вооруженного мутанта у дверей.

Поднявшись по крутой и на удивление чистой лестнице, огромной спиралью ведущей на самый верх, они оказались внутри просторной двухкомнатной квартиры с наглухо заколоченными окнами. Томас тут же нырнул в царивший повсюду мрак и очень ловко, особенно для своих габаритов, проскочил в темноту маленького закутка в конце узкого коридора, где через несколько секунд приглушенно зажужжал неизвестный прибор.

В одно мгновение по всей квартире загорелись светильники, люстры и напольные лампы, громким хором щелчков вернулись к жизни многочисленные электроприборы. Том, уже привыкший к этому каждодневному чуду электрической жизни, регулярно рождавшейся среди мрачной тишины убогих лачуг резервации, устало вышел в узкий коридор и пригласил гостя проследовать в одну из комнат, выполняющую функцию гостиной и столовой одновременно.

— Вот этим вы меня действительно удивили, — воскликнул Стив, переступая порог широкой квадратной комнаты, — у вас здесь настоящий оазис цивилизации! Как вы вырабатываете электричество?

— У меня в кладовке стоит портативный протонный генератор, старый уже, но его мощности хватает на мои скромные нужды.

В дальнем углу комнаты располагался маленький металлический короб, с небольшим табло кнопок управления и парой мерцающих экранов, на которых постоянно сменялись цифры.

— Невероятно. Я даже в городе подобных устройств давно не видел в продаже, — произнес Стивен, удивленно рассматривая дисплей генератора, — неужели такую машинку можно найти среди здешних руин. Томас, признавайтесь, откуда он у вас, его ведь даже на черном рынке почти невозможно купить?

— Ну, купить, положим, нет, а вот выменять, оказалось вполне мне по силам. Уверяю вас, господин Росс, в «Крысятнике» можно найти самые невероятные и очень редкие вещи. Вы будете кофе?

— Разумеется, чашка горячего кофе сейчас многим улучшила бы мою жизнь, — Стив довольно улыбнулся. — Но я все равно потрясен вашим домом. Вот такого я точно не ожидал увидеть в резервации мутантов, на краю мертвых пустошей. А в других домах, я так понимаю, подобных бытовых условий нет?

— В большинстве других домов даже не знают о том, что электрические приборы существуют, — со знанием дела отрезал толстяк. — С едой я вас немного огорчу, тут будет без излишеств. Конечно, в торговых районах города можно купить определенные деликатесы и хоть как-то разнообразить наш стол, но только нормальному человеку все эти продукты

нельзя есть, результат будет плачевным. Дело в том, что у мутантов совсем другой организм и иммунитет у них намного сильнее человеческого, несмотря на их врожденные уродства и кажущуюся болезненность. Они как тараканы — могут съесть все что угодно, переварив любую гадость, от которой нормального человека давно бы вывернуло наизнанку. Так что кроме кофе я могу вам предложить лишь «пластиковую кашу» или консервы из запасов гуманитарной помощи.

— Я буду то же, что и вы, — любезно ответил Стив. — Особенно не беспокойтесь, я не прихотливый и эта еда для меня вполне подойдет. Я и так слишком нагло пользуюсь вашим гостеприимством. Надеюсь, я вас не очень сильно стесняю?

Том выставил на стол две чашки кофе и две порции синтетической каши. Стив скромно примостился на краю деревянного стула, также добытого на бескрайних просторах Мусорного города, и учтиво стал дожидаться хозяина, не притрагиваясь к еде. Томас медленно и грузно плюхнулся в старое кресло напротив гостя, покрытое выцветшей красной кожей, и облегченно вздохнул. На его широком сальном лбу выступал пот, такое длительное путешествие, особенно в компании новопривывшего гостя, очень тяжело отражалось на самочувствии Томаса.

— Вы ешьте, не стесняйтесь, — тут же учтиво залепетал толстяк, — здесь ни к чему соблюдать излишний этикет.

После нескольких минут недолгой трапезы, которая происходила в полном молчании на фоне приглушенного жужжания генератора, толстяк все же решил завести диалог.

— Мистер Росс, — внезапно переменяв свой тон, серьезно заговорил Том, — вы уверены, что справитесь с возложенной на вас миссией?

— Разумеется уверен, можете и не сомневаться в моих силах. В департаменте мне все объяснили, документы нужные выдали и даже примерный текст речи написали, — засмеялся Стив. — Я полностью подготовлен к нашей встрече. Хотя, как уже смог убедиться за последнюю пару часов, моих знаний об этом месте, полученных в департаменте, явно не хватает. И единственное, о чем я бы хотел вас попросить, так это рассказать мне побольше о Братстве и об этом, как его...

— Гулам Антаро, — отрывисто пояснил толстяк.

— Вот-вот, об этом самом субъекте. Хотелось бы о нем узнать больше подробностей.

Том откинулся на спинку кресла, скрестив руки на выпирающем животе. Он выдержал короткую паузу, усиленно вспоминая все необходимые нюансы, которые нужно было поведать Стивену.

— Антаро — это не субъект, — таинственно растягивая слова, проговорил толстяк. — Он опасен, по-настоящему опасен. При разговоре с ним никогда не забывайте об этом. И все наши опасные игры, которые мы затеяли с ним сыграть, могут закончиться для обоих очень плачевно. Все войны и стражники Братства подчиняются Антаро беспрекословно, одно только слово этого безумца и с нас живьем сдерут кожу. Никто не будет разбираться в причинах его недовольства нашим поведением, они просто освежают нас. Я говорю это не чтобы вас напугать, а чтобы вы трезво понимали, во что ввязываетесь и отдавали себе отчет в каждом поступке.

— Поверьте мне, Том, — столь же серьезно начал Стив, — я прекрасно осведомлен о возможных рисках нашего предприятия и готов к ним, иначе я бы и не прибыл сюда.

— Это верно. Нормальный человек крайне редкий гость в «Крысятнике» и никогда не поедет сюда, не будь у него достаточно смелости и уверенности в собственных силах. Ну что

вам рассказать... Антаро — чистокровный мутант, если можно так выразиться, очень агрессивен, вспыльчив, подозрителен до безумия. Когда он прибудет на вечернюю мессу в храм, мы сможем поговорить с ним, обсудить все дела. Очень вас прошу: находясь там, не смотрите ему в глаза, ведите себя спокойно и сдержанно, не давайте повода усомниться в вашем статусе. Говорить вы должны без запинки, еще лучше, если говорить будете мало, но по существу. И ни тени страха! Вы понимаете меня? Если он почувствует ваш внутренний страх, то беды не избежать.

Стив старался держать себя непринужденно, но при этом он начал нервно вращать на столе кружку с кофе. В глубине души он уже чувствовал накатывающий на него волнами внутреннюю тревогу, но пытался внешне ее не показывать, сохраняя маску мнимой уверенности. На какое-то мгновение страх усилился, и он ощутил себя брошенным ребенком, слабым и перепуганным, неспособным сопротивляться наступавшей на него со всех сторон отталкивающей действительности.

— Вот об этом я вам и говорил, Стивен! — Толстяк явно прочувствовал его внутренне состояние и тут же сделал замечание. — Одна такая оплошность на переговорах с ним — и нам конец. Вы хотя бы представляете себе, что Антаро делает с теми, кто хочет его обмануть? Все ужасы, что я вам сказал, не преувеличение, а страшная реальность жизни в Крысятнике.

Но тут же Томас осекся, он не стал продолжать рассказ об участии их предшественников, чтобы окончательно не испугать Стива. Он только тяжело вздохнул, разглядывая царапины на своем столе.

— Что касается Братства Аэрона, то тут своя история. Почти все здешние религиозные культы, будь то «Церковь земного горя» или культ «Матери машин», без разницы, все они связаны с местными бандами. — Томас продолжал говорить сдержанно, не поднимая глаз. В его словах слышалась определенная доля отчаяния и неуверенности в завтрашнем дне. — Несколько лет назад Антаро как-то сумел собрать множество крупных банд под своим началом, ну а Братство Аэрона стало, так сказать, идеологической базой для их объединения. Совет Старейшин старается не иметь никаких серьезных дел с Патрициатом и уж тем более с представителями Трибунала. Единственный религиозный культ, распространенный среди обычных людей, что они официально пропустили на территорию Крысятника, это «Мать машин». Но даже здесь он существует в извращенном виде, далеко от общепринятой религии модов и киберов, но пользуется неким покровительством со стороны старейшин. В остальном же Совет пытается быть светской властью, поддерживает нейтралитет с гвардейцами и Патрициатом, никакой ярко выраженной идеологии и далеко идущих целей у них нет. Это их главное уязвимое место. Братство напротив, с радостью пошло на контакт с властями Свободного города, и в департаменте сделали ставку именно на них. Хотя, на мой взгляд, это совершенно неверный выбор.

— Но какие цели преследует Департамент? Что конкретно они хотят получить от поддержки Братства?

— Видите ли, «Крысятник» или как его называют сами мутанты «Мусорный город» фактически поделен между двумя фракциями. Да, тут есть и другие банды или кланы, некоторые достаточно влиятельны, но в конечном итоге они являются союзниками либо Совета Старейшин, либо Братства. Эти фракции как два полюса силы, вокруг них спланивается все в этом городе. Если в Департаменте смогут контролировать одну из этих фракций, значит, они смогут контролировать половину населения резервации и в

перспективе, взять управление над оставшимися жителями. Все довольно просто.

— Но разве они сумеют удержать контроль над Братством? — Теперь уже и Стив откровенно засомневался в разумности действия Департамента. — По-моему, этот Антаро, если он таков как вы его описали, явно не захочет мириться с властью кого угодно над собой, особенно, людей из Свободного города, которые загнали всех мутантов в эту резервацию.

— Вы совершенно верно подметили, — оживленно согласился с ним Томас, — я считаю, что Департамент делает огромную ошибку, поддерживая этого маньяка. Но их ошибку вижу только я и вы, прибывший в этот проклятый город мутантов. А высоколобым чиновникам в теплых кабинетах с дорогой мебелью мои отчеты кажутся преувеличенными и не вызывающими доверия. Они считают, что все у них под контролем. Понимаете, все здешние фракции постоянно конфликтуют друг с другом, постоянно происходят вооруженные стычки и кто-то погибает. Это мелкие столкновения, но они происходят каждый день. То, что здесь не идет настоящая междоусобная война является лишь вопросом времени. Да, на стороне Совета реальная военная сила, их воины намного лучше вооружены, у них есть много огнестрельного оружия, карабины и даже артиллерия. Насколько мне известно, они располагают некоторой бронетехникой, переделанной из старых гражданских автомобилей. Противостоять с ними в открытом бою не решится ни один из кланов, кроме Братства Аэрона. У Антаро есть главный козырь в рукаве и поверьте, он отлично понимает, как им воспользоваться. Его ударной силой в противостоянии с Советом являются многочисленные фанатики, на его стороне явное численное превосходство и слепая вера его людей.

— Вы думаете, что наши действия могут подстегнуть Братство на открытое противостояние?

— Ну конечно! — Томас даже слегка взвизгнул, когда произносил эту очевидную для себя идею. — Антаро же постоянно вынашивает идеи по созданию сильной армии, он даже пробовал выкупить оружие у гвардейцев, но те не стали ему помогать. Военные не лезут во внутренние дела Крысятника, да и разрастание числа вооруженных мутантов явно не входит в длительные планы командования здешнего гарнизона.

— А разве сами старейшины не понимают угрозу, которая исходит от Братства и их фанатиков?

— Конечно понимают, но мне кажется они явно их недооценивают. Видите ли, под властью совета находиться не так много людей, но все они имеют в своих домах электричество, что делает их респектабельней на фоне остальных жителей резервации. Это здешняя элита, если можно так выразиться. А Братство контролирует многочисленные нижние слои местного общества и может только ублажать своих последователей рассказами о грядущем «рае» и скорой помощи «людей из большого города». Численность его последователей огромна, но чтобы понять это, надо прожить некоторое время среди этих фанатиков. Старейшины привыкли смотреть на северные районы с высоко, считая местных обитателей дикарями.

— Не так уж это и далеко от истины, — язвительно заметил Стивен.

— Возможно это так, но этих дикарей больше шестидесяти тысяч и они крайне озлоблены. Чтобы контролировать эту огромную массу фанатиков, Антаро нужен культ веры в Пророка и прочие мракобесия, разжигающие ненависть в его последователях. Вот почему ему необходимы постоянные стычки при раздаче гуманитарной помощи и ему нужен

этот договор. Мы с вами, мой дорогой друг, жизненно необходимы этому маньяку. Он жаждет выглядеть в глазах своих сторонников благодетелем и предвестником грядущего рая и лучшей жизни. Ему нужен образ спасителя своих подданных, единственного мутанта с кем разговаривают люди из Свободного города. Весь их культ зиждется на нелепой вере в то, что Антаро избран прелатами Трибунала, для грядущего вывода всех мутантов из резервации, чему сопротивляется Совет Старейшин, нежелающий потерять свою власть. Его проповедники постоянно втирают остальным мьютам, будто скоро их спасут, и они смогут отправиться на другую сторону Ядовитого моря, где будут жить сытой и счастливой жизнью в восточных плодородных землях. Они уверены, что так повелел сам Бессмертный Пророк.

— Неужели они действительно верят в это нелепый бред? — вновь насмешливо спросил Стивен.

— Разумеется, они верят, — ответил Томас, — и нам ни в коем случае нельзя их разубеждать. Наоборот, нам нужно сыграть на этом, при встрече с Антаро. Это будет отличной партией. Мутанты хотят помощи от людей, и они ее получают, в нашем лице. Сыграйте на их страстях и слепой вере в помощь «людей с большой земли». Я думаю, это сильно поможет нашему делу.

Немного подумав, Стив вновь поинтересовался:

— Интересно, а в самом Трибунале знают, что здешние мутанты тоже считают себя последователями Пророка?

— Разумеется, нет, — видимо не понимая шутливого тона вопроса, Том отвечал крайне серьезно. — Трибунал смотрит сквозь пальцы даже на сам факт существования резервации на землях подконтрольных Свободному городу. Но даже сама мысль о том, что псевдолюди могут быть приобщенные к священной доктрине Трибунала, к «пути эволюции», это в корне противоречит сути учения Бессмертного пророка и может быть признано ересью. Все что происходит в резервации, власти нашего города тщательно скрывают даже от своих покровителей в Доме Каина, не говоря уже обо всем остальном Трибунале. Вы ведь сами слышали раньше нелепые истории о малочисленной колонии мирных псевдолюдей, как и все в Свободном городе. Но правда оказалась иной, сейчас вы это знаете. Теперь представьте, насколько малой и неправдоподобной информацией владеют люди по ту сторону Ядовитого моря.

— Вы полагаете, что о полноценном городе мутантов в западных пустошах, да еще и с таким огромным населением, никто во всем Трибунале даже не знает?

— Я полагаю, что подобная информация, если она все же до них доходит, совершенно им безразлична. На востоке никаких мутантов не существует уже много десятилетий, они все были истреблены. Даже в наших землях «декларацию права на жизнь» подписали только патриции Свободного города и несколько человек из Дома Каина и она все равно почти не соблюдается. За стенами Крысятника, любые мутанты признаются вне закона, их истребляют без суда. Проблема их существования и выживания как вида просто не интересна людям, в какой бы точке известного мира они не находились.

— А все что происходит здесь, — тут же переспросил Стивен, — разве это не настоящая проблема? Их больше ста тысяч, у них собственный город и несколько армий. Очень скоро по нашей с вами милости они получат новое оружие, и со временем объединятся под властью этого маньяка, Антаро. Что будет тогда? Они же просто сметут гвардейцев, что охраняют резервацию. Сколько их тут? Триста или четыреста человек, растянутых на многокилометровых стенах. О чем думает Патрициат?

— Не хочу вас пугать, — неуверенно начал Томас, до конца не доверяя своему новому партнеру, — но мне кажется, что высшие власти города не имеют ни малейшего представления о нашей операции. Координацию всей торговой миссии осуществляет только Департамент биологического контроля, и я полагаю, это их частная инициатива.

Стив замолчал. Столько событий и информации за один день было для него слишком напряженным испытанием. Сама мысль о том, что он ввязался в нелегальную аферу, идущую мимо мнения законных властителей города, да к тому же приводящей к кровавым последствиям, безумно его пугала. Он не мог признать, что так легко дал себя обмануть, поверив в добрые намерения Майкла, этого слащавого и скользкого поддонка, который попросту его использовал. Стивен, который недавно избежал смерти за свои прошлые преступления, вновь оказался в гуще дерьма и обмана, которые стали его затягивать.

Он устало простонал, как будто от боли, стараясь нащупать пульс на своей сухой и холодной руке. Том испугался за состояние своего гостя и тут же решил сменить тему. Он пригласил Стивена пройти в гостиную и налил ему стакан с успокоительным раствором.

Большая теплая комната была совсем недурно обставлена, особенно по местным меркам. Повсюду стояла старая деревянная мебель, почти нетронутая временем и скорее всего существовавшая со времен до Великого перелома. Несколько нейтральных картин, выкупленных у местных гвардейцев, были призваны создать хоть какое-то подобие уюта в доме. На плохо побеленной стене напротив входа висел широкий запыленный дисплей, совсем уж экстравагантно выглядящий в местных условиях. Томас выменял его больше месяца назад на торговой улице в надежде когда-нибудь, приспособить его для подключения к сети и связи с внешним миром.

На фоне общего убожества и нищеты, царившей в «Мусорном городе» и тем более, в «черно-красном» квартале сектантов, квартира брата Томаса смотрелась как настоящий оазис посреди пустынной катастрофы. Именно поэтому здесь были наглухо заколочены все окна, что даже уличный свет никогда не проникал внутрь. Том хищно охранял свой маленький благоустроенный мирок от посторонних глаз. Только благодаря врожденному таланту к предпринимательству, он сумел всего за несколько месяцев пребывания в «Крысятнике» разжиться такими вещами, которые трудно было достать даже в Свободном городе, не говоря уже об этой отсталой резервации.

Они оба сидели на хоть и старых, но все же мягких кожаных креслах и вальяжно выпускали клубы сигаретного дыма.

— Неплохо вы здесь все обустроили, очень уютно, — заметил Стив.

— Да, жить можно, — равнодушно ответил Томас, раскрывая новую пачку. — Хотя меня никогда не покидает вера, что эта квартирка является моим временным жильем. Я надеюсь в ближайшем будущем вернуться наконец-то назад в Город и начать новую жизнь. Мне жутко надоело здесь, среди этих лачуг. Не могу уже видеть недоразвитые лица местных жителей. Это полная чушь, что человек со временем привыкает к любым условиям. Я до сих пор не могу привыкнуть видеть все эти уродливые физиономии каждый день.

Он сделал глубокий вдох и с силой вытолкнул из себя большое облако горького дыма. По вздувшимся венам на лбу стало ясно, что Томас чем-то крайне напряжен или расстроен.

— Я ведь не добровольно здесь, — грустно пояснил он, — меня сюда сослали несколько месяцев назад. Выбор был невелик: либо ссылка в резервацию, либо суд и отправка на переработку, на юг, к Гильдии Евгеники.

— Вас сослали, — не веря услышанному переспросил Стивен, — но за что?

— Да уже и не важно, — лениво отмахнулся Том, стараясь создать побольше таинственности для своей биографии. — В свое время я по крупному просчитался и не на тех поставил. Думал, что смогу сорвать большой куш и наконец-то вырвусь на самый верх, но в итоге я проиграл все что имел, даже свою жизнь. А те люди, что победили, они меня сюда и отправили в качестве своеобразного наказания. Теперь на них работаю, так же, как и вы, собственно говоря. А куда уже деваться? Лучше уж в Крысятнике жить, чем становиться запчастями для человеческих тел, в лапах мясников из Гильдии.

— Неужели это был Майкл!? Это он вас сюда сослал, — тут же переспросил Стивен.

— Нет, ну что вы. Он очень хороший человек, интеллигентный и образованный. Просто Майкл был в числе тех, кто победил, а я оказался среди проигравших. Накануне моего отъезда из Свободного города, он нашел меня и предложил нестандартную работу, от которой я, разумеется, не смог отказаться. Эта работа позволила мне неплохо обосноваться здесь, создать все условия для приличной жизни и даже немного поднакопить денег. Теперь я могу утверждать, что и в Крысятнике можно жить по-человечески.

С горькой улыбкой, потускневшими голубыми глазами он грустно посмотрел на Стивена. Такого взгляда хватило, чтобы понять — за душой этого толстого и побитого жизнью человека скрывались не меньшие грехи, чем у его непростого гостя.

— Если человек оказался в «Крысятнике», значит, он в чем-то виноват, — философски заключил Томас. — И никуда ему от своих грехов не скрыться... А что вы совершили Ситв, за что вас так?

— Вы знали, что я бывший преступник? — серьезно спросил он.

Том сдержано ответил кивком головы:

— Так за что вас? Никогда не слышал о подобных наказаниях. Лишить сразу сорока лет, шутка ли. Это ведь почти вся ваша жизнь.

— Это наказание за мою глупость, — Стивен буквально вдавливал из себя признания, делая большие паузы между словами. — Статья сто сорок восьмая, «двойное убийство по неосторожности». Если бы не помощь моих родителей, я бы не сидел сейчас с вами и не разговаривал. Вообще, мне грозила носильная кибернетизация. Как вы понимаете, при такой процедуре все прежнее сознание удаляют полностью и поэтому мои родители постарались найти способ изменить вероятный приговор. Подобное судебное решение было вынесено впервые, но мой отец был уверен, что так для меня будет лучше. Он сказал мне тогда, что пусть я стану стариком, но зато останусь в здравом уме и возможно еще успею сделать что-то хорошее в оставшиеся мне годы, смогу искупить свои прежние грехи. А я его подвел и оказался здесь.

— Ну что вы, — Томас слегка улыбнулся, стараясь поддержать своего собеседника. — Сколько вам сейчас? Пятьдесят пять или шестьдесят лет — это еще совсем не старик, у вас еще достаточно времени. Бывает, что люди только в этом возрасте начинают жить по-настоящему.

— Вот я и начал, — с грустной иронией добавил Стив. — Хотя иногда я все же сожалею о том, что согласился на эту «процедуру». Возможно, лучшей участью для меня было лишиться разума и остаток дней провести машиной, тогда не пришлось бы мучиться дальше.

Томас только задумчиво молчал в ответ, слушая душевные терзания своего странного товарища по несчастью. Одновременно с его словами, Том сам погружался в собственные печальные мысли, уносившие его куда-то далеко, в прошлую жизнь.

— Здесь все сожалеют о прошлом, — мрачно заметил толстяк, — все, кто в

«Крысятник» угодил. Вы сожалеете о том, что сделали, я сожалею о том, что не сделал. Даже эти мутанты, наверное, сожалеют — о том, что вообще родились на свет. Все сожалеют, только сделать уже ничего не могут. Это место проклято.

— А вы действительно так не любите этих несчастных, — Стив попытался немного перевести тон разговора. — Вы ведь почти полгода здесь, но так к ним и не привыкли?

— Какой там, конечно же, нет, — отмахнулся Том, он тоже решил не нагнетать грустных мыслей. — Меня до сих пор в дрожь от них бросает, я перчатки никогда не снимаю и моюсь каждый день. А вода, я вам скажу, удовольствие здесь не из дешевых, — толстяк даже усмехнулся. — Кое-кто из местных гвардейцев неплохо на мне подзаработал, продавая налево техническую воду.

Немного оживившись, Томас предложил еще выпить. Он уверял, что алкоголь не только помогает для снятия стресса, который является неотъемлемой частью их торговой миссии, но и защищает от местных вредных испарений. Том был убежден, что опасным излучением здесь заражен практически каждый мутант. И поэтому, не желая быть зараженным, он принимал «крепкое лекарство» для иммунитета каждый день, не скупясь в количествах. До встречи с предводителем Братства оставалась всего несколько часов.

***

Центральный храм Братства Аэрона, где проходила вечерняя месса, располагался в десяти минутах ходьбы от дома Томаса. Огромный зал, расположенный внутри заброшенного древнего строения, наверняка это был какой-то завод, до отказа забиты мутанты. Среди сотен уродливых и искаженных бугристыми наростами лиц изредка встречались смуглокожие и раскосые гибриды. Все присутствующие были одеты в красные мешковатые робы, уже знакомые Стивену по первой встрече на железнодорожной платформе. По периметру зала, на расстоянии примерно десяти шагов друг от друга, стояли вооруженные короткими клинками и карабинами стражи. Оружие, символизировавшее их статус, давало им право охранять самые главные мероприятия, проводившиеся в этом храме.

Бетонные опоры, державшие плоский потолок центрального зала, были украшены красно-черными стягами, такими же, как на окнах Высокого Дома, в котором жил Томас. В центре огромного зала поднималась железная платформа, в метр высотой, из сердцевины которой выросло целое дерево переплетенных проводов. Раскидываясь широкими ветвями под потолком, эта конструкция завершалась четырьмя большими дисплеями, что были обращены во все стороны зала. У основания этого дерева, стояли двое проповедников облаченные в длиннополые черные мантии. Их лица были скрыты большими металлическими полумасками, закрывавшими почти всю голову. Из их центра, где должны были располагаться глаза, росли толстые жгуты проводов, уходящие в крону электронного дерева. Мониторы, которые были обращены к собравшейся толпе, воспроизводили на себе «мыслеобразы» подключенных к ним проповедников. Разноцветные силуэты гор, деревьев и высотных домов, похожих на те, что строились в центре Свободного города, постоянно сменяли друг друга, периодически растворяясь в черноте дисплеев.

Оба проповедника стояли спинами друг к другу как вкопанные и не использовали руки, во время своей речи. Под широкими наростами металлических масок медленно двигались их аккуратно стриженные бороды. По тем немногим деталям внешности, что были различимы в их обликах, было понятно, что оба проповедника являлись гибридами. Их высокие и громкие

голоса заполняли собой весь зал, достигая даже самых отдаленных рядов.

Внимая гипнотизирующему голосу проповедников, толпа входила в некое подобие транса, улавливая единый резонанс молитвы и начиная раскачиваться в такт с ней. Все больше и больше мутантов входило в ритм проповеди. Красно-черное море обезображенных существ, качаясь на своих ногах и костылях, начало попеременно вздымать вверх руки, приветствуя невидимое небо, скрытое от них каменным потолком. Над головами поднимались сотни уродливых конечностей, невероятно длинных и узловатых рук. Периодически встречались откровенные щупальца со сросшимися фалангами, кривыми отростков вместо пальцев или с самодельными протезами, напоминавших клешни.

И все эти уродливые существа монотонно раскачивались, внимая молитве. Даже некоторые из стражей, особенно впечатлительных, начинали также закатывать глаза и раскачиваться, вытягивая вперед руки, сжимающие ружья.

Стив и Томас подоспели как раз к концу литургии. Они прошли вдоль стены, огибая прибывающую в религиозном экстазе толпу. Помимо взрослых мутантов Стив разглядел множество детенышей, которые были плохо восприимчивы к проповеди и, не понимая, что происходит, бесцельно крутились подле замороженных родителей.

— Здесь есть электричество? — в полголоса поинтересовался Стивен.

— Разумеется, мой генератор не уникален в здешних местах. Раз я смог его приобрести, то для нужд главного храма Братство позаботилось о покупке нескольких таких же. Но не обольщайтесь, мой друг, в обычных домах пользуются углем и керосином. Искусственный свет для них невиданная роскошь, — заключил Томас.

— Я половину слов не могу разобрать. На каком языке они вообще говорят? — вновь шепотом спросил Стивен, напрягая слух и стараясь хоть что-то понять.

— Даже не старайтесь. Это главный местный диалект, собственное изобретение мьютов. Как мне кажется, он построен на смеси всех здешних языков, на которых лопочут жители резервации. Главное для нас с вами, что при этом почти все мьюты и гибриды понимают нормальный язык людей, а о чем они меж собой бормочут, вам знать необязательно.

Том напряженно вглядывался в самый отдаленный и темный угол зала, стараясь разглядеть Антаро. Вожак этой беснующейся своры мутантов прятался в глубине Храма, за спинами своих стражей. Окруженный несколькими доверенными воинами, он восседал на большом железном стуле, казалось сваренном из отдельных кусков металла и напоминавшем трон.

Широкоплечий и мускулистый, Антаро происходил из редко встречаемого вида разумных «гуранов», много столетий назад выделившихся в отдельную ветку биологического развития и далеко ушедших от животного образа жизни своих сородичей. Сероватая кожа и жесткие рыжие волосы, широким гребнем растущие на голове, вот те немногие атавизмы, что достались ему от диких предков. К тому же Антаро был намного здоровее и крепче любого из своих подданных, с длинными и жилистыми руками. Четверо гибридов, облаченные в стандартные черные робы и вооруженные короткоствольными автоматами, составляли его личную охрану. Позади него, сгорбившись и опираясь на два тяжелых костыля, покорно стоял старый мутант. Длинные седые волосы пучками росли на его уродливой квадратной голове с большим кожным наростом, перекрывшим собою глаза. Старый уродец первым почуял приближение людей и рыком дал знать об этом стражам, двое из которых тут же преградили дорогу посланникам Департамента.

Антаро слегка приподнялся на своем тяжелом троне, хищно осматривая прибывших к нему людей. Он уперся своим бешеным взглядом точно в глаза Стива, пытаясь разглядеть в них всю правду о его намерениях. Затем мутант растянулся в надменной улыбке, обнажив плотный ряд длинных желтых клыков.

В ответ, всматриваясь в самодовольное лицо одного из самых опасных жителей резервации, Стив пытался разглядеть в нем черты животных предков. Он никогда не видел диких мутантов вживую, но знал, как они должны были бы выглядеть по описаниям из сети. Но в этот момент предводитель Братства казался ему настоящим зверем даже на фоне своих диких подданных.

— Гулам Антаро, вождь красно-черного племени, патриарх Братства Аэрона, — рычащим хриплым голосом представил своего хозяина сгорбленный старик.

— Антуан Десетис, вице-президент Департамента биологического контроля и старший прелат Трибунала, — напрягая голосовые связки, стараясь говорить максимально мужественно, соврал Стивен.

Мутанты впали в молчаливый ступор. На Стива накатила тень страха и неуверенности. «А вдруг я сказал что-то не то?», — засомневался ложный вице-президент. Видимо почувствовав, что дело скатывается не к лучшему своему результату, в разговор вмешался Томас.

— Господин Десетис, от лица Департамента, дает вам полные гарантии о выполнении своей части сделки, — взволнованным голосом выпалил толстяк. — Я надеюсь, у вас нет никаких претензий или вопросов, относительно его статуса в Департаменте?

В этот момент, когда взгляды мутантов перешли на тучную фигуру Томаса, Стивен, наконец-то вспомнил о главном своем козыре в этом разговоре. Он уверенно протянул вперед крупный, с трудом уместящийся в руке, прямоугольник портативного компьютера, на горящем экране которого был изображен символ трех согнутых в локте рук, вооруженных клинками и выходящих из одного центра — «триксель», официальный герб Трибунала.

Стоявший ближе всех охранник, высокий чернокожий гибрид, уважительно принял в свои широченные ладони этот невиданный для местных жителей прибор. Он неспешно и сосредоточенно рассмотрел его, внимательно изучив совершенно незнакомый ему символ, и одобрительно кивнул, передавая компьютер своему хозяину.

Антаро очень уважал технику людей, их документы и символы государственной власти. Он был убежден, что влиятельный человек из большого города обязательно должен был иметь все это при себе и на его документах должна стоять печать Трибунала, которую ему довелось видеть однажды и на которую, он по памяти постарался сделать похожим символ своего движения.

Вожак мутантов перестал скалиться и очень серьезно, как настоящую реликвию, принял пластиковый прямоугольник из рук своего помощника. Вряд ли Гулам умел читать или пользоваться портативным компьютером, в таких мелочах он обычно доверялся своим охранникам и советникам, но посмотреть на центральную заставку он мог и без посторонней помощи. Антаро благоговейно провел рукой по трикселю и случайно задел пальцами клавиши управления, из-за чего изображение мгновенно сменилось на следующее, открыв на экране документы удостоверяющие личность прелата, с лицом Стивена. Эта неожиданная манипуляция привела главаря мутантов в настоящий восторг, который он обозначил глубоким гортанным смехом, похожим на звериный рык. Затем он еще подолгу сверял миниатюрные цветные фотографии на экране со старческим лицом Стивена. Больше

всего мутанту понравилось перемещать их из стороны в сторону при помощи манипулятора на краю дисплея.

После своего вожака право изучить компьютер досталось уродливому старику. Тот мог лишь понюхать и затем потрогать узкий прямоугольник дисплея. Но для верности он все же погрыз пластиковые края, убедившись таким образом в его подлинности.

После всех этих длительных манипуляций прибор наконец-то вернули законному владельцу. Пожалев о том, что он не надел перчаток, Стивен принял компьютер назад, сдержанно кивнув головой, и убрал в широкий карман своей робы.

Томас тут же спохватился и еще более уверенно повторил свою фразу:

— Господин Десетис гарантирует своим присутствием благосклонность Трибунала и выполнение всех наших обязательств.

— Он сам будет для нас гарантией, — внезапно прорычал Антаро, как-то подозрительно посмотрев на посланника своих городских покровителей.

Убедившись в подлинности документов, вождь Красно-черного племени явно расслабился и уже не скалил зубы, как прежде. Но от его внезапного рычащего голоса Стивену стало жутко. «Что он этим хочет сказать?» — вертелось у него в голове. Он был вынужден постоянно напрягаться, чтобы не выдавать свое внутреннее смятение и страх. Пересиливая чувство отвращения, он продолжал надменным и спокойным взглядом осматривать окружавших его мутантов, бесновавшихся в порыве религиозного экстаза.

— Завтра, после заката, — продолжил все тем же рычащим голосом Антаро, — у северного прохода мы будем готовы оплатить первую партию. Вы должны быть там, обязательно.

— Все, как и договаривались, — спокойно ответил Томас, — транспорт с вашим товаром прибудет через три дня после получения нами первой части оплаты. Затем мы будем готовы совершить очередной платеж, но не раньше чем через десять дней.

Внезапно в разговор вмешался уродливый старик:

— Наши люди все еще не верят в скорый исход в царство Пророка, — прохрипел он. — Нам нужно, чтобы прелат Десетис лично выступил перед нашими братьями и сестрами. Его речь сможет вдохновить и успокоить людей.

Понимая, что тема разговора снова перешла на него, Стив попытался уточнить волновавший его момент:

— Мне необходимо говорить с ними прямо сейчас?

— Нет, — уверенно обрубил Антаро, — вы выступите завтра вечером, еще до начала «исхода».

Как будто услышав, о чем беседовал их лидер, проповедники, стоявшие в центре толпы, разом умолкли и перестали читать вводившую в транс молитву. Они перестали монотонно раскачиваться и повернули свои безглазые лица в сторону Стивена, зашелестев длинными ветвями проводов. Проповедник одновременно подняли вверх руки, развернув свои ладони к толпившимся вокруг мутантам.

— Наступит день «Великого исхода», — зазвучав в унисон, их высокие голоса вновь заполнили собой весь зал, — и брошенные дети сухой земли смогут вернуться к своему прародителю. Град обетованный откроет врата свои перед новыми людьми и примет их в свои объятия. Не будет больше боли и страдания, не будет голода и смерти. Новая жизнь спасенных продлится тысячу лет и свидетельством тому станет пришествие святого старца с востока из царства Бессмертного Пророка.

В этот момент внутри Стива все сжалось, а кровь отхлынула от кожи. Лица проповедников скрывали полумаски, но он был уверен, что все их естество и мысли сейчас обращены к нему. Проповедники синхронно подняли руки еще выше, указывая над головой безумной толпы в самый дальний угол, где в этот момент стоял седой человека, пытавшегося выдать себя за прелата Трибунала.

Следя за движениями своих ораторов, тысячи глаз самых уродливых и странных созданий устремились на обомлевшего Стивена, потерявшего дар речи. Ни охранники Антаро, ни стражники в черных робах, ни даже Томас не могли защитить его от этих ужасных глаз, пожиравших его словно стая саранчи.

— Это он, — прошелся по толпе удивленный возглас, который передавался из уст в уста и перерастал в радостные крики. — Это он, старец с востока, посланник из царства Пророка.

Понимая, что ему надо как-то реагировать, Стив не нашел ничего лучше, как представить себя ложным именем еще раз, со всем подобающим официозом. Он уверенно направился к одержимой толпе, сделав несколько шагов и выйдя на свет из затемненного угла зала. Он поднял правую руку вверх и начал говорить властным и максимально уверенным тоном, на который был способен в данной ситуации.

— Мое имя Антуан Десетис, прелат Трибунала, вице-президент... — но договорить ему не дали.

Толпа просто взорвалась криками. Со всех ее концов слышались радостные возгласы «это он», доносились цитаты из молитв, вещающих об «излечении всех хворей» и «воскрешении плоти». В самых отдаленных уголках зала раздавались призывы к «искуплению» и «покаянию», а также крики радости от грядущего исхода. Сотни самых разнообразных рук: сухих, тонких, лишенных пальцев, кривых или чрезмерно длинных — потянулись к Стивену, в ужасе отринувшему от своей разбушевавшейся паствы.

— И каждый избранный придет на путь исхода... И откроются врата обетованного Города, — эхом разносились по залу голоса проповедников.

В порыве религиозного экстаза бешеная толпа кинулась на перепуганного до смерти Стивена. Но путь им тут же преградили стражники Антаро, успевшие среагировать не действия толпы. К ним успели подбежать несколько десятков вооруженных мутантов с разных концов каменного зала и живой стеной закрыли испуганного самозванца. Отбиваясь прикладами и изредка стреляя в воздух, охранники все-таки смогли успокоить разбушевавшуюся толпу. Первым из ступора вышел бывалый Томас, который резким движением вцепился Стивену в руку и поспешил увести его из храма через запасной путь, сокрытый в стене позади трона, которым всегда пользовался только Антаро.

***

Несколько столетий, которые прошли со времени Великого перелома, навсегда изменили климат во всем известном мире. Короткие зима и лета, зачастую не занимавшие даже больше двух месяцев, очень быстро стирались из памяти людей, вытесняемые самым главным сезоном года. Промозглая и дождливая погода, высокая облачность, постоянные туманы на юге и пылевые бури на севере. Никто из ныне живущих людей или мутантов уже и не помнил, что климат может быть другим. «Вечная осень», занимавшая почти весь календарный год, стала главным символом известного мира, пережившего столетия назад глобальный катаклизм, навсегда уничтоживший прежнюю цивилизацию.

Грязные лужи, выходя из своих берегов, тонкими черными ручейками растекались по длинным улицам Мусорного города. Железные постройки, прижавшись друг к другу, молча и безжизненно спали в этот поздний час. Жители красно-черного района, вернувшись по домам после вечерней службы, сразу же отходили ко сну. Лишь иногда, то за одной, то за другой брезентовыми занавесками, вспыхивали тусклые огоньки свечей и керосиновых ламп. Только единицы последователей безумной веры не спали в это время суток. Шепотом они продолжали молиться Бессмертному Пророку, точнее своим представлениям о том каким он должен быть. Эти несчастные даже не подозревали о том, что настоящий пророк Аэрон приказал еще полвека назад уничтожить всех мутантов, которые не соответствовали идеалам его доктрины об эволюции человеческого рода.

Над горизонтом убогих жестяных хижин и разрушенных домов возвышался яркий силуэт гидростанции, расположенной далеко за рекой. Сверкая тысячами огоньков и переливаясь белым и голубым цветами, огромное здание со шпильями труб разрезало ночное небо напополам. Расходясь от гидростанции равными сверкающими лучами, три основных автодорожных трассы освещались ночными фонарями. На фоне общего мрака и черноты всех прочих районов Мусорного города ярко выделялись светлые пятна кварталов тех жителей резервации, кто перешел под покровительство Совета Старейшин. На небе уже проступили редкие звезды и где-то в неведомых высотах над всем известным миром сияли две луны — Силена и Геката.

В этот поздний час двое стояли на опустевшей улице среди разрушенных домов, на берегу большой мутной лужи, казавшейся в неверном свете лун настоящим водоемом. Они медленно курили дефицитные для здешних мест сигареты, которыми снабжали солдат охранного гарнизона, размеренно ведя неторопливую беседу.

— А вас самого совесть не мучает? — с некоторым лукавством спросил Стив. — Разве не жалко этих несчастных? Ведь мы продаем мутантам то, что в конечном итоге убьет большинство из них.

— Наверное, нет, — пожал плечами Томас, — а с чего мне мучиться? С нашей помощью или без нас, они все равно достанут оружие, это лишь вопрос времени. Да, мы немного поторопили неизбежное кровопролитие, за это мне возможно стыдно. Но ведь нелепый повод для грядущей войны они нашли сами, без чьей-то подсказки. И сами ищут тех, кто продаст им оружие, для убийства собственных соплеменников.

— Знаете, а мне их по-настоящему жалко, даже таких безумных. — Стивен стряхнул пепел в грязную лужу под ногами. — Первое, что сделает этот маньяк, когда накопит достаточно оружия, это уничтожит вон-то сверкающее здание. И тогда все окончательно развалится. Мусорный город навсегда погрузится в темноту, не будет никаких ярких кварталов и светящихся магистралей, повсюду будет мрак, невежество и разруха.

подавившись едким табачным дымом, Томас даже рассмеялся:

— А сейчас у них что, полный порядок и процветание?! Вы где здесь «не разруху» видели? То, что у одних уродцев есть электричество, стада мутировавших зверей и какое-то подобие закона, еще не значит, что у них прекрасная жизнь. Даже в этом убогом красно-черном квартале жизнь гораздо лучше, чем в большинстве районов, особенно на западе Крысятника. Вы, мой дорогой, видели-то всего ничего. А вы загляните ночью в какой-нибудь «зеленый квартал», или того хуже на «ржавый утес», да вы даже пикнуть не успеете, как вас на части разорвут. И даже мантия Братства вам не поможет. На западных окраинах Крысятника нет стен, там начинается настоящая пустошь и все что ее населяет, регулярно

наведается в эти земли. Там живут племена каннибалов, стаи гуранов, даже банды рейдеров доходят до границ резервации. А если послушать местные истории, то ночами у «ржавого утеса» бродят настоящие монстры, по сравнению с которыми даже гураны покажутся вам безобидными зверушками. Здесь повсюду жуть и разруха, особенно ночами.

— Ну, все равно. Большинство здешних псевдолюдей налаживают свою жизнь, как умеют и пока могут, — Стивен, попытался отстоять права мутантов на существование и независимость. — Вы сами говорили, что все больше и больше жителей переходит под покровительство Совета. А эти звери из Братства, когда они получают оружие, что будет тогда? Они ведь сами ничего создать не способны. Я вообще не понимаю, почему Департамент с ними начал работу, почему выбрали именно этого отморозка? Вы были правы, говоря, что это ошибка Департамента. С ними не торговать надо, а изолировать от остальных, это женастоящие звери.

— А нам с вами вообще здесь понимать ничего не надо. И решение Департамента не нам с вами, мой дорогой, обсуждать. Наше дело маленькое, надо сделку провести и свою долю забрать. А уж кто кого здесь перестреляет и за что, так это не наша забота.

Томас озлобленно выбросил окурок в лужу и закурил новую сигарету. Он явно нервничал по поводу завтрашней сделки, и этические рассуждения Стивена несколько не волновали его. Почувствовав это по настроению своего собеседника, мнимый прелат тут же сменил тему.

— Что завтра делаем? Мне ведь еще и перед этой толпой выступать придется...

— Это да. Я сегодня чуть не умер от страха, когда эти фанатики на вас набросились. Надеюсь, вы свой текст помните? Как сегодня паузы и оплошности у вас не получится?

— Ну, откровенно говоря, сегодня я попросту растерялся. Когда этих обезумевших мутантов увидел, да еще и такую толпу, тут же все забыл. Хорошо хоть настоящим именем не представился, по глупости.

— Вот это самое опасное, — многозначительно пригрозил окурком Томас, — такого завтра быть не должно, ваш блеф должен быть максимально убедительным. Вы ведь понимаете, что наши ставки с каждым днем продолжают расти, а козырей у нас почти не осталось. Стивен, очень многое завтра будет зависеть от ваших способностей оратора, ведь сегодня нам просто повезло, — он задумчиво затянулся едким дымом, устремив свой взгляд к звездному небу. — Хотя есть и свои плюсы во всем этом бедламе. Раз большинство из них на вас набросилось, значит, они уже в вас верят, и верят тому, что им говорит Братство, а это значительно облегчит нам жизнь, особенно во время оплаты товара. Завтра решающий день — жребий уже брошен.

— Кстати, меня это все время интересовало. А чем они с нами расплачиваться будут? Местные деньги, понятно дело, никому не нужны, полезных ископаемых тут нет, а здешние товары у вас не купят даже в самой грязной подворотне Свободного города. Чем они заплатят в обмен за оружие? Вряд ли шкурами своих чудовищных зверей.

Томас задумчиво выпустил большой клуб дыма, не обращая внимания на ухмылку собеседника:

— Нет, конечно же, нет. Есть множество других способов, как они могут расплачиваться с Департаментом. Например, протонный генератор у меня в квартире помните? А подобного ему забытого добра здесь навалом. Резервация ведь почему называется «Мусорным городом»? Здесь одна гигантская свалка, почти нетронутая еще со времен Великого перелома. Все эти столетия тут копились горы мусора и за подобные

артефакты древности в наше время платят хорошо, особенно на черном рынке в землях Дома Каина. Так что главное, это завтра не облажаться, и все у нас будет отлично, — он хлопнул Стивена толстой ладонью, с зажатым между пальцами окурком. — Мы с хорошими деньгами домой вернемся, вот увидите.

Большая лужа грязи, пополнившаяся дефицитными окурками, наконец, осталось в полном одиночестве на пустой и темной улице. Два полуночных путника быстро скрылись за огромным каркасом ржавого вагона, делившего тротуар ровно пополам.

На противоположной стороне улицы возвышался черный силуэт древней техники, по очертаниям напоминавшей подбитый танк. Огромная боевая машина, навсегда утратившая свою былую мощь и грозную силу, теперь стала еще одной частью города-свалки. Кто-то из здешних мутантов поселился внутри этой прогнившей и заросшей мхом груды железа. Останки разодранной башни, закрытые брезентом, служили и входом, и единственным окном для последнего обитателя ржавого танка. Тот, кто находился там внутри, наверняка не слушал разговора людей, куривших всего в нескольких метрах от его убогого жилища. Но до самого рассвета, сквозь мутную пелену брезентового окна был виден крохотный огонек единственной свечи. И в ночной тишине был слышен надрывающийся голос, неустанно шепчущий одну и ту же молитву. Постоянно сбиваясь и нервно глотая воздух, он просил помощи у Бессмертного Пророка, он хотел навсегда покинуть этот ужасный и столь неблагоприятный к нему мир, полный лишений. Таинственный голос просил спасти его, забрать из этого мусорного города, вытащить из сгоревшего танка, навсегда избавив от страданий и голода. Голос постоянно шептал слова молитвы, ожидая божественной помощи. Но его никто не слышал.

Дорога назад, к Высокому дому, показалась Стиву длиннее и намного приятнее, чем тот путь, что он проделал сегодня вечером. Они практически никого не встречали на своем пути. Унылый муравейник жестяных лачуг был погружен в глубокую и сонную тишину. И только у самого подхода к Высокому дому, возле обрушившегося крана, в огромной свалке продолжали копаться двое мутантов. Они резво перебирали металлический мусор, грохоча и скрежеща ржавым железом на всю округу. Однако, завидев приближающихся к ним людей, они тут же пугливо прижались к неровным выступам железного бархана и как будто срослись с мусорным пейзажем, затаив дыхание. Также своим нескончаемым храпом сонное молчание квартала беспардонно нарушал одинокий страж, устало дремавший у входа в многоэтажную башню.

Медленно, разнося гулкое эхо от своих шагов, они поднялись на самый верх высоченного дома, главной гордости всей округи. Остановившись на лестничном пролете перед дверью своей квартиры, Томас молча пропустил вперед Стивена, вручив ему ключи.

— Мне надо позвонить Майклу, — объяснился он. — А вы идите, идите. Вам отдохнуть надо, можете даже душ принять.

Томас остался один на лестнице, в полной темноте, нашаривая под своей рясой мобильную радиостанцию. В это время Стив, повинувшись его словам, без возражения проследовал в квартиру. Уже в прихожей он долго размышлял, стоит ли ему подслушать разговор Томаса. Но когда Майкл наконец-то ответил на звонок, Стивен быстро понял, что через закрытую дверь все равно ничего не слышно. Да и остатки совести не позволяли ему этого сделать.

Не решаясь включать протонный генератор без хозяина, Стив вошел в спальню,

расталкивая темноту перед собой увесистой тростью. Нащупав постель, он присел на ее край и подумал о том, что за весь сегодняшний день, показавшийся ему невероятно длинным, он впервые оказался один, к тому же в полной темноте.

Его стареющее тело сильно ломило от дневных нагрузок. Ноги безнадежно гудели, да и руки тоже отказывались уже что-либо делать. Стив растянулся на кровати своего нового приятеля и удовлетворенно вздохнул, разминая усталые суставы и мышцы. Чернеющая пустота, царившая вокруг сковывала тело и погружала уставшего путника в томную пропасть забвения.

Короткий и практически неощутимый сон прервал раскатистый храп Томаса. Его толстое тело чернеющей массой располагалось по соседству со Стивом на их общей кровати. Не понимая, сколько уже прошло времени, он быстро пришел в себя и тайком выбрался из спальни. В кладовке приглушенно жужжал генератор, дававший жизнь слабому ночнику в коридоре. Пользуясь его светом, Стив прошел в гостиную, плотно прикрыв за собой дверь. Громогласный и пронзительный храп немного поутих.

Стивен откинулся в кресле, стараясь хотя бы немного вздремнуть. Но уснуть снова у него никак не получалось, так как храп начисто сбил прежнюю усталость. Оставив тщетные попытки снова погрузиться в сон, он направился к большому деревянному шкафу у стены, чтобы налить себе немного виски. Он беспардонно осматривал содержимое всех многочисленных ящиков и полок в квартире Томаса, заглянул во все до сих пор сокрытые от него емкости. Однако главным, что привлекло его внимание, было небольшое отверстие в заколоченном окне. Раньше Стив его не заметил, но теперь эта единственная возможность взглянуть на внешний мир очень его прельстила.

Вооружившись бокалом с виски, он медленно отодвинул деревянную задвижку, стараясь не шуметь. В эту же секунду он ощутил резкий поток дуновения ночной прохлады. Отхлебнув из бокала, он посмотрел сквозь прямоугольное окошко. Во внешнем мире Стив смог разглядеть часть улицы, расстилавшейся перед домом-башней, две большие группы жестяных хижин, большими кустами нараставших друг на друга. Позади них был слабо различим петляющий грязный тротуар и виднелось ночное небо, накрывавшее собой все это убожество. Редкие звезды и луны давали слишком мало света, чтобы рассмотреть подробности дальних районов открывшегося пейзажа. Главным видом, что можно было легко разглядеть с любого конца Мусорного города, была сияющая цитадель гидростанции, возвышавшаяся над неровным горизонтом жестяных лачуг.

Через некоторое время его внимание привлек слабо различимый силуэт человека, стоявший совсем недалеко, на краю узкого тротуара. Женщина в длинном белесом платье, издаലെка напоминавшем монашескую рясу, с взлохмаченными золотыми волосами и почти матовой кожей. Она неподвижно стояла на улице перед домом, всматриваясь в темную пустоту ночного неба. В этой странной фигуре было что-то знакомое и непостижимо далекое, как будто из прошлой жизни. Она не была мутантом и напоминала скорее обычного человека или гибрида, вроде тех, что Стив видел сегодня в храме. Постояв еще немного, босоногая женщина легкой и спокойной походкой направилась вглубь красно-черного квартала. Когда незнакомка медленно скрылась за углом одной из двухэтажных лачуг, Стивен уже несся по широким бетонным ступеням дома-башни.

Оказавшись на улице, он на некоторое время притормозил, пытаясь разглядеть возможное присутствие силуэта незнакомки. Стив напряженно вглядывался в окружавшую его темноту, борясь с внутренним страхом и раздумывая о том, стоит ли ему продолжать

этот полуночный поиск.

Но его мысли, которые мухами роились в голове, прервали отдаленные и чуть слышные звуки шагов. Они донеслись со стороны чудного переплетения ржавых труб и прочих металлических конструкций, которые плотно обнимали цистерну неизвестного происхождения. Еще через секунду, вблизи этой заброшенной подстанции вновь показался призрачный силуэт. Не прячась и не убегая от своего преследователя, худая бледная девушка молчаливо рассматривала его, застыв, как растворяющаяся в ночи статуя.

— Как вас зовут? — тихим голосом спросила незнакомка. Ее голос был чарующий и мягкий, но странная нотка грусти прослеживалась в нем.

— Стивен, — еле слышно прошептал он, глотая морозный воздух и вздрагивая от внутреннего волнения.

Этот голос и эти золотые волосы Стив знал хорошо, даже слишком хорошо. И как бы ни старался он выкинуть из памяти всю свою прошлую жизнь, но этот голос, он уже никогда больше не сможет забыть. Ее образ будет вечно преследовать его и эти грустные глаза, как в тот последний день, будут вечно смотреть на него с немой укоризной застывшей в них.

Девушка сделала несколько шагов к нему навстречу. Сквозь полупрозрачную тонкую шаль, в которую она была закутана, проглядывался жуткий сизый шрам, рассекавший ее хрупкое тело. Самая широкая часть этой страшной раны приходилась на ее бледный вздутый живот, говоривший о поздних сроках беременности. Девушка на ходу обнимала его руками, иногда поглаживая вдоль линии шрама.

— Это имя мне кажется знакомым, когда-то давно я его слышала, — вновь заговорила девушка. В ее голосе прозвучала задумчивость, как будто она пыталась воссоздать в памяти что-то из своего прошлого. — Но сейчас я не даже не могу вспомнить, где именно слышала это имя, и кому оно принадлежало, — она картинно прижала бледную ладонь к своему лбу, на который спадал локон золотых волос. — Я ничего теперь не помню, ничего из своего прошлого, я даже своего имени не могу точно назвать.

— Алиса, тебя звали Алиса, — дрожащими губами выдавил из себя Стив, с трудом подбирая слова, которые комом застревают у него в горле.

— А моего малыша, как звали его? — тут же переспросила девушка, поглаживая шрам на своем животе.

— Его, мы никак его еще не назвали, мы даже не знали, кем он будет... мальчиком или девочкой, — тяжело подбирая слова и давясь подступившими слезами, проговорил он.

Алиса вновь провела рукой по огромному шраму на ее животе:

— Хотя это уже и не важно, главное, что он по-прежнему со мной. Ты знаешь, я все время разговариваю с ним, а он мне отвечает. Я чувствую, как он реагирует на мои прикосновения, чувствую биение его сердца, движение его крохотных ножек во мне, — она грустно улыбнулась. — Но он все никак не может родиться, не знаю почему... А хочешь, ты тоже можешь его послушать, — она протянула руку, приглашая Стивена подойти к ней.

Слезы тонкими струйками стекали по его морщинистым щекам. Ему очень хотелось верить, что это всего лишь очередной ночной кошмар. Но одновременно с этим, он хотел бы поверить, что кошмаром были все предыдущие месяцы его жизни. Стив закрыл глаза, в надежде наконец-то проснуться в том мире, где все произошедшее было лишь глупым страшным сном. Где он не был дряхлым стариком, скитавшимся среди убогих лачуг, и перед ним не стоял призрак убитой девушки, ведь она была по-прежнему жива. Он очень хотел проснуться.

Холодная как лед ладонь Алисы еле коснулась его сухой старческой руки.

— Послушай, он и тебе ответит, надо только немного подождать, — почти шепотом проговорил призрак.

Вытирая слезы свободной рукой, Стив положил свою ладонь на ледяной живот, навсегда изуродованный жутким шрамом. Под мраморной кожей почувствовалось слабое движение и легкий толчок. От неожиданности он даже одернул свою руку, испуганно заглянув в глаза Алисы.

— Зачем вы преследуете меня, что вам от меня нужно, что вы хотите? — будто в самый страшный час своей жизни, он вопрошал последнего объяснения у своего судьи и палача. — Я не хотел, я раскаиваюсь в том, что сделал, я проклиная себя за это, оставьте меня уже в покое.

— Нет, — удивленно прошептала она, — нет, мы не преследуем вас, мы просто заблудились здесь. К сожалению, я не знаю дорогу обратно и поэтому не могу вернуться к себе домой. Я не узнаю здешних улиц. А еще здесь очень темно, здесь теперь всегда темно, я ни разу еще не видела солнца. Вы не можете мне разобраться, я не могу понять, куда мне идти?

— Оставьте меня в покое, это была случайность, я и так мучаюсь из-за вас каждый день. Посмотри! Посмотри, что они со мной сделали, во что они меня превратили, — сквозь слезы Стивен перешел на истеричный крик.

— А что ты сделал с нами? — холодно спросила Алиса.

Вместо грусти и отчаяния, в ее голосе читалась только боль и злоба бессилия. Она равнодушно смотрела на него своими ледяными глазами, как палач смотрит на молящего о прощении преступника.

— Ты трус, — вновь бросила она. Лицо призрака окаменело, оно стало чудовищным и жестоким. — Твой страх сделал это со мной. Твой страх убил нашего ребенка, который навсегда останется внутри меня. Из-за твоего страха все время будут умирать люди. Ты жалкий трус...

Ребенок в ее животе внезапно пришел в движение. Сквозь тонкую матовую кожу отчетливо были видны силуэты двух крохотных ладоней, которыми он упирался в стенки вспухшего живота. Над парой маленьких ладошек показалось его голова, своим лицом он прижался к коже изнутри, как в главную преграду, отделяющую его от мира живых.

— Опять началось, — сжимая зубы от боли, проговорила женщина, — он опять пытается выбраться из меня.

По ее голым ногам заструились рыжие водяные струи. Алиса сжимала свой живот обеими руками, стараясь удержать в нем ребенка. Она попыталась закричать, но из сдавленного рта раздался только мерзкий металлический скрежет, больно ударивший по ушам Стивена. Он рефлекторно обхватил голову руками, стараясь спастись от этого жуткого звука. Еще мгновение, и призрачный образ девушки, покрывшись черной рябью, растаял в черноте ужасной ночи.

Стив по-прежнему стоял один в темноте, посреди пустой грязной улицы, окруженной двухэтажными лачугами. Первое, о чем он подумал, была его трость, которую он опрометчиво оставил в квартире Томаса. Эта мысль пришла вместе с болью и невероятной слабостью в коленях, которая подкашивала его старческие ноги. Не выдержав собственного веса, он медленно повалился набок, стараясь смягчить падение выставленными вперед руками.

Он обессилено лежал на сыром и грязном асфальте, не находя в себе сил, чтобы подняться с него. Стив лишь сумел перевернуться на спину, постанывая от поразившей все тело резкой боли. Лежа на спине, он смог увидеть ночное небо и редкие крошечные звезды, окружавшие две далеких холодных луны.

Самое ужасное, что это не было сном. Наяву или в состоянии бреда, но Стив действительно говорил с Алисой. Во всяком случае, так ему показалось. Часом позже, он грязный и дико уставший вернулся, наконец, в дом к Томасу. Добравшись до дивана в гостиной, он в беспомощности рухнул на него и уснул.

Проснувшись с тяжелой головой и болью в суставах, Стив жалобно простонал.

— Вам плохо? — тут же подскочил к нему Том, прибежавший на его стоны, со стаканом жидкого лекарства. — Вы уходили вчера из дома, ведь так? Знаете, это было очень опрометчивым решением. Нам еще крупно повезло, что с вами ничего не случилось в эту ночь. Зачем вы вообще туда направились?

— Я хотел, — Стив на мгновение задумался над правильным ответом, — мне показалось кое-что, на улице.

— «Кое-что», это что? — с тенью злой иронии переспросил Томас. Он приподнял голову Стивена, насильно вливая в него белесую и горькую жидкость. — Своими галлюцинациями вы можете подвергнуть себя опасности, а это поставит под угрозу все наше дело. Вы этого хотите, Стивен? Через шесть часов нам надо уже выдвигаться, а вы сейчас даже подняться с постели не в состоянии, не говоря уже о вашей способности к публичным выступлениям. Ваша будущая речь ведь уже практически сорвана! Как можно так пренебрежительно относиться к нашей многоходовой партии, это же форменное наплевательство.

Томас крайне недоволено ворчал, отправившись сооружать на кухне завтрак для проснувшегося Стива. Он нервничал, несвязанно бубнил себе что-то под нос, постоянно роняя столовые приборы и сильно громя посудой.

Стивен тяжело поднялся с дивана, массируя сухими пальцами свои пульсирующие виски. Голова болела, и ватные ноги напрочь отказывались передвигаться. Но он все же заставил себя направиться в ванную, чтобы умыться.

За завтраком рассерженный Томас наконец спросил:

— Вы действительно готовы сегодня к прочтению речи?

— Да, конечно, — успокоил его Стив, собрав в кулак все имеющиеся запасы сил, чтобы создать впечатление бодрости, допивая чай из кружки, — я уже в полном порядке. Вы уж простите меня за вчерашнее недоразумение, мне очень неудобно. Честно сказать у меня бывают такие, ну знаете, видения. Врачи говорят, что это может быть последствием проведенной «процедуры».

— У вас видения здесь начались, — серьезно и даже задумчиво протянул Томас. — Это вполне возможно, многое может привидеться в этом отвратительном и мрачном месте. Знаете, Мусорный город настоящий кладезь страшных историй, в которые здесь верит каждый житель, от ребенка до главарей банд. А вы сами-то верите в приведения?

Стивен даже выронил вилку от такого вопроса.

— Нет, конечно же, — ошарашено ответил он, — это все глупости и детские сказки. А к чему вы спрашиваете?

— Да так, просто из любопытства. Что думают люди, когда сталкиваются с чем-то

подобным...

— Томас, неужели вы хотите сказать, что от совместного проживания с этими дикарями, сами начали верить в глупые галлюцинации и призраков?

— Я?! — удивился толстяк. — Я не просто в них верю, я их даже много раз видел. Знаете, за то время, что я живу в Крысятнике, я тут всякое повидал. — Он округлил глаза, упершись ими в лицо собеседнику. — Самые страшные вещи происходят на западных границах резервации, у самой пустоши. Это ведь настоящее кладбище. В этом проклятом месте постоянно присутствует смерть, в каждой подворотне, за каждой жестяной лачугой, в подвалах развалин домов. Ночами, я много раз видел призраков мертвых мутантов или убитых солдат со времен войны, даже мертвых зверей, которые бродят среди незаселенных руин на краю пустошей. В тех местах никто из местных никогда не пытался остаться жить, даже головорезы и каннибалы из местных банд стараются никогда не ходить туда ночами. А один раз, я видел как там, возле какого-то здания, уже и не помню, бродило жуткое существо, настоящий монстр.

— В смысле животное? — переспросил Стивен. — Вы видели какого-то зверя? Может быть, это был дикий гуран? Я слышал, что они забредают на окраины поселений людей, в пустынных землях...

— Какой гуран, о чем вы? — Том оскорбился неверием в его рассказ. — Я что, по-вашему, не смогу гурана или пустынного зверя распознать? Это был настоящий монстр: огромная тварь, в два или три человеческих роста, вся бледная как смерть. Это существо передвигалась на нескольких конечностях, кажется, их было шесть, причем двигалось оно совершенно бесшумно. Я чуть не умер со страху. Местные жители рассказывали мне, что раз в несколько лет подобные монстры приходят из пустынных земель, и бывало, они даже пожирали заблудившихся на окраинах мутантов.

— Вы считаете, что в пустошах обитают монстры? — ухмыльнулся Стивен, стараясь разбавить суеверные страхи своего собеседника. — На мой взгляд, кроме еретиков ушедших туда, там нет никаких других чудовищ.

— Вы зря смеетесь над этим, — тяжело вздохнул Толстяк, — после того что мне довелось видеть и слышать, я уже не верю в существование недобитых останков армии отступников. Если они ушли в западные пустоши тридцать лет назад, то уже давно там и сгинули. Отвратительное существо, которое мне довелось увидеть, было реальным, и оно действительно приходит из западных земель. Только одному Пророку известно, какие еще ужасные твари обитают в глубинах этих проклятых пустошей.

Повисла гнетущая пауза. Стив сосредоточенно вертел в пальцах банку армейских консервов, прокручивая в голове образы вчерашнего происшествия. Толстяк также поник, предавшись воспоминаниям о встреченном им существе на окраине резервации.

— Хватит о всяких глупостях рассуждать, — оживленно сказал Томас, стараясь вернуть их разговор на более важную тему. — Не будем болтать про всякие видения. Нам делами нужно заниматься, только это сейчас имеет значение. Впереди еще очень много работы.

— А вы полагаете, что у нас здесь будут и дальше дела? — натянуто улыбнулся Стив. Ему все еще было плохо, и улыбаться он мог только с большим усилием воли. — Сегодня мы получаем оплату за товар, и на ближайшем поезде отправляемся в Свободный город. Ваша ужасная ссылка здесь будет окончена, разве не здорово? Кстати, Томас, а когда ближайший рейс городского поезда?

— Все не так просто, — Том говорил очень быстро, подбирая слова на ходу. Он явно

старался смягчить возможную реакцию Стива, поэтому начал издали. — Наши планы немного меняются... честно, я не думал, что так получится. И дело в том, что вам придется остаться здесь немного дольше.

Стив еще не успел понять, к чему клонит толстяк, и продолжал улыбаться.

— Сегодня они оплатят первую поставку оружия, а их товар придет только через три дня. Понимаете? Так что вам придется все это время оставаться среди них, ну, так сказать, для гарантии.

— Но мне об этом ничего не говорили, — не веря услышанному, попытался уточнить Стив. — Я не намеревался здесь пробыть больше пары дней. Это вам Майкл вчера сказал?

— Мне жаль, Стивен, — помрачнев, продолжал свои извинения Томас, — но это было обговорено давно, еще до вашего приезда сюда. А вы не задумывались, зачем вы были нужны Майклу? Зачем вас вообще послали сюда?

— Чтобы сыграть роль этого Десетиса, во время переговоров, — наивно брякнул Стив. Он уже начал ощущать приближение всплывших «подводных камней» в их договоре, и где-то в груди сдали неизвестные нервы, перекрыв его дыхание.

— Не только ради этого. Понимаете, разница между оплатой и доставкой товара составляет три дня, и мутанты платят вперед, — Том старался говорить сдержанно, но его руки при этом начали нервно трястись. Видимо, говорить правду для него было не так уж просто. — Для того чтобы быть уверенными, что их не обманут мутанты все время требовали заложника. Пока Департамент продавал им выпивку или наркотики, этим заложником был я. Такой расклад устраивал и тех, и других. Но теперь все изменилось. Ситуация другая, за оружие они платят очень много, и гарантии им нужны совершенно другие. А этот маньяк, Антаро, затребовал себе вице-президента, второго человека в Департаменте. Немыслимо конечно, это же форменный бред. Но отказать ему, было равносильно смерти для меня. Естественно Майкл тоже не мог на это пойти, и ему потребовался кто-то «подсадной», кого можно было бы отдать в заложники Братству вместо реального Десетиса.

— Что значит отдать?! Но если что-то пойдет не так, — побледнев от страха, спросил Стив, — если сделка сорвется... Они же убьют меня!

— Мне жаль, Стивен. Правда, мне очень жаль, но вам придется здесь остаться. Но это временно, уверяю вас...

— Ничего себе временно, — внезапно взорвался он, — этими словами вы не отделаетесь. Я не подписывался на затворничество в этой дыре. Разговор шел о трех днях поездки, а не о том, чтобы быть заложником у этого головореза.

— Но вы можете жить здесь, — Томас пытался его успокоить, приподнявшись и слегка выставив вперед руки, чтобы сдерживать разгоряченного собеседника, — в квартире все есть необходимое для комфортного проживания, тут все обустроено. В конце концов, я же пробыл здесь четыре месяца, так и вы выдержите. Я могу вам гарантировать, что...

— Ах, вот как? Значит, теперь я вместо вас должен гнить в этой дыре. Ну, уж нет, — Стив перешел на срывающийся крик, — я сам с ним поговорю. Где ваша рация? Четыре месяца, мать вашу, я не собираюсь здесь столько прозябать.

Стив выскочил из-за стола и попытался оттолкнуть Томаса, преграждавшего ему путь. Но тут же получил сильнейший удар в солнечное сплетение. Толстяк оказался не так прост, как казался на первый взгляд. На мгновение у Стива остановилось дыхание и он начал оседать, стараясь рукой нащупать под собой стул.

— Вот я так и знал, ведь знал, что нельзя со всеми быть слишком хорошим, — озлобленно прорычал Томас. — Тебе ведь сказали, остаешься здесь. Что тут неясного? Даже квартиру свою тебе, подонку, оставляю со всеми удобствами. Ты знаешь, скольких трудов мне стоило ее привести в такое состояние? Сколько я заплатил, чтобы притащить сюда всю эту мебель, еду, технику, провел водопровод. Один генератор чего стоил...

Стив ничего не ответил. Он с трудом отполз назад на свой стул, тяжело дыша и медленно приходя в сознание. Ничего подобного он не ожидал от этого дружелюбного и улыбчивого толстяка, хотя и знал его всего лишь пару дней. Он только озлобленно молчал, чувствуя свое старческое бессилие, и выжидал удачного момента, чтобы нанести ответный удар.

— Тебе первый раз в жизни пришлось сыграть по-крупному, и ты тут же обоссался, — гневно закричал на него Томас, стараясь как можно сильнее принизить его своими словами. — А я доверил тебе свою жизнь, выложил все свои карты тебе на стол. Нет, нельзя было быть таким хорошим. Я даже и не думал, что человек, укокошивший собственную бабу и ребенка, распотрошивший их на части, может быть таким трусливым дерьмом.

— Это была случайность, — огрызнулся Стив, пытаясь защитить себя, — я хотел только вынуть ребенка, я не думал...

— Случайность, — всплеснул руками толстяк. — У меня тоже было все случайно, я вообще не должен был здесь оказаться. Ты убийца и преступник, — ткнул он в съездившегося на стуле Стива своим толстым указательным пальцем, — а я нет. Я никого не убивал, я только говорил то, что мне велели, и никуда не хотел влезать. Но я оказался здесь, в этих проклятых руинах, по уши в дерьме, среди этих убудочных мутантов.

Томас кричал, постоянно переходя на визг, и нервно сотрясал руками. На его широком толстокожем лице проступили крупные капли пота, а лоснящиеся складки на животе вздрагивали при каждом движении.

— И вот теперь, когда у меня появился реальный шанс выбраться отсюда, какой-то обоссавшийся от страха сопляк рушит все мои планы.

— Я не хочу в этом участвовать, — вновь огрызнулся Стив.

— А я не хочу здесь сгнить заживо, — Томас задыхался от крика. Он подскочил к съездившемуся и испуганному Стивену, схватив его за горло своей толстой пятерней. Том стал трясти его голову, постоянно выкрикивая оскорбления. — Нет, ты будешь! Ты, гад, будешь в этом участвовать. И более того, ты сам призовешь этих уродов сегодня вечером. Ты сам подпишешь им смертный приговор.

Стив долго не хотел признаваться себе в этом. Он до последнего отказывался верить собственным догадкам, которые теперь оказались страшной реальностью. Толстяк отпустил его горло и отошел на два шага, утирая пот со своего широкого лица.

— Ты что, и вправду не понимал, зачем ты здесь нужен? — Томас покраснел от гнева, его обвисшие щеки постоянно колыхались во время крика. — Ты дурак, ты действительно думал, что они будут расплачиваться каким-то барахлом?! Эти мутанты, эти отвратительные недоразвитые уроды, вот что нужно было Департаменту. Своими собственными людьми Братство расплачивается за поставки оружия.

— Но зачем, — Стив действительно отказывался в это верить, — зачем вам нужны эти несчастные?

— Лекарства, — толстяк сделал небольшую паузу, подбирая у себя в голове необходимые слова, — медиаторы, генетические модули, усилители и прочее медицинское

дерьмо. Для производства всех этих вещей нужны мутанты. Ты разве никогда не задумывался, откуда ученые берут сырье для производства все этих препаратов? Откуда столько донорских биоматериалов в распоряжении Гильдия Евгеники? Их ученые перерабатывает тела мутантов, из них они получают все новейшие модификации и препараты. Эти уродливые, никчемные создания. Их тела адаптировались к окружающей нас среде: они пьют отравленную воду, едят мясо своих уродливых зверей, живут при сильном излучении, а их органы подходят для пересадки любому человеку. Их мерзкие, уродливые органы, они меняются под тело того, кому их пересадили. Гильдия напихала куски мутантов в половину всех людей в известном мире. Ученые постоянно разбирают их на запчасти и им очень нужно новое сырье. За это сырье они готовы заплатить нам деньги, реально большие деньги. Я готовил эту сделку четыре месяца, она — это мой единственный билет на возвращение в город. А ты, гаденыш, ты хочешь мне все это сорвать?

Томас начал понемногу успокаиваться. Он увидел бессилие Стива в облике старика и уже перестал на него кричать. В его взгляде читалось только озлобленное презрение. Он вытащил из-за пояса мобильную рацию и демонстративно швырнул ее на стол.

— Если ты думаешь, что сможешь выйти из игры, пожалуйста. Звони Майклу, звони куда хочешь, хоть в сам департамент. Но запомни: ты всего лишь шестерка в их колоде, а не джокер, как думал ранее. За срыв операции они обязательно убьют меня, но и тебя не оставят в живых. Ни Антаро, ни Департамент, никто другой во всем известном мире никогда не будут считаться с нашими жизнями. Мы расходный материал, пешки в их партии. Мы для них такие же мутанты, как те уроды, которых сегодня пустят на мясо.

С этими словами он спокойно ушел в другой конец гостиной, оставив притихшего и подавленного Стива одного. Тот ничего не сказал, не схватил рацию со стола, не кинул в след кухонным ножом, даже не попытался бежать.

Обиженно съездившись на стуле, Стив натирал своими морщинистыми руками зудевшие суставы. Он мысленно прокручивал в голове только что услышанное откровение толстого и озлобленного на весь мир человека. Вместе с тем, он вспоминал и о своем ночном происшествии, все отчетливее понимая: ему уже никогда не искупить своих прежних грехов. Эта убогая, глупая жизнь, которую он попытался начать заново, всего за несколько дней вновь завела его в тупик. Он оказался по горло в самом отвратительном и мерзком дерьме, из которого даже не представлял, как можно выбраться. А самое страшное во всей этой истории, что человеческая грязь и подлость, в которые Стивен погрузился по самые уши, начали сильнее затягивать его утаскивая на самое дно.

Так или иначе, но все тропы или дороги, которые шли по северным окраинам резервации, однажды приводили своих путников на широкую пустынную площадь, обрамленную с двух сторон огромными осколками недостроенной стены. Место, которое называлось «северный проход», действительно напоминало гигантский каменный коридор, выстроенный посреди асфальтовой пустыни, отделявший безжизненные и дикие западные земли от перенаселенного мутантами Мусорного города. В центре испещренной рытвинами площади возвышался огромный черный силуэт автопоезда. Широкие железные вагоны, установленные на шасси тяжелых грузовиков, срастались вместе в длинную цепь, черным полукругом окружавшую несколько сотен галдящих мутантов. На борту головного тягача автопоезда красовалась трехгранная эмблема Трибунала, неровно нарисованная черной краской, из-за чего с нее стекали тонкие струйки разводов.

Радостное волнение переполняло уродливые тела мутантов, постоянно вырываясь из них в виде хвалебных молитв и песнопений. Закутанные в стандартные красно-черные мантии братства, они стояли, затаив дыхание, с горящими от радости глазами, в мистическом ожидании великого и прекрасного исхода в новую жизнь.

Большую часть собравшихся мьютов и гибридов в этот неурочный час составляли женщины и дети. Некоторые из матерей принесли с собой даже грудных младенцев. Все они восторженно смотрели на железное чудовище, гигантским червем обвивавшее их маленький народец. Но они видели в нем лишь дорогу к своей новой, светлой жизни. Эти обреченные даже с трудом представляли себе ту далекую и прекрасную жизнь под сенью Трибунала, которую им обещали их безумные проповедники. Большинство из них даже и не задумывалось о том, почему же «нормальные люди» вдруг захотели обустроить убогую жизнь мутантов. Но они знали только одно, что все они избранные и сегодня покинут Мусорный город, раз и навсегда освободятся от своей прежней отвратительной жизни.

Однако несколько мутантов и пара людей, из числа собравшихся здесь знали жуткую правду. Она заключалась в том, что впереди этих несчастных ждало долгое и выматывающее путешествие в южные земли на границе с Домом Каина, где в руинах заброшенного поселения уже был создан временный лагерь ученых из Гильдии Евгеники.

Стивен говорил отрывисто, постоянно спотыкаясь и путаясь в словах. Его текст, который так старательно готовили несколько часов чиновники Департамента, совершенно вылетел у него из головы. Он нес полнейшую ахинею и постоянно оглядывался на мрачного вожака мутантов, стоявшего у головы грузового состава, и окруженного десятком стражников.

Пока он ехал сюда, то постоянно думал и представлял себе в картинках, как в последний момент выйдет к этим несчастным и расскажет им страшную правду об их будущем, о лживом лидере их секты и о том чудовищном обмане, в котором ему пришлось участвовать. Этими словами он спасет их, пусть даже ценой собственной жизни, но спасет. Его они послушают, ведь ложь Антаро сыграет с ним злую шутку и люди будут больше доверять пришлому старику, который выдал себя за прелата, чем своему жестокому вождю.

Однако представлять это оказалось намного проще, чем сделать в реальности. И вот теперь он несет свою жуткую ахинею, которую никто не рискнет назвать проповедью. Но его все равно никто не слушает, и не обращает на него внимания, в том числе Томас, который постоянно о чем-то беседует с безглазым стариком в ближайшем окружении Антаро. Даже сотни мутантов, которые счастливо идут на собственную смерть, сейчас озабочены совсем другим. Они неустанно молятся и воспевают хвалу Бессмертному Пророку.

Железная утроба чудовищного червя все быстрее и быстрее наполняется радостными мьютами. Стражники, как скот загоняющие туда людей, заняты своей примитивной и жестокой работой. Антаро и Томас стоят поблизости, под защитой десятка вооруженных стражников. Они одинаково безучастно и холодно наблюдают за этой безумной процессией, при этом каждый думает о своей собственной выгоде и планах на будущее.

И только Стивен, постоянно путающий глупые слова, стоит отдельно от остальных, как будто он пришел в это место совершенно один. Он стоит на склоне заваленного мусором и поросшего желтой травой холма, стоит потерянный, испуганный и бессмысленно перебирает свои воспоминания. Равнодушно разглядывая радостные и смеющиеся уродливые лица, он постоянно вычленяет среди них взглядом наиболее омерзительные, чтобы совесть

меньше его мучила. Во всяком случае, он думает, что это поможет и продолжает нести свой никому ненужный бред.

Он все отчетливее ощущает, как с каждой минутой погружается на дно человеческой подлости. Он низкий и раздавленный трус, как и говорил ему прошлой ночью призрак Алисы. Из-за его трусости вновь начинают умирать невинные люди, а к пересохшему горлу подступает тошнота.

История пятая. «Война»

— Это они там еще далеко, — со знанием дела отметил Грегори, бывалый солдат, убеленный сединами. — Уже третью ночь тут сидим, а они даже на метр не продвинулись.

Он уверенно пробежался взглядом по светлой линии костров, полыхавших вдалеке, на расстоянии не более трехсот шагов от их позиций. Затем, старчески побряхтывая после тяжелого выматывающего дня, он устало расположился на своем прежнем месте, усевшись поближе к огню. Облокотившись спиной о широкий бруствер из бетонных плит, старик облегченно вытянул ноги. Поношенный механический протез, выполнявший функцию левой ноги, был столь же старым, как и его хозяин, и облачен в пластиковый грубый корпус цвета человеческой кожи. Скрежеща износившимися шарнирами, которые наверняка уже давно не проходили должного обслуживания, его левая механическая нога медленно распрямилась по направлению к огню. Обувь на протезе не было за ненадобностью, а штанину он всегда подворачивал до колена. По его мнению, она мешала механическому суставу сгибаться.

Грегори Вильсон был невысоким, но крепким для своих лет стариком, с широким и лысым лбом обрамленным щетиной седых волос. Он был одет в истрепанную темно-синюю униформу городской гвардии, которую раздали всем участникам их отряда перед направлением в резервацию. Старик долго и старательно закутывался во всевозможные обрывки одежд, служившие его главной лежанкой возле костра. Через несколько секунд упорных стараний он превратился в настоящую разномастную кочку заплаток и лохмотьев, напоминавшую огромный ворох драного белья.

— Мы раньше тоже так делали, во время боев за Мраморный лес, — начал свое неспешное повествование Грегори. — Против нас бригада еретиков воевала, пять тысяч штыков. Так мы как поступали: для большего страха разжигали костры ночью, по три штуки на каждого нашего солдата, ну чтобы видимость создать, что нас больше чем есть на самом деле. Затем прожектора включали, и двигатели у танков заводили посреди ночи — тоже создавали видимость угрозы. Нас в два раза меньше было и ничего, наш трюк исправно работал. Еретики так на нас и не решились нападать, целых шесть дней мы так протянули. А за то время к нам еще полк подкрепления подошел, так и удержались, — он глубоко вздохнул, предавшись воспоминаниям о былой войне. — А вообще-то нам здесь повезло, — негромко протянул он, — эти уроды и воевать не умеют и ночью любят поспать. Так что можно спокойно отходить ко сну и ни о чем не думать, до утра они нас точно не потревожат. Вот если бы тут еретики были, то другое дело, нас с такой жидкой обороной уже давно бы в реку опрокинули.

Рассел не был так самонадеян и на всякий случай подтащил свой автомат поближе. Он старался не попадать в оранжевый круг света, растекавшийся от переносной горелки, но и постоянно прятаться в тени бруствера у него не получалось. Ночь выдалась очень холодная, и часто приходилось подползать поближе к костру, каждый раз рискуя быть замеченным врагами.

Если не смотреть на все творившееся в округе, то двое бродяг, греющиеся у слабого огня, выглядели вполне мирно. Обычные странники пустошей, устроившие стоянку на окраине заброшенного поселка, настоящий кемпинг. Тишина ночи, отдаленное журчание многокилометровой реки, излучена которой находилась от них всего в восьмистах шагах к

югу. Тонкий свист и ворчание неизвестных ночных животных, доносившееся с дальних окраин района. И над всем этим буйством ночной жизни — десятки звезд, разбросанные по черной глади небосвода чьей-то заботливой рукой и две луны, необыкновенно большие и яркие для срединных месяцев осени.

Вечер был на самом деле сносным, если не считать жуткого холода и затаившихся где-то поблизости врагов. Но Рассел не обращал на это никакого внимания, его одолевали совсем другие мысли, от которых он никак не мог избавиться.

Он постоянно прокручивал в голове разные варианты того, как могла бы сложиться его судьба, если бы в поворотных событиях жизни, он принимал бы иные решения. Подобные мысли он прокручивал в голове почти каждую ночь, отходя ко сну. Как бы сложилась его теперешняя жизнь, если бы все было по-другому: если бы он не начал сотрудничать с полицией, если бы не согласился на предложение Хайдера, если бы не стал предавать Кайнера или если бы Кайнер не предал его... «А что, если бы я вообще не родился?» — тут же промелькнул у него в голове самый печальный вариант, решительно поставивший крест на всех прежних размышлениях.

После той ужасной бойни, которая развернулась среди руин портового района, весь город стоял на ушах несколько недель. Повсюду рыскала полиция и гвардейцы, людей арестовывали прямо на улице, хватая каждого, кто хоть немного казался подозрительным или ранее попадал в поле зрения правоохранительных органов. Повсюду начались ужасные облавы. По всем новостям гремели репортажи об увольнении высоких чиновников и борьбе с коррупцией в высших кабинетах Патрициата. А параллельно со всем этим, в своей маленькой комнатухе в рабочем квартале, трясся в испуге и ожидании скорого ареста маленький человек, который однажды решил поиграть в двойного шпиона с полицией и преступным синдикатом.

Рассел каждый вечер засыпал с надеждой, что его фото и данные еще не облетели всю сеть с пометкой «в розыске» и практически не выходил из дома. Фиктивный перевод на несуществующую должность в Департамент биологического контроля, помог ему избавиться от всех старых контактов и на некоторое время залечь на дно. В итоге, устав каждый раз прислушиваться к полуночным шагам на лестничной клетке, он не нашел ничего более умного, чем сбежать из Свободного города насовсем.

Подобная возможность пришла со стороны его новых фиктивных работодателей из Департамента, где Рассел и дня не проработал. Оказалось что его досье, как внештатного сотрудника полиции, все же хранилось в архивах службы безопасности Департамента. Рассел был уверен, что его реальное положение в структуре полиции, а также истинные цели оперативного задания, которым он занимался на службе у Хайдера, в Департаменте все равно не знали. Тем более что единственные осведомленные об этом люди, уже ничего не могли рассказать. Сразу после увольнения сам Хайдер загремел в кому, вызванную внезапным сердечным приступом, а Сэм Фишер, согласно официальным отчетам, героически погиб во время выполнения боевой задачи.

Однако к концу второго месяца, на скрывающегося от людей Рассела вышел сотрудник Департамент биологического контроля, который знал некоторые подробности его шпионского прошлого. Этот молодой человек, который назвался Майклом Томсоном, предложил Расселу ввязаться в новую авантюру, пообещав пятнадцать тысяч крон за участие в ней. Такая большая сумма, вместе с возможностью скрыться на время от глаз полиции, заставили Рассела позабыть о прежней осторожности и страхе перед разоблачением.

Как бы то ни было, но в своих мыслях Рассел не хотел признавать даже самому себе, что он просто так, из-за беспочвенного страха и глупых слухов, как последний дурак бросился в бега. Да к тому же он не нашел более удачного места для того чтобы спрятаться от полиции, чем эта отвратительная резервация, в десятках километров от Свободного города.

Думать над столь неприятными вещами в этот тихий вечер Расселу не хотелось, и он решил поддержать разговор со своим единственным собеседником.

— А если они сейчас в атаку пойдут? — наконец спросил он старика.

— Да не пойдут, — уверенно успокаивал его бывалый солдат, — они ночью не воюют. Ты ведь и вчера гоношился, все уснуть не мог. А что в итоге? Только под утро какой-то мьют пострелял пару раз в воздух, и тишина. Лучше ложись спать и не переживай понапрасну.

Старик ласково похлопал по прикладу станкового пулемета, стоящего возле него:

— А даже если и полезут, то вот эта машинка нам поможет. Никто из мутантов от нее живым не уйдет.

Грегори Вильсон был настоящим кладезем историй и забавных происшествий, которые он без конца рассказывал всякий раз, как выдавалась свободная минутка. Старик Вильсон был ветераном войны Великих домов, случившейся тридцать лет назад и выпавшей на период его молодости. Следствием проведенных на фронте сорока шести дней, которые в его рассказах приобретали поистине эпические масштабы, в жизни Грегори добавились: механическая нога с заедающими шарнирами, мизерное социальное пособие ветерана, мало чем отличающееся от милостыни городскому нищему и полное одиночество. В подробности последнего старик никогда не любил углубляться. Он просто коротко пояснил, что в личной жизни ему всегда не везло, и даже статус «участника войны» по молодости лет ему никак не помогал в этом вопросе. Ну, а с годами этот героический статус превратился в обыкновенную обузу, за которую он лишь получил грязную комнатуху в красном квартале Свободного города, бывшего в те времена еще «первой зоной депортации».

Сказать по правде, этот неунывающий, но побитый жизнью старикан даже сам для себя не мог четко сформулировать причины, которые заставили его отправиться в Мусорный город, воевать в далеком и чужом конфликте. Возможно он хотел еще раз испытать те невероятные события, которые считал главными в своей жизни и которые ассоциировались у него с молодостью, а возможно старина Грегори просто устал жить в одиночестве. Рассел же, напротив, прекрасно осознавал свои причины бегства в резервацию. Для него это был нелегкий выбор между вероятной отправкой под суд или не бесплатной отправкой на чужую войну, где он выбрал второе, казавшееся ему наименьшим злом.

Как это ни прискорбно, но при всем этом Рассел также прекрасно сознавал, почему он оказался вместе с Грегори в одной «команде». На весь отряд наемников, прибывших для участия во внутреннем конфликте мутантов, только они двое были, пожалуй, самые ненужные и никчемные вояки. Старый ветеран, чей боевой опыт был уже никому не интересен кроме него самого и помочь остальным он мог разве что советом, и беглый шпион-неудачник, всего несколько раз в жизни державший в руках оружие.

Командир их отряда, рослый бритоголовый наемник по имени Рик, с обожженной щекой, решил поставить самых бесполезных солдат на максимально незначительном рубеже, в отдалении от основной группы солдат. Руководствовался ли он чувством гуманизма, что вряд ли, или просто тактическим расчетом, Рассел, конечно, не знал. Но его успокаивал и сам факт того, что кроме вялых перестрелок с соседями, скрывавшимися в руинах домов за квартал отсюда, никаких серьезных боев на его голову не выпадало.

Рассел и старик Вильсон, прячущиеся за широким бетонным бруствером, гордо назывались «четвертой огневой точкой», главную ценность которой представлял изношенный станковый пулемет, ровесник Грегори. Их задачей было держать небольшую мусорную горку, на левом фланге обороны «водозабора» и не допускать прорыва разведывательных групп противника на вверенном им участке.

Куски железобетонных плит, ржавые останки каких-то машин, жестяные бочки и прочий хлам, все нашло у них свое применение в хозяйстве. Весь доступный на округе хлам они собрали для возведения баррикады вокруг своей огневой точки на вершине невысокого холма. Эти двое проводили уже вторую ночь подряд, в центре своего импровизированного укрепления, наспех выстроенного посреди прочих мусорных завалов, в опустевшем квартале Мусорного города.

Врагами Рассела и Вильсона в этой странной никем необъявленной войне были мутанты из воинственной секты Братство Аэрона, которая пользовалась поддержкой примерно половины жителей резервации мутантов. Неплохо вооруженные по здешним меркам боевики, прикрывавшиеся именем Бессмертного Пророка и невнятными связями с руководством Трибунала, завоевывали один квартал резервации за другим. Мелкие банды и кланы наиболее агрессивно настроенных мьютов и гибридов влились в ряды Братства, чтобы избежать кровавой расправы или из желания учинить подобную расправу над другими. Но между тем не меньше половины жителей Мусорного города поддерживали в этом конфликте Совет Старейшин, другую столь же сильную фракцию вооруженных мутантов, которая до недавнего времени казалась главной силой и единственной властью в резервации.

Каждая из противоборствующих сторон поочередно пыталась заручиться поддержкой местного гарнизона Гвардейцев, которые обороняли многокилометровые стены, возведенные по восточной и северной границам резервации. Эти попытки втянуть в вооруженный конфликт профессиональных солдат, оказались безуспешными для обеих враждебных фракций.

То ли по личному решению командующего стражей резервации, то ли по приказу, исходившему от самого Патрициата, но гвардейцы не вмешивались во внутренние распри мутантов. Они лишь продолжали выполнять свою главную задачу — охрану границ резервации. А их участие в войне мутантов ограничивалось лишь вялым отстрелом каждого, кто пытался подойти слишком близко к стенам «Крысятника», как они уничижительно называли это место. Под огнем гвардейцев погибал любой мьют или гибрид, независимо от цвета его униформы и занимаемой им стороны.

Ну, а главным ударом по всем мутантам, нанесенным извне властями Свободного города, было прекращение поставок гуманитарной помощи, прежде направляемой ежемесячно. С самого начала этого необъявленного и кровавого конфликта поезд со столь ценным грузом, в котором жизненно нуждались тысячи жителей, раз и навсегда перестал покидать пределы «города людей». Очень быстро в резервации начался голод, который грозил в скором времени превратиться во всеобщее бедствие, затронувшее обе стороны конфликта.

Но о страшных и кровавых событиях творившихся в «Крысятнике», жители Свободного города не знали ровным счетом ничего. Даже сами наемники, что были направлены сюда от имени Патрициата, до самого последнего момента оставались в неведении. Рассел, волею судьбы оказавшийся в их числе, даже прежде довольно туманно представлял себе жизнь мутантов в резервации. Ну, а о том, что здесь идет полномасштабная гражданская война, он

и помыслить не мог.

Ему обещали большую награду за участие в гуманитарной миссии, по наведению порядка в небольшом поселении мутантов, где придется усмирить незначительную группу экстремистов, при поддержке основного контингента гвардейцев. Однако его удивлению не было предела, когда Рассел выяснил, что усмирять придется почти половину взбунтовавшегося Мусорного города, который населяло более ста тысяч мьютов и гибридов. И воевать им придется без поддержки гвардейцев, причем против тех мутантов, которые оказались намного лучше вооружены и были самыми агрессивными.

Небольшой отряд наемников, всего восемьдесят шесть человек, был тайно выслан Патрициатом в резервацию с вполне конкретной целью — держать «водозабор». Так на языке гвардейцев, охранявших границы Мусорного города, назывался огромный комплекс зданий и укреплений на грязном берегу реки Лисс, тянувшейся вдоль южных границ резервации.

Самым мощным и внушительным строением всего «водозабора» была дамба гидростанции, расположенной на другом берегу реки. Нерушимый монолит главного оплота цивилизации и источника всей электроэнергии Мусорного города возвышался над горизонтом, за спинами охранявших его войск. Единственной связью между обоими берегами реки была узкая линия бетонной плотины, она же основной источник получаемой энергии.

Отряд наемников, тайно присланный Патрициатом для помощи Совету Старейшин, в котором состоял Рассел, как раз и должен был охранять этот импровизированный мост. Самые сильные укрепления были выстроены вдоль берега реки, для охраны центрального входа в главную цитадель Совета. Почти все остальные районы, ранее контролируемые ими, были утеряны в ходе боев с боевиками Братства.

Когда старик уже начал засыпать, Рассел решил на всякий случай подержать вахту, тем более что страх за собственную жизнь начисто отбивал любой сон. Он каждую минуту ждал, что над тусклыми рядами костров спрятанных за руинами жестяных лачуг, где-то там, в глубинах ночи, загорятся короткие оранжевые всполохи выстрелов.

Он уселся спиной к огню, плотно прижимаясь грудью к бетонному брустверу. На голову, для надежности, Рассел надел стальную каску, также часть списанного обмундирования городских гвардейцев. Все это время старик Вильсон тихонько похрапывал справа от него, вальяжно растянувшись на своей лежанке.

Бывший тайный агент полиции, переживший настоящий крах личности, молча смотрел в окружавшую его темноту сквозь мушку прицела автомата. Рассел сидел на вершине мусорной кучи, вжимаясь в ледяной бетон спасительного бруствера, ожидая каждую секунду самого страшного исхода этого тихого и холодного вечера.

На север от их жиденького укрепления тянулась двухсотметровая асфальтированная площадка, покрытая рытвинами и ямами, а также заваленная железными обломками и прочим мусором. По ту сторону этой испещренной трещинами каменной равнины возвышался ряд полуразрушенных жестяных лачуг, которые были брошены своими бывшими жителями.

Обвалившиеся шиферные крыши, пустые глазницы узких окон, изредка прикрытых брезентов и куски арматуры, торчавшие из останков малочисленных осколков бетонных стен. Неровная линия мрачных и совершенно безлюдных руин, останки убогих строений в

которых раньше жили целые семьи мьютов и гибридов, стали теперь главным рубежом обороны врага, за которым засели мутанты из Братства.

Еще в школе Рассел любил читать добытые в Сети статьи и вспоминая участников о войне Великих домов. Этот старый конфликт, уже почти стертый из памяти новых поколений и обросший за тридцать лет немалым количеством легенд, всегда будоражил сознание молодых людей. Но никогда раньше Рассел не мог и подумать о том, что ему однажды придется не только взять в руки оружие, но еще и участвовать в настоящей войне. Однако в понятие «настоящая война» он обычно вкладывал другие, более яркие картинки масштабных и героических боев, что вырисовывались в его детском сознании после прочтения воспоминаний ветеранов.

Однако на поверку оказалось, что его война была лишена всего, о чем писалось в старых хрониках. Здесь не было ни танковых колонн, ни тяжелых цепелинов и боевых дронов бороздивших серое небо. Даже не было самых обыкновенных атак и наступлений, в их привычном понимании.

А были лишь неудачливый беглец от закона и старик-инвалид, потерявший всякий смысл жизни, да один пулемет на двоих. По ту сторону очень условной линии фронта, среди пыльных руин и гор мусора, скрывался их враг. Громкое имя «враг» в данном случае носили трое или четверо мутантов в красно-черных одеждах, которые периодически мелькали среди развалин, обозначая свое присутствие исключительно днем.

Уже две ночи подряд, обе враждующие стороны, которые разделяла всего несколько сотен шагов труднопроходимой мусорной равнины, не подавали никаких признаков жизни и как будто забывали о существовании друг друга. Зато каждое утро они исправно обменивались незначительными перестрелками, не причинявшими на самом деле никакого вреда и носившими скорее психологический характер.

Но этой ночью внутренний голос Рассела требовал не торопиться со сном. Странная особенность в поведении мутантов все никак не давала ему покоя. Дело в том, что, нисколько не стесняясь своих врагов, боевики из Братства Аэрона две предыдущие ночи подряд разводили костер в одном и том же месте. Но в этот раз, среди развалин заброшенных домов, полыхало сразу десять небольших костров, на расстоянии примерно пяти метров друг от друга.

Невозмутимый Грегори, возможно уже просто плюющий на все, что творится в округе, не обратил на эту странность никакого внимания. Однако Рассел решил на всякий случай подстраховаться и не спать всю ночь. Но это оказалось проще решить, чем сделать. Его уже сильно морило в сон, когда в паре кварталов от их позиции послышались одинокие выстрелы. Короткая перестрелка с соседней огневой точкой всего за несколько секунд переросла в настоящую канонаду.

Ошалев от грохота выстрелов, из вороха рваных тряпок тут же подскочил Вильсон. Его бледно-голубые глаза, еще не отошедшие ото сна, непонимающе впелись в Рассела.

— Ну вот, а ты говорил, что сегодня ничего не будет, — с грустной иронией заметил Рассел, напрягая голосовые связки, чтобы перекричать грохот выстрелов.

Старик быстро подхватил свой автомат и уселся сбоку от напарника, также скрываясь за мощным заслоном бетонной плиты. Перестрелка продолжалась.

Канонада ночной войны разносилась уже над всем районом «водозабора». Эхом над головами пронесся первый гром от разорвавшегося снаряда, за ним еще один. Со стороны плотины в звездное небо поднялся свистящий огонек сигнальной ракеты. Мгновение спустя

весь район накрыло светло-синим заревом. В этом блеклом голубоватом свечении Рассел сумел разглядеть, как две приземистые фигуры короткими перебежками пробирались среди развалин домов, явно двигаясь в их сторону.

Согнувшись наполовину, мутанты трусцой преодолели несколько выдававшихся вперед останков бетонных стен. Затем, пробежав еще шагов десять, они попытались спрятаться за ржавым остовом какой-то машины, валявшимся вблизи их укреплений. Сигнальная ракета выработала срок своей жизни и в округе вновь воцарилась пугающая темнота, скрывавшая наступление врагов. Скрежеща шарнирами своей железной ноги, старик ударом перевернул горелку, которая тут же погасла и погрузила их маленькую огневую точку в кромешную черноту. Теперь их было труднее разглядеть.

Напрягая зрение, постепенно привыкавшее к темноте, Рассел сумел различить еще две низкие тени, бредущие вслед за своими соратниками. Он не стал делать тщетных выстрелов из автомата наугад, отложив его за ненадобностью в сторону. Вместо этого, коротким взмахом руки он подал знак Вильсону не стрелять, а сам примостился за возвышавшейся над их баррикадой турелью.

Через пару секунд пулеметная очередь расписалась огненными всполохами по ржавым останкам машины. Раздался крик, затем несколько коротких выстрелов в сторону оборонявшихся, которые оказались совершенно бесполезными. Две дальние тени, мелькавшие до этого среди развалин, тут же кинулись назад.

Пулемет вновь застрекотал и рядом с ним, почти не высовываясь за бруствер, стрелял наугад старый вояка. Где-то вдалеке раздался еще один, уже третий, взрыв.

В определенный момент Рассел поймал в прицел пулемета черный силуэт убегающего врага. Сгорбившаяся тень металась среди обломков стен и ржавых каркасов машин, изо всех сил стараясь спасти свою жизнь. Подумав всего долю секунды, Рассел все же решил не расстреливать в спину убегающего врага. Коротко улыбнувшись своему собственному великодушию, он наконец-то расслабил палец, пережимавший тугой курок.

После нескольких коротких очередей, поняв, что ему уже никто не отвечает, Грегори также прекратил бесцельную пальбу в чернеющую даль. Еще, через десять-пятнадцать минут прекратились и прочие одинокие выстрелы, сотрясавшие весь район боевых действий. Над водозабором вновь воцарилась обманчивая тишина. Позади позиций обороняющихся все также невозмутимо поднимался сверкающий белыми и голубыми огнями огромный силуэт гидростанции. Бессмысленная и короткая ночная атака противника была остановлена.

Спустя примерно час в ворохе белья по соседству с Вильсоном захрипела их походная рация, единственный способ связи с командованием отряда, которое теперь находилось в глубине разветвленной сети окопов и блиндажей начинавшейся в полукилометре от них, вниз по течению реки.

— Пост номер четыре, — невнятно донеслось хрипение из динамиков, — пост номер четыре. Прием. Меня кто-нибудь слышит, прием. Вы там живы еще?

— Пост номер четыре, слышим вас, — подхватил тут же рацию Грегори, — у нас все в порядке, потерь нет. Что там было? Мы слышали взрывы? Прием.

— Нормально все, — уже более расслабленно отрапортовал низкий голос с той стороны динамика, — сектанты, судя по всему, в атаку решили пойти, для разведки боем. Но у них ничего не вышло. Прием.

Не дожидаясь ответа от Грегори, голос тут же продолжил свою речь:

— У нас новый приказ: «Всем огневым постам приказано на рассвете покинуть свои

рубежи обороны и отходить в расположение основных частей». Первыми на рассвете пойдут пятый и шестой посты, вы должны будете прикрывать их отступление. Как они окажутся на подходе к окопам, также отходите вслед за ними, на наши позиции. Как поняли меня, прием?

Помолчав долю секунду и прокручивая в голове только что услышанный приказ, Грегори энергично ответил:

— Понял вас, так точно, с рассветом отходим к вашим позициям. Конец связи.

Хрип в рации прекратился. Как отметил для себя Рассел, судя по низкому голосу, донесшемуся из динамиков, говорившим с ними от лица командования офицер был Хамид, один из лидеров армии мутантов, подчиняющихся Совету Старейшин. Широкоплечий и бронзовокожий гибрид был одновременно помощником и надзирателем над Риком, главой отряда наемников. Его направили сами Старейшины, чтобы всячески помогать этому маленькому отряду «нормальных людей», по неведомым причинам, ввязавшимся в настолько далекую для них войну.

Тот факт, что к ним обращался именно Хамид, а ни кто-то другой из числа наемников, говорил лишь о том, что приказ «покинуть рубеж» исходил от самого Совета, а не от командира отряда наемников. По крайней мере, этот маневр точно был как-то связан с их решениями и мог означать только одно: скорое отступление за реку.

Будучи уверенным в том, что второй ночной атаки точно не повторится, Грегори снова завалился спать. Однако и Рассел понимал, что силы начинали покидать его и поэтому, отдавшись на волю случая, позволил себе подремать несколько часов, укрывшись под мощной плитой бруствера.

С первыми лучами холодного осеннего солнца Рассела разбудил неприятный писк будильника в наручных часах. Чувствуя себя просто отвратительно, не выспавшись, дико замерзнув, с больными глазами и тяжелой головой, он все-таки заставил себя подняться с нагретой лежанки, собранной из различных тряпок и кусков одежды. Затем, растолкав Грегори и побросав свои скудные пожитки в походный мешок он принялся разбирать пулеметную турель.

Минут через двадцать все было готово, и после этого они вдвоем засели на своих позициях, направив стволы автоматов по направлению к линии заброшенных лачуг. Грегори периодически менял направления наблюдения, постоянно оборачиваясь, в ожидании подхода отступающих соседей. Они не заставили себя долго ждать.

Осеннее солнце еще не успело даже подняться, обрисовав свое присутствие тонкими полосами оранжевого зарева в небе. Со стороны речной излучены к ним направлялась большая группа солдат, семь человек, все в разномастном цветном камуфляже, но в одинаковых синих шлемах гвардейцев. Двое из этих бойцов несли на своих плечах тяжелые пулеметы, вроде того что имелся в распоряжении Рассела и Грегори. Отряд их недавних соседей, покинувших свой прежний рубеж, продвигался нестройной цепью, постоянно прячась за руинами хижин и остовами ржавой техники. Они даже не посмотрели в сторону прикрывавших их соратников, и очень скоро скрылись из виду. Подождав еще около десяти минут, Рассел кивком головы дал понять своему напарнику, что им тоже пора бежать.

Он позволил себе лишь в последний раз окинуть взглядом небольшой мусорный холм, который они так самоотверженно охраняли двое суток. Потом взвалил на плечи тяжелый пулемет, и быстрыми шагами помчался вслед за Грегори, груженным ящиками с пулеметными лентами и уже успевшим отойти далеко вперед.

Их путь лежал на восток, по направлению к только что поднявшемуся над горизонтом солнцу. Но уже через несколько шагов, когда их маленькая группа еще даже не успела достаточно отойти от своего заваленного мусором холма, раздалась автоматная очередь. Рассел и Грегори тут же брякнулись на землю, стараясь заползти за какое-нибудь укрытие.

Вновь прогремела серия выстрелов. Роем пуль полоснуло землю в метре от Рассела, оставив на ней длинный шлейф крохотных рытвин. Спрятавшись за объемным куском искореженного металла, Рассел старался не двигаться и не привлекать внимания вражеского стрелка.

Однако Грегори, укрывавшийся по соседству от него за большим завалом из досок и обрезков металлических труб, напротив, старательно вертел головой в поисках возможной цели. Сильно не высовываясь, старый вояка поднял над головой свой автомат и сделал пару выстрелов наугад. На мгновение Расселу даже показалось, что он слышал чьи-то отдаленные шаги и срежет щебня под ногами бегущего.

Но уже через несколько секунд ответные очереди раздались вновь. По-видимому, так же стреляя наугад, безымянный противник все же не давал людям возможности ни встать, ни попытаться уползти из-под обстрела.

— Рация у тебя, — внезапно закричал Рассел, свернувшийся в комок под ржавым навесом.

— Да! Думаешь вызвать подмогу? — тут же сообразил Грегори. — Сомневаюсь, что они нам помогут чем-то, но я попробую...

Старик принялся колдовать над своей старенькой рацией, криком стараясь достучаться до союзников, удерживавших сеть окопов, куда им предстояло отступить. А Рассел в это время распластался под нависавшим над ним куском ржавого железа, об который то и дело звонко шаркали пули. С силой сжав сухие губы, он отрешенно ждал развязки сложившихся событий. Рассел думал о том, что враг, случайно оставшийся живым во время вчерашнего боя, не оказался столь великодушным, как он. Этот одинокий стрелок не собирался давать им возможности живыми покинуть свои брошенные позиции и теперь изо всех сил старается их убить.

Через несколько секунд выстрелы вновь прекратились. А еще мгновение спустя Рассел услышал хриплый выкрик Грегори:

— Приготовься, сейчас, когда они начнут палить, нам тут же бежать надо... ты меня понял?

В ответ Рассел лишь сдавленно крякнул. Невыносимой вереницей потянулись томительные секунды ожидания. До начала линии ближайших окопов, где были свои, оставалось всего три сотни шагов. Рассел как можно крепче прижал к себе тяжеленный пулемет, примеряясь к расстоянию и готовясь одним рывком встать и побежать.

Вдалеке гаркнул выстрел артиллерийского орудия. Через несколько секунд со свистящим воем снаряд ударил по вражеским руинам, подняв высокий столб пыли и огня. В это же мгновение раздался грохот взрыва и сильный треск разваливающейся кирпичной стены, со стороны которой по ним очевидно и вели огонь.

Оттолкнувшись от земли прикладом своего увесистого пулемета, Рассел рванулся вперед. Повсюду ветром разносились клубы серой пыли и едкого дыма. Не думая ни о чем, и стараясь не дышать, он целенаправленно бежал вперед. Он мчался, пригибаясь к земле, на бегу облетая различные преграды: мусорные завалы, бетонные плиты, останки машин. Еще несколько секунд, и вновь раздалась выстрелы. Но их грохот и стрекот вражеских пуль

оставались где-то за спиной.

Не помня себя от усталости, несясь на полном ходу, Рассел лишь успел разглядеть сквозь облако пыли широкий ров на своем пути. Одним прыжком он брякнулся на дно окопа, и тут же стал ползти дальше. Через мгновение позади него приземлился Грегори. Скрежеща своим протезом, старик пополз на четвереньках вслед за напарником. Рассел остановился лишь тогда, когда лбом чуть не уперся в ногу ближайшего к нему солдата. Рослый наемник, вооруженный тяжелой штурмовой винтовкой, равнодушно посмотрел на двух распластавшихся перед ним бойцов. Почти все солдаты отряда людей, оказавшихся на этой войне, носили поверх своего гвардейского камуфляжа желтые накидки с капюшонами, подобные тем в которые облачались ополченцы-мутанты. А также прикрывали лица респираторами, которые защищали от надоедливых пылевых ветров, начавших подниматься в это время года.

— Закурить есть? — без капли смущения спросил наемник сквозь толстую тканевую маску, закрывавшую его рот.

— Не курю, — с иронией отозвался Рассел, — это для здоровья вредно...

Он оттер вспотевший лоб, покрытый слоем прилипшей грязи. В этот момент, оказавшись на дне сырого земляного укрытия, Рассел начал улыбаться. Он был искренне рад находиться в этой узкой траншее, по щиколотку наполненной жидкой грязью, в которой наконец-то смог найти укрытие от преследовавших его пуль. Позади него, уже старый для таких стремительных пробежек Грегори тяжело дышал и скалился своими желтыми зубами.

— Может сейчас, из укрытия, шмальнем по этому гаду пару раз, а? — сбивая слова и жадно поглощая воздух высохшим ртом предложил старик Вильсон.

— Да нет, плевать на него, лучше я патроны поберегу, — отмахнулся от этой затеи Рассел, в очередной раз проявивший благодушие.

Следом за рослым наемником в нескольких шагах показывался еще один боец. Нависая над своим пулеметом, второй солдат также безучастно вглядывался в расстилавшиеся перед ними руины, откуда еще вчера лезли враги.

— Как вчера было? Что-нибудь новое слышно? — обратился к обоим наемникам Рассел.

— Да нормально, — не отрывая взгляда, отозвался пулеметчик. — Они по всей линии фронта вчера пытались прорваться. Эти гады быстро учатся воевать и прямо на глазах развиваются. Кучу костров вчера разожгли для отвлечения внимания, наверное, решили нас напугать и внезапно в ночную атаку пошли. Мне кажется теперь, что наше положение в этом Крысятнике становится все серьезней. Ребята поговаривают, будто эти мутанты сюда новые силы подтягивают. Наверняка к серьезному штурму готовятся...

Такой поворот событий несколько не обрадовал Рассела. Перспектива быть убитым на бессмысленной и чужой войне все отчетливее стала вырисовываться перед ним. Он еще раз обреченно задумался над тем, «стоило ли так поддаваться панике и кидаться в опасные бега».

— Перед нами тут еще одна группа пришла, — вновь спросил он наемников, — куда они направились?

— Я думаю к штабу, — не отрывая глаз от линии фронта, ответил пулеметчик, — всех кто с фланговых постов приходил, Хамид направляет туда. Наверное, саму дамбу охранять теперь будете.

Пригибая голову, Грегори и Рассел гуськом направились через всю линию траншей,

стараясь не высовываться из окопа. Примерно пятьдесят метров спустя, пройдя мимо еще одного пулеметного расчета, они добрались до первого блиндажа и траншейного разветвления позади него. Затем еще около сотни шагов направо, вглубь обороняющихся укреплений. Наконец длинный туннель траншей, выдолбленный в грязной промерзшей земле, вывел их к огромной серой дамбе, главной цели всей системы обороны.

Вокруг бетонной площадки, ведущей к подъему на дамбу, выполнявшую также роль моста для соединения обоих берегов реки, толпилось несколько десятков человек. Поблизости было расставлено с дюжину походных палаток и навесов, а также установлена высокая балка антенны полковой радиостанции, доставшаяся отряду наемников от гвардейцев. Но самым впечатляющим на этом участке обороны было главное тяжелое орудие: два спаренных ствола крупнокалиберной зенитной установки, приваренные к ржавому каркасу старого танка тридцатилетней давности.

Оказавшись на этой возвышенности возле полевого штаба всех обороняющихся сил, Рассел невольно обернулся назад. Его взгляд проскользнул по разветвленным линиям траншей и баррикад с бродящими по ним солдатами, пулеметными «гнездами» и несколькими артиллерийскими орудиями. Все это воинское «богатство» было выделено Советом Старейшин для нужд неполной и плохо подготовленной роты наемников, охранявших главные подходы к гидростанции.

Возле штаба, самой большой палатки на этом пяточке вытоптанной земли, стояло несколько вооруженных людей. Одного из них, бритоголового и широкоплечего наемника с тяжелой винтовкой за спиной, Рассел узнал сразу же. Это был Рик, командир их экспедиционного отряда. Его настоящее имя и фамилию никто не знал во всей роте, обращаясь к нему только по прозвищу или по званию. Единственное что Рассел слышал о нем, были слова других солдат, будто Рик был одним из самых успешных наемников во всех западных пустошах, главарем собственной небольшой банды, с которой он постоянно выполнял грязные поручения для Патрициата за стенами Свободного города. Рядом с ним стоял еще один наемник, низкий и коренастый, все время носивший длинные сальные волосы, завернутые в короткий хвост — лучший друг, помощник и главный телохранитель их командира.

А вот третьего человека Рассел распознал не сразу. Да и «человеком» его назвать можно было только с натяжкой. Хамид, один из командиров ополчения Совета, сильно заросший кучерявой черной бородой, выглядел очень измотанным и уставшим. Он был одет в различные обрывки армейской формы разных расцветок и походил больше на больного и побитого жизнью гибрида-беженца, чем на солдата. На его шее болтался старый армейский респиратор, а за поясом был заткнут длинный самодельный нож, похожий на те, с которыми ходили почти все ополченцы Совета Старейшин. Этот мутант вел неспешную беседу с Риком, вяло жестикулируя руками.

Когда возле них показалась истрепанная парочка новоприбывших, Рик знаком прекратил скучный разговор и быстро окинул их взглядом. Несколько секунд ему понадобилось, чтобы вспомнить этих людей и причины их появления возле штаба.

— Ну вот, эти двое последние из всех кого я могу выделить для операции, — с манерой заправского работяги высказался Рик. — Забирай их насовсем, теперь они в твоём полном распоряжении. Пусть только пулемет и ленты к нему оставят, свое стрелковое могут забирать в поход, черт с ним.

С этими словами командир отряда наемников откланялся и исчез внутри палатки-

шпаба. Коренастый телохранитель молча последовал за ним. Все остальные наемники, стоявшие поблизости, тут же разбрелись по округе, найдя себе различные занятия.

Бронзовое лицо Хамида, с его широким орлиным носом и большими карими глазами, немного ожило. Он всегда был приветлив и дружелюбен по отношению к другим солдатам, чем создавал разительный контраст с их командиром Риком: очень грубым, жестоким и вечно злым.

Этот гибрид, направленный по специальному распоряжению Совета Старейшин и отчитывающийся только перед ними, возлагал большие надежды на маленький отряд наемников, который ввязался в чужой для них конфликт. Он прекрасно понимал, что каждый из этих восьмидесяти шести солдат, пусть даже такой бездарный, как Рассел или Грегори, стоил намного больше любого из ополченцев Совета.

Так или иначе, но мьюты облаченные в желтые лохмотья, только отдаленно напоминавшие армейскую форму, с оружием в руках боровшиеся против сектантов Братства, были все равно слабее и неопытнее, чем любой из наемников отряда, которых привел с собой Рик. За эту помощь представители Совета терпели любые его выходки и старались лишней раз не перечить командиру добровольцев. Как неоднократно говорил сам Рик: «Война в резервации — это война больных с калеками». Тем самым он подчеркивал превосходство его солдат над любым мьютом или гибридом, воющим по обе стороны конфликта.

Но главным оружием небольшого отряда людей-наемников были не пушки и пулеметы из довоенных запасов, и даже не физическое превосходство по сравнению с мутантами, а их психологическая мощь. Жгучую ненависть «нормальные люди» вызывали у жителей резервации. Но вместе с этим в сердцах уродливых и больных созданий большую силу имело другое чувство — древний страх, который им внушали обитатели «Больших городов».

Воспоминания о закованных в броню легионерах Дома Маркуса, которые беспощадно истребляли всех мутантов на протяжении половины века, надежно укрепились в подсознании жителей резервации и передавалось как страшные предания и легенды из поколения в поколение, дойдя до современности. И как бы ни были сильны боевики Братства, как бы ни были они многочисленны, в голове каждого из них воцарялся настоящий ужас при одной только мысли о столкновении с воинами из Большого города.

Как могли, наемники из отряда поддерживали суеверный страх своих врагов перед образом грозных воителей уже несуществующей армии великого дома. Над их окопами всегда развивалось несколько серых полотнищ с черными косыми крестами и красной пятипалой ладонью на каждом из них. Работала ли на самом деле эта психологическая уловка или нет, но эмблема Дома Маркуса вселявшая ужас в сердца прошлых поколений мутантов, и реющая теперь над сетью траншей обороняемых неизвестным отрядом людей, все-таки отпугивала множество сектантов в красно-черных робах. Даже подгоняемые собственными командирами, солдаты Братства неохотно вступали в бой с наемниками, стараясь стрелять по ним из дальних укрытий и отступая при первых же потерях со своей стороны.

Обдумывая все это, Рассел молча ожидал распоряжений Хамида, безропотно возлагая на бронзовокожего гибрида всю полноту ответственности за свое будущее и за свою жизнь.

— Как вас зовут? — довольно приветливо отозвался Хамид.

— Рядовые Грегори Вильсон и Рассел Фокс, — громко отчеканил бывалый старик.

Гибрид одобрительно кивнул:

— Я так понимаю, вы еще не догадываетесь, почему были отозваны со своих позиций и оказались здесь? Ведь так? — Он пристально посмотрел на грязных и потрепанных жизнью рядовых. Те синхронно кивнули. — Мое командование считает, что вечерняя атака сектантов была всего лишь разведкой, перед предстоящим большим вторжением. Поэтому мы, как можем, стараемся стянуть все имеющиеся силы поближе к центру. Рик посоветовал мне вас, как достаточно опытных и надежных бойцов и думаю, вы подойдете нам для более ответственной миссии.

Грегори и Рассел удрученно переглянулись. В общем-то оба они прекрасно понимали, что являются инородным телом в отряде наемников, и со страхом ожидали того дня, когда их решат пустить в расход. И вот этот день настал. В эту секунду над головами должен был бы прогреметь гром или сверкнуть ужасающая молния, но серый купол небосвода равнодушно молчал.

Первым нарушил молчание Рассел:

— Сэр, мы можем узнать, в каком именно задании нам предстоит принять участие?

— Разумеется, — отчеканил Хамид, — мое командование располагает информацией об одном очаге сопротивления, который остается на территории занятой противником, к северу от наших позиций. Это большая группа беженцев, которая не успела отступить вместе с остальными жителями к реке. Они каким-то образом сумели закрепиться в старом медицинском комплексе, что находится в центре зеленого квартала. Эти беженцы даже смогли организовать достаточно крепкую оборону и не подпускают к себе войска Братства. Пленные из числа сектантов подтвердили данную информацию. Поэтому мне поручено собрать специальную группу, чтобы прорваться к больничному комплексу и эвакуировать оттуда как можно больше людей, а также весь имеющийся там ценный груз. Из своих бойцов я уже набрал нескольких добровольцев, нужны еще люди и из вашего отряда. Что скажете?

— Не хочу показаться некорректным, — внезапно слово взял Грегори, — но все-таки мы наемники. И в первую очередь нас интересует, будет ли за это отдельная оплата?

— Конечно, можете не сомневаться. Вашей оплатой будет право покинуть нашу резервацию досрочно, хоть на следующий день после успешного выполнения задачи. При этом вы сможете забрать весь причитающийся вам гонорар. Ваших кураторов в Департаменте мы, разумеется, поставим в известность. Ну как, вы согласны?

Рассел и Грегори тут же переглянулись. Конечно, подобное предложение было далеко не самым выгодным, но все же оно позволило бы вырваться за пределы резервации раньше, чем все здесь полетит ко всем чертям. Как подумал Рассел, солдаты, которых он встретил с утра, могли быть правы и враг решил изменить тактику ведения войны. Это означало, что скоро на северном берегу реки может начаться полномасштабное наступление и будут серьезные бои, выжить в которых окажется почти нереальным, особенно для него. Поэтому перспектива вернуться пораньше домой и не сгинуть бесцельно на этой необъявленной войне, про которую даже никто в известном мире не знает, была не так уж и плоха.

О чем в этот момент думал Грегори, оставалось загадкой. Седовласый ветеран, со скрипящим протезом и неудавшейся жизнью вряд ли был нужен здесь еще хоть кому-то, кроме Рассела. И хотя знакомы они были всего пару недель, сближали их самые общие качества — полное одиночество и желание выжить любой ценой. А вот выживать Грегори умел хорошо, всю свою жизнь он только тем и занимался. Поэтому старик Вильсон одобрительно кивнул, когда встретился взглядом с Расселом.

Поняв, что добровольцы готовы к действию и согласны на его предложение, Хамид

расслабленно продолжил:

— Все подробности этой операции будут обсуждаться сегодня вечером. Так что пока вы можете расположиться в казарменных палатках и немного передохнуть. Все участники будущей операции находятся возле одиннадцатого блока, как приведете себя в порядок, направляйтесь туда же.

Отдав последнее распоряжение своим новым подчиненным, Хамид быстро развернулся и, не проронив больше ни слова, исчез в штабной палатке. Грегори и Рассел остались одни, возле тылового лагеря. Отсюда до расположения одиннадцатого блока, который служил главным складом всей армии ополченцев на северном берегу реки, было несколько сотен шагов, через убогие скопища жестяных лачуг, ставших пристанищем для многочисленных беженцев.

Когда последняя из палаток небольшого лагеря скрылась за поворотом, Рассел и Грегори оказались на маленькой улочки, окруженной хижинами мутантов. По центру улицы, между нестройными рядами лачуг и шалашей пролегла ржавая ветка заброшенной узкоколейки, которая существовал здесь, по-видимому, со времен предшествующих Великому перелому. Все многочисленные обитатели этих скорбных жилищ высыпали на улицу и сдержанно наблюдали за происходящей сценой казни, которая разворачивалась прямо на ржавых рельсах.

В окружении пяти ополченцев, замотанных в разномастные обрывки одежды выкрашенной в желтые цвета, уже побледневшие от длительного времени, стояло двое наемников из отряда людей.

Первый из них — Нил Паттерсон, крепко сложенный, но низкорослый, с большим лбом, отвислой челюстью и толстым ирокезом на шарообразной голове, ничем примечательным не выделялся и напоминал скорее стандартного уличного бандита. Его главной отличительной чертой было наличие распространенной модификации электронных глаза, напоминавших два хромированных окуляра. Однако в его случае это была очевидная необходимость, ведь как слышал о нем Рассел, свои настоящие глаза Паттерсон потерял в наказание за предательство банды, в которой он состоял во времена жизни в трущобах Свободного города. Большинство преступников, которых перед изгнанием ослепляли за многочисленные проступки, обычно заканчивали свои короткие дни мучительной и голодной смертью на границах портового района. Но Нил каким-то образом сумел пережить этот позорный случай в своей жизни, не потерял себя, сумел выжить и даже найти деньги на операцию. При всей его отталкивающей внешности и абсолютно отвратительном нраве, в нем была внутренняя крепость и жгучая жажда жизни, которую Рассел безусловно уважал.

Его старый друг и напарник — Брукс, напротив, был высоким и зеленоглазым, с длинной гривой белесых волос, которые он собирал в тугий хвост и гладко выбривал бока. Из всех вариантов человеческих особей, собранных в странной коллекции наемников Рика, именно Брукс был самым интересным экземпляром. Он имел довольно необычную и сложную модификацию, которая практически не встречалась даже среди жителей Свободного города. Из вершины его ребер росли два механических манипулятора заканчивающиеся небольшими четырехпальными клешнями и несильно уступающие по длине его собственным рукам, на суставах которых также виднелись металлические сочленения. Дополнительной парой конечностей Брукс пользовался с той же легкостью, как если бы он с ними родился. Они выступали через отдельные прорезы, сделанные в его бронированном жилете, который наемник не снимал даже ночью. Свои механические руки он, как правило,

складывал за спиной, подобно крыльям у насекомых и часто использовал их для переноски дополнительного оружия. Брукс честно рассказывал про себя всем, кто интересовался причинами его участия в этой войне, что отправился в резервацию исключительно ради развлечения, так как ему было слишком скучно жить в Свободном городе.

Оба этих мода стояли в центре внимания толпы беженцев, окруженные мутантами-ополченцами. Перед ними на коленях сидело трое пленных бойцов Братства, голые по пояс и со связанными проволокой руками. Пленники обреченно сидели без движения, не издавая никаких звуков и равнодушно ожидая своей участи.

Когда Рассел и Грегори подошли поближе к месту расправы, остальные мутанты испуганно расступились, освобождая им дорогу. Брукс увидел их, но никак не отреагировал на это. Он держал увесистый одноручный топор с широким стальным лезвием, поигрывая им в ладонях. А вот Паттерсон, напротив, тут же окликнул новоприбывших наемников.

— Парни, идите сюда, — с улыбкой сообщил он, — а то пропустите все веселье. У нас тут целых три черных крысы осталось после вчерашней атаки. Побросали свое оружие и хотели в плен сдаться. Рик разрешил нам их освежевать.

Старик и его приятель подошли на несколько шагов ближе. Все трое пленных были покрыты бурыми гематомами и запекшейся кровью на многочисленных ранах. Находясь в столь жалком положении они не вызвали у Рассела ненависти или отвращения, также как и сострадания. Рассказы о зверствах боевиков Братства, которые те устраивали над своими пленными, были ему очень хорошо знакомы. Да и сам Рассел, в первый же день своего пребывания в резервации видел тела двух женщин гибридов, с которых срезали кожу и подвесили за руки на всеобщее обозрение, только за то, что они пытались убежать на территорию контролируемую ополченцами Совета Старейшин. Сейчас, когда он видел расправу над пленными воинами Братства, на его лице не дрожал ни один мускул. Он опустошенно смотрел на это зверство, ни думая, ни о чем. Кровавая бойня, которой он каждый день был свидетелем и постоянное присутствие смерти, которая здесь ходила у него по пятам, притупляло любые чувства, делая человека черствым к чужим страданиям.

— Брукс, дай мне топор, — радостно отчеканил Нил, — хочу одного из них сам прикончить.

Здоровяк Паттерсон обхватил рукоять своего оружия обеими руками и, хорошенько прицелившись, уверенно замахнулся топором. Резкий удар пришелся в голову одного из пленных, который сидел в центре. Лезвие топора дошло до середины лба, почти затронув переносицу. Казненный даже не издал крика от боли, кроме сдавленного хрипа, удар был слишком быстрым. Безжизненное тело с застрявшим в голове топором грузно повалилось на землю. Стоявшие рядом ополченцы с радостными криками вскинули вверх свои карабины, приветствуя убийство пленного. Нестройный хор одобрения пронесся также среди толпы беженцев собравшихся вокруг, чтобы поглазеть на казнь.

Один из пленников, сидевший рядом с убитым, с рыжей бородой и толстым кожаным наростом через весь лоб, который сползал к левому глазу, дернулся в сторону в неловкой попытке убежать. Но тут же был остановлен одним из ополченцев, который с силой обрушился на него ударом приклада своей винтовки. Под радостные крики толпы, Брукс быстрым шагом подошел к пытавшемуся сбежать пленнику, который силился подняться на колени, постанывая от боли.

Лицо наемника перекошил звериный оскал. Его механические манипуляторы вывернулись на шарнирных суставах, согнувшись в своей середине, и резким хватом

вцепились с обеих сторон в шею пленника. Брукс обхватил руками его рыжую голову и с силой потянул ее вверх. Мученик попытался закричать, но из его глотки вырвалась только резкий хрип вперемешку с жутким чавканьем. Железные клешни механических рук наемника хищно вгрызались в кровоточащую плоть. Еще несколько мгновений спустя, его жилистые руки резко вскинули вверх оторванную голову пленника, с изодранными лоскутами кожи свивавшими внизу. Вместе с победоносным криком, Брукс кинул его голову к ногам группы мутантов стоявших поблизости. Из толпы беженцев выбежало несколько детей, скорее всего мальчишек, с ног до головы закутанных в различное тряпье. Эта группка маленьких мьютот принялась радостно пинать оторванную голову, у которой с остатков шеи все еще стекала чернеющая кровь.

Грегори не хотел смотреть на расправу над оставшимся пленником и поэтому устало ткнул прикладом автомата Рассела в бок. Они медленно побрели прочь, стараясь обогнуть толпу мутантов, скопившуюся вокруг места казни. В этот момент их внезапно окликнул Нил, уставившийся на них своими ничего не выражающими окулярами.

— Парни, вас ведь тоже уломал Хамид на эту тупую поездку? — выкрикнул он в след.

— Да, откуда вы знаете? — робко ответил ему Рассел, хотя уже сам знал ответ на свой вопрос.

— Мы тоже согласились поехать, — совершенно спокойно и даже немного радостно ответил Нил. — Как по мне, пора отсюда сваливать, пока сектанты не озверели и их не собралась целая толпа у границ наших окопов. Так что вы тоже правильно поступили. Лучше одно короткое дельце провернуть и бежать из Крысятника быстрее, пока нас не порешили тут как этих чертовых крыс.

Закончив, он громко рассмеялся, выказывая гордость за собственную дальновидность. Ничего не ответив, Рассел и Грегори вновь поплелись по своим делам, надеясь только отдохнуть и немного поесть в казарме. Потеряв к разговору с ними всякий интерес, Брукс и Нил, с оскалами бешеных зверей быстрыми шагами направились в сторону последней жертвы.

***

Несколько кварталов на южной окраине Мусорного города, вытянувшихся в узкую линию вдоль русла реки Лисс, до сих пор оставались под контролем ополченцев. Именно там, среди настроенных друг на друга ржавых жестяных лачуг, скрывались многочисленные беженцы и мирные жители, бежавшие к реке в поисках защиты. Десятки тысяч псевдолюдей, страшась расправы со стороны сектантов из Братства, искали помощи у Совета Старейшин, но находили они лишь краткое продление своих страданий.

Голод, высокая смертность и зарождающаяся эпидемия от чудовищных условий существования, даже по сравнению с прошлым их образом жизни, стали новыми врагами для мутантов, бежавших в эти малозаселенные в прошлом районы. С одной стороны они боялись попасть в лапы к сектантам, которые не церемонились с теми, кто раньше пользовался покровительством Совета Старейшин или переходил на их сторону, с другой стороны эти люди были вынуждены терпеть голод и лишения, без даже призрачной надежды на спасение. Многие из них жили на улице, спали в наспех построенных из мусора шалашах, питались скудными обедами. Те из мутантов, что поселились в прежних жестяных лачугах, теперь казались счастливыми, так как они хотя бы могли скрыться от уличного холода. Люди

вымирали целыми семьями под промозглыми ветрами осенних ночей.

Голые тела недавно умерших мутантов добровольцы вывозили в сумерках за пределы района, стараясь уберечь остальных выживших от эпидемии чумы. Уже не похожие на живых от голода и усталости, эти мьюты катили ржавые повозки с груженными на них телами мертвых до самых восточных окраин, рискуя каждый раз попасть под обстрел.

Кроме сектантов, уже несколько недель державших блокаду этих прибрежных районов, по несчастным мутантам периодически стреляли гвардейцы с вершин восточной стены. Солдаты из охраны резервации, недовольные тем, что у них «под носом» выстраиваются целые чумные кладбища, каждую ночь упражнялись в стрельбе на дальние дистанции. Еще на подходах к границам резервации, расстреливая полуживых мутантов, мечущихся среди руин в поисках укрытия.

Для зажатых в прибрежных кварталах беженцев жизнь превратилась в настоящий кошмар. Ополченцы из числа армии Совета Старейшин отказались пропускать их через дамбу на другой берег реки, так как голод начинался уже в кварталах окружавших их главную цитадель. Появление новых тысяч голодных ртов, грозило обернуться полной катастрофой и проигранной войной.

Некоторые из обреченных на мучительную смерть мьютов, не выдерживая голода и невыносимых условий, пытались перебежать на сторону сектантов. Никто не мог достоверно рассказать, что ожидало перебежчиков в стане врага. Некоторые из ополченцев, дежуривших на границах района, утверждали, будто видели своих бывших знакомых и родственников в числе боевиков Братства. Но другие рассказывали о жутких и кровавых расправах, чинимых сектантами над попавшими в их лапы перебежчиками.

Тысячи мутантов: мужчины и женщины, старики и дети, мьюты и гибриды, искавшие на побережье реки спасения под защитой Совета, все они стали заложниками этой безвыходной ситуации. Они скитались в поисках пропитания среди руин и ржавых лачуг южных кварталов, ставших для них временным спасением и постоянным проклятьем.

Самым крупным строением среди всего прибрежного района был высокий металлический ангар с плоской крышей и большой цифрой «одиннадцать», нанесенной желтой краской на широких воротах. По периметру этот гигантский жестяной куб охранялся десятком стражей, набранных из числа беженцев, преимущественно наиболее молодых и здоровых мужчин. Вооруженные копьями и стальными длинными ножами, эти полуживые стражники бдительно несли свою вахту, рассчитывая получить за это хоть и скудный, но все же так необходимый паек.

В свою очередь многим мужчинам гибридам, чтобы прокормить своих родных солдатским пайком, пришлось вступать в ряды ополчения Совета. Их командование, скрывавшееся где-то в недрах гигантской цитадели-гидростанции, старательно копило силы, собирая всех имеющихся гибридов под свои знамена. Совет готовил остатки своего ополчения для прорыва блокады вокруг прибрежных кварталов и ждал удачного момента для контратаки.

Из всех многочисленных псевдолюдей, скрывавшихся в этом районе, именно гибридам отдавалось предпочтение при зачислении в солдаты. Так как некоторые из членов Совета были убеждены, что физически здоровый гибрид несколько не уступает по своей силе «нормальному» человеку из города.

Не то, чтобы Рассел разделял подобные крамольные мысли, но все-таки он спокойнее чувствовал себя в обществе гибридов, хоть как-то походивших на людей если не цветом кожи

и чертами лица, то хотя бы одинаковым количеством конечностей и отсутствием наростов на теле. А вот некоторые мутанты, зачастую напомилавшие животных, вызывали у него естественное отвращение и дикую неприязнь.

Вот и в этот раз, стоя у ворот огромного ангара, посреди заполненной мутантами площади, Рассел с искривленным лицом наблюдал отвратительную сцену. Прислонясь спиной на жестяную стенку одной из лачуг, под матерчатым тентом, сидела укутанная в лохмотья женщина. Ее морщинистое лицо покрывали крохотные серые волдыри. Уродливая мать качала на руках большеголового младенца с раздувшимся от голода животом. Мерзкий отпрыск этого существа вяло сучил своими недоразвитыми отростками, выполнявшими роль то ли ног, то ли рук. Через некоторое время к ним подошел один из стражников, закутанный в стандартную для ополченцев форму из желтой грубой материи и вооруженный длинным проржавевшим топором. На теле этого солдата выступал черный плотный жилет, с нашитыми на него пластинами металла. Его голову почти полностью закрывал широкий капюшон, а лицо скрывалось за старым противогазом, с лишенными защитных стекол окулярами. Этот мутант протянул своей родственнице кусок сухого пайка, спрессованной питательной массы, которым раз в день наделяли всех беженцев.

Поев немного сама, уродливая мать тут же начала пропихивать маленькие кусочки сухарей в рот своего ребенка. Раздутый уродец дрожал и явно сопротивлялся попыткам покормить себя. Он не кричал, а лишь жалобно скулил на руках матери, мотая головой и отворачиваясь от очередного куска.

Закутанный в лохмотья стражник ласково погладил младенца по шарообразной голове, сказав что-то матери. После этого женщина принялась тщательно жевать куски сухарей, пропихивая в горло ребенка уже разжеванную кашу.

В это момент Рассел отвернулся. Слегка поморщившись в приступе накатившего на него отвращения, он сплюнул и, закрыв глаза, сделал пару глубоких вдохов. Из дверей жестяного ангара, скрепя своим механическим протезом, показался Грегори и подозвал Рассела рукой.

— Пошли уже, — крикнул ему старик, — я не хочу пропустить подробности нашей операции. Хамид и Рик уже прибыли, думаю, сейчас будем начинать.

С этими словами старик скрылся в недрах ангара. Рассел постоял еще немного, глубоко вдыхая холодный осенний воздух и разглядывая две желтоватые вечерние луны, которые выглядели из-за облаков. Затем он быстрым шагом направился в ангар, к воротам с огромными цифрами. Когда он стоял уже у самого входа, за его спиной раздался очередной всхлип круглоголового младенца, а через мгновение снова начала причитать его уродливая мать.

Внутри ангара располагалась дюжина старых и потрепанных жизнью машин, восемь из которых были легковыми. Все они были созданы еще до начала войны домов, и неизвестно каким ветром занесены в сердце Мусорного города. Самые обычные гражданские автомобили и несколько грузовиков превращались в этом ангаре в некое подобие боевых машин. Поверх старых и местами прогнивших кузовов, мутанты-рабочие приваривали на них широкие листы стали, в которых прорезались небольшие бойницы. Топорно сделанные, больше похожие на бронированные гробы на колесах, эти кубические машины дополнительно оснащались стрелковым оружием, которое устанавливали по периметру.

На тот момент, когда в ангаре оказался Рассел, работа над переоборудованием этих машин все еще продолжалась, хотя уже было закончено семь штук. Несколько боевых машин, покрытые сталью и ошетилившиеся стволами пулеметов, стояли в линию у одной из

стен ангара, отделенные от еще недоделанных моделей. На их броне до конца не высохли широкие полосы желтой краски — отличительного цвета Совета Старейшин.

Рассел быстро сообразил, что данное место, скорее всего, является секретным объектом, одним из немногих в этой не объявленной войне мутантов. И тот факт, что ему позволили оказаться здесь и увидеть всю работу по созданию колесного парка армии ополченцев, говорил о большом доверии со стороны Совета. Хотя, может, это были всего лишь его предположения.

Вблизи свежавыкрашенных машин стоял большой деревянный стол, накрытый квадратным полотнищем карты местности, вокруг которого плотным кольцом столпилось несколько человек. Здесь находился Рик со своим телохранителем, Хамид с парой своих ближайших помощников гибридов, а также Патерсон и Брукс, которые еще утром устраивали расправы над пленными сектантами на потеху толпе беженцев. Подойдя поближе к столу, Рассел заметил еще одного человека, который держался особняком от всех присутствующих.

Высокий и достаточно крепкий человек в форме офицера городской гвардии, на вид ему было не больше сорок лет. По его широкому и закопченному от суровой жизни лбу проходили несколько глубоких морщин, а по щекам росли густые черные бакенбарды, слегка затронутые вкраплениями седины. На правом рукаве виднелся круглый шеврон с эмблемой Свободного города, а на плечах погоны с тремя медными прямоугольниками.

— Позвольте вам представить, — указывая рукой на незнакомца, сказал Хамид, — майор Райен Хамфорд, заместитель командира гарнизона охраны резервации.

Присутствие на совещании представителя гвардейцев могло в корне изменить расстановку сил в гражданской войне среди мутантов. Надменный Рик никак не отреагировал на неожиданного гостя, зато другие наемники сразу оживились, стараясь внимательно слушать все, что говорил приглашенный офицер.

— Я прибыл сюда по личной просьбе полковника Бишоп и постараюсь донести до вас его позицию, — голос офицера был низким и сдержанным. Он старался говорить рублеными фразами, обращаясь сразу ко всем присутствующим. — Насколько вам известно, наш гарнизон придерживался нейтралитета по отношению к обеим противоборствующим сторонам конфликта и я с крайней неохотой вынужден был принять данное приглашение. Однако сейчас полковник Бишоп получил распоряжение от самого Патрициата, с требованием принять меры для завершения дальнейшей эскалации кровопролития. Информация о вашей междоусобной войне начала просачиваться в Свободный город, что выражается сейчас в политическом кризисе среди высшего руководства.

— Как будто раньше никто не знал, что тут война идет и горы трупов, — грубо съязвил Рик, издевательски закатив глаза.

Однако майор Хамфорд никак не отреагировал на его выпад и невозмутимо продолжил свою речь:

— Тайным решением Патрициата, нашему гарнизону было предписано вмешаться в боевые действия на стороне Совета Старейшин, чтобы предотвратить надвигающуюся гуманитарную катастрофу и гибель тысяч беженцев.

— Это происходит из-за перекрытия поставок продовольствия в резервацию, — внезапно вмешался в разговор Хамид, который в данную минуту говорил от лица всех мутантов. — Если поезд с едой и медикаментами снова прибудет к воротам Мусорного города, страданиям тысяч людей будет положен конец.

— До завершения конфликта Патрициат не может рисковать и отправок

продовольствия не будет, — отрубил майор.

— Но мы не можем продолжать борьбу без помощи извне, — Хамид пояснял свое видение ситуации. — Без продовольствия из Свободного города, у нас начался голод и скоро может распространиться эпидемия. Если поставки не возобновятся, то десятки тысяч беженцев, а это в основном женщины и дети, просто умрут голодной смертью.

— Вы можете перевезти беженцев через дамбу на южный берег реки и тем самым спасти их.

— Нет, не можем, — перечил ему Хамид. — Совет уже неоднократно объяснял свою позицию по этому поводу. У нас самих не хватает продовольствия, а беженцев почти тридцать тысяч, нам нечем будет их прокормить. Старейшины давно приняли решение, что нельзя рисковать потерей всего ополчения ради беженцев, это обернется неминуемым крахом всей нашей обороны.

— Наша возможная военная поддержка, — невозмутимо продолжил майор Хамфорд, — будет напрямую зависеть от помощи, которую Совет окажет собравшимся у южных границ беженцам.

— С какого момента вы о них заботиться стали, — опять съязвил Рик. — Твои же солдаты их каждый день отстреливают как индеек, если мьюты слишком близко к стене подходят. Вы так их всех самостоятельно перебить можете, и тогда спасать уже никого не придется.

Но офицер опять проглотил оскорбления, стараясь не обращать внимания на главаря наемников. Он продолжил:

— Патрициат дает нам право, санкционировать переход беженцев через дамбу на юг, после чего они смогут беспрепятственно покинуть территорию резервации и навсегда уйти жить в западные пустоши. Задача Совета в данном случае, только организовать проход беженцев и тем самым спасти их. В обмен, мы окажем вам посильную военную помощь.

— Каким образом? — тут же спросил Хамид.

— Мои разведчики смогут предоставить вам данные о концентрации сил противника и расположении у них складов с боеприпасами и провиантом. Сейчас, по нашим сведениям, силы Братства насчитывают порядка трех с половиной тысяч человек, почти все они сосредоточены вдоль линии соприкосновения с вашей обороной. Сколько сейчас у вас есть солдат способных держать оружие?

— В ополчении остались не больше одной тысячи бойцов, половина из которых плохо вооружены и почти не имеют боеприпасов. Нашей главной силой является отряд Рика, но их всего около сотни, с тремя орудиями, — обреченно пояснил Хамид.

— Возможно это не все имеющиеся у вас силы. Насколько мне известно, — продолжил майор, — в распоряжении Совета есть как минимум один боевой дрон, способный подняться в воздух и атаковать противника.

В этот момент все присутствующие, в том числе сами ополченцы, с интересом посмотрели на Хамида, вынужденного отдуваться за всех Старейшин разом. Гибрид несколько оторопел, так как не ожидал услышать из уст офицера людей подобную информацию, которую Совет тщательно скрывал даже от своих собственных людей.

— У вас чертей даже авиация есть, — озлобленно гаркнул Рик, — а вы молчали? Мы же могли давно стереть этих крыс в порошок, сравнять их всех с землей и не рисковать своими задницами.

— Во-первых, это секретная информация, — начал оправдываться Хамид. — А во-

вторых, этот дрон не сможет в одиночку справиться со всей армией сектантов. Топлива и снарядов к нему хватит только на пару боевых вылетов. Совет решил оставить его для самого критического момента.

— И этот момент уже настал, — тут же отрубил майор. — Через три дня Братство перейдет в наступление, единственный шанс переломить ситуацию в вашу пользу, это ударить по ним раньше, всеми имеющимися силами. Атаки с воздуха они точно не ожидают, а если наземные силы атакуют двумя колоннами по направлению их складов, — в этот момент офицер провел рукой по карте, лежавшей на столе, очерчивая направления возможного наступления, — вы сможете за один день вернуть себе все утраченные ранее территории и забрать их пункты снабжения.

— Откуда столько информации о планах сектантов? — тут же спросил Рик, не скрывая своего подозрения к словам Хамфорда.

— Наш штаб ведет переговоры не только с Советом Старейшин, но и с лидерами Братства. Это помогает нам быть в курсе всей текущей обстановки в резервации.

— Значит, вы можете параллельно предлагать план нападения и для них, — тут же возразил ему Рик. — Теперь вы знаете и точное расположение наших войск, их численность и реальное состояние обороны. Вы видели все наши карты и легко можете нас продать главарям Братства. Так чью сторону гарнизон займет в конечном итоге?

— Подобные подозрения совершенно неуместны, — майор говорил отрывисто, всем своим видом показывая что не испытывает желания оправдываться перед бритоголовым наемником. — Наш гарнизон выполняет только распоряжения Патрициата, и сейчас их приказ оказать поддержку ополчению Совета.

— А если завтра они прикажут ударить нам в спину, тоже выполнять будете? — Рик всегда легко и открыто шел на конфликт, это было частью его взрывного характера. Не дожидаясь ответа, он тут же обратился к лидеру мутантов. — Ты дурак Хамид, если веришь этому напыщенному офицеру. Они легко предадут вас, как только будет отдан приказ от их командования. Запомни, людям на стене совершенно наплевать на всех обитателей резервации и ваши жизни для них ничего не значат.

— Я попросил бы вас сменить тон, — огрызнулся майор, который еле сдерживал себя. — Либо вы немедленно прекратите нести оскорбления в адрес моего командования, либо я буду вынужден прекратить переговоры.

— Рик, прошу тебя, — Хамид вытянул вперед руку, стараясь этим жестом утихомирить разгневанного союзника. — Нам нужна помощь гарнизона, иначе в одиночку мы не сможем противостоять армии Братства.

— Да мне наплевать на твое мнение, — в очередной раз взорвался Рик. — Хочешь ему верить, пожалуйста, а я лично не собираюсь участвовать в этом фарсе. Я не верю ни одному его слову и готов поклясться, что гвардейцы предадут всех нас, как только им поступят новые распоряжения из города.

С этими словами командир отряда наемников быстрым шагом удалился из ангара. После того как Рик и его телохранитель скрылись за створками тяжелых металлических дверей, майор Хамфорд невозмутимо продолжил, как будто ничего не слышал:

— Насколько мне известно, в распоряжении Братства нет противоздушных средств защиты, так как они готовились только к наземной войне. Поэтому атака дрона застанет их совершенно безоружными и наверняка посеет панику в их рядах. Как скоро вы сможете подготовить его к запуску?

— Ну, мне необходимо еще согласовать использование дрона с Советом, — пояснил Хамид. — Но я считаю, что это займет не больше суток.

— А откуда у вас вообще взялся боевой дрон? — внезапно, в разговор вмешался молчавший до этого времени Брукс. Его механические руки были сложены за спиной, образовывая некое подобие горба, а собственные, деловито скрещены на груди.

— Он всегда здесь был. Это наш трофей, оставшийся со времен войны. Когда Совет Старейшин только начал образовываться, более пятнадцати лет назад, нашим техникам удалось найти эту машину на границе северных районов и полностью ее отремонтировать. Как я могу судить, раньше он принадлежал армии Дома Маркуса и был сбит еретиками, где-то в завершающем этапе войны.

— Ладно, с дроном ситуация вроде прояснилась, — вновь начал говорить майор. — Но вы говорили мне, что готовите операцию по вылазке на территорию врага. Она все еще планируется?

— Да, мы как раз собрались сегодня, в том числе, чтобы обговорить детали этой операции.

— Я должен знать обо всех ваших планах по наступлению на врага, — безапелляционно заявил офицер, — только так мы сможем скоординировать совместные действия.

После недолгих раздумий, Хамид сдался.

— Хорошо. Мы находимся тут, — его бронзовый палец скользнул вдоль карты, очерчивая дугу вокруг нарисованной реки и нескольких секторов около нее. Весь этот участок карты ограничивала тонкая красная линия. — Вот здесь, за этой линией, нет ни одного дружественного нам района, там есть только враги. Кроме, вот этого сектора, — его палец уперся в маленький красный квадрат, где-то глубоко во вражеском тылу, — в центре бывшего зеленого квартала находится наша цель. Там еще продолжается вялое сопротивление боевикам Братства и нам необходимо прорваться к застрявшим там людям.

Его указывающий перст поднялся чуть выше ранее обозначенной территории. Небольшое расстояние на карте в действительности оборачивалось путешествием в десять километров сквозь руины и заваленные мусором извилистые дороги, наполненные боевиками Братства.

— Весь этот участок, — он обвел достаточно большую область на юге зеленого квартала, — и все северные районы находятся под контролем сектантов. У них там тыловые части и как нам кажется, они не готовы к серьезным столкновениям.

— Эти данные подтверждает моя разведка, — уверенно добавил майор. Его глаза очень внимательно рассматривали карту, оценивая все нюансы плана. — Если ваш отряд сделает небольшой крюк и пройдет как можно ближе к стене, то вы сможете проскочить все это расстояние почти не замеченными. Своим людям я прикажу, чтобы они не открывали по вам огонь.

— Теперь коротко о нашей цели, — продолжил Хамид. — Несколько дней назад нам стало известно, что спасшиеся беженцы держат там один многоэтажный дом и небольшой пяточок земли около него. У этих беженцев есть оружие и много боеприпасов, поэтому остается надежда, что они все еще живы и продолжают обороняться. Наша задача: добраться до них через подконтрольные врагу территории, забрать людей и по возможности, все имеющиеся у них боеприпасы и оружие, и вернуться назад. Я планировал, что мы выдвинемся завтра ночью, вот на этих машинах.

Вся окружавшая его толпа людей и мутантов развернулась и как по команде уставилась

на ряд свежевыкрашенных боевых машин. На короткое мгновение Рассел подумал, что все же у него остаются шансы выжить во время операции, ведь он будет внутри этой хоть и слабой, но все же стальной брони.

— В темноте у нас больше шансов проскочить незамеченными, — продолжил свое повествование Хамид, — но главная проблема состоит в ином: фарами мы пользоваться не сможем, придется ехать вслепую. К тому же Совет выделил нам для операции только две технички и два гантрака, остальные машины принято решение передать для нужд ополчения.

— Это неплохой план, особенно если вы совместите его с общим наступлением по всей линии фронта, — высказался офицер.

— В каком смысле? Вы что, предлагаете нам ударить по врагу всеми силами разом?

— Практически. Вначале ваша группа прорвется на север, затем удар с воздуха при поддержке артиллерии и полномасштабное наступление всеми силами ополчения и наемников.

— Но это самоубийство. Если у нас ничего не получится, это будет означать полный крах всех войны!

— Этот крах и так будет неизбежен, если вы промедлите с контратакой всего лишь на пару дней.

— Но послушайте меня, — запротестовал было Хамид, но тут же был резко оборван разгоряченным офицером гвардейцев.

— Нет, это вы послушайте. Работа над оставшимися машинами будет закончена к завтрашнему вечеру. Все ваше ополчение и отряд наемников уже находятся на позициях, — майор Хамфорд говорил уверенно, глядя прямо в глаза Хамида. — Если вам удастся уговорить Совет не затягивать с контратакой, то для вашей армии появляются реальные шансы победить в этой войне. Ваш внезапный прорыв на территорию врага может стать еще и отвлекающим маневром, вы сможете оттянуть на себя их тыловые части и посеять панику. А когда вы займете очаг сопротивления в зеленом квартале, вам даже не потребуется вывозить оттуда беженцев. Вместо этого, всему вашему отряду нужно будет лишь занять оборону и дожидаться подхода остальных войск.

— Вы считаете, что мы сможем опрокинуть их одним ударом?

— Безусловно. Мои снайперы с вершины стены помогут вам по мере возможности. Все имеющиеся у вас силы, — Хамфорд вновь бросил взгляд на карту местности, вычерчивая невидимые линии рукой, — пойдут двумя колоннами: на зеленый квартал и к ржавому утесу. Если в центре, после нападения дрона, останутся еще хоть какие-то сектанты, вы легко возьмете их в клещи и раздавите к концу дня.

Слушая о стратегии предложенной майором Хамфордом, Рассел постоянно смотрел на то, как менялось лицо Хамида в зависимости от получаемой информации. Предводитель ополчения Совета, был явно воодушевлен тем планом, что он услышал. Но его страх за возможный провал всей операции и боязнь не суметь убедить Совета пойти на крайние меры, читались на лице гибрида печатью нерешительности. Его глаза долго бегали по карте, периодически отскакивая на лица окружавших его подручных и четверых наемников, в ожидании совета. Хамид все никак не мог принять твердого решения, из-за чего повисшая после выступления майора пауза слишком сильно затянулась.

— Напоминаю вам, — нарушил повисшую тишину Хамфорд, — что первым шагом со стороны Совета, должно быть решение вопроса с расположившимися здесь беженцами. И только затем, гарнизон даст вам гарантии поддержки наступления на позиции сектантов.

— Хорошо, я поговорю со старейшинами обо всем, что вы нам сегодня рассказали. Но на принятие решения по эвакуации беженцев и прочее, может потребоваться много времени, — Хамид наконец-то закончил свой внутренний выбор в пользу плана предложенного майором. — Я прошу вас остаться здесь еще на некоторое время. Вы можете подождать решения старейшин в гостевой палатке.

— У вас нет времени, совсем нет, — мрачно заметил Хамфорд. — И выбирать вам уже тоже не приходится. Три дня это очень малый срок, чтобы решать, соглашаться на наше предложение или нет. Когда будете говорить со Старейшинами, не забудьте им напомнить, что через три дня сектанты пойдут в наступление и скорее всего, одним ударом сметут уже вашу оборону. Я буду ждать ответа в течение двух часов, не больше.

Закончив свою фразу и не задерживаясь больше ни на секунду, офицер вышел из ангара быстрым и уверенным шагом, не попрощавшись и не проронив больше ни слова. В помещении снова повисла гнетущее молчание, фоном для которого были скрежет и лязг стальных пластин, которые рабочие приваривали к оставшимся машинам. Хамид выхватил висевшую у него на поясе рацию и быстро удалился. Даже гибриды не последовали за своим командиром, так как его переговоры со старейшинами никто не должен был слышать.

— А я согласен с Риком, — внезапно нарушил повисшее молчание Брукс. — Этот майор какой-то слишком мутный, он явно ведет двойную игру.

— Наверное, мы зря согласились на эту авантюру, — обреченно произнес Грегори, глубоко выдохнув себе под нос.

— Да какая уже разница, — Брукс повернулся к старику. Стоя вблизи невысокого Грегори, он казался настоящим гигантом. — Единственное в чем я согласен с армейцами, что черные крысы очень скоро нападут на нас. Вы же сами видели вчера, как они прощупывали нашу оборону. Наверняка гады готовятся. Сидеть в сырых окопах и ждать своей смерти, еще глупее, чем довериться этому майору и пойти наконец-то в атаку.

— Надо только прорваться к зеленому кварталу, — подал свой голос Паттерсон. Он злобно улыбался, предчувствуя печальные последствия их будущей авантюры. Его электронные глаза, немного поблескивающие в полумраке, были устремлены на карту резервации. — Когда мы к этому каменному дому доберемся, то от него нам до стены уже совсем недалеко останется, меньше километра. Если из этой затеи с контрнаступлением ничего не выгорит, то мы хотя бы будем поближе к входу из Крысятника, всегда успеем удрать.

— Так тебя часовые и выпустят, — неожиданно съехидничал Грегори. — Там гвардейцев человек триста и автоматические турели на башнях. Как ты собрался через главный ход прорываться, пропуск им покажешь?

Злобная улыбка Паттерсона стала еще шире. Он сделал один шаг по направлению к старику и скинул с плеча штурмовой автомат, который нацелил ему в середину груди.

— Вот мой пропуск на волю, — оскалившись, произнес наемник.

***

Тучи на небе немного расползлись, обнажая редкие крохотные точки звезд и две желтоватых луны, покрытых тонкой дымкой облаков. Разглядывая их, Рассел стоял на краю палаточного лагеря, мерно вдыхая прохладу ночного воздуха. Он не отрывал глаз от наиболее крупной из лун — Гекаты, стараясь разглядеть ее наиболее крупные пятна,

темными кляксами разбросанные на обращенной к людям стороне.

Всего в нескольких десятках шагов, рядом со скучающим наемником, длинной вереницей шла последняя партия беженцев. Сотни женщин, детей и стариков, неся на себе весь свой нехитрый скарб, зачастую умещавшийся в пару тюков, медленно брели к вершине широкого холма. Небольшой отряд ополченцев, занимавших два старых блиндажа у заросшего сухой травой склона, безучастно провожали взглядом эту процессию. Еще несколько дней назад, они бы воспрепятствовали попытке любого из жителей резервации подняться на вершину холма, где начиналась бетонная дамба, подобно мосту соединяющая два берега реки. Но сейчас, уже больше суток эти солдаты равнодушно следили, как длинными колоннами, следующими одна за другой, из прибрежного района уходят десятки тысяч беженцев. Эти люди двигались нестройной колонной, негромко переговариваясь друг с другом, голодные и лишенные сил, они устало брели навстречу неизвестности. Рассел попытался вслушаться в их разговоры, но очень скоро оставил эти тщетные попытки, быстро уловив незнакомую для себя речь.

Много лет назад, когда он беззаботно жил в Свободном городе, то часто сталкивался с гибридами на улице, и каждый раз старался понять хоть что-то из той кавалькады непонятных слов, которую они использовали при общении. Многие из официальных ученых и прелатов Трибунала утверждали, что изначально гибриды и мьюты способны были лишь воспроизводить несвязанные звуки, которые они вычленили из языка «нормальных людей». Свои привычные бормотания, в купе со словами людей которыми они со временем обучились, мутанты однажды сумели перевоплотить в собственный диалект, понятный только им одним. Во всяком случае, так утверждала официальная доктрина Трибунала, которая была слишком презрительна в отношении языков используемых оставшимися в живых мутантами.

Однако, справедливости ради, стоит отметить, что некоторые из ученых в стане еретиков, еще полсотни лет назад утверждали совершенно иное: будто гибриды пользуются сочетанием языка людей и словами из собственных мертвых диалектов, которые существовали у их народа задолго до Великого перелома. По версии еретиков, много столетий назад, гибриды представляли собой несколько совершенно разных рас и народностей, которые позже смешались в одну уникальную ветвь эволюции. Со временем, созданные гибридами диалекты начали использовать мьюты.

Последние группы беженцев неспешно покинули прибрежный район, ставший за эти месяцы для них настоящей тюрьмой. Те немногие из мутантов, что были слишком слабы или больны, чтобы совершить длинный и трудный переход в западные пустоши, остались на обезлюдивших улицах. Свой последний приют эти несчастные находили внутри покинутых жестяных лачуг, которые освободились от прежних хозяев. Однако все улицы речного квартала по-прежнему оставались заваленными тысячами брезентовых палаток и собранных из подручного хлама шалашей, в которых уже никто больше не ночевал. Лишь редкие и слабые огоньки костров освещали некогда переполненный людьми район.

После наступления второй ночи, с промозгой и запруженной нищенскими палатками улицы исчезли даже многочисленные стражи. Не было никого из тех вооруженных топорами и копьями мутантов, которые еще два дня назад зорко охраняли военный ангар, в надежде получить дневной паек. Мрачная улица теперь оказалась совершенно безлюдной, и никто из оставшихся беженцев даже не выглянул из своих лачуг, чтобы посмотреть на движущуюся под покровом ночи колонну бронетехники.

Она выстроилась на границе контролируемого ополчением района и последние приготовления к опасной экспедиции были почти завершены. Четверо наиболее крепких и рослых мьютов стали водителями всех броневиков. По мнению Хамида, лично руководившего проведением операции, именно мьюты лучше других знали Мусорный город со всеми его переулками, лабиринтами хижин и заваленными различным хламом дорогами. Наемников-людей он решил разместить по двое в экипаже обеих техничек, куда в качестве дополнительной поддержки усадил по одному из своих наиболее преданных бойцов ополчения. Все остальные солдаты Хамида вместе с ним заняли кузова двух бронированных грузовиков.

Совершенно буднично, будто это была легкая прогулочная поездка, маленький караван машин потянулся по направлению к возвышавшейся на востоке бетонной стене, огромным серым пятном закрывавшей половину ночного неба. В полной тишине, даже не включая фары и двигаясь со скоростью среднего человеческого шага, четыре броневика ехали по широкой дороге, тянувшейся по окраине всего речного района. Под колесами тихо хрустел щебень и куски асфальта. Иногда стальные борта машин таранили некоторые из стоящих на дороге шалашей и палаток, легко рассыпавшихся под ударами броневиков.

Рассел стоял в полный рост внутри переделанного кузова легковушки, стараясь сильно не высовываться за края брони. Защищенный со всех сторон стальными листами, он крепко сжимал рукоять пулемета, плотно прижимая его приклад к плечу. У его ног, просунув ствол сквозь небольшую амбразуру, сгорбившись, сидел Грегори. Почетное место рядом с водителем, возле рукоятки второго пулемета, занимал один из гибридов Хамида. Впереди них не было никого, только дорога, ведущая к стене и охватывающая широким серпом дальние позиции врага, а позади медленно катились еще три бронированные машины.

Широкий стальной плуг, приваренный на капот автомобиля, скрежеща, раздвигал перед ними валявшийся на дороге мусор. Через несколько минут, проведенных в полной тишине и невероятном напряжении, экспедиционный караван выехал на широкую асфальтированную площадку, с которой начиналась нейтральная полоса, разделявшая две враждебных армии.

Позади них оставались лишь холодные серые руины и жестяные дома-муравейники, а также глубокая сеть траншей и блиндажей, с тысячей вооруженных ополченцев. Впереди высились знакомые и однообразные безлюдные развалины, окруженные широкой полосой заграждений из колючей проволоки. Безжизненность и кажущаяся пустота чужих руин была очень обманчивой. Морально готовясь к самому худшему исходу этой операции и всячески стараясь подавить в себе страх, Рассел еще крепче сжал рукоять пулемета и направил его ствол вверх, на крыши заброшенных домов.

Без тени страха или сомнения мутант-водитель уверенно повел машину на лобовой таран с проволочным заграждением. Заскрежетала сталь. Два небольших наспех сколоченных из подручного мусора железных «ежа» стали царапать асфальт, двигаясь вслед за натянувшейся колючей проволокой. Водитель добавил газу, и машина рывком скакнула вперед, пропоров широким плугом проволочные заграждения.

Некоторое время спустя, они проезжали под большим металлическим мостом, высоким навесом скрывавшим пограничную часть дороги. С железных балок и перекрытий моста свисали три подвешенных за ноги обезображенных тела. Их страшные силуэты, лишь отчасти различимые в темноте, медленно покачивались на ветру. Они создавали мрачное предупреждение для всех, кто пытался проникнуть на территорию подконтрольную вооруженным сектантам Братства Аэрона.

Завидев их через бойницу, Грегори сжался в комок на дне кузова, стараясь не поднимать голову и не наткаться взглядом на обезображенные трупы этих несчастных. А Рассел, который не мог спрятаться от отвратительного зрелища в глубине машины, лишь сильнее вжал приклад пулемета себе в плечо. Он принялся набирать в легкие больше воздуха, чтобы сдержаться себя, как только почувял тошнотворный смрада разлагающихся тел.

Когда они проехали мост и примерно на сотню метров углубились во вражеский район, раздались первые выстрелы. Короткая автоматная очередь звонко простучала по стальной броне автомобиля. Не различая в темноте и суматохе врагов на черных и пустых развалинах кирпичных домов, Рассел открыл огонь наугад.

Сверкающие огни пулеметных пуль помчалась вдаль, рассыпаясь на смертоносные искры по обвалившимся стенам и крышам каменных развалин. Машина взревела двигателем и рванула вперед под градом автоматных пуль, сыплющихся на нее со всех сторон. На высоких кирпичных развалинах и шиферных крышах жестяных лачуг то и дело вспыхивали огоньки, вырывавшиеся из оружейных стволов.

Попытка незамеченными проникнуть на вражескую территорию с треском провалилась, даже не успев начаться. Стреляя из всего доступного оружия, караван из четырех броневиков мчался через окружение, сметая все на своем пути и совершенно не стесняясь включенных фар и грохота крупнокалиберных орудий.

На первом же перекрестке, со стороны невысокой железобетонной коробки, зиявшей пустыми глазницами окон, выскочили трое мутантов. Благодаря своей изодранной красной форме сектанты были неплохо различимы даже ночью. Свет фар скользнул по ним, сделав на мгновение видимым и большую широкую трубу, которую один из них пытался поднять на своем плече.

Водитель резко вывернул руль, и на полном ходу, скрипя шинами, машина обернулась на девяносто градусов. Раздался хлопок, переросший в нарастающий свистящий гул. Большая красная точка, оставляя за собой огненный шлейф, пронеслась в нескольких метрах над головой Рассела, на секунду обдав его горячим воздухом.

Ракета шарахнулась об стену соседнего здания и тут же превратилась в огромный ярко-оранжевый взрыв. В огненном всполохе света можно было даже увидеть, как поднялось густое облако пыли и песка, а затем начали обрушаться и без того ветхие перекрытия.

Караван свернул на соседнюю улицу под настоящим градом пуль и помчался дальше по ней, разметая стальными бортами случайно попадававшихся на пути сектантов, которые пытались на ходу запрыгнуть во вражеские машины. Со всех сторон на них дополнительно сыпались выстрелы.

Расстреляв целую обойму всего за несколько минут, Рассел с негодованием подумал, что теперь менять диск пулемета придется на полном ходу. Машину трясло от бешеной скорости, мотая из стороны в сторону. Вильсон, что-то невнятно кричащий и более разборчиво матерившийся, при каждом очередном крутом повороте с налета бился головой об амбразуру.

Главное, что спасало в этой ситуации весь крохотный отряд, это их водители. Мьюты, на поверку оказавшиеся профессионалами своего дела, хорошо ориентировались в узких улочках зеленого квартала, умело маневрируя и уводя караван все глубже в оборону врага, и не подставляясь под удары ракет.

С каждым новым поворотом кучность стрельбы становилась плотнее. На некоторых

крышах уже загоготали вражеские пулеметы. И пули, как горох, звонко бились об стальную обшивку машин.

Сгибаясь в три погибели, Рассел старался не высовываться из-за высоких листов стальной брони. Узкий щит, приваренный на цевье пулемета, хотя и защищал его от шальных пуль врага сверху, но при этом давал слишком мало обзора. Так что стрелять Расселу приходилось наугад, инстинктивно наводя ствол туда, откуда он больше всего ожидал нападения.

Еще через несколько минут закончился и второй диск. Рассел бросил рукоять пулемета и упал на дно кузова рядом с Грегори. Сильно перегревшийся ствол безропотно устоял в ночное небо. В полной темноте, да еще и во время сильной тряски, Рассел стал нервно нащупывать руками запасные обоймы, вывалившиеся из патронного ящика. Но металлические диски упорно не хотели поддаваться ему, резво откатываясь в разные стороны и постоянно выпадая из его трясущихся рук. В эту же секунду он впервые услышал голос сопровождавшего их гибрида, который радостно воскликнул:

— Вон там... мы почти у цели, — но слова его потухли в резком и звучном грохоте, раздавшемся где-то под сиденьем водителя.

С корнем вырвав правое колесо, снаряд разлетелся на мелкие куски. Машину слегка подбросило и повело из стороны в сторону. Скрежеща сталью по асфальту и высекая искры металлическим плугом на капоте, машина начала заваливаться набок.

Рассел старался вцепиться руками во что угодно, лишь бы не вылететь из кузова броневика под перекрестный огонь противника. Но в ту же секунду, уже вспахивая асфальт своим правым боком, машина получила сильный удар сзади. Повернувшись на все сто восемьдесят градусов, броневик завертелся как волчок и через несколько секунд неожиданно замер, как будто в ожидании еще одного толчка.

Почти как игрушку откинув впереди идущую машину в сторону, бронированный грузовик, следовавший за автомобилем Рассела, кинулся напролом, разметая все преграды на своем пути и поливая врага кучным огнем из четырех пулеметов. Так или иначе, но маленький караван достиг своей цели, выехав наконец-то на широкую площадь, заставленную разнообразным хламом, побитой техникой и ржавыми машинами.

Семиэтажный кирпичный куб был единственным относительно целым зданием в округе. Вдоль его стен зияли пустые окна, на первых двух этажах заваленные и перекрытые разнообразным металлическим хламом. На обугленной широкой бетонной крыше что-то тускло горело, и поднимался густой столб черного дыма.

На полном ходу бронированный грузовик таранным ударом врезался в первый попавшийся ржавый каркас неизвестного автомобиля. Наполненная гибридами и оружием бронированная многотонная махина подпрыгнула от удара, но все же смогла устоять на колесах и даже не завалилась набок. А вот следовавшей позади легковушке повезло меньше.

Стараясь не протаранить первый грузовик, водитель «технички» резко вывернул руль и принялся тормозить. На ходу, из ее бронированного кузова чудом успели выскочить Нил и Брукс, которые стреляя из автоматов во все стороны, трусцой побежали за спасительные укрытия. Оставленная стрелками машина, скрипя шинами на побитом асфальте, неудачно подставила свой бок под огонь врага. Раздался уже знакомый хлопок, и еще одна пылающая точка метнулась в ночном небе. Прodelав короткий полет, снаряд угодил точно в цель.

От взрыва машину и оставшихся в ней мутантов высоко подкинуло, нелепо перекувырнув в воздухе. Долю секунды спустя огромная пылающая масса железа с грохотом

шлепнулась на землю. Вслед за ней на полном ходу в центр заваленной хламом площади вылетел второй «гантрак», единственный из всех четырех машин умудрившийся доехать относительно целым. Зашипев шинами на побитом асфальте, он помчался к многоэтажному зданию, стараясь найти защиту у его бетонных стен.

Но затем произошло то, чего не ожидали ни бойцы маленького спасательного отряда, ни их враги — сектанты Братства Аэрона. В торце единственного на всей улице каменного строения распахнулось маленькое окошко, до этого прикрытое листом железа. Из чернеющей впадины на теле разваленного дома вылетела струя огня. Поливая всю округу кучным пулеметным дождем, неизвестный стрелок всячески старался поддержать выживших из отряда спасателей и прикрыть их отступление. Затем огонь был открыт и из других окон дома.

Не теряя лишнего времени, из кузова бронированного грузовика, вперившегося тупой мордой в груды ржавого железа, стали выбегать люди. Вытаскивая ящики с патронами, и отвинчивая с турелей пулеметы, гибриды под предводительством Хамида гуськом направились к семиэтажному дому. По пути к ним присоединились ополченцы из экипажа второго грузовика, также похватавшие свое самое действенное крупнокалиберное оружие.

Рассел очнулся внутри заваленного набок броневика. Он не впадал в беспамятство и не терял сознание. Просто все это время он лежал неподвижно и, затаив дыхание, выжидал какого-то более удачного момента, чтобы подняться. Молча и вдумчиво слушая пульсацию крови в своих висках. Вернуться к реальности его заставил скрежет шарниров в износившемся протезе Грегори. Старик, постанывая, переворачивался на другой бок, ощупывая свой разбитый окровавленный нос.

Клерк-неудачник, не знавший до недавнего времени ничего о военном деле, попытался подняться на ноги. Параллельно он нашаривал рукой хоть какое-нибудь оружие, валявшееся в перевернутом кузове.

Суставы болели, повсюду были ушибы и царапины, над правым глазом оказалась рассечена бровь и что-то красное, замеченное боковым зрением, стекало по его щеке. Брожение холодных пальцев по днищу автомобиля дало слабый результат. Под рукой Рассел нащупал только несколько дисков для пулемета, уже совершенно бесполезных, и горку пустых гильз. Развинчивать главное орудие броневика уже не было времени. Поэтому пользоваться приходилось единственным доступным оружием — упрятым за пояс армейским пистолетом с удлиненным стволом.

Грегори поднялся, тяжело дыша и совсем потеряв ориентацию в пространстве. Он с трудом мог стоять на ногах и постоянно норовил упасть, глупо выставляя вперед руки и балансируя ими. Непонимающе вертя своей головой, старый вояка все-таки вынес самое главное из останков перевернутого автомобиля — штурмовой автомат, закинутый за плечо.

Наверно эта сцена выглядела очень нелепо со стороны, но Расселу в тот момент так не казалось, да и попросту было плевать. Стреляя наугад из пистолета, скорее ради воодушевления, чем для пользы, Рассел, пригибаясь и хромая, бежал впереди. Держа его за руку и закинув голову с разбитым носом к безмятежному звездному небу, за ним следовал седой старик, скрипя на каждом шагу поношенными шарнирами и волоча позади себя бессмысленный автомат.

Эти двое то бежали трусцой, то просто шли быстрым шагом. Петляя из стороны в сторону, как зайцы, между разрушенных и ржавеющих остовов машин, заполнявших эту широкую площадь. Они огибали одно препятствие, пригибаясь как можно ниже к земле,

затем быстрым рывком пробежали меж двух других. А над всем этим безобразием, мечущимся среди кладбища подбитой техники, разлетались красные огни пулеметных пуль, которые то и дело проносились в опасной близости от их голов.

На мгновение Рассел понял, что кроме звучного баса дружеских орудий, он не слышит больше никаких выстрелов. Скорее всего, сектанты из Братства просто не стали рисковать и размениваться на такую жалкую цель как они. А может, вооруженные до зубов мутанты весело наблюдали за этой нелепой сценой, двумя бегущими неудачниками тщетно пытавшимися спасти свои жизни. Наверняка сектанты очень живо обсуждали это зрелище, громко смеясь, а еще они ждали какой-то совершенно нелепой и фееричной развязки полуночной комедии.

Еще спустя пару длинных очередей пулемета над двумя отставшими наемниками уже нависло широкое кирпичное строение, разинувшее двустворчатые железные ворота в центре. Рассел, дотащивший все-таки за руку своего престарелого соратника, и израсходовавший по пути всю пистолетную обойму, не задумываясь о последствиях, кинулся в черноту открытых дверей.

Внутри здания не было электричества, и даже уличный свет здесь являлся непозволительной роскошью, так как большинство окон на первых трех этажах были наглухо заколочены. Беженцы, скрывающиеся здесь, пользовались только свечами и керосиновыми лампами. Всего тут находилось не больше сотни человек, включая женщин и детей, которые занимали просторные, но при этом сырые и холодные помещения на первом этаже. Стены там были наиболее крепкими и почти не тронутые временем, так что приходилось жертвовать комфортом ради спасения их жизни. Огромный пустой бокс с высокими потолками был заполнен десятками изможденных и больных людей.

Стройные ряды лежанок, расставленные, будто койки в военном госпитале. Одиноко пылающие свечи и керосиновые лампы, на подставках из жестяных ящиков. Женщины с исковерканными и уродливыми лицами, укутанные в многослойное тряпье и их уродливые дети, бесконечные котомки, сумки, мешки. Все, что мутанты сумели увезти с собой из пустошей.

Вряд ли эти люди догадывались, что прибрежные районы, где они рассчитывали спастись от разъяренных сектантов, мало чем отличаются от этого мрачного полуподвала, в котором у них хотя бы было надежное укрытие от непогоды и многочисленных врагов. Конечно, здесь они были отрезаны от остальных жителей резервации, находясь в плотном кольце окружавших их сектантов, и периодически подвергались обстрелам. Но при этом они были в относительной сытости, имели надежную бетонную крышу над головой и не рисковали при этом подхватить чуму.

В дальнем углу этого огромного зала были навалены груды коробок с едой и медикаментами. У противоположной стены двое мужчин-мутантов пытались соорудить небольшую печку из ржавой жестяной бочки. Они умело орудовали молотком и ножовками, постоянно что-то радостно выкрикивая и сдавленно ругаясь.

Соседний зал, который был почти вдвое меньше первого, беженцы переоборудовали в загон для своих животных. Примерно три десятка огромных уродливых свиней, покрытых клочками черной шерсти, постоянно напоминали о себе длинным и протяжным воем. Мутанты называли этих зверей вепри и периодически подкармливали объедками. Смрад и вой от этих созданий стоял такой сильный, что Рассел не понимал, как мутанты могут

просто находиться по соседству с этими тварями, не говоря уже о продолжительной жизни рядом с ними.

Хотя, если задуматься, то и сами «люди», как себя именовали беженцы-мутанты, мало чем отличались от животных, которых они выращивали. Эти мьюты не родились здесь, да и вообще не были жителями Мусорного города. Они пришли в резервацию всего несколько недель назад, из северных пустошей, когда бои уже полным ходом шли в центральных районах города. В тот период зеленый квартал на востоке резервации еще оставался одним из наиболее безопасных и спокойных мест во всем мусорном городе.

Первое время местным обитателям удавалось поддерживать жидкий нейтралитет в развязавшемся конфликте. Но когда эта странная гражданская война докатилась и до восточных окраин города, их миролюбивой общине пришлось обороняться. Небольшая часть мутантов, в основном это были представители пришлого из северных пустошей племени и несколько семей обитавших ранее в этом районе, решили занять самое крупное и крепкое здание в квартале и ждать помощи. Остальные же обитатели зеленого квартала попытались прорваться на юг, на территории, подконтрольные Совету. Но лишь немногие из тех, кто с боем умудрился выйти из окружения, смогли добраться до своей цели. Именно они и рассказали об оставшейся в зеленом квартале общине пришлых мутантов, и про многочисленный отряд боевиков Братства, взявших их в блокаду.

Эти несчастные мьюты, прибывшие в Мусорный город в поисках лучшей жизни из мертвых и опасных пустошей, сами того не ведая, оказались в центре настоящей войны. Вместе со своими женщинами и детьми, со своим скотом и скудными пожитками, они были вынуждены ютиться в этом старом здании, постоянно рискуя обвалиться, и держали каждодневную оборону от многочисленных врагов.

Стараясь не смотреть на окружавших его мутантов, Рассел сидел на узкой металлической кушетке у самого выхода из помещения. Подолгу разглядывая сырой и грязный потолок, он прокручивал в голове различные варианты дальнейшего развития событий, каждый раз придумывая что-то более устрашающее. Он не хотел сидеть в этом затхлом и мрачном зале, в окружении столь омерзительных созданий, но и уйти прямо сейчас он не мог. Рассел ждал, когда женщины мьюты заштопают раны Грегори. Одна из них уже осмотрела самого Рассела, сделав несколько стежков над глазом и выдав ему пузырек с обезболивающим — пахучей и горькой жидкостью.

Приближающиеся шаги старика он услышал еще издалека по знакомому скрипу шарниров. Улыбающийся и радостный Вильсон, который был слишком уж весел и беспечен для их незавидного положения, появился в дверном проходе. Нос был замотан бинтом, проходившим через все лицо, сквозь который слегка проступал кровавый развод. Следом за стариком в общий зал вошли еще двое: лидер местных мутантов, гибрид которого все называли доктором и Хамид, громко споривший с главой здешнего племени.

— Меня не волнует ваше мнение, у меня есть приказ, — разгорячено говорил Хамид, почти переходя на крик. — Здесь должен быть выход на крышу, нам необходимо подняться туда, любой ценой.

— Поймите, это опасно, — объяснял свою позицию доктор. Он был невысоким и худым стариком, с темной кожей и овальным лицом. — Вы окажетесь легкой мишенью для снайперов на соседних крышах...

— Мы и так уже попали под обстрел, а весь транспорт выведен из строя, так что эта излишняя осторожность в сложившейся ситуации совершенно бессмысленна. Мне

обязательно нужно подать сигнал нашим войскам, они должны видеть, что отряд добрался до цели.

Потеряв всякое желание дальше перечить командиру экспедиционной группы, доктор обреченно вздохнул и знаком руки повел всех желающих на широкую бетонную лестницу, спиралью ведущую наверх. Грегори отказался от сложного для него подъема, зато кроме пары ополченцев, вслед за Хамидом отправились Брукс и Нил, которые хотели осмотреть район с крыши. Рассел пристроился в конце всей этой процессии.

Миновав шесть лестничных пролетов и чердачные помещения, они оказались на большой и плоской бетонной крыше, на которой было расставлено несколько железных бочек, с тлеющим в них огнем и пара мьютов в лохмотьях и с оружием, которые держали здесь дозор по приказу доктора.

Хамид выбежал в центр крыши, даже не подумав немного пригнуться и забыв о потенциальной опасности, которую представляли стрелки Братства, прятавшиеся в округе. Практически не целясь, он вскинул вверх свой автомат и выстрелил из подствольного гранатомета. Раздался сдавленный хлопок и красная сигнальная ракета рванула к светлеющему небу покрытому пеленой дождевых облаков, через тонкие разрывы которых уже занималось утреннее солнце. Как будто ответом на появление красного зарева, в течение нескольких секунд накрывшего весь район, в соседнем квартале среди бесконечных лабиринтов жестяных лачуг раздалась одиночные выстрелы.

Нил толкнул в плечо Брукса, указав на возвышавшуюся у восточных окраин серую бетонную стену, которую было хорошо видно с крыши этого здания. От места их новой дислокации до стены резервации оставалось меньше одного километра и наемники стали обсуждать возможный способ добраться до нее.

Не обращая никакого внимания на их разговоры, Хамид словно вкопанный замер на месте, упрямо вглядываясь на юг, где над безмятежными водами реки возвышалась сияющая громадина гидростанции. Он заворожено ждал ответного сигнала, от которого зависела судьба всех его соплеменников и возможный исход гражданской войны в резервации.

Минуты потянулись тягучей лентой. Некоторое время спустя, ополченцы, уставшие ждать неизвестного ответа, покинули своего командира и расположились возле одной из жестяных бочек, греясь у дымного огня. Доктор скоро исчез в дверном проеме, отправившись на нижние этажи, к своим каждодневным обязанностям. Брукс и Нил устало присели возле кирпичной будки, где начиналась чердачная лестница, умиротворенно разглядывая серое дождливое небо. Утренний свет все сильнее пробивался сквозь небесные прорехи, наполняя собой всю округу и делая более различимыми многокилометровые сети жестяных хижин и каменных развалин.

Прошло еще около получаса, когда вдалеке над прибрежным районом раздался шум. Ответный сигнал, которого так долго ждал потерявший всякую надежду Хамид, наконец-то проявил себя, хоть и в несколько иной форме. Со стороны сверкающей цитадели гидростанции раздалась первые выстрелы орудий, где-то вдали послышался грохот взрыва от упавших снарядов и крики людей. Затем утреннюю тишину разрешила канонада первых выстрелов. Вместе с этим, сквозь крики и шум стрекочущего оружия, был отчетливо уловим нарастающий гул, доносившийся с южного берега реки. Несколько секунд спустя, в небе над водозабором показался черный силуэт летающей машины

Огромная железная птица, расправив четыре заостренных узких крыла медленно плыла вверх, упрямо приближаясь к свинцовым тучам. С ее корпуса короткими всполохами

голубого цвета вырывались струйки пламени из сопел двигателя. Спустя еще несколько секунд, боевой дрон, подобно чудовищной хищной птице рванул вперед, очертив под сводом серого неба длинную белесую дугу.

От его корпуса отделился один из снарядов. Отлетев всего на несколько метров в сторону, железное тело ракеты распалось на множество малых частей, которые веером рассыпались на полотне небосвода. Каждый из кассетных зарядов, с удвоенным ускорением рванул к земле, оставляя после себя тонкий горящий шлейф. В эту же секунду над горизонтом каменных развалин раздалась серия взрывов. Один за другим, по рядам нагроможденных жестяных лачуг поднимались столбы пламени, зарождавшие внутри себя едкие облака черного дыма. Грохот был такой силы, что его отголосок даже почувствовали те, кто наблюдал за ходом сражения с крыши кирпичной крепости.

Увидев как дрон, всего с одного залпа уничтожил первую линию баррикад в обороне сектантов, Хамид и его подручные солдаты тут же радостно закричали, сопровождая этот возглас пальбой из винтовок в воздух. Наемники молчали, сдержанно наблюдая за развитием событий. Выдав две длинные очереди по останкам баррикад из своих пулеметов, железная птица рванула к западной границе, готовясь к следующему заходу.

На земле раздалась новые залпы орудий. Рик со своим отрядом наемников расчищал остатки обороны противника, не решаясь раньше времени прорываться в ближний бой. Однако со стороны бывшего квартала беженцев, показались первые броневики и несколько групп ополченцев, в желтых одеждах. Нестройными рядами они неожиданно кинулись в атаку на позиции противника, рискуя попасть под обстрел орудий наемников либо ракеты боевого дрона.

— Куда они поперлись? — тут же грубо крикнул Брукс, не отрывая взгляда от развернувшегося сражения. — Твои придурки, Хамид, твои критины. Почему они полезли в бой раньше времени? Что они делают?

— Я не знаю, — командир отряда был разгневан не меньше его и озлобленно отбивался от нападков наемника. — По плану, они должны были выступать только через полчаса. Я не отдаю им больше приказов и не могу знать, кто потащил людей в эту тупую атаку.

Но их спор был прерван вторым появлением небесного хищника. Пройдя гораздо глубже в оборону противника, дрон начал сыпать на своих врагов все имеющиеся у него запасы снарядов. Он почти не замирал на одном месте, стараясь постоянно описывать круги над центральными кварталами.

С земли тут же стартовали две ракеты, черными точками, оставляя после себя дымный шлейф, они понеслись на встречу к стальному чудовищу, истреблявшему десятки сектантов прямо с воздуха. Но дрон легко уклонился от них и ракеты ушли по навесной траектории дальше в небо. Под куполом свинцовых туч раздалось два коротких хлопка. Еще несколько секунд спустя, с земли полетела очередная бесполезная ракета, которая также промахнулась.

Уже не обращая никакого внимания на выступивших раньше времени ополченцев, Хамид радостно кричал, приветствуя успехи железной птицы — главного оружия в армии Совета Старейшин. Гибриды громко ликовали, размахивая винтовками и ликуя, теребили друг друга за плечи. Из кирпичной будки, ведущей на чердачную лестницу, высыпала группа мутантов, во главе со своим лидером и остатки экспедиционного отряда. Все они также приветствовали успехи железной птицы в развернувшемся воздушном сражении.

Но тут случилось неожиданное. С дальней окраины центрального района, в небо по очереди поднялись еще две ракеты, которые летели гораздо быстрее предыдущих, оставляя

после себя густой хвост белого дыма. Обе этих ракеты направились точно по направлению к дрону, совершив крутую дугу под свинцовым куполом дождевых облаков. Четырехкрылая птица рванула в сторону, уходя дальше в глубины западных кварталов, но преследовавшие ее ракеты также изменили траекторию.

Боевой дрон рванул вверх, с бешеной скоростью начиная набирать высоту. Позади себя он оставлял снопы разлетающихся в стороны горящих точек, веером падающих на землю. Но выпущенные сектантами ракеты не среагировали на ложные цели, и также устремились к серому небосводу, преследую железного хищника.

Поравнявшись со своей целью, одна из ракет взорвалась в небе гулким хлопком, оставив вместо себя сноп горящих искр и дымное облако разлетевшихся осколков. Дрон сильно дернуло в сторону, на мгновение, потеряв управление, он замедлился в полете, и в этот момент вторая ракета настигла его, ударившись в днище. По небу подобно раскату грома пронеслось эхо сильного взрыва. Из днища железной птицы сочился черный столб дыма. Закрутившись в воздухе как волчок дрон начал стремительно терять набранную высоту. Еще несколько секунд спустя он почти беззвучно упал на дальних окраинах резервации, навсегда скрывшись из поля зрения.

Еще несколько минут назад ликовавшая толпа мутантов погрузилась в гробовое молчание. Вдалеке по-прежнему слышались взрывы от артиллерийских снарядов и глухой клекот автоматных очередей.

— Нет, — из пересохшего рта Хамида с трудом вырывались слова, — этого не может быть. Откуда? Откуда у них эти ракеты?

Он обернулся к стоявшим позади него людям. Глаза командира экспедиционного отряда были мертвенно стеклянными, он непонимающе смотрел в лица своим солдатам, надеясь найти в них ответы на все мучившие его вопросы.

— Ты дурак, — слишком спокойно протянул Брукс, делая тяжелый выдох. — Ты еще не понял? Они кинули тебя, твои гвардейцы, они вас всех поимели.

— Но зачем? — искренне недоумевал гибрид. — Зачем они сделали это?

— Наверняка этот мудака майор сообщил сектантам о ваших планах наступления. О том, что у вас будет дрон, и о времени, когда вы станете его использовать. Он поимел вас всех, обе враждующие армии. А ты повелся на его рассказы, уши развесил, как уличная девка.

— Но для чего? Зачем они это сделали?

— Потому что ему наплевать на ваши жизни, я ведь тебе говорил. Гвардейцы стравили вас, чтобы было как можно трупов с обеих сторон. Не исключено что они сами и поставляли оружие сектантам, поэтому и не предупредили вас о наличии у них ракетной установки. Сегодня сектанты перебьют всех твоих и наших людей, а завтра захватить водозабор и Цитадель. А все что останется от их армии, потом вырежут сами гвардейцы. Или просто перекроют поставки еды в резервацию навсегда. Ты дурак, — после короткой паузы вновь повторил оскорбление наемник. — Ты подставил нас всех, мы все теперь трупы из-за тебя. Рик оказался прав, нельзя было никому верить.

Люди и мутанты, которые всего несколько минут радостно толпились на крыше каменной крепости, теперь длинной веренице побрели назад, сохраняя обреченное молчание. Со своего поста ушли даже часовые выставленные доктором. Ошарашенный произошедшими событиями командир отряда остался в полном одиночестве.

Он медленно сполз на холодный бетон, устало сев на колени. Его стеклянные глаза наполнились тонкой влажной пеленой.

— Я подвел их, — даже слова произнесенные шепотом тяжело давались его потрескавшимся губам. — Я подвел их всех. Мы проиграли, проиграли войну... и все из-за меня... это я во всем виноват...

Хамид повторял эти фразы снова и снова, не желая больше подняться с колен и не слушая канонаду ракетных залпов, которая донеслась со стороны центрального квартала и громогласной серией взрывов завершилась у самого берега реки Лисс. Его рука рефлекторно потянулась к рукоятке армейского пистолета, висевшего на поясе. У него еще оставались патроны. У него еще оставался последний выход.

***

Брукс назначил сам себя новым командиром, его кандидатуру поддержал Паттерсон, а Грегори и Рассел безмолвно приняли такое положение дел. После смерти своего прежнего лидера, пятеро оставшихся гибридов были вынуждены подчиняться людям, как наиболее ценным кадрам в сложившейся ситуации. Хотя надо отметить, что делали они это без явного сопротивления и даже излишне покорно. Все же матерые наемники, с механическими имплантатами на теле, вызывали у мутантов определенную степень уважения и страха.

К вечеру, когда стихла канонада взрывов и выстрелов, раздававшихся около водозабора, внутри кирпичного дома-крепости повисла и без того тяжелая атмосфера неизбежной катастрофы. Отчетливее всего, надвигающуюся страшную развязку ощущали наемники и оставшиеся в живых гибриды из отряда. Они прекрасно понимали, что как только сектанты покончат с сопротивлением последних бойцов ополчения, то смогут перебросить дополнительные силы, чтобы окончательно стереть этот дом в порошок, вместе со всеми прятавшимися в нем беженцами. Крепость, которая должна была стать долгожданным спасением, для десятков мутантов нашедших в ней пристанище, всего через несколько часов могла превратиться в их общую могилу.

Вы уверены, что другого выхода здесь нет? — как-то слишком спокойно для сложившейся ситуации спросил Брукс. — Нам нужно еще раз осмотреть все коридоры и подвалы, ведь здание очень большое. Здесь наверняка был какой-нибудь подземный ход или, может, спуск в канализацию.

Доктор был одет в белый потрепанный халат, поверх которого носил наброшенную на плечи серую офицерскую шинель, с ее рукавов и плеч были сорваны погоны и все знаки отличия. Его правая кисть оказалась забинтована, но он активно продолжал пользоваться ею, видимо ранения было не серьезным. Взгляд этого престарелого мутанта был холоден и спокоен.

— Поверьте мне, — также сдержано ответил доктор, — мы и сами вначале так думали. Но здесь совершенно ничего нет. Единственный доступный для нас выход наружу — это ворота на первом этаже, через которые вы и вошли в это здание. Больше мы никак не сможем покинуть его, других путей здесь попросту нет.

— Тогда мы здесь не в крепости, а в ловушке, — пессимистично заметил Брукс. — Даже если попытаемся проскочить ночью, все равно попадем под обстрел сектантов. Хотя, даже на такую безумную авантюру мы больше не способны, у нас попросту не хватит сил для осуществления прорыва. Все оставшиеся машины во дворе наверняка уничтожены, из тридцати солдат, что выехали из лагеря утром, нас осталось только девять. А у вас наберется, от силы человек десять-пятнадцать, способных оружие в руках держать...

— В нашем племени осталось шестнадцать охотников, — констатировал доктор.

Этот необычный гибрид с очень спокойными и умными глазами, казалось, совсем не был расстроен сложившимися обстоятельствами. По всей видимости, у него был свой собственный взгляд на их незавидное положение:

Но посмотрите на это с другой стороны, — тут же начал доктор. — У нас очень много запасов еды и воды, много оружия и патронов. Тем более что и качественных солдат у нас теперь стало значительно больше. Конечно, за счет вас и ваших людей прибавилось несколько лишних голодных ртов. Но, в конце концов, если разумно расходовать наши запасы еды, то здесь их хватит на несколько месяцев или даже год.

— Месяцы, — усмехнулся Брукс. — Но через несколько часов уже все может быть кончено. Вы наверняка даже не понимаете, что это был последний бой нашей армии, всей войны. Вы хоть представляете реально положение дел в Мусорном городе?

— Разумеется, нет, — с улыбкой легкой иронии ответил доктор. — Мы были заперты тут почти месяц и оторваны от всего, что происходит снаружи. Буду очень признателен, если вы посвятите меня в последние события.

Брукс посмотрел на доктора с легкой долей сожаления. Это было не свойственно жестокому наемнику, но в сложившейся ситуации он даже немного позавидовал, наивной неосведомленности лидера общины об их реальном положении.

— Последние новости предельно просты — все полетело к чертовой матери, — глубоко вздохнув начал Брукс. — Мы перестали слышать выстрелы у водозабора, а это значит, что последняя линия обороны перед дамбой пала и к утру, сектанты из братства займут южный берег реки и захватят гидростанцию. Фактически, уже весь Мусорный город оказался в их руках.

— Значит, нам уже некуда эвакуировать наших людей, — задумчиво произнес доктор, видимо, до конца еще не понявший смысл рассказа наемника. — И другой помощи извне нам ждать не придется.

— Откровенно говоря, — Брукс немного замялся, произнося эти слова. — Вам и прежде не оказали бы помощь. Целью нашей операции было не спасение вашей общины, вы уж извините... Нас интересовало другое. От тех немногих людей из зеленого квартала, которые добрались до берегов реки живыми, Совету стало известно о вашей общине, которая прибыла из пустошей, а также о том, какой ценный груз вы привезли с собой.

— Значит, вас интересовало только наше оружие, я так полагаю, — совершенно равнодушно проговорил доктор. — Не скрою, оружие редкое и очень мощное, достать такое сейчас крайне сложно. Оно из довоенных запасов. Это вам наверняка тоже известно?

— Верно, — кивнул Брукс. — Задачей нашего отряда было вывезти как можно больше оружия и боеприпасов для нужды ополчения, по возможности забрать съестные припасы и медикаменты, если они погрузятся в машины. Все остальное, что мы не смогли бы вывезти из этого места, необходимо было взорвать. Эта цель была первичной задачей нашего рейда на север. Но теперь, когда весь транспорт уничтожен, а контратака ополчения захлебнулась, это все уже не имеет никакого значения.

— И что вы намереваетесь делать теперь? — тут же спросил его доктор.

Брукс задумчиво посмотрел на трех человек стоявших позади него, возможно последних живых людей в резервации мутантов:

— Уже ничего нам не остается, мы будем до последнего обороняться здесь. И когда они захватят это здание, я приложу все возможные усилия, чтобы выполнить последний приказ

нашего отряда до конца. Придется взорвать тут все запасы оружия и боеприпасов, другого выхода я не вижу. Никому из ваших людей сектанты не дадут выбраться из этой западни живыми.

Последняя фраза наемника прозвучала слишком обреченно, но в решительность его действий поверили все. Каждый солдат, кто стоял в этот момент рядом с Бруксом, понял, что тот не станет блефовать. Помрачнел даже ранее спокойный доктор. Судя по всему, он только сейчас начал по-настоящему осознавать всю безысходность их положения. Двое охотников-мутантов стоявших все время поблизости переглянулись и вопросительно посмотрели на своего лидера. Тот сделал несколько коротких шагов назад, задумчиво отойдя от наемников, и тут же резко обернулся вновь:

— Все на самом деле так плохо как вы говорите, это точная информация? У нас действительно нет никаких шансов выжить? — с последней надеждой в голосе спросил доктор.

— Когда мы только въезжали на территорию, контролируемую Братством, то видели трупы пленников, с которых сектанты содрали кожу и подвесили под старым мостом, в назидание остальным. Они делают так со всеми, кто оказывал им сопротивление или даже пытался перейти на сторону Совета. Да, доктор, все действительно очень плохо. Сектанты никого не оставят в живых, когда захватят этот дом и никаких шансов выжить у ваших людей больше нет.

Доктор ничего не ответил. Он повернулся к наемнику спиной и быстрым шагом направился в темную глубину многочисленных залов дома-крепости. Недолго думая мутанты последовали за своим лидером.

— Ну что же, — пожал плечами молчавший до этого Паттерсон. — Вырваться нам уже точно не получится, да и гвардейцы, суки, все равно нас перещелкают под стеной. А раз так, значит, будем сражаться тут. Лично я собираюсь утащить за собой в могилу не меньше пары десятков черных крыс.

Электронные глаза наемника не давали возможности прочитать мысли и эмоции, рождавшиеся в его сознании, а лицо, покрытое шрамами, было каменным. Стоявший по соседству Рассел отошел к дальней серой стене и обреченно опустил на стоящую в углу металлическую кушетку. Желания есть не было совершенно, в такой тревожной ситуации желудок просто отвергал еду, но в его горле жутко пересохло и хотелось пить.

Через полчаса по приказу доктора, людей и оставшихся солдат разместили в отдельном помещении, неподалеку от центральной лестницы, ведущей на крышу. А еще через несколько минут в общем зале, где в тот момент находились Рассел и Грегори, появилась крохотная девушка-мутант с искривленным подбородком и совсем лысой головой. Она пугливо отдала незнакомым людям свернутые в рулон спальные и рукой указала на место их будущего ночлега.

Очень быстро изможденный тяжелым днем организм победил чувство отвращения внутри Рассела, и он, наплевав на все в округе, устало бухнулся на свой спальник. Его глаза быстро закрылись и невероятная усталость, огромным грузом навалилась на него в этот момент. Он хотел больше никогда не смотреть на окружавшие его уродливые лица и навсегда заснуть, проклиная тот день, когда впервые преступил порог резервации. Но всего несколько мгновений спустя, уже погружаясь в сон, он начал ощущать вокруг себя что-то теплое, мягкое и округлое, что-то совсем далекое от того военного кошмара, который был для него страшной реальностью. Вместе со сном отступила прежняя тревога и режущее

чувство полной обреченности. Наконец-то наступила долгожданная тишина.

Где-то посредине ночи, уже давно не подававшего признаки жизни Рассела снова вернули в чудовищную реальность. Какой-то наглец жестоко вырвал его из пленяющих объятий сна и грубо потеревил за плечо. Рассел неохотно открыл глаза и вздрогнул от неожиданности. В паре шагов от него стояла крохотная девочка-мутант, с большим серым пятном на шее, выглядывавшим из-за толстого шарфа цвета болотной жижи. Она казалась очень бледной и в своих тонких руках сжимала старую тряпичную куклу. Не смотря на исхудавшую и болезненную внешность, в ее глазах читался неподдельный интерес и детское лукавство.

— А я видела уже таких людей как ты, — деловито произнесла она.

Не разобрав спросонья, что происходит, Рассел уставился на девочку бессмысленными глазами, разглядывая странную собеседницу, которая столь нагло потревожила его сон.

— А ты раньше видел таких людей как я? — вновь проговорила девочка. Она ткнула пальцем себя в грудь, чтобы наверняка обозначить, кого именно Рассел должен был встречать в прежние времена.

Еще несколько секунд похлопав глазами, он все-таки сообразил, о чем ведет разговор девочка, и настороженно переспросил:

— А когда ты видела людей похожих на меня?

— Давно, они жили несколько дней у нас в племени. И все они были родом из большого города. Одна женщина из них даже спасла мне жизнь, когда погибла моя первая мама. А затем она привела еще двоих своих друзей: мужчину и женщину. Они жили с нами долго, до прихода первых холодов, а потом ушли назад в большой город, — по-детски непринужденно девочка охотно делилась своей историей с незнакомым ей человеком.

Ты видела их не здесь, верно, а когда вы жили еще в пустоши? — слегка приподнявшись на спальнике, вновь спросил Рассел.

Девочка утвердительно кивнула. Смотря поверх ее крохотной головки, Рассел пробежался взглядом по рядам спящих мутантов. Судя по всему, никто, кроме него в это момент не бодрствовал, и было даже непонятно, откуда здесь взялся этот назойливый ребенок и где его родители.

Он не стал придавать большого значения рассказу странной ночной гостьи, так как все равно не понимал и половины из сказанного ею. Осознав, что матери девочки поблизости нет, а сама она просто так не уйдет, Рассел глубоко вздохнул и решил все-таки постараться уснуть. Он повернулся к ней спиной и на всякий случай накрылся покрывалом с головой.

— А меня Молли зовут, — не унималась девочка. — А тебя?

— Рассел, — тихо буркнул он.

— А знаешь, Рассел, я еще видела здесь ангелов, — не скрывая собственного восторга и гордости, вновь произнесла она.

— Ангелов? — сонно проговорил Рассел, не оборачиваясь к ней и не показываясь из-под одеяла. — И как они здесь оказались? С неба упали?

— Нет, они не умеют летать, да и крыльев у них вовсе нет. Эти ангелы пришли снизу, они были подземными, — пояснила девочка. — Я видела их только совсем чуть-чуть, — она прижала один из своих крохотных пальцев к правому глазу, — вот так, одним глазом. Мы в тот день только пришли в этот дом. И когда они нас увидели, то тут же скрылись в своем подземелье.

— А, у них даже свое подземелье есть, — погружаясь в сон, вяло протянул Рассел.

— Да, и их никто кроме меня не видел, — вновь гордо произнесла Молли. — А еще они говорили со мной во сне. Один из ангелов пришел ко мне ночью и сказал, чтобы я ничего не боялась. Он сказал, что мне никто не причинит вреда, а еще сказал, что они скоро вернуться. А затем он снова ушел через их дверь, там внизу.

Голос девочки становился ровным шумом в голове, сливаясь с витавшим в огромном зале храпом и сонным ворчаньем десятков людей. Но даже в этом переплетенном потоке звуков и ненужной информации Рассел быстро сумел различить интересные для него слова.

Он слегка приоткрыл глаза, и все еще не оборачиваясь, через плечо, спросил:

— А здесь есть еще какая-то дверь, в подвале?

— Да, она находится глубоко в подземелье, вон там, — девочка многозначительно указала куда-то в сторону. — Ангел приходили через эту дверь ко мне в гости, и он рассказал, что там их мир, в который другим людям входить нельзя...

Рассел быстро поднялся со своей лежанки. Он протер руками слипающиеся от усталости глаза и еще раз внимательно посмотрел на девочку-мутанта.

— Молли, а ты сможешь мне показать дорогу к этой двери, через подземелье? — напряженно спросил он с наигранной улыбкой, чтобы не спугнуть ребенка.

Немного подумав, девочка заулыбалась ему в ответ и утвердительно кивнула.

Глубокой ночью, всего за несколько часов до рассвета, самый темный и безжизненный коридор в недрах этого огромного здания, был заполнен людьми, их громкими голосами и светом десятка фонарей.

Мутанты-охотники, кружившие вблизи Назира, вели долгую и многосложную перебранку с гибридами из ополчения, используя только им одним понятные наречия и слова.

Рассел, побудивший всех к этому ночному конфликту, теперь беспомощно мялся около широких металлических дверей, расположенных в конце коридора. Грегори, прятаясь все это время за его спиной, пугливо следил за конфликтующими сторонами, видимо продумывая в голове, чью же сторону ему лучше занять. В очередной раз, Брукс и доктор стояли напротив друг друга, и вновь между ними разразился конфликт.

— Вы же сказали, что другого выхода здесь нет? — раздраженно кричал Брукс, и его недовольство тут же подхватывали остальные гибриды.

— Эта дверь заперта... вы думаете, мы сами не пытались ее открыть? Но это невозможно, — также криком оправдывался доктор. — Дверь заварена изнутри. Как вы предлагаете ее вскрывать?

— Мы сможем ее взорвать, — резко обрубил новоявленный командир отряда. — Для такого дела я не пожалею всей взрывчатки, которая у нас осталась. Возможно там есть проход, через который мы сможем вырваться из этой западни.

Доктор только растерянно всплеснул руками:

— Взорвать? Вы сами отдаете себе отчет в том, что вы говорите? Дом старый, его стены разваливаются от времени, от резонанса грохотов снаружи. Если вы устроите подрыв бомбы еще и внутри здания, почти в самом его основании, нас ведь здесь всех засыплет, перекрытия могут просто не выдержать.

— Ничего подобного, они бетонные и должны выдержать. Взрыв будет не такой силы, чтобы обвалить коридор, — не унимался Брукс. — В любом случае нам стоит рискнуть и

попробовать вырваться отсюда. Мы и так обречены на смерть в этом проклятом доме, какая к черту разница, когда это произойдет? А так у нас хотя бы будет шанс выбраться отсюда! Этот же проход ведет в подземелье? — Он резко обернулся к Расселу. — Еще раз повтори, что она тебе сказала, куда ведут эти двери?

— Она сказала, что видела ангелов, — неуверенно начал свой рассказ Рассел, — которые выходили из этой двери...

— Да-да, и нам она тоже такое рассказывала, — резко оборвал его доктор, — и не она одна. С самого первого дня, как наша община оказалась запертой в недрах этого здания, я каждый раз слушаю подобные истории. Стражники, которые стояли в ночном карауле, часто рассказывали мне о призраках, бродящих по пустынным коридорам, о странных голосах, доносящихся из этого подвала. Кто-то слышал здесь шаги и шорохи, раздававшиеся из-за стен, кто-то говорил о силуэтах, мелькавших в темноте. Они постоянно несут подобную суеверную чушь... И заметьте, это были вполне взрослые люди, мужчины-охотники. А вы поверили рассказам маленькой девочки.

Когда доктор закончил свой изобличительный монолог, все, кто стояли в этот момент в коридоре как-то грустно притихли. В образовавшейся тишине были слышны лишь отдаленные завывания мутировавших свиней. Уродливые создания были разбужены криками людей и теперь недовольно стонали и похрюкивали в одном из соседних помещений.

В руках самого рослого из мутантов медленно угасало пламя, умирающее внутри большой керосиновой лампы. Когда оно, наконец, потухло, в пустом и промозгом коридоре стало еще темнее, а в воздухе повисло мрачное напряжение.

— Доктор, но мы ведь и в правду их видели, — нарушил молчание один из охотников. — И даже звери в ту ночь проснулись, почувствовав их присутствие, вы сами их слышали. Вепри очень чутко реагируют на движение людей, поэтому...

— Что вы несете, даже слушать не хочу этот вздор, — процедил сквозь зубы уставший Назир, резко оборвав рассказ своего подчиненного. Он выставил вперед свою руку, как будто отгораживаясь от суеверного страха мутантов. — Какие призраки, какие вепри? Ваши примитивные животные даже сейчас проснулись и орут себе там спокойно. Насколько я знаю, они вообще никогда не замолкают, хрюкают не переставая. Что, их тоже сейчас ваши подземные призраки потревожили? Это же суеверия, примитивные и дикие суеверия, никаких духов и приведений не существует. А существуют рушащиеся дома, которые еще тридцать лет назад уже были развалинами. И если мы попытаемся взорвать эту железную плиту, которая, возможно, вообще никуда не ведет, то нас здесь непременно засыплет.

— Но доктор, — жалобно протянул мутант, — вы ведь нам сами говорили...

— Что говорил?! — гибрид метнул жестокий взгляд на своего охранника. — Я разве вам что-то говорил? Ничего здесь нет, и никогда не было, никаких призраков в природе не существует. Вам все ясно?

Мутанты, собравшиеся в группу позади своего лидера, послушно кивали, как дети, боявшиеся вызвать гнев своего отца. Хотя они и не производили впечатления запуганных или подавленных служак, но при этом безропотно подчинялись любому слову своего бессменного лидера. Потому что каждое решение доктора, вот уже одиннадцать лет, изо дня в день спасавшего их крохотную общину от неминуемой гибели, было для них законом. Его слова и приказы никогда не обсуждались среди мутантов и просто принимались на веру. И будто в знак наивысшего почтения и признания авторитета своего лидера, мутанты выстроились вдоль стены, и как смогли, выпрямили свои горбатые спины.

— Я думаю, уже хватит нам всем здесь околачиваться, — вновь произнес доктор. — Вопрос о подрыве стены, я надеюсь, решен? — Он бросил колкий взгляд на Брукса, примостившегося поблизости. — Через четыре часа наступит рассвет, и скорее всего он принесет не самые радостные вести... А теперь всем возвращаться наверх и отдыхать! Еще не хватало пневмонию в этом сыром подвале подхватить.

Он развернулся и, не проронив больше ни слова, ушел прочь. Мутанты послушной гурьбой направились вслед за ним. Как это ни странно, но Назир, казавшийся вначале очень мягким и приветливым стариком в белом халате был способен проявлять твердость характера и даже некоторую грубость. Возможно, именно благодаря этому он оставался главой племени мутантов и сумел поддерживать их жизнь так долго.

Следом за скрывшимися в темноте коридоров мутантами направились и Брукс с остатками маленького спасательного отряда. Очень скоро Рассел и Грегори остались в коридоре одни.

— Что-то не доверяю я этому доктору, — потирая свою седую щетину, произнес Грегори. — Он что-то явно не договаривает. Но вот что он скрывает, не совсем понятно?

— Какая теперь уже разница, — грустно оборвал его Рассел. — Нам не выбраться отсюда, вот что меня по-настоящему волнует. Лучше уж было у водораздела оставаться, там все равно больше шансов выжить, могли бы вместе с беженцами на юг рвануть и выбраться через пустоши. А теперь мы с тобой подохнем здесь, может быть даже в этом самом поганом подвале.

— Слушай, Рассел, а ты в привидений веришь? — абсолютно серьезно спросил Грегори. Старик даже как-то побледнел при одном только произнесении этого слова.

— Разумеется, нет. А ты что, действительно считаешь, что здесь бродят какие-то духи? — с усмешкой спросил его Рассел.

Старик поморщился:

— Ты можешь говорить, что хочешь, но я их видел собственными глазами. Я когда на войне был, мне такое видеть приходилось, что тебе и в кошмарном сне не привидится. Некоторые люди утверждают, что наш мир умирает, поэтому в нем чаще начали появляться мертвые, которые не могут найти покоя.

— Хватит нести вздор. В этом проклятом доме все что угодно может бродить по коридорам, но только не призраки, — уверенно перебил его Рассел. — Хотя, наверное, скоро мы сами станем неуспокоенными духами, когда нас всех сектанты перебьют... Слушай, пойдем отсюда, а то тут действительно очень холодно. Доктор в данном случае прав, я не хочу перед смертью простудиться для полного комплекта.

Не задерживаясь больше и минуты в этом сыром и темном месте, Рассел уверенно зашагал вдоль по коридору, освещая себе путь карманным фонарем. Старик испуганно побежал за ним, скрежеща шарнирами в протезе, который глухим эхом отдавался в мрачной тишине подвала. Всю дорогу старый ветеран останавливался и нервно оборачивался, силясь хоть что-то разглядеть в наступавшей на него со спины темноте.

Совсем скоро они вновь оказались внутри общего зала, где на своих расставленных в ряды кушетках спали десятки мутантов. Света в помещении практически не было. Лишь огонь, полыхавший в импровизированной печи собранной из подручного хлама, отражался неровными всполохами на противоположной стене.

Рассел дико устал за последние сутки. Он не чувствовал своих ног, руки бесполезно ослабли и осоловевшие глаза жутко болели. Он рухнул на свою металлическую кушетку, тут

же погрузившись в скоротечный сон.

Однако всего через несколько минут он проснулся также внезапно и стремительно, почувствовав сквозь дремоту, что за ним кто-то наблюдает. Его взгляд уперся в открытые глаза Грегори лежавшего напротив. Все это время старик молча смотрел на него, как будто чего-то ожидая.

— Я вот все думаю, — внезапно заговорил он, — а что, если подземные ангелы все-таки существуют? Что, если там и в правду есть другой ход, ведущий глубоко под землю, в их мир?

С трудом разбирая слова, Рассел все-таки включился в этот странный разговор:

— Послушай меня. Я не думал ни об ангелах, ни о призраках, когда мне эта глупая девчонка втирала свою дребедень. Я понял только, что в нашем здании есть еще один выход, благодаря которому мы могли бы спастись. И такой выход действительно есть, только он оказался закрыт, а точнее наглухо заварен. Открыть его у нас нет ни времени, ни возможности. Что тебе еще нужно? Какие призраки? Тут кругом сектанты, это их тебе надо бояться! Завтра они нас всех похоронят под руинами этого чертового дома, если уже этой ночью не придут. Дай поспать...

— Но все-таки, — не унимался старик, — а если они и вправду существуют? Может, они ночами выходят из своего подземелья. Нет, ты послушай, что я сказать хочу. А что, если они, кто бы это ни был, ночью свою дверь открывают? Возможно, нам стоит их подкараулить, как ты считаешь?

— Я считаю, что стоит поспать, — уже озлобленно процедил Рассел. — И хватит на меня пялиться, отдохнуть не даешь. Я хочу выспаться перед смертью.

— Послушай, Рассел, — с судорожной ноткой в голосе сказал старик, — мне очень страшно. Я глупо поступил, что приехал сюда... я больше не хочу умирать!

— Я, что ли, хочу? — по-прежнему не оборачиваясь, буркнул Рассел. — Ты ведь старый уже, какая тебе разница, когда ты умрешь, сегодня, завтра или через год? Ты свое уже отжил и финал все равно будет один и тот же. Единственно, что ты можешь сейчас выбрать, это то, как решишь умереть. Поэтому радуйся, примешь смерть в бою как настоящий солдат. Ты же в своем прошлом, на войне, не успел этого сделать. Вот и настало время исправить ошибки молодости.

Старик немного замялся с ответом:

— На самом деле да, я много раз думал об этом. Может и жизнь у меня не сложилась, потому что судьбой мне было предназначено погибнуть еще тогда, тридцать лет назад. Но по какому-то упущению природы, я случайно остался жив... Но сейчас я не хочу умирать. Где угодно, но только не здесь, не в этой дыре.

Рассел ничего ему не ответил. Он неподвижно лежал, отвернувшись к потрескавшейся бетонной стене и быстро погружался в сон, забыв обо всем на свете. Старик Вильсон долго не мог успокоиться. И даже когда он сам наконец-то уснул, то продолжал ворочаться на своем лежаке, постоянно поскрипывая то кроватью, то изношенным протезом.

Дождь, вяло моросивший всю ночь, под утро стал наконец-то стихать. Над горизонтом руин и жестяных развалин, в которых когда-то жили относительно мирные мьюты и гибриды, медленно поднималось оранжевое солнце, с трудом протискивающееся сквозь узкие прорехи в облаках.

Рассел сидел на третьем этаже здания у окна, перекрытого широким листом стали, и

смотрел на восходящее солнце сквозь большую прорезь бойницы. Крохотное пыльное помещение, в котором ему предстояло держать оборону против наступающего и многочисленного врага, была расположена в левом торце дома, обращенного на запад.

Внутри комнаты света практически не было, лишь тонкие лучи, проступавшие сквозь прорехи в защитных листах стали на окнах, давали слабую возможность осмотреться. Кроме низкого облупившегося потолка и потрескавшихся грязных стен тут было не на что больше смотреть. Казалось, всего одного снаряда хватит, чтобы не выдержали старые перекрытия и с грохотом обвалился ветхий потолок. В любой момент и Рассел и Грегори могли оказаться погребенными живьем под этими пыльными развалинами.

Никакой мебели в помещении не было. Только обугленные останки деревянного стола посередине зала, а также отдельные осколки стекла и керамики, валявшиеся на полу. В соседней с ними комнате не было никого, а вместо окон там зияли огромные обугленные дыры.

Небольшой схрон дополнительных боеприпасов и кое-какой еды Рассел и Грегори устроили в относительно сохранившейся ванной комнате, по соседству со своей позицией. А единственная уцелевшая входная дверь была снята с петель и приспособлена как дополнительный щит на окнах. Проржавевшая дверная ручка отлично подошла под роль крючка, на который Рассел повесил свою стальную каску. Она как раз находилась справа от прямоугольной амбразуры, через которую изучал окрестности и в последний раз любовался алым восходом.

На фоне мрачного и покрытого пеленой серых туч неба как-то естественно смотрелись кривые обломки бетонных стен и ржавые каркасы подбитых машин, а еще совсем буднично дымились посреди улицы обугленные останки второго грузовика из их колонны. Последнюю, относительно целую машину сектанты подожгли накануне вечером, чтобы она не могла вновь послужить последним бойцам ополчения.

Рассел долго присматривался к остальным почерневшим от взрывов силуэтам броневиков. Но как ни старался, все равно не смог различить даже намеков на останки тел погибших солдат, что не смогли покинуть горящие машины. Ничего, никаких напоминаний о людях, которые были убиты здесь совсем недавно, навсегда застряв внутри этих искореженных кусков металла. Даже следы крови смыло с асфальта ночным дождем.

Когда солнце поднялось еще выше и на улице стало светлее, Рассел сумел разглядеть странную и вместе с тем пугающую картину. На противоположной стороне улицы несколько мьютов в красных робах, словно кучка муравьев копошились вокруг останков одного из броневиков их уничтоженного конвоя. Через несколько минут этим сектантам удалось укрепить на обугленном корпусе машины три обезображенных трупа, лишенных верхних слоев плоти. Обезглавленные и изуродованные тела солдат еще вчера бывших бойцами ополчения Совета Старейшин теперь весели рядком на заляпанном грязью листе стали вдоль кузова.

Существа, проделывавшие эту работу, не кричали и не веселились, они даже не издавались над телами убитых. Просто монотонно выполняли обыденную для себя работу, которую, по всей видимости, проделывали уже не первый раз. Еще несколько минут спустя четвертый труп, также обтянутый проволокой, словно в коконе, болтался на почерневшей броне.

Рассел молча наблюдал за этим процессом и старался его проанализировать. Что-то будничное и монотонное прослеживалось в этом подвешивании трупов. Сектанты

притаскивали одно изуродованное и заранее обезглавленное тело за другим. Они обматывали их проволокой и прислоняли к листу брони. Затем еще двое мутантов стоявших сверху над кузовом также равнодушно и хладнокровно закрепляли трупы.

Старик Вильсон, сидевший всего в паре метров у соседней бойницы, глубоко и тяжело дышал. Он с ужасом, не произнося ни слова, смотрел вниз и вырисовывал в своем воображении собственную страшную участь, которая могла очень скоро стать реальностью. Краем глаза было видно, как у него дрожали руки, сжимавшие дальнобойную винтовку, при этом ее ствол постоянно дергало из стороны в сторону. Было видно, как морщинистое лицо старика становилось бледным от дикого ужаса, нахлынувшего на него в тот момент.

Однако Рассел, напротив, был слишком спокоен. Навалившись грудью на широкий лафет двухствольного пулемета, которым его снабдили мутанты, он расслабленно поглаживал стальную рукоять оружия, сращенную с прикладом.

Наверное, он каким-то образом перенял то жестокое равнодушие к смерти, которым были наделены сектанты из Братства. Без сожаления или отвращения, и даже без ненависти, он просто хладнокровно смотрел, как пятеро мьютов методично развешивали обезглавленные трупы на обугленных останках броневика, как будто это были праздничные гирлянды.

Еще через несколько минут Рассел обратил внимание на то, что сектантов на улице стало гораздо больше. Почти все они были вооружены и приходили с разных окраин квартала. Выходя из-за жестяных развалин и бетонных руин, они шли поодиночке, по двое, по трое или целыми группами. Спокойно расходясь по округе, они несли с собой разнообразное вооружение, занимали удобные для себя места, выбирали подходящие укрытия. Никто из них даже не бросил опасливого взгляда в сторону оборонявшихся врагов.

Рассел очень внимательно следил за копошившимися внизу мутантами. Он старался как можно точнее запомнить, где находились те или иные враги, за какие укрытия они прятались и куда ставили свои пулеметы. Уже не десятки, а настоящие сотни мутантов в красных робах бродили по заваленным подбитой техникой тротуарам и дорогам. Некоторые из них вообще не пытались где-нибудь укрыться. Напротив, они абсолютно свободно, в полный рост, бродили среди искореженных машин. Постоянно обсуждали что-то и выбирали наилучшие цели для стрельбы. Они были уверены в своем численном превосходстве и не боялись его демонстрировать.

Через пару минут в пустом дверном проеме позади притаившихся людей показался мутант, облаченный в серый изодранный камуфляж, поверх которого проступал черный каркас экзоскелета. Расселу всего пару раз в жизни доводилось видеть подобное обмундирование, и только у солдат гвардии Свободного города. Увидеть подобную технику в распоряжении грязных и примитивных мутантов на краю известного мира, могло показаться ему совершенно невероятным. Однако, после бороздящего утреннее небо над резервацией боевого дрона, он уже мало чему удивлялся. В своих руках новопривывший мьют тащил тяжелый ручной пулемет, напоминавший скорее стальной короб с удлиненным стволом и толстым диском патронажа.

Мощное оружие, на лафете которого лежал Рассел и дальнобойная винтовка, которая тряслась в руках Грегори, а также все, с чем бегали по этажам мутанты из племени, когда-то давно принадлежало солдатам несуществующей уже много лет армии Дома Маркуса. Почти на каждом прикладе автомата или винтовки красовался щит с пятипалой ладонью. Все это смертоносное богатство было добыто маленьким племенем мутантов, на давно забытых где-

то в северных пустошах армейских складах, оставшихся со времен войны Великих домов. Теперь оно служило своим новым хозяевам, ставшим небольшим гарнизоном защитников бетонной крепости, в окружении нескольких сотен беспощадных врагов, на самом краю известного мира.

Войдя в комнату, мутант рукой приподнял надвинутый на половину лица капюшон, обнажив тонкие разрезы глаз и широкий костяной лоб, уродливо выдававшийся вперед.

Рассел, который прежде всегда вздрагивал при виде безобразных лиц мутантов, теперь даже не поморщился. Возможно, он уже попросту к ним привык, а возможно, действовала все та же холодная безразличность ко всему происходящему.

— Я к вам пришел помочь, — серьезно констатировал мутант. — Меня Рупа зовут, я старший охотник племени. Доктор приказал мне здесь сражаться, рядом с вами.

Грегори ничего не ответил. Казалось, он вовсе не заметил пришедшего к ним на помощь мутанта. А Рассел лишь бросил на новичка равнодушный взгляд, и вновь отвернулся к бойнице.

Несмотря на холодный прием, мутант молча прошел в комнату, расположившись позади Рассела. Он выглядывал из-за его плеча, смотря на улицу сквозь широкую железную бойницу.

— Другие люди из городов нам уже не помогут, это правда? — внезапно спросил он, с печатью глубокой задумчивости на безобразном лице.

— Нет, — Рассел бросил сухой ответ через плечо, не оборачиваясь к собеседнику и продолжая наблюдение за врагом. — Других людей больше нет, они уже все мертвы. А тех, что все время стоят на стенах, ваша судьба не волнует. В общем-то, всем людям наплевать на горстку мутантов, брошенных в руинах Мусорного города. Поэтому нам больше никто не поможет. Ни люди из города, ни Совет Старейшин — никто. Мы здесь остались совершенно одни.

Рупа помолчал немного, сосредоточенно обдумывая услышанную страшную истину. Судя по всему, он не был ошарашен или огорчен подобной новостью. Лишь в очередной раз убедился в том, насколько мутанты далеки от «нормальных людей», и как их судьбы безразличны для правителей «большого города». Затем он вывернул шею, чтобы увидеть сквозь прорезь бойницы как можно больше деталей разворачивающейся на их глазах подготовки к штурму.

— Я раньше здесь тоже держал боевой пост, — со знанием дела произнес он. — Их никогда так много не было. Наверное, атаковать собираются...

— Сам догадался, или кто подсказал? — раздраженно пошутил Рассел.

— Я сам это понял, поэтому и пришел вам помогать. Тут мне проще будет по ним стрелять, — мутант бережно похлопал рукой по стволу своего увесистого пулемета.

К сожалению, в комнате было только два пригодных для ведения огня места, а уходить в соседнее помещение Рупа отказывался. Поэтому Расселу пришлось уступить настырному мутанту и позволить ему остаться рядом с собой.

Заваленная железным хламом улица продолжала наполняться сектантами братства. Рассел успел разглядеть, как из развален отдаленного жестяного барака четверо сектантов выкатывали некое орудие. Идущая на гусеничном шасси, это установка имела два укрепленных по бортам скопления оружейных стволов напоминавших широкие трубы, и громоздкий квадратный лафет.

— Это их ракетница, — холодным взглядом эксперта заметил Рупа. — Несколько

неделю назад они прикатывали ее сюда, но в прошлый раз она сделала всего два залпа, а затем в ней что-то поломалось. Теперь, видимо, починили ее, значит, точно в атаку пойдут.

Следом за выкатившейся ракетной установкой, которую мутанты направили прямо в центр кирпичного дома-крепости, вышла еще одна группа сектантов. Все они были облачены в черные длиннополые робы, с непонятными красными эмблемами и шевронами, определяющими их ранг или звание. Все новоприбывшие были вооружены легкими короткими автоматами. Но главное, что отметил для себя Рассел, так это их расовый состав: они все были гибридами и очень ярко выделялись на фоне огромной разношерстной армии мьютов.

С удивлением, Рассел подметил что среди новоприбывших сектантов нашлось даже несколько людей, которые совсем не были похожи ни на мьютов ни на гибридов. Они разительно выделялись на общем фоне своей слишком белой и ровной кожей. Эти люди шли в центре страшной процессии, и медленно продвигались вместе с ней вперед. Затем колонна сектантов остановилась, как по команде вытянувшись в боевом приветствии. Гибриды стражники расступились в две шеренги, пропуская вперед самого старого из белокожих членов Братства, который в руках держал громкоговоритель.

— Мое имя Антуан Десетис, прелат Трибунала, — донесся хриплый голос старика. — Священным именем Пророка Аэрона, и именем предвестника его, Гулама Антаро, я призываю вас сложить оружие...

От этих слов вздрогнул даже Грегори. Конечно, все наемники из отряда слышали истории, будто сектанты в этой войне прикрываются именем Бессмертного Пророка. Но вот наличие на их стороне настоящего прелата Трибунала, да еще и собственной персоной, никто, разумеется, не ожидал.

Рассел принялся сильнее вглядываться в лицо самозваного прелата, силясь увидеть в нем не нормального человека, а иной вид гибрида. Однако тут же его окликнул мутант Рупа, по-прежнему дышавший в затылок.

— Правду говорят, что Трибунал и солдаты людей воюют на стороне Братства Аэрона? — вполне резонно спросил мутант.

— Конечно нет, это полная чушь. Единственный отряд людей воевал на стороне Старейшин и мы все что от него осталось. А этот самозванец лжет, никакой он не прелат, — тут же обрубил Рассел. — Мало кто из людей вообще знает о том, что в резервации идет гражданская война. А Трибуналу на вас наплевать в особенности, у них свои проблемы есть. Они всегда считали любые виды мутантов выродками человеческого рода и по возможности их истребляли. Так что этот гибрид, или кто он там, нагло лжет вам всем.

— Люди из «северной общины», послушайте меня, — продолжил свою речь седовласый самозванец. — Война уже закончилась, воины Братства Аэрона взяли южную Цитадель, весь Мусорный город теперь находится под нашим полным контролем. Любое сопротивление нашим законным действиям бесполезно и преступно. Но послушайте меня. Я лично, гарантируем всем вам жизнь и свободу, если вы добровольно сложите свое оружие. Гулам Антаро, великий предвестник Бессмертного Пророка, гарантируем вам и вашим детям не только жизнь в резервации, но и скорое спасение в день «Великого исхода». Вы будете полностью прощены, если сами выдадите нам предателей и еретиков, нашедших укрытие в вашем доме.

После этой фразы, как по команде, Грегори и Рассел подозрительно покосились на сидевшего позади них Рупу. Бывший клерк хотел заранее просчитать ход мыслей мутанта,

старательно вглядываясь в его мимику и телодвижения. Любой резкий выпад в их сторону мог стоить охотнику из северного племени жизни. Однако тот не подавал никаких признаков тревоги. Он продолжал молчать и холодно смотрел вниз, на кричащего проповедника, и лишь сильнее прижимал к себе тяжелый пулемет.

Старый человек, в черной робе братства, неведь каким ветром занесенный в эти мрачные земли, продолжал нести свою грязную ложь. Он говорил о скором пришествии Пророка Аэрона и о том спасении, которое он принесет всем своим верным последователям. Нес полную чушь о том, что мутанты, пошедшие за Гуламом Антаро, в будущем станут новым видом людей, они смогут избавиться от всех болезней и страданий и основать новый лучший мир, о котором неоднократно говорил в своих проповедях Бессмертный Пророк при жизни.

Несмотря на миролюбивые мысли, которые он нес в своей проповеди, сотни боевиков, находящихся рядом с ним, не были столь дружелюбны. Под гомон его пламенных речей они занимали укрытия, нацеливая свое оружие, и всем видом давали понять, что готовятся к решительному нападению.

Затем старый проповедник перешел на короткую обличительную речь. Он не стеснялся в выражениях, обвиняя уничтоженный Совет Старейшин в сговоре с еретиками из западных пустошей. Клеймил последних оставшихся людей в резервации, за то, что они пытаются обманом захватить власть над мутантами из племени. Но закончил проповедник свое длинное выступление достаточно банально:

— И если есть среди вас истинные праведники, — разгорячено кричал он в микрофон, — то услышат они призывы мои. И выйдут к своим братьям по рождению и по вере. А все прочие сгинут в страданиях и ужасе, познав силу нашего праведного гнева.

После этого, он многозначительно плеснул правой рукой в сторону каменной крепости. В его жесте было что-то театральное, будто он хотел метнуть в них испепеляющую стрелу и навсегда стереть с лица известного мира. Затем проповедник резко обернулся на своих каблуках, звонко проскрипев гравием под подошвой, и стремительно удалился. Наверняка он заранее знал, что его никто не послушает.

Телохранители в черных мантиях вереницей последовали за ним, оставив на поле будущего сражения многочисленных рядовых сектантов. Наступила предательская минута тишины. Было даже слышно, как скрипит песок под ногами у осаждавших солдат, которые продолжали бесцельно бродить вблизи дома-крепости. Было слышно, как щелкает пулеметный затвор у огневой точки по соседству, через несколько окон от позиций Рассела и Грегори. В этой гробовой тишине, были даже различимы отдаленные завывания мутировавших свиней, пугливо ревущих в подвале в предчувствии приближение страшного часа.

Сам не понимая зачем, но Рассел все-таки передвинул свой пулемет поближе к амбразуре, высунув наружу часть спаренного ствола. Затем равнодушно передернул затвор и вновь покосился на Рупу. Мутант по-прежнему сидел рядом с ним, и лишь удобнее разместился на полу для стрельбы с колена.

В этот момент Рассел перевел взгляд на Грегори. Старик совсем побелел и, дрожа, забился в угол рядом с окном. Он судорожно прижимал к себе огромную винтовку, глядя пустыми испуганными глазами в пол. Рассел кивком головы приказал мутанту занять место вышедшего из строя Вильсона, а сам продолжил наблюдение за передвижением врага.

Рупа быстро подскочил к освободившейся амбразуре и снова присел на одно колено,

плотно уперев приклад своего оружия. Чтобы ни говорил покойный Рик о «войне калек» среди мутантов, но многие из них все же были достаточно выносливыми и сильными по своей природе. Их врожденные отклонения и уродства, конечно, доставляли много проблем, и наверняка были причиной высокой смертности среди мутантов. Но все же их непохожесть на «нормальных людей» давала им определенные преимущества, вроде повышенного иммунитета или обостренных органов чувств. Среди людей в городе даже ходил упорные слухи о том, что некоторые мутанты были способны к телепатии и прочим чудесам, хотя, скорее всего, это был просто миф.

Прошло еще несколько длинных мгновений, отмерявших последние удары сердца. Затем, нарушив звенящую тишину, квадратный лафет ракетной установки, с грохотом подпрыгнул на месте. Ревущая красная точка пронеслась над кладбищем заброшенной техники и ударилась в стену многоэтажного дома. Раздался новый грохот и знакомый треск рушащегося кирпича, привычная канонада выстрелов, криков и взрывов.

На короткое мгновение дом окутало взметнувшееся облако серой пыли. Через несколько секунд, уже со стороны защитников дома, с верхних этажей, метнулась пылающая ракета. Снаряд попал в ржавый остов броневика всего в нескольких метрах от главного орудия братства.

Рассел наугад расплывал огненный вихрь из спаренного ствола своего пулемета, не стараясь даже прицеливаться. Рупа стрелял короткими, точными очередями, постоянно выбирая себе новую мишень, и периодически отстранялся от амбразуры, чтобы лучше рассмотреть разбегавшиеся внизу цели. Все это время Вильсон продолжал вжиматься в стену, дрожащими руками стараясь загородить себя массивной винтовкой, чтобы спрятаться за ней от внешнего ужаса. Старик совсем тронулся в уме, ничего не произнося и по-прежнему тяжело дыша, он трусцой кинулся к дверному проему, однако, не забывая пригибаться.

Еще через несколько мгновений огромный железный куб ракетницы изверг из себя новый снаряд огня, издав глухой свистящий звук. Затем еще один выстрел. Два сильных грохота подряд сотрясли здание. Огромное пыльное облако накрыло собой всю улицу, разбросав над головами нападающих куски облицовки дома и кирпичные осколки. Затем раздался третий выстрел.

Ракета угодила куда-то на верхние этажи, да так метко, что потолок в комнате обороняемой Расселом, пришел в движение. По стене, возле Рупы, сверху вниз поползла глубокая трещина, и на сгорбившегося мутанта густо посыпалась шпукатурка. Забыв о том, что творится снаружи, он рефлекторно дернулся в сторону и, бросив оружие, стал стряхивать с головы куски известки и серой пыли.

Снова послышался глухой визг. Очередной удар ракеты пришелся на соседнюю комнату, раздался треск и сильнейший толчок. В этот же момент дом неожиданно пришел в движение.

Рассела что-то грубо толкнуло, слегка подбросив в воздух, и он тут же повалился на бок, оттягивая за собой резов стрекочущий пулемет. С потолка вновь посыпались хлопья белой пыли, сильно разъедавая и без того уставшие и больные глаза. Мутант, сгорбившийся у стены, пытался закрыть свою голову руками.

Он не побежал, не закричал, даже не попытался спастись. Он лишь ослаблено упал на колени, согнувшись как будто в молитве, перед выросшей из стены огромной трещиной. Медленно и почти беззвучно огромный кусок кирпичной стены, прорывая дешую бледно-

голубую облицовку, вырвался из общего плана комнаты и накрыл сгорбившегося мутанта.

Поднимаясь из-под обломков, мутант издал животный рев, стаскивая с себя куски бетонной стены. Металлический каркас его экзоскелета погнулся в месте удара. Левая рука не шевелилась и весела бесполезной плетью, видимо вышли из строя механические суставы доспеха. Подхватив пулемет одной рукой, и прижав его телу, Рупа начал стрелять широкой очередью от бедра, победоносно крича на своих врагов подобно дикому зверю.

Сквозь разрушенную бойницу, превратившуюся теперь в очередную дыру на изуродованном теле дома, уличный ветер заносил клубящуюся серую пыль. Несколько секунд спустя очередь стрекочущих пуль смертоносной стаей влетела в их маленькую комнату вслед за порывами ветра. Несколько из них прошлись длинной полосой по телу взбешенного мутанта, с силой откинув его к противоположной стене. В этот момент, воинственный клич Рупы прекратился навсегда.

Рассел, с ужасом наблюдавший за всем происходящим, тут же подскочил на ноги и кинулся в узкую дверь ванной комнаты. В ушах стоял мерзкий звонкий скрип, который сильно отвлекал, и болела голова. Из-за этого, стоя уже на пороге ванной, он не услышал, как еще один снаряд с воем ворвался в комнату позади него. Снова немислимый толчок в спину. Подброшенный в воздух, он смог лишь беспомощно выставить вперед руки, когда ударной волной его отшвырнуло на покрытую пыльным кафелем стену.

Все это время, пока на верхних этажах гремели разрывающиеся ракеты, Грегори бежал по узкому лестничному пролету, задыхаясь и проглатывая толстенные сгустки пыли. Повсюду звучали выстрелы, заглушить которые удавалось только шуршащему скрежету шарниров в коленном суставе протезе.

Пробежав еще несколько десятков ступеней, насмерть перепуганный старик стал понимать, что уже давно не слышит сквозь грохот рвущихся снарядов человеческие крики. Все ниже и ниже он спускался в недра многоэтажного дома. Выстрелы и взрывы становились все глуше с каждым новым пролетом. А вот детский плач, крики перепуганных женщин и рев обезумевших животных, как огромный ужасающий хор, накатывал на него с нарастающей силой.

Затем длинный пустой коридор, заваленный бесполезным пыльным хламом, непонятными обрубками железных труб и кусков метала. Как следствие, долгие блуждания в полумраке. Попытка прорваться наугад, на ощупь, сквозь пыльные и мрачные лабиринты.

Завернув за очередной угол темного коридора, Грегори натолкнулся на съжившуюся от страха женщину-мутанта, которая сидела на полу и тихо плакала. Она сжимала свою голову тонкими кривыми руками, пытаясь скрыться от разыгравшегося вокруг нее ужаса. Рядом с ней лежал завернутый в лохмотья уродливый младенец, похожий на крохотный сверток, который не подавал никаких признаков жизни. Грегори, не останавливаясь, побежал дальше.

Потом были еще два полупустых коридора в темноте. Крики мутантов и их уродливых зверей становились намного отчетливее и громче, нежели выстрелы и взрывы непрекращающейся жуткой бойни, творившейся на поверхности.

Через несколько минут Грегори оказался в начале длинного коридора, где всего несколько часов назад они бродили в поисках заваренной изнутри двери. Достав карманный фонарь, старик медленно направился вперед. Он осторожно ступал вглубь сырого колодца, наполненного бетонным мраком и самыми жуткими страхами людей. Все прочие звуки и шумы, казалось, растворились в густой темноте, окружавшей его. Лишь глухое эхо рева

гигантских свиней доносилось откуда-то сверху. Даже землетрясение, разносившееся по перекрытиям дома от разрывающихся ракет, не добиралось сюда. Пустой и холодный подвал, длинный черный коридор, давящий своим безмолвием, только это теперь окружало старика Вильсона.

Тонкий луч фонаря скакал с одной стены на другую, натываясь повсюду на одинаковую картину: серые бетонные стены, неотличимые друг от друга потолок и пол, жуткая и давящая на нервы тишина. Сжимая винтовку одной рукой и осторожно ступая вслед за лучом фонарика, Грегори постепенно приближался к заветной двери. Он по-прежнему углублялся в мрачный колодезь заброшенного коридора, пока тонкий лучик света не скользнул по широкому листу железа вдоль стены.

Несколько минут он стоял без движения, молча рассматривая ржавые петли гигантских ворот. На всякий случай он обернулся и осветил фонариком позади себя. Но слабый луч света безвозвратно потонул в черной пустоте.

Страх и волнение делали свое дело. Постоянная одышка, сопровождавшая старика все это время, начинала только усиливаться. Руки вспотели и стали ледяными. Прижимая единственный источник света к животу, Грегори сделал еще два неверных шага, почти вплотную подойдя к заветной двери. Он легонько стукнул по ней стволом своей винтовки. Тихое и еле различимое эхо глухой волной разнеслось по железной пластине. Сухими и потрескавшимися губами, Грегори с трудом выдавил из себя лишь несколько слов.

— Вы слышите меня? — испуганно прошептал он.

Но по ту сторону железной плиты не раздалось ни звука. Немая и гнетущая атмосфера мрака и пустоты продолжала сдавливать его. Он снова ударил в дверь, уже сильнее, и вновь повторил свой вопрос. Однако то, что пряталось с обратной стороны железных ворот, разделявших теперь два мира на равные части, оставалось безмолвным.

Сам не понимая, что происходит, Вильсон схватил винтовку обеими руками и принялся с силой колошматить прикладом по железным воротам. Как безумный, луч фонарика скакал по пустоте мрачного коридора. Эти мелькающие всполохи света сопровождались гулким и тяжелым грохотом стальной двери.

— Выпустите меня отсюда, — надрывая голосовые связки кричал Грегори, постоянно срываясь на визг, — я не хочу здесь умирать! Выпустите меня! Откройте эту чертову дверь...

Но тут стальная пластина издала жуткий скрежет. Повернулся невидимый внутренний механизм, породивший звонкое металлическое лязганье, и огромные ржавые створки ворот медленно поползли в разные стороны.

На верхних этажах раздался новый взрыв. Опять весь дом: пол, стены и обваливающийся потолок, все разом пришло в движение. Со стен кусками обваливалась голубая кафельная плитка, разлетаясь на куски и засыпая собой прятавшегося в углу Рассела. У него не было оружия, он не сражался и даже не думал о том, как сможет спастись. Единственное, что заполняло сейчас его мысли, это жажда тишины. Он мечтал, чтобы, наконец, стало тихо, чтобы весь этот кошмар прекратился. Не зная, что же теперь делать дальше, Рассел беспомощно и с опаской поглядывал на потолок, который был готов обрушиться на него в любое мгновение. Бежать наружу становилось настоящим самоубийством. Последняя ракета разнесла половину стены в той комнате, где он находился несколькими минутами ранее. В образовавшийся проем все время заносились стрекочущие пули. Они вспарывали голубую краску на уцелевшей стене, оставляя после себя глубокие рытвины.

Рассел вжимался в самый дальний угол комнаты, спрятавшись между потрескавшимся кафелем и чугунным осколком завалившегося набок сливного бочка. Он закрывал голову руками, защищаясь от сыпавшегося на него сверху песка и известки. Прижимаясь все глубже и глубже, он рефлекторно попытался просунуть голову за ржавый стояк, в надежде найти любую, даже самую нелепую лазейку, лишь бы выбраться из этой ловушки. Каждую секунду он ждал, что новая ракета врежется сейчас в эту жалкую комнатку, и его просто порвет на куски. Или перекрытия дома-крепости, в конце концов, не выдержат, и его завалит рушащимся потолком или обломком стены.

И тут на короткое мгновение настала тишина. Те, кто безнадежно держал оборону, уже давно перестали вести ответный огонь, а враг, штурмующий эту многоэтажку, взял короткую паузу. Слышен был только лязг затворов и треск перезаряжающегося оружия на улице. Где-то далеко постанывали раненные, и раздавался жалобный вой уродливых животных.

В это самое мгновение, когда в округе воцарилась необъяснимая и пугающая тишина, в голове у Рассела пробежала странная и по-своему страшная мысль. Вот он, клерк-неудачник, когда-то давно решивший поиграть в шпиона и потерявший из-за этого всю свою прежнюю жизнь. Теперь он сидит на грязном полу в разрушающейся проклятой комнате. Он вжимается в облупившийся кафель, прячась за сливным бочком в жалкой надежде спастись. Но у него ничего не получится. Убежав из-за собственной трусости в эту проклятую резервацию, он хотел найти спасения, но все равно умрет. А что самое страшное, он умрет здесь, прячась за ржавым унитазом, за который он только что пытался просунуть голову.

Очень скоро боевики из этой безумной секты, смеясь и отпинывая в стороны куски развалившихся стен, зайдут и в эту жалкую ванную комнату. Что тогда они увидят? Как трусливый, глупый человек умер позорной и отвратительной смертью. Они будут смеяться над его искореженным телом, над тем, как он запихнул голову внутрь ржавых труб в приступе животного страха. Это они увидят?

Рассел думал об этой отвратительной картине, и ему становилось плохо. Его начинало подташнивать от собственного убожества. «В конце конов, — подумал в эту секунду он, — я человек, я не похож на этих безумцев и выроdkов. Они не увидят меня забитым и раздавленным, спрятавшимся здесь как последний трус. Я не хочу так умирать!»

Но в этот момент откуда-то снизу раздалась два коротких взрыва подряд. Судя по всему, это были ручные гранаты. Сектанты из братства перешли ко второй фазе штурма и пытались прорваться через вестибюль. Рассел четко вырисовывал у себя в голове, как эти уродливые фанатики сейчас взорвут забаррикадированные двери. Как целая волна полужвериных тел с радостным воем и гиканьем ворвется сквозь узкий дверной проем. Как они будут добивать раненных, насиловать женщин, топтать своими кривыми ногами их детей. Как один из ублюдков в красно-черной робе поднимет на штык своего автомата кричащую от боли Молли. Как двое или трое сектантов, отпихивая ногами завалы обрушенных стен, войдут в эту ванную комнату...

Он подскочил, словно ужаленный, и пулей выбежал из ванны. «Я не трус», — вертелось у него в голове. Упав на четвереньки и глотая еще кружившую в воздухе пыль, он прополз до середины комнаты, затем остановился и прислушался. Неслышно было ни выстрелов, ни взрывов, только чьи-то тихие голоса начинали скапливаться где-то внизу. Еще мгновение, и Рассел прыжком кинулся к телу несчастного Рупы, заваленного кусками обрушившейся стены. Он упал рядом с трупом мутанта и тут же схватил лежавший поблизости запыленный ручной пулемет. «Теперь у него есть оружие, он больше не умрет трусом и будет защищаться

до последнего».

Но внезапно раздался невероятной силы грохот или взрыв, в тот момент было не разобрать. Казалось, само небо решило обрушиться на раздираемую войной землю и накрыло собой все мироздание. Рассел распластался на задрожавшем полу, не понимая, что происходит, и лишь крепче прижимая к себе тяжелый автомат. Судя по всему, весь дом опять пришел в движение, но каким-то чудом эта изрядно потрепанная развалина сумела в очередной раз устоять. Однако главное было еще впереди. Жуткий грохот, невероятной силы лязг и скрежет метала, крики обезумевших людей, все это начало сливаться в одну общую какофонию ужаса. И все это происходило на улице.

Покрытый серой пылью с ног до головы, Рассел по-пластунски подполз к самому краю комнаты, где вместо прежней бойницы теперь начиналась огромная дыра в стене. Как ни старался он объяснить творившееся на улице, но ни одно рациональное объяснение не годилось на роль правды. От увиденного внизу Рассел невольно вздрогнул. Снаружи больше не было улицы, разрушенных строений и ржавых лачуг. Там больше не лежали останки догнивающей техники и машин, с копошащимися на них сотнями вооруженных мутантов.

Вместо этого, всего в нескольких этажах под Расселом, разрасталась чудовищных размеров яма. Пожирая края рушившегося асфальта, гигантская впадина посреди земли продолжала расползаться в разные стороны, засасывая в себя все в округе. Одна за другой в нее валились ржавые и обугленные машины, останки подбитых броневиков и машин, тонны бесполезного железа с грохотом проваливались под землю. Эти машины утаскивали вслед за собой сотни обезумевших от ужаса мутантов, которые беспомощно цеплялись за края падающей техники в надежде спастись. Те немногие из них, что стояли у самой кромки улицы, теперь бежали прочь, побросав все свое оружие. Последним, что сумел увидеть Рассел, была падающая в кошмарную пропасть квадратная ракетная установка.

Еще секунды, и огромное облако пыли и песка, поднятое этим внезапным катаклизмом, затмило собой всю округу. На несколько секунд весь этот страшный мир и все сущее в нем превратилось в удушливое серое пятно.

Вдалеке все еще были слышны утихающие крики разбежавшихся в разные стороны сектантов, когда Рассел со всех ног мчался вниз по центральной лестнице устоявшего дома-крепости. Проскочив двумя длинными прыжками сразу целый этаж, он оказался в широком и запыленном холле, самом большом помещении во всем полуразрушенном здании.

В центре зала стояло несколько десятков мутантов, практически все племя несчастных дикарей, приведенных доктором из северных пустошей. Рядом с ними вдоль стены лежали тела погибших мьютов, накрытые останками пледов и несколько раненных гибриды из остатков их экспедиционного отряда. Брукса и Паттерсона почему-то не было рядом, возможно они погибли, или все еще оставались на верхних этажах здания. Возле трупов сложенных на полу штабелями устало сидел старик Вильсон, закрывая лицо руками. На нем не было видно крови, только толстые слои серого песка прилипли к одежде, и, судя по всему, он никак не пострадал во время этой бойни.

Все остальные мутанты и сам доктор молча смотрели на окутанную серой пеленой улицу сквозь раскученные двери дома. По ту сторону этого удивительного портала не было ничего, лишь сгустки серого облака.

Рассел подошел еще ближе и увидел, что рядом с Назиром стоят три необычных фигуры, которые он сначала и не заметил, войдя сюда. Все трое были облачены в длиннополые плащи, темно-серого цвета, с высокими стоячими воротниками, закрывавшими горло. У

каждого из этих существ была гладко выбрита половина головы, а распущенные волосы на другой ее стороне спадали длинным шлейфом.

Один из этих странных людей о чем-то разговаривал с доктором, которого не смущал необычный вид этих пришельцев и Назир очень живо отвечал на его вопросы. Судя по высокому росту и крепкому телосложению, существо беседовавшее с доктором являлось мужчиной. Но у него были тонкие, в чем-то даже женственные черты лица, острые высокие скулы, треугольный подбородок и большие карие глаза. Двое других существ, стоявших позади говорившего соплеменника, тоже сочетали в себе как мужские, так и женские черты. Самый рослый из них, двухметровый гигант с белоснежным овалом лица и золотистыми прядями, прижимал к груди съжившуюся Молли. Девочка-мутант, свернувшись в клубок, безмятежно спала на огромных руках белокурого великана.

Салмакиды, или как их называла сама Молли — «подземные ангелы», стояли во главе толпы выживших мьютов и молча наблюдали за тем, как рассеивалась пыль.

Завидев приближающегося к ним наемника, доктор сделал несколько коротких шагов по направлению к Расселу и жестом руки позвал его присоединиться.

— Я думаю, вы уже и сами многое поняли, — улыбаясь, проговорил он, уставившись прямо в глаза Рассела, стараясь прочитать в них утвердительный ответ.

— Это салмакиды, — прохрипел обескураженный Рассел. Его горло сильно резало от едкой пыли, и говорить было очень трудно. — Но что они здесь делают? В этом здании, в этой резервации. Как они вообще здесь оказались?

Доктор таинственно сверкнул своими маленькими глазами. Уголки его рта слегка дернулись в улыбке:

— Мой друг, они всегда здесь были, в подземелье. С самого первого дня, как мы оказались запертыми в этом здании, салмакиды установили со мной контакт. Они приходили только по ночам, чтобы поговорить со мной. Конечно их появления вводили многих из людей племени в настоящий суеверный ужас, но это самая малая цена которую мы могли заплатить за возможность выжить. Насколько это было в моих силах, я старался успокоить своих соплеменников, не раскрывая при этом факта присутствия здесь салмакидов и их контакты со мной.

— Значит, вы с самого начала обо всем знали, — раздосадованный неожиданным открытием он старался говорить громко. В его голосе прочиталась некоторая обида. — Вы знали о том, что дверь можно открыть, и что здесь действительно есть другие, и про выход в подземелье вы тоже знали. Но нам вы ничего этого не говорили. Вы заставили нас поверить, что мы оказались в ловушке и выхода нет. Почему вы так поступили?

— Уж простите меня, — слегка растерянно проговорил Доктор, — я понимаю, вам сейчас нелегко это принять, но салмакиды попросили меня держать факт их пребывания здесь в секрете, от всех иных людей без исключения. Но поверьте мне, все самое страшное уже позади. Они обещали мне, что спасут всех нас и, как видите, они сдержали свое слово. Сектанты из Братства теперь нескоро вернутся сюда, они потеряли слишком много людей. А те немногие, что сумели уцелеть в этой катастрофе, сейчас смертельно напуганы и никогда уже не придут назад. Я знаю мьютов, поверьте мне, они очень суеверны, особенно после того что здесь было. Тут любой поверит в потусторонние силы, ведь не каждый день можно увидеть разверзающуюся под ногами землю.

Назир сдавленно рассмеялся, откашливая сгустки пыли, которые разрывали его горло. Почувствовав, что он уже ничего не понимает, да и не хочет понять, Рассел обессилено

сполз на пол, усевшись рядом с Грегори на холодный бетон. Не обращая внимания на стоявших позади него салмакидов, доктор присел на корточки напротив вымотанного наемника.

— Откровенно говоря, я и сам не многое знаю о причинах их присутствия в резервации, не знаю и о том, какие цели они преследуют. Да и какая, в сущности, разница, зачем они решили вмешаться в здешний конфликт. Главное, что они спасли нас. Я и все мои люди, эти ополченцы, и даже вы с вашим другом, мы все остались живы только благодаря этим подземным существам.

— Но как это было возможно? Я собственными глазами видел, как рушилась земля под ногами у сектантов! Они что, подкоп прорыли под этой улицей?

— Вы знаете, — пояснил Доктор, — вопреки расхожему мнению, после Великого перелома основная часть салмакидов не уходила в пустоши. За эти годы они сумели построить очень развитую цивилизацию, ну или если хотите, государство, глубоко под землей. Почти под всеми крупными древними городами проходит разветвленная сеть подземелий и туннелей, как мне рассказали сами салмакиды, именно в этом подземном мире они живут уже много поколений. Их спасало то, что никто на поверхности ничего не знал об их цивилизации, о том, что творится в подземельях и где они обитают. Единственное, что я могу утверждать наверняка — подкоп, погубивший почти все войско сектантов, это только начало их плана. Через этот гигантский обвал, к нам в резервацию направляется целая армия. Они смогли собрать достаточно сил, чтобы наконец-то подняться на поверхность. Во всяком случае, так мне рассказали сами салмакиды.

— Но зачем? — растерянно спросил его Рассел.

Доктор ничего не ответил, а только задумчиво пожал плечами. Он выпрямился и подошел к трем салмакидам, стоявшим во главе группы спасенных ими мутантов. Рассел проводил его взглядом, и с усилием выгнул спину, стараясь рассмотреть улицу через открытые створки ворот. Десятки глаз, принадлежавшим самым разным существам которые населяют известный мир, были устремлены наружу. Едкая серая пыль на улице медленно оседала, обнажив гигантскую рану на теле земли. Откуда-то из глубины, из самых отдаленных уголков подземелий этого мира доносился нарастающий гул. Что-то огромное приближалось к ним.

Больше книг на сайте — Knigolub.net